

АНАТОЛИЙ УТКИН

УДАР АМЕРИКАНСКИХ БОГОВ

ТАЙНЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКИ

**ТАЙНЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКИ**

УДК 66.4
ББК 327
У 84

Уткин А.И.

У 84 Удар американских богов / А.И. Уткин. — М.: Алгоритм, 2006. — 416 с. — (Тайны современной политики).

ISBN 5-9265-0289-6

В книге известного политолога и американиста А.И. Уткина рассказывается о тайных геополитических, экономических, дипломатических и мистико-религиозных пружинах войны США против Ирака, Афганистана и о положении на Ближнем Востоке, сложившемся после этой войны. Автор анализирует причины заметно возросшей американской агрессивности в ближневосточном регионе и обозначает основные аспекты имперской экспансионистской политики Соединенных Штатов. Определенные закономерности американских устремлений позволяют автору сделать прогноз на будущее и ответить на вопрос, кто и когда станет последующей жертвой ненасытных янки. Книга написана на основе огромного количества уникальных документальных материалов.

**УДК 66.4
ББК 327**

ISBN 5-9265-0289-6

**© Уткин А.И., 2006
© ООО «Алгоритм-Книга», 2006**

Вторжение Буша в Ирак неожиданно для него самого взметнуло вверх религиозный цунами, которому еще предстоит обрушиться на землю¹.

Марр, Фебе, 2005

Предисловие

АМЕРИКА МЕНЯЕТ СВОЕ ЛИЦО

Америка обратилась к односторонним действиям там, где родилась революция неолита, где десять тысяч лет назад были одомашнены растения и животные, где в Шумере появилась первая человеческая цивилизация, в окрестностях заложенного столетия назад Багдада, где родилась первая в мировой истории империя Саргона Великого, где был рожден Авраам, зародились иудаизм, христианство и — чуть южнее — ислам, а неподалеку зороастризм и бахаизм, в сердцевине арабской цивилизации, где проходили фаланги Александра, римские легионы и орды Чингисхана, наступил момент для Америки².

Дж. Гаррисон, 2004

Феноменальный период, последовавший за крахом коммунизма в 1991 г., характерный неукротимым ростом американской экономики, когда США добавили в свой национальный продукт ВВП Германии (первый срок Клинтона) и ВВП Японии (второй срок Клинтона) очевидным образом был ориентирован на глобализацию. Коммуникационный бум, давший Интернет, мобильные телефоны и спутниковое телевидение, обещал стереть национальные границы, подорвать ценность

государственных механизмов, создать надежную *международную* систему глобальной безопасности.

Огромная проамериканская зона включила в себя половину человечества. В нее вошли «старые союзники» — соседи по Северной Америке, Западная Европа, Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия и многие страны Латинской Америки. В благословенное для американцев десятилетие 1990-х годов к «старым союзникам» прибавились так называемые «новые союзники» — Восточная Европа, Россия, Китай, Индия, Бразилия. Теперь в эту зону входили более четырех миллиардов человек, более половины человечества, достигшего численности в шесть с половиной миллиардов.

Империя держит марку — держит войска в долине Рейна («чтобы замкнуть Германию в ограничительных структурах и не позволить разрушить существующий политический порядок на Европейском континенте»³), на Окинаве («против возвращения Японии к практике 1930-х гг.»⁴), а с недавних пор в Центральной Азии. Она контролирует Ближний Восток, умиротворяет Балканы, разрешает конфликты в Карибском бассейне, в Колумбии, в Тайваньском проливе и на Корейском полуострове. «Ни одна нация, — напомнил *urbi et orbi* президент Дж. Буш-мл., — не может себя чувствовать вне зоны действия подлинных и неизменных американских принципов свободы и справедливости... Эти принципы не обсуждаются, по их поводу не торгуются»⁵.

Применение силы в межгосударственных отношениях, характерное для начала XXI века, первоначально придало Соединенным Штатам уверенности. Влиятельный американский журнал «Форин афферс» так пишет о наглядной эффективности применения американской мощи: «Успех военной операции в Афганистане продемонстрировал способность Америки проецировать свою мощь на нескольких направлениях одновременно и без всякого напряжения; при этом она увеличила военные расходы до 476 млрд. дол. У Америки

воистину уникальное положение. Если скепсис кому-то не позволяет видеть формирование современными Соединенными Штатами жесткой однополярной системы, тогда этих скептиков уже ничто не сможет убедить». Сомнения отставлены.

Идеологи гегемонии органически не выносят критики «единоначалия»: они утверждают, что со времен Геродота однополярность в мире — явление положительное, она приносила не только угнетение, но и порядок, своего рода справедливость, сдерживание разрушительных сил. Поэтому не стоит казнить себя. «Соединенные Штаты, — убеждает американский исследователь М. Гленнон, — делают то, что делала бы любая держава в сходных обстоятельствах — ставят собственные национальные интересы выше неясно очерченных «коллективных» интересов — если эти интересы сталкиваются между собой; они делают это с меньшим лицемерием и с более очевидным успехом... В реальном мире нации защищают, прежде всего, *свои собственные интересы*»⁶. Действовать во имя неких абстрактных общих интересов — будь то интересы Запада или всеобщее братство людей — просто иррационально. Не следует гоняться за химерами, следует хранить и защищать свои собственные национальные интересы. В международной системе, где жизнь жестока, грязна и коротка, ставить предполагаемые коллективные интересы над конкретными национальными интересами могут лишь сумасброды, погрязшие в иррациональности.

Унаследовав от холодной войны масштабные союзы, военную мощь и несравненную экономику, Америка имеет все основания верить в *однополярный мир*. Помогает глобализация и сложившаяся в развитом мире взаимозависимость. «Создавая сеть послевоенных институтов, Соединенные Штаты сумели вплести другие страны в американский глобальный порядок... Глубокая стабильность послевоенного порядка, — резюмирует известный социолог Дж. Айкенбери, — объ-

ясняется либеральным характером американской гегемонии и сонмом международных учреждений, ослабивших воздействие силовой асимметрии... Государство-гегемон дает подопечным другим странам определенную долю свободы пользоваться национальной мощью в обмен на прочный и предсказуемый порядок»⁷.

Единственный подлинно дебатлируемый вопрос: насколько долго будет существовать америкоцентричная система⁸. Историк Пол Кеннеди ввел в обращение термин *перенапряжение*. Но к Америке это пока не относится. Разве военные расходы, составляющие всего 3,5 (!) процента валового национального продукта США, не стоят феноменального глобального влияния?

Огромность исторической трансформации завораживает, оставляя в ступоре даже многих идеологов американского глобального преобладания. «Придя в себя», они разворачивают настоящий общенациональный спор относительно оптимальной стратегии гегемона. Среди дебатлируемых вопросов определение того, какую степень мирового контроля Соединенные Штаты посчитают *достаточной*; как, и в какой форме, Америка намерена провести революционные преобразования в целях упорядочения мира *по-своему*, может ли (и когда) занятие доминирующих мировых позиций превратить Америку в «удовлетворенную» сверхдержаву, решительно охраняющую статус-кво⁹.

Религия

Все страны имеют свои нравственные, свои ценностные основы. И за них в Соединенных Штатах Америки — столпе традиционализма — стоят твердо. Не спрашивайте, где находятся в воскресное утро американцы. Они стоят, сидят (или даже полулежат и танцуют) в одной из бесчисленных церквей пятидесяти штатов. В Соединенных Штатах, где номинально (по пред-

ложению Томаса Джефферсона) церковь отделена от государства, верующими себя провозглашают *втрое* больше граждан, чем в породившей основную массу американцев Европе. Не ищите на купюрах других стран кредо типа американского «Мы верим в бога». Такое откровение есть *только* на долларе. Наиболее краткую характеристику Америки дает, пожалуй, американский историк Сеймур Мартин Липсет: «Наиболее *религиозная*». Эта традиция длится столетия. Америку справедливо называли «дитем Реформации». Америка была основана как общество протестантов и на протяжении двух столетий в сердцевине созидания американской культуры были протестанты.

В Америке сегодня в *шесть раз больше* (пропорционально) верующих, чем, скажем, во Франции. Если же определить Бога как некий «универсальный дух», то в Соединенных Штатах верующих оказывается 94 процента всего населения — цифра просто невероятная для современного мира. Атеистами или агностиками здесь открыто называет себя лишь 1 процент населения. И это, напомним, в стране, где церковь решительно отделена от государства и первая поправка к конституции звучит так: «Конгресс не имеет права принимать законы, поощряющие отправление религии».

Вера американцев в праведность своих действий феноменальна. Верховный политический вождь едва ли не стал верховным жрецом страны. В своих речах президент Буш десятки раз повторяет, что «Бог с нами». Эта уверенность не терпит *иных* богов.

От вождей пуритан в шестнадцатом веке и до президента Кеннеди и борца за права афроамериканцев Мартина Лютера Кинга Америка официально называлась «Богом избранным Новым Израилем», словно Вашингтон был библейским Иерусалимом, а американцы — *избранным народом*. Традицию основали бежавшие из Старого Света пуритане, чьи общины возникли в Англии XVI века. Это были «железные» люди,

они буквально перевернули Англию своей революцией, а затем решительно бросили свои негибавшие силы на построение нового мира в Америке.

Основополагающим элементом пуританизма был кальвинизм. Первый его элемент — учение «о предназначении», избранном для каждого человека на небесах. Второй — фактически определенная политическая доктрина: вернуть, «очистить» христианство до состояния Ветхого завета. Пуритане не боялись называть себя «избранным народом Господа». Они отныне жили в «земле небесного обетования» и многократно называли себя «новым Израилем». Губернатор Массачусетса Джон Уинтроп пишет в 1630 г.: «Мы найдем здесь божий Израиль». А Томас Джефферсон во втором инаугурационном президентском послании говорит, что нуждается в помощи «того, кто вел наших отцов, как в Израиле старых времен, из наших первоначальных земель в страну, где есть все для удобной жизни» — парафраз из библейского места о стране «где течет молоко и мед».

Именно пуританизм фактически трансформировался в американизм. Мы находим пуритан среди основных американских конфессий — конгрегационалистов и пресвитериан, среди баптистов и квакеров, в среде епископальной англиканской церкви, среди методистов и приверженцев унитарной конфессии — фактически во всех ответвлениях американского протестантизма. И не только протестантизма.

В своем наставлении «Информация для тех, кто решил переехать в Америку» Бенджамин Франклин в 1782 г. пишет: «Атеизм здесь неизвестен; неверие — редкость, и оно окружает себя тайной; каждый может жить здесь до преклонных лет и не встретить ни атеиста, ни неверующего». Европейский наблюдатель Ф. Шафф в девятнадцатом столетии писал, что в Америке «каждое явление имеет протестантское основание». Религия всегда играла огромную роль в Америке.

Религиозное «великое пробуждение» 1740-х годов сыграло исключительную роль в подготовке американской революции. В течение семидесяти лет после войны за независимость Америка стала еще более строго религиозной страной. Второе религиозное «возрождение» 1801 г. дало невиданный старт методистской и баптистской сектам, лишенным внутренней иерархии, и своего рода «духовному республиканизму». Баптисты, методисты, Ученики веры Христовой довольно быстро обогнали по численности даже старые церкви и секты. (При этом именно американские миссионеры заложили основание американской внешней политики.) Конгрегационалисты, которые в 1745 г. имели больше священников, чем какая-либо другая конфессия в Америке, к 1845 г. имели в десять раз меньше священников, чем методисты. В ходе дальнейшей конфессиональной эволюции (второе религиозное возрождение) евангелисты, как пишет йельский историк Гарри Стаут, «стали продолжением национализма на религиозных основаниях». И в речах таких государственных деятелей, как президент Линкольн, мы слышим призывы к Богу ради поддержки Союза штатов.

Президент Абрахам Линкольн называл американцев *избранным народом*. Во втором инаугурационном президентском послании Линкольн упоминает Господа четырнадцать раз, внося в текст послания четыре прямые цитаты из Библии. И он не был последним владельцем Белого дома, кто полагал именно так. Следующее религиозное возрождение пришлось на XX век, являясь одной из основ взглядов Т. Рузвельта, В. Вильсона, Ф. Рузвельта. Один из подлинных творцов современного американизма — сын и внук пресвитерианских священников — президент Вудро Вильсон просто *говорил и писал* языком Библии. Его первое инаугурационное послание: «Нация глубоко взволнована торжественной страстью, она поколеблена, видя повергнутые идеалы, несправедливое правительство... Она же-

лает Божьей справедливости, где правда и милость примирились, где судья является еще и братом». Вильсон видел руку провидения во всех своих действиях, при нем американизм окончательно приобрел современные формы. Он просто жаждал распространить американизм на весь мир.

Историк Уильям Лойхтенберг пишет о периоде Вудро Вильсона: «Соединенные Штаты верили в то, что американский моральный идеализм может быть распространен на внешнюю сферу, и что он приложим повсеместно... Кульминацией долгой политической традиции упора на жертвенность и решающую моральную схватку стала Первая мировая война, которую американцы восприняли как финал борьбы за праведный мир на стороне Бога». Объявляя войну Германии, президент Вильсон призвал американский конгресс «сделать мир обеспеченным для демократии». Говоря об Америке, Вильсон утверждал, что «Бог помогает ей, и никому другому».

Сторонники гражданских прав повсюду цитировали Библию. При президенте Эйзенхауэре слова «в Бога мы верим» стали официальным лозунгом Соединенных Штатов. В Капитолии была открыта молельная комната. В официальных клятвенных текстах начало «по воле Божьей» стало обязательным.

Начиная холодную войну, президент Трумэн в «доктрине Трумэна» выступил с выражением классического американизма: «Свободные народы мира ждут от нас поддержки в борьбе за свою свободу». Это едва ли ни прямой повтор Линкольна и Вильсона. В мемуарах президент Трумэн рассказывает, что впервые полностью прочитал Библию в четырнадцать лет, а затем повторил это еще семь раз. В окончании холодной войны президент Рейган так же называл Америку «сияющим градом на холме», как и первые американские пуритане (Джон Уинтроп в 1630 г. процитировал эту фразу пророка Исайи и евангелиста Матфея).

В целом, как формулирует американский политолог У. Миллер, религия в Америке определяет едва ли не все. «Либеральный протестантизм и политический либерализм, демократическая религия и демократическая форма правления, американская система ценностей и христианская вера проникли друг в друга и оказывают огромное воздействие друг на друга». Особенностью этого общенационального явления стала массовая убежденность в возможности очевидного для всех выделения и противопоставления *добра и зла*. В том числе и в формировании национального характера. Ничего подобного нет ни в одной другой стране мира. Такая откровенная вера в собственную избранность — явление в истории нечастое.

Понятие *свободы* американские теологи выводили из «Исхода» Ветхого завета (Сэмюэль Мэзерс: «Фигуры и типы Ветхого завета», 1673 г.; Коттон Мэзерс: «История Новой Англии в семнадцатом веке», 1702 г.; Джереми Ромейн: «Американский Израиль», 1795 г.). Вот слова из проповеди Николаса Стрита в 1777 г.: «Британский тиран действовал в той же порочной и жестокой манере, что и фараон — король египетский по отношению к детям Израилевым 3 тысячи лет тому назад». В день принятия Декларации американской независимости Бенджамин Франклин, Джон Адамс и Томас Джефферсон готовили новую печать для новорожденного государства. Они избрали образ израильтян, пересекающих Красное море, и Моисея, освещающего путь со словами «Мятеж в отношении тиранов является знаком покорности Богу». Эта печать не была принята, но каждый может познакомиться с ней в архиве Континентального конгресса.

Понятие *равенства* выросло из ветхозаветного «Генезиса», в котором говорится, что Бог создал человека по образу и подобию своему, и где пророк Самуил страстно выступает против коронованных земных владык. Президент Линкольн считал это самым важным

шагом во всей американской истории. Он так интерпретировал это обращение к Библии: «То было возвышенное, мудрое и благородное понимание справедливости Создателя в отношении своих созданий. Да, джентльмены, ко всем своим созданиям, ко всей огромной человеческой семье».

И понятие *демократии* американцы взяли не из античных республиканских Афин и Рима, но из пуританской интерпретации Библии. Считаясь первым словесно и законодательно закрепленным выражением демократических принципов, конституция Коннектикута 1638 года («Фундаментальные законы Коннектикута») была создана знатоком Библии Томасом Хукером, цитировавшем ее в своем законодательстве: «Изберите себе мудрых людей, знающих ваши племена, и я сделаю их вашими вождями» («Дейтерономия», 1: 13). Через полтора столетия, в 1780 г. пастор Симеон Хауард из Бостона на основе того же места в Библии призвал хранить демократические ценности: «Моисей избрал способных людей и сделал их правителями израильтян в пустыне, и то был выбор народа». Проповедники до- и революционного периода Америки были более влиятельны, чем более знакомые нам теперь идеологи типа Томаса Пейна и Джона Локка. В годы рождения независимых Соединенных Штатов *три четверти* американцев были пуританами, еженедельно слушавшими злободневные проповеди.

Создатели американского государства определили *свободу, равенство, демократию* не как философско-политические идеалы, а как особые дары, данные Америке богом. И Соединенные Штаты на протяжении двухсот с лишним лет обзоревают не степень приближения к этим умозрительным идеалам, а как свое достояние — которое нужно защищать как бесценный дар божий. Более того, эти дары нужно преумножать, и не в цивилизационно близких им странах, а во всех углах мира. В XX веке американцы самозабвенно не-

сли эти «дары» на Филиппины, в Корею, во Вьетнам. В XXI веке «осчастливленными» стали Афганистан и Ирак, о котором идет речь в данной книге. Для помощи в распространении этих идеалов американские вооруженные силы расположились в 120 странах мира.

Мировой демографический взаимообмен. Иммигранты составили 42 процента демографического роста в 1990-е годы. При этом в Америку устремилась самая образованная часть мирового населения. И самая работоспособная: между 1990—2001 годами половину шестнадцатимиллионного прироста рабочей силы составили в США иммигранты. За последние четыре года 12 Нобелевских лауреатов родились вне пределов страны, а получили премию, работая внутри. Немыслимое число докторов наук прибывает в США из Китая, Японии, Германии, Индии. Половина иностранных студентов, получив степень, остается в Соединенных Штатах. 27 предприятий Кремниевой долины основаны иностранцами. Исследователи, работавшие в американских университетах, получили 70 процентов всех Нобелевских премий за последние два десятилетия.

Мировое научное сообщество. Начиная с 1900 г. (когда центры мировой науки размещались еще в Европе) Америка сместила центры мировой науки на свою сторону Атлантического и Тихого океанов при помощи обратившегося к науке государства (проект «Манхэттен» и пр.). Теперь на США приходится 70% мировых научных исследований. На НИОКР идут 2, 63% ВВП страны.

Неоконсервативные наследники пуритан

В 2001 г. Джон Миерсхаймер, влиятельный сторонник «реализма» как теории международных отношений, предложил фундаментально новую картину в своей книге «Трагедия политики Великих держав»¹⁰. Соединенные Штаты, согласно его анализу, должны

руководствоваться «наступательным реализмом», чтобы закрепить свои доминирующие позиции. Преобладающие ныне в США неоконсерваторы консолидируются на общей вере в то, что Америка выше других в моральной сфере, ближе других к Богу. А как иначе послать фермера из Айдахо или Небраски освобождать мир от саддамов хусейнов? Еще Честертон называл Америку «нацией с душой церкви». Современные американцы говорят это без тени сомнения или иронии.

Как могли относиться эти люди к чужим верованиям?

Они косо смотрят, скажем, на Англию с ее официальным англиканством; Америка полагает, что вместила в себя все оттенки иудео-христианства. Библия для американца гораздо более значима, чем Писание на других континентах, она не только источник моральных ценностей, но источник энергичной самореализации. И своего рода «окно в мир». Американцы абсолютно серьезно верят, что могут реализовать свободу, равенство и демократию *повсеместно*, даже в таких отдаленных во всех смыслах странах, как Афганистан и Ирак.

Можно ли посягнуть на столь поразительную веру? Библейские корни американизма делают всякую критику этой страны своего рода святотатством. Даже внешне лишённые библейского вида документы американской истории — начиная с вышедшей в эпоху Просвещения Декларации американской независимости, являют собой уверенный в себе американизм с его дидактической обращенностью ко всему миру. А уж творения уже поминавшихся более ранних «отцов-основателей», таких, как Уинтроп («Америка — это город на холме») звучат чистым провозглашением американизма, ведущего через Адамса к Линкольну, Трумэну, Рейгану. Эта форма современного радикального республиканизма, этот вид *американизма*, который американцы без колебаний называют «богом данным»,

кажется современным американцам более чем естественным. Президент Джордж Буш-мл. многократно утверждал, что американские принципы «даны Богом». Это не риторическое украшение, президент *верит* в это. И не прав тот, кто думает, что современная Америка вызрела из секулярных просвященческих взглядов Томаса Джефферсона. Джордж Буш — «новообращенный христианин» — верит в то, что говорит.

В начале XXI в. примерно треть американцев определяет себя как «возродившиеся христиане» — 39 процентов американцев назвали себя таковыми. К ним принадлежит и нынешний президент. Речь идет о большинстве баптистов в стране, примерно трети методистов и более четверти лютеран и пресвитериан. Очень существенно отметить, что основной рост идет в рядах тех, кого следовало бы отнести к рядам консервативных христиан — евангелических протестантов, тех, кто определяет себя как «зановорожденные христиане», мормонов (рост за десятилетие на 19,3 процента), консервативных евангелических Христианских Церквей, церквей Христа (рост на 18,5 процента), южных баптистов (17 процентов роста). Характерным признаком является формирование т.н. «Христианской коалиции» преподобного Пэта Робертсона, объединившей 1,7 млн. человек. Более 2 млн. вошли в такие организации, как «Фокус на семье», «Ассоциацию американской семьи», «Женщины, беспокоящиеся об Америке» (крупнейшая женская организация в стране с 600 тыс. членов).

В новой трансформации Америки, где 93 процента населения объявили себя верующими, протестантизм и евангелизм занимают самые выдающиеся места. Евангелисты особенно активны среди быстрее всего растущей группы населения — испаноязычных католиков. В семи тысячах магазинов религиозной книги продаются 3 млн. книг; 130 издательств, специализирующихся на религиозной литературе (17 млн. книг

продается в год). В стране как грибы растут радио- и телестанции — 1300 религиозных радиостанций и 163 телевизионные станции. В Соединенных Штатах построены огромные сети магазинов религиозной направленности, 600 мегацерквей, вместительностью до двадцати тысяч человек. Такие организации, как «Христианская коалиция», устремились в американскую политику, чрезвычайно влияя на выборы всех уровней. Напомним, что в 2000 г. Дж. Буш-мл. получил голоса 84 процентов членов белых евангелических протестантов — не менее 40 процентов всех, кто за него голосовал. И то же повторилось в 2004 г.

Евангелисты стали основной силой республиканской партии. На вопрос, кто является наиболее существенным, с его точки зрения, политическим философом, Дж. Буш-мл. ответил: «Христос, потому что он изменил мое сердце». Через десять дней после прихода к власти президент Буш-мл. выдвинул программу федеральной поддержки участия религиозных групп в общественной деятельности, включая центр религиозной поддержки при Белом доме.

Творец всего сущего — неперенный персонаж речей Джорджа Буша. Нет числа его прокламациям, что «Бог на нашей стороне», «Бог с нами», «мы с Богом не можем потерпеть поражение» и т.п. Повторим: *как могли относиться эти люди к чужим верованиям? Не слишком ли легкое обращение? Не слишком ли обжитым богом стал скромный техасский Кроуфорд?* Вспомним, что посреди поразительной битвы — гражданской войны — полтора столетия назад и Абрахам Линкольн рискнул однажды помянуть Господа. «В глубине своей души я скромно надеюсь, что, приложив праведные усилия, мы сможем оказаться на стороне Бога». Величайший из американских президентов лишь скромно надеялся. Произошла немыслимая прежде концентрация колоссальной власти в руках руководства именно одной партии — республиканской. Эта

необычная консервативная администрация, «нижнюю» часть которой представляют неоконсерваторы, а высшую — демократические империалисты, — встретила на глобальной арене несогласных с собой представителей иной религии, иных миропредставлений, иного мироощущения. Сентябрьское унижение диктовало библейское «око за око». На горизонте не было видно ни одного достойного противника, история стала гибким и податливым материалом. «Левиафан» американской армии ринулся в Месопотамию, где царила нефть и чужая религия.

Рассмотрим мировую схему в более широком плане. Три пункта привлекают особое внимание. *Первое.* Период 1873 — 1945 годов, время битвы за мировое первенство между вышедшими из гражданской войны Соединенными Штатами и объединившейся Германией. Тогда, до 1914 г., Америка и Германия потеснили с мирового Олимпа Британию. В последующей тридцатилетней войне Вашингтон подмял Берлин и вышел в единоличные мировые лидеры. После Второй мировой войны США — единственная передовая держава в мире, снова оставшаяся нетронутой — и даже укрепившей свою мощь экономически. Задачей феноменально развивших свой экономический потенциал Соединенных Штатов стало увеличение зоны спроса на американские товары. Социолог настаивает на том, что Соединенные Штаты «чрезвычайно нажились на холодной войне, поскольку их производственным мощностям потребовались огромные новые рынки и они ради этого начали восстановление Западной Европы, а затем Японии, Южной Кореи и Тайваня».

Второе: прошлый век не только обозначил лидера, но дал выход на первый план антизападному движению. Революции в Мексике, Афганистане, Персии, Китае и даже русско-японская война были попытками ослабить пан-европейское доминирование. Русская революция была самой внушительной и впечатляющей

попыткой уйти из-под зависимости от Запада. (Конечно, многие русские считали себя европейцами, и большевики были в споре западников и славянофилов на стороне первых. Но это только подчеркивает смысл их противостояния панъевропеизму.

Третье — сорокалетней холодной войны как противостояния, хладнокровного с обеих сторон. В ретроспективе холодная война видится как в высшей степени сдержанное, тщательно конструируемое и представленное неусыпному мониторингу занятие, которое никогда не выходило из-под контроля и никогда не вело мировое сообщество к той мировой войне, которую все боялись. При всех словесах лукавых, Америка *никогда* не вторгалась в советскую зону влияния, а СССР — в американскую. Ялта была очень обязывающим соглашением, иррациональности в этой борьбе не было. Тем самым Уоллерстайн как бы опровергает миф об имманентной революционности советского коммунизма. И еще: с крахом Советского Союза, как считают влиятельные американские теоретики, «исчезло политическое обоснование американской гегемонии»¹². Это далеко не банальное для американской социологии суждение.

Тех, кто поднялся так высоко, восстановление мира неизбежно вело *вниз*: США не смогли остановить распространение ядерного оружия; этапами начинающегося упадка стало вхождение китайских коммунистов в Шанхай в 1949 г.; Бандунгская конференция государств неприсоединения в 1955 г.; революционное движение 1968 г.; поражение во Вьетнаме в 1975 г. Величайшим ударом по Соединенным Штатам явилось восстановление экономического могущества Западной Европы и Восточной Азии как конкурентов на рынках третьих стран и даже на собственно американском рынке.

Часть I

НАРУШИЛСЯ МИРОВОЙ БАЛАНС

Глава 1

ЗА ЧТО МУСУЛЬМАНЕ НЕ ЛЮБЯТ АМЕРИКУ

Это ведь не ваша нефть. Зачем же проливать нашу кровь?

Томас Барнет,
«Кровь индустриального мира», 2005¹³

Международное энергетическое агентство предсказывает на ближайшие двадцать лет рост потребности в нефти с 77 миллионов баррелей в день до 120 миллионов. Повышение в три раза цены на нефть за последнее десятилетие стало одной из причин текущего энергетического кризиса. А далее мировые запасы нефти начнут иссякать, создавая напряжение в отношениях между «старыми» и «новыми» индустриальными странами. Цена контроля за нефтедобывающими районами станет критической.

Самая энергопотребляющая страна мира — США — добывает более 10 млн. баррелей нефти в день (второе место по добыче после Саудовской Аравии; первое место в мире по потреблению). При сохранении нынешнего уровня годовой добычи в 370 млн. тонн, нефти в США останется не более 3 млрд. тонн. Или примерно на 8,5 лет. Американская зависимость от импорта нефти давно превысила 50 процентов, и эта зависимость продолжает возрастать. США восполняют недостающую часть с помощью импорта нефти и газа.

Эксперт Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне Р. Эйбл заявил на слушаниях в американском конгрессе: «Мы в полном смысле сидим на крючке дешевой нефти». Ныне повышение цены на нефть на 2 дол. за галлон означает дополнительное бремя на каждую американскую семью до 2 тыс. дол. в год. Общий объем этого дополнительного бремени для американского общества — 250 млрд. дол. в год. Это весьма политически рискованное увеличение налогов для любого американского политика¹⁴.

Прогнозы экономического роста в США строятся на стабилизации ее цены в диапазоне 30—35 долларов за баррель. Все это повышает значимость источников органического сырья, без импорта которого экономический организм Запада просто не может функционировать. Более чем кто-либо другой США *вынуждены* искать стабильные источники энергетического сырья. Хорошо известно, где следует их искать. 76 процентов мировых запасов нефти природа распределила в узкой полосе песчаных плоскогорий между Каспием и Персидским заливом, в центре исламской цивилизации.

Кто присматривает за богатством арабского мира

В условиях истощения мировых углеводородов нефть стала самым сильным оружием *мусульманского мира*. Из упомянутых 67 процентов доказанных мировых запасов нефти, которые находятся в регионе Среднего Востока, четверть мировых запасов драгоценного сырья находится под юрисдикцией Саудовской Аравии — 261 млрд. тонн разведанного нефтяного богатства. Саудовская Аравия добывает 7,19 млн. баррелей в день (мбд) и экспортирует около 7 мбд.

Запад оценил сырьевую ценность «черного золота» в период *первой* глобализации, на рубеже XIX—XX ве-

ков. Будучи первым лордом адмиралтейства, Уинстон Черчилль перевел колоссальный — первый в мире — британский флот с угля на нефть. Потребность в электричестве, массовое производство автомобилей и массовый характер развивающейся авиации сделали нефть *самым важным* органическим сырьем.

Америка вышла на первое место в индустриальном мире во многом за счет обращения к обильным источникам этого сырья на территории самих Соединенных Штатов, а затем обернулись к соседям — Канаде и Мексике. Нефть пошла в американские доки из Венесуэлы (откуда США выдворили в конце XIX века Британию и Германию), а затем из прежней британской колонии — Нигерии. Но ни Аляска, ни богатые нефтью вышеупомянутые страны не могли сравниться по количеству и качеству с нефтью Аравийского полуострова, Кувейта, Ирака и Ирана. Вашингтон поставил перед собой задачу овладения контролем над этими прежними частями Оттоманской — а затем Британской империи.

Уже ко Второй мировой войне американские компании возобладали над Персидским заливом, изгнав оттуда растерянных англичан, своих союзников в мировых войнах и в холодной войне. Вашингтон, безусловно, хотел бы владеть долей контроля над Саудовской Аравией, Ираком, Ираном и Кувейтом. Недавно раскрытые документы Совета национальной безопасности США показывают, какую невероятно большую роль сыграло стремление администрации Г. Трумэна контролировать нефтяные богатства Персидского залива в начале холодной войны. Американцы — документ NSC 26/2 за 1949 г. — планировали даже применение на Ближнем Востоке «радиологического» оружия¹⁵.

Как вспоминает генерал Уэсли Кларк, «изначально базы «Аль-Каиды» располагались вдоль афгано-пакистанской границы (будучи нацеленными против

Советской армии в Афганистане. — А.У.). В 1980-е годы именно американцы помогли их создать. Затем с периферии они переместились в глубь многих государств и получили поддержку с их стороны, а иногда даже от их правительств или отдельных членов правительств. В числе этих государств оказались такие традиционные союзники США, как Пакистан и Саудовская Аравия. «Аль-Каиду» не поддерживали только такие наши противники, как Сирия и Ливия»¹⁶.

Американцы, чтобы платить за импортируемую нефть довели свой экспорт на Ближний Восток до 23 млрд. дол. Война в заливе позволила Вашингтону создать огромную базу Дахран, разместить свои войска в Кувейте. Немудрено, что американцы не имеют желания покидать военные базы, созданные на территории Саудовской Аравии в 1990 г. в ходе войны в Персидском заливе (хотя стоимость содержания американских войск здесь значительна — 60 млрд. дол. в год). Будет ли эта ближневосточная нефть определяющей в мировых энергетических потоках? До недавнего времени казалось, что да. Саудовская Аравия — лидер. Ее доля в ежедневной мировой добыче — преобладающая.

Американцы пытались несколькими способами гарантировать контроль над нефтяной кладовой мира. Независимости Норвегии и Мексики от ОПЕК оказалось для создания альтернативы проарабскому ОПЕКу недостаточно. Самое острое оружие мусульманского мира показало свою неодолимую силу в противостоянии Западу в 1973 г., когда цена на «черное золото» возросла двадцатикратно. Саудовская Аравия словно ядерная держава едва ли не диктует геэкономические условия. Эр-Рияд (24 процента) и Багдад (11 процентов мировой нефти) в значительной мере диктуют цену (а с ней и ритм экономического развития) индустриальной Америки.

В 1998 году Дональд Рамсфелд и Пол Вулфовиц в числе других 18 авторов неоконсервативной организа-

ции «Проект за новое американское столетие» в письменном обращении к президенту Клинтону просили его поставить прежде всего задачу по устранению режима Саддама Хусейна. «В ближайшем будущем это означает желание предпринять военную операцию, потому что дипломатические усилия очевидно не увенчались успехом»¹⁷. Но, по мнению большинства американцев, не было никакой особой информации относительно того, что Саддам Хусейн готов совместно с «Аль-Каидой» нанести удар по соединенным Штатам с применением оружия массового уничтожения»¹⁸.

И исламский фундаментализм желает воспользоваться энергетической зависимостью Запада. Американская военно-воздушная база Дахран, размещенная на Аравийском полуострове, оскорбляет чувства тех, для кого хадж в Мекку является самым важным событием жизни. Велика роль нефти и в решении палестино-израильского конфликта. Согласно опросу лета 2001 г., палестинская проблема является «наиболее важной взятой отдельно» проблемой для 63 процентов жителей Саудовской Аравии, и примерно столько же арабов этого королевства выразили свое недовольство американским военным присутствием¹⁹. В сентябре 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне обнаружилась страшная степень решимости воинов джихада и в США (как формулирует известный аналитический центр — Брукингский институт); «напряженность в отношениях между Соединенными Штатами и Саудовской Аравией, а также Ираком вызвала стремление освободиться от зависимости от потока ближневосточной нефти»²⁰.

Америка и ранее старалась подстраховаться — на случай противостояния со всем исламским миром — посредством резкого увеличения нефтяного экспорта недалекой географически Венесуэлы (которая в 1990-е годы увеличила свою добычу до 3 млн. баррелей в день) и стала ведущим поставщиком сырой нефти на американский рынок. В ответ Саудовская Аравия резко увели-

чила свою добычу, и цена на «черное золото» пошла вниз вплоть до коллапса 1998 г. Эр-Рияд и Багдад сумели восстановить свое лидерство. Сегодня Саудовская Аравия поставляет 1,7 миллиона баррелей в день из 10-миллионного ежедневного импорта Америки (у Саудовской Аравии самая большая доля).

Сразу же после событий 11 сентября 2001 г. президент Буш призвал к большей независимости Соединенных Штатов от импорта нефти — всем было ясно почему, все знают, *откуда* течет этот поток. Двигаясь в собственном направлении, Саудовская Аравия неофициально заявила, что американские военные больше не являются желанными на Аравийском полуострове²¹. Эр-Рияд открыто осудил позицию Вашингтона в палестино-израильском конфликте и начал активное давление в пользу подъема цен на свое стратегическое сырье. Но по более жесткому пути пошли американо-иракские отношения.

Осенью 2001 г., на фоне рушащихся нью-йоркских башен нефтяная мощь мусульманского мира казалась несокрушимой, это было острое оружие арабского мира. Действуя довольно уверенно, Саудовская Аравия отказала Америке в использовании американских военных баз на Аравийском полуострове для бомбардировки Талибана, а затем и оккупации Ирака. Как признает генерал Уэсли Кларк, «не было никаких свидетельств связи Саддама с событиями 11 сентября в отличие от растущих подозрений, что другие государства, включая Саудовскую Аравию, многими нитями связаны с воздушными пиратами. Хотя Саддам и атаки террористов 11 сентября связывались друг с другом в выступлениях и заявлениях многих представителей администрации Буша, ни сам президент, ни его подчиненные не могли доказать, что Саддам каким-либо образом был виновен в одном из наиболее серьезных провалов в сфере безопасности за всю историю США. Таким образом, с самого начала борьбы с терроризмом некото-

рые представители администрации Буша хотели расширить эту проблему и использовать ее в качестве средства решения других проблем...Опросы общественного мнения после 11 сентября указывали на то, что общественность верила в причастность Саддама к терроризму...Роковая ошибка! — подумал я. — Что за глупость считать, что терроризм просто идет к нам из этих государств....А как же быть со странами, которые дали более всего террористов, — такими союзниками США в регионе, как Египет, Саудовская Аравия и Пакистан? Разве не репрессивная политика одних и коррупция и бедность других способствовали появлению массы молодых недовольных жизнью людей, ставших террористами? А что делать с радикальной идеологией и прямой финансовой поддержкой, исходящими из Саудовской Аравии?»²²

Будущее и нефть

Основой современной международной системы являются те регионы Земли, которые в той или иной степени вступили в объединяющий процесс *глобализации*. «Функционирующая основа» («functioning Core») мировой системы безопасности включает в себя Северную Америку, старую и новую Европу, Россию, Японию и Южную Корею, Китай (хотя внутренние районы в значительно меньшей степени, Индию (выборочно), Аргентину, Бразилию и Чили; Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку. Все вместе это составляет примерно четыре миллиарда человек. «Функционирующая основа» стремится заместить собой «Старую основу» — Америку, Европу и Японию. Лидерами «Новой основы» выступают Китай, Россия, Индия, Бразилия — именно им предстоит изменить полутысячелетнюю историческую тенденцию, характерную безусловным господством Северной Атлантики.

«Вялый Запад не имеет ни малейшего представления, сколь ужасные вещи готовятся. Время — на их стороне, не на нашей, особенно с тех пор, как эти хитрые китайцы лишь поверхностно имитируют наше развитие, чтобы успокоить нас и приучить к мысли, что они дружественны нам, в то время как на самом деле они готовят немыслимые по технической сложности версии оружия Четвертого поколения. Эти народы никогда не сдаются!»²³

На что полагаются американцы на Ближнем Востоке?

Во-первых, на сокращение рождаемости местного населения — это означает, что давление на «мировую основу» в ближайшие десятилетия ослабнет. В таких странах, как Саудовская Аравия, новое поколение вытеснит «гастарбайтеров» из других мусульманских стран, которых сейчас не меньше шести миллионов.

Во-вторых, прибытие массы американцев, оккупация Ирака и пр. создает новые рабочие места. Со времени начала американского вторжения поток инвестиций на Ближний Восток удвоился. Объем фондового рынка возрос только за 2004 г. на 30 процентов, здесь была капитализирована почти половина триллиона долларов. Инвесторы верят в то, что задействованность Соединенных Штатов гарантирует сохранность самых рискованных инвестиций.

В-третьих, для большинства мусульман в регионе подъем религиозного фундаментализма является преимущественно модернизирующим феноменом, а не попыткой возвратиться в прошлое. Более позднее выданье в жены девушек уменьшает общую рождаемость в регионе. Притягательность западной культуры отвлекает молодежь в том же направлении. Глобальная масс-культура отделяет целый слой от узкого фундаментализма. Как бы ни рвались вперед исламские консерваторы, волна времени оказывается не с ними. Но нельзя не отметить и хрупкость региона. Так, разру-

шить экономическую машину Соединенных Штатов практически невозможно. А взорвать сеть добычи и переработки нефти в Саудовской Аравии может быть делом нескольких десятков террористов.

Нефть — «кровь» индустриального подъема. Растущая Азия вступает в борьбу за нефть Ближнего Востока. Как пишет американский стратег Томас Барнет, «Индия, Китай, Корея и Япония — все придут в Персидский залив со своими войсками в ближайшие годы. У них два пути: присоединиться к начатому американцами в Ираке процессу своеобразной демократизации, или постараться разделить весь регион на зоны влияния»²⁴.

Будущее начало определяться в 2005 году, когда Китай и Индия подписали соглашение по газу и нефти с Ираном. В американском военном сообществе сразу же стал обсуждаться вопрос: делается ли это в чисто экономических нуждах или в этих действиях есть стратегический аспект антиамериканского направления? Многое зависит от грядущей роли Ирана во всем процессе трансформации Ближнего Востока. Что бы ни пытались делать американцы — изолировать Иран или стремиться вовлекать его в общие акции, но без Ирана эволюция Ближнего Востока будет *неполной*.

В конечном счете, характер эволюции Ближнего Востока будет зависеть от того, какие отношения сложатся у Соединенных Штатов с Китаем и Индией. Соединенные Штаты могут воспринять движение двух азиатских гигантов как «опасное соперничество за критические ресурсы» — или, хуже того, как «гигантскую обструкцию», а могут постараться выработать общую стратегию. Вашингтон постарается вовлечь Тегеран в общее экономическое взаиморазвитие региона.

Итак, на первом этапе гнать в пустыни террористов, на втором этапе постараться трансформировать политический ландшафт Ближнего Востока. А на третьем этапе «вписать» Ближний Восток в общемировую

экономику. Ибо ближневосточный терроризм явился ответом на всемирную глобализацию, «восстанавливая прежнюю исламскую славу в огромном исламском государстве, распростершемся от Марокко до Филиппин... Глобальная версия этого движения устремлена к поражению западных держав, предотвращающих создание единого исламского государства»²⁵. Фокусом салафистских джихадистов является Саудовская Аравия, треугольник Мекка — Медина — Иерусалим.

До тех пор, пока глобализация не охватит собственно Ближний Восток, мусульмане сконцентрируются на эмиграции в Европу, где их, собственно, заставляют ассимилироваться — чему они противятся. До сих пор ислам выступал не против противостоящей религии (он не бомбил, скажем, Ватикан), а обрушился на символы современной глобализации — Международный торговый центр и Пентагон. И те, кого американцы сокрушили в 2001—2003 годах, думают не в пределах нескольких лет, а в масштабах десятилетий. Чтобы противостоять этой решимости, Америка должна развить в себе жестокую воинственную решимость в духе Роберта Каплана («Почему лидерство требует языческой этики»)²⁶. Теоретики типа Мартина ван Кревельда и Роберта Каплана полагают, что народы *просто любят войну*²⁷.

А теоретики типа Томаса Барнета считают, что, если Соединенные Штаты уйдут с Ближнего Востока, то туда придет Восточная Азия. «Если мы позволим этому процессу разворачиваться в русле острого соперничества, то мы придем к тому, что поделим в новом ялтинском духе весь Ближний Восток»²⁸.

Немного истории: ислам отступает

Как известно, в первые столетия своего существования вихрь ислама овладел значительной частью Евразии и Африки. Но в последующие века мир исла-

ма отступал перед западноевропейскими, российской и китайской империями. После того, как турецкая армия в 1683 г. была отброшена от Вены, начались триста лет отступления мира ислама перед натиском Запада. Более и «хуже» того, эти триста лет были временем постоянного проникновения Запада в мир ислама. Проникновения военного, экономического, политического, идейного. Пиком можно считать ликвидацию исламской суннитской централизации в лице стамбульского султана и одновременно имама мусульманского мира в 1920-е годы, превращение новообразованной Турции в светское государство; образование государства Израиль в 1948 г.

Два процесса как бы действовали вопреки друг другу. С одной стороны, слабело геополитическое влияние исламского мира, столь могучего между VII и XVI веками; его децентрализация, отступление перед колониальным натиском Запада, трудность модернизационных преобразований, неадекватность элиты в процессе мирового прогресса. Развал Османской империи, контроль Британии и Франции над наследием Стамбула, Багдада, Индостана, Индонезии, Магриба и Леванта низвел мусульманский мир до положения сугубых жертв мировой эволюции. С другой стороны, колоссальный демографический рост исламского мира (12 процентов мусульман в мировом населении в 1900 г. и 30 процентов в 2000 г.) на фоне *постоянного повышения стратегической значимости нефти* — главного сырья мусульманского мира — начали медленный, но *обратный* процесс некоторого восстановления позиций, столь очевидно утерянных после семнадцатого века. От Алжира до китайского Туркестана возник своего рода исламский интернационал. И его частью стали многие миллионы мусульман, живущие на самом Западе.

Основой самоутверждения исламизма стало осуществленное во второй половине XX в. практически

полное признание в мусульманском мире идей материального развития Запада (и американских достижений как наиболее впечатляющих) при одновременном отрицании западных социальных ценностей и западных постулатов, эталонных показателей США, американских рекомендаций относительно наиболее релевантного общественного устройства. Представитель саудовской верхушки выразил это отношение так: *«Зарубежные товары просто ослепляют. Но менее осязаемые социальные и политические институты, импортированные из-за границы, могут быть смертоносными — спросите шаха Ирана... Ислам для нас не просто религия, а образ жизни. Мы в Саудовской Аравии желаем модернизации, но не вестернизации»*²⁹. Численность мусульман в 2020 г. достигнет 30% населения земли. В Западной Европе уже живут 13 млн. мусульман, 2/3 эмигрантов, направляющихся сюда, — исходят из арабского мира.

Ответ Запада

Вестернизации — до сегодняшних фундаменталистов — сопротивлялись в начале двадцатого века японские националисты, русские славянофилы, фашисты и японские милитаристы. И если Запад сохраняет единство, радикальных исламистов встретит судьба прежних противников Запада: поражение и присоединение.

М. Хирш, 2002

В Соединенных Штатах распространено мнение известного исследователя ислама Бернарда Льюиса о том, что сегодняшняя ярость мусульман являет собой финальную стадию окончательного упадка исламского общества после тысячелетней борьбы с Западом за выживание и самоутверждение. И. Бурума и А. Маргалит видят в исламском фундаментализме лишь последнее

воплощение «оксидентализма» — волнами надвигающихся попыток незападных цивилизаций организовать действенное сопротивление вестернизации. Вестернизации сопротивлялись все незападные цивилизации, и никто не смог ей противостоять. Но до полного поражения незападных цивилизаций, видимо, много еще жителей Запада может погибнуть от рук террористов. Основная стратегия Запада — создание консервативных прозападных режимов — Мубарака в Египте, Мушаррафа в Пакистане, прозападных шейхов в Саудовской Аравии и Иордании. Что же касается партии арабского социалистического возрождения (БААС) и фундаменталистов типа Талибана, то неоконсерваторы в США жестко выступили за силовое решение вопроса взаимоотношений с наименее прозападными силами в среде ислама. Америка должна убедить мир ислама в невозможности противостоять мощи Запада. Война с антизападными силами должна закончиться так, как заканчивались предшествующие американские войны против враждебных идеологий: одна из сторон должна победить тотально. И, будучи хорошими наследниками президента Вильсона, американцы должны сделать этот мир лучшим местом для жизни, чтобы противостояние не возобновилось вновь. Так раньше было в борьбе с Германией и Японией. Самые опасные элементы этих противников подчинились западным нормам³⁰.

Чувство исторического унижения, столь очевидное для мира ислама, с трудом — в условиях отсутствия соответствующего эмоционального опыта — ощущается на Западе. Как формулирует У. Эко, «бен Ладен знал, что в мире есть миллионы исламских фундаменталистов, которые, чтобы восстать, только и ждут доказательств того, что западный враг может быть «поражен в самое сердце». Так оно и произошло в Пакистане, в Палестине и в других местах. И ответ, данный американцами в Афганистане, не только не сократил этот сектор, но и усилил его»³¹.

Исламский фундаментализм

В цивилизационном противостоянии Западу особую силу набирает авангард исламского фундаментализма, получивший военную подготовку в Алжире в ходе войны за независимость в 1954—1962 годах, в антиизраильских войнах 1948—1973 гг., в иранской и ливийской революциях, в укреплении партии Баас в Сирии и Ираке, исламском самоутверждении боснийцев и албанцев в 1994—1999 гг., в движении талибов, северокавказских и синьцзянь-уйгурских сепаратистов в 1990-е годы. Не без поддержки Запада Усама бен Ладен стал тем, кем он является сегодня для миллионов людей в ходе военной мобилизации исламского фундаментализма в Афганистане, направленного против советских войск. Центральное Разведывательное Управление США было активно в Афганистане с 1980 г., оно на протяжении 1980-х гг. разместило в Афганистане несколько тысяч тонн оружия³².

На американские деньги в Пакистане были созданы лагеря подготовки моджахедов против просоветского правительства Афганистана в 1980 г., когда из США поступили первые английские винтовки «энфилд». Идея заставить Москву заплатить за вхождение в Афганистан максимально возможную цену окончательно победила в Вашингтоне в 1983 г. Для этого против коммунизма был полностью развернут исламский радикализм. Речь шла о радикализме суннитского толка с его требованиями всецело подчинить общество шариату (что полностью тогда отвечало интересам Саудовской Аравии, стремившейся утвердить свою исламскую легитимность в противовес шиитскому революционному Ирану. Пакистанские спецслужбы намеревались разыграть карту суннитского ислама, установить контроль над Афганистаном и осуществить прорыв в Среднюю Азию. Вся операция была спланирована совместно ЦРУ США, главой саудовских спец-

служб Турции Ибн-Фейсалом и пакистанской межведомственной разведкой. Основная работа была поручена арабским братьям-мусульманам и пакистанской партии Джамаат-и-ислами. Начиная с 1984 г. тысячи боевиков-исламистов из стран Ближнего Востока двинулись в Афганистан.

Инженер по образованию, Усама бен Ладен (как и организатор покушения на МТЦ в 1993 г.) не смотрится фанатичным шахидом. Поразительна в нем холодная и абсолютная ненависть к Америке и всему, что ее олицетворяет. Он определяет Америку как «Союз крестоносцев и сионистов» Это ваххабит и радетель духовной чистоты ислама. Его цель — избавить мусульманские страны от прозападных правительств. Как пишет Г.Видал, «бен Ладен видится многим простым людям как истинный наследник Салах-эд-Дина, великого воина, одержавшего победу над английским королем Ричардом и крестоносцами»*.

В свое время бен Ладен отправил 4 тысячи саудовцев в Афганистан для военной подготовки (совместно с американцами) борцов с Советской Армией в Афганистане. В ходе войны против 40-й Советской Армии в Афганистан прибыли не менее 25 тыс. волонтеров-арабов, шедших через Пакистан. Рекрутированием этих бойцов занимался, среди других, один из сыновей саудовского миллиардера Усама бен Ладен. В боях за провинцию Пактия в 1987 г. он, вооруженный американским оружием член Исламской партии единства, получил боевое крещение. Здесь же, в приграничных с Афганистаном пакистанских медресе набрало силу движение Талибан.

На Западе вокруг моджахедов вроде бен Ладена была создана аура героев. Складывается впечатление,

* Саладин (1138—1193) объединил исламский мир, победив вождя крестоносцев Ричарда Львиное Сердце. По мнению ряда историков, он «полностью отдал себя мусульманской идее». По мнению, скажем, Г. Видала, «его дух вернулся».

что западные инструкторы полагали, будто самоотверженные «воины Аллаха» могут наносить удары только в одном, определенном для них направлении. Людей двенадцатого века вооружили военной техникой двадцать первого века, кочевнику-номаду вручили в руки «стингер» в наивной уверенности, что его целью всегда будут машины только с *красными* звездами на бортах — без полос. В негостеприимных горах тогда погибли тринадцать тысяч советских солдат, воевавших с бесстрашным исламским порывом, реставрацией традиций джихада, помноженного (при помощи Запада) на хладнокровную организацию, на эффективное использование западных технических средств.

После ухода советских войск бен Ладен покинул Афганистан, чтобы перенести войну с неверными в другие страны. Здесь — еще до войны в Заливе в 1991 г. — его антиамериканизм принял твердые формы. Америке в этом смысле не помогла помощь, оказанная президентом Клинтоном мусульманам Боснии и Косова в 1990-е годы. Бен Ладен возвратился в Афганистан из Судана в 1996 г., но широкую известность получил в 1997 г., когда в телеинтервью СНН признал свое организационное участие в убийстве в Сомали в 1993 г. 18 американцев. Герой 1980-х гг. стал для Запада сатаной 2000-х, а ведь бен Ладен сохранил неоспоримую цельность, он всегда считал себя защитником ислама от посягательств — не важно откуда, с севера или запада, пришли его нынешние и потенциальные противники.

Под давлением США Пакистан закрыл несколько тренировочных лагерей в пакистанской части Кашмира. Но эти, тренируемые уже в новом веке для борьбы против Индии, моджахеды, эти борцы за веру, улучшившие квалификацию в использовании современного оружия, никуда не делись. Они являются фактором эффективного насилия в будущем. В соседнем регионе президент Буш, охладевая к Арафату, стал говорить вместо «палестинского государства» о «Палестине». Но возможность для Буша разрешить ближневосточ-

ный узел, преуспеть там, где провалились президенты Картер и Клинтон, оказалась призрачной. Здесь выросла масса ожесточенных палестинцев, указывающих на клеймо «сделано в США», находимое на используемых израильянами ракетах. За период после Второй мировой войны в этом регионе общего ареала исламской цивилизации велись десять крупномасштабных войн, унесших миллионы жизней. Выросло поколение, чью ненависть к Западу трудно измерить.

В таких странах, как Египет, Иордания, Пакистан, исламская ортодоксия находится на подъеме, в то время как в Саудовской Аравии феноменальное процветание правящей элиты вступило в явное противоречие с устремлениями основной массы населения, приверженного ваххабизму. Фактом является то, что Саудовское государство *не может* после войны в Заливе умиротворить исламских активистов.

Одержав победу в Афганистане, бен Ладен в 1991 г. перебрался в Судан. В 1994 г. проамериканская королевская семья в Эр-Рияде лишила его гражданства Саудовской Аравии, но в исламском мире он уже был признанной величиной. Именно тогда Усама бен Ладен пишет двенадцатистраничное «объявление войны» растлевающему исламский мир влиянию Соединенных Штатов. В его лице Америка получила наиболее последовательного противника, готового принести на алтарь своей страшной борьбы собственную жизнь.

Гражданская война в мире ислама

Настойчивость исламского мира, во многом противопоставившего себя западному миру, стала ощутимой в 1970-е годы: инициативы ОПЕК, иранская революция и пр. Уже тогда началась отчаянная борьба против того, чтобы «западный конструкт ограниченной применимости» был признан всемирно универсальным. Исламский мир не пожелал взять в качестве эталона набор стандартов, ограниченный цивилизационными

правилами Соединенных Штатов, Великобритании и Франции. Мусульманская историческая матрица не совпадала с канонами либерального индивидуализма и ей помогла марксистская критика прав человека, антропологическая критика высокомерия буржуазного империализма девятнадцатого века, отрицание универсализаторских претензий просвещенческой мысли североатлантического мира. Западная интеллектуальная гегемония превратилась в объект яростной критики: не имея возможности более владеть всем миром, Запад стремится замаскировать свою волю в якобы нейтральном и универсальном языке гражданских прав, которые навязываются без разбора всему миру. Примерам «идейного» столкновения цивилизаций, особенно открыто ощутимых в противостоянии с мусульманским миром, несть числа. Скажем, администрация Клинтона поддерживала избирательные права женщин в Катаре, Омане и Кувейте; поддерживала основы парламентаризма в Йемене и в других. (Но когда речь зашла о двух «краеугольных камнях» американской политики в арабском мире — Египте и Саудовской Аравии, у Вашингтона опустились руки. Администрация Клинтона особенно опасалась перебрасывания «алжирской болезни» на Египет)³³.

Мусульманская элита Саудовской Аравии, Египта и многих других стран Магриба, Леванта, стран Персидского залива начиная с Ирана и Ирака, ощутила чрезвычайную ненависть к тем, кого эта мусульманская элита считает компрадорами и «продавшимися Западу». Аятолла Хомейни и Саддам Хусейн стояли в том же ряду антизападных деятелей, где занял место Усама бен Ладен. Именно Саудовская Аравия и Египет дали основу «Аль-Каиды», «Хезболлы» и прочих антизападных террористических организаций, действующих от Марокко до Филиппин. В рекрутах и пожертвованиях здесь нет недостатка, и уход бен Ладена в данном случае ничего не изменит.

С другой стороны, триумфализм Запада после победы над Ираком в 1991 г., нежелание ни республиканцев, ни демократов в США вооружиться конструктивной политикой в отношении своего рода «пасынков истории», привело к утере контактов со средним классом мусульманского мира, отторгнутого деятелями типа Мубарака, алжирского и турецкого военного руководства от непосредственных контактов с западным миром технологии, денег и идей. Э. Коэн называет это отношение Запада и, прежде всего, США, «сочетанием клиентеллизма, реальполитик и культурного презрения» к миру ислама, в то время как «Израиль платит цену за отсутствие интереса к прогрессу в гражданском обществе Палестины» В той степени, в какой «американские лидеры закрывают свои глаза на реальности больного и отвергнутого арабского сообщества как части большого исламского мира, они *будут терпеть поражения в попытках понять подлинную природу войны в которую они оказались вовлеченными*»³⁴. Ожесточение маргинализируемых дважды — и глобально, и на национальной арене — мусульманского мира (уммы в целом) стало зримым фактором мировой политики.

Напомним, что первая атака на Международный торговый центр была инспирирована в 1993 г. шейхом Омаром Абделем Рахманом. Именно проамериканизм официального Египта позволил египетскому подданному Рахману переехать в Нью-Йорк. Пример аятоллы Хомейни, вернувшегося с Запада, чтобы завоевать Иран, вдохновлял этого египтянина, создавшего в «западном Вавилоне» мечеть. Исполнитель того террористического акта был тишайшим инженером-химиком, обустроившимся в Америке, чьи дети учились в хороших американских школах. И вот этот «тишай-

ший» набил пикап динамитом и поставил его в паркинг МТЦ. Характерно, что и его последователи пилоты-самоубийцы не испытывали страха. Они, похоже, были ведомы не слепой яростью, а твердой верой — назовем это версией мусульманской веры.

Саддам Хусейн

После поражения в войне 1991 года Саддам Хусейн пришел к оптимистической оценке своего положения. Он делился с заместителем премьер-министра Тариком Азизом, что американцы отставят идею нападения на Ирак. «Он был очень уверен в этом». В крайнем случае Франция и Россия предотвратят вторжение Соединенных Штатов. Саддам: «Франция и Россия вложили миллиарды долларов в торговые и прочие контракты с Ираком и в вопросе о санкциях они будут стоять за Ирак. Они в любом случае используют свое право вето»³⁵.

Начальник генерального штаба армии Ибрагим Ахмад Абд аль-Саттар убеждал Саддама Хусейна, что, если даже Соединенные Штаты начнут войну против Ирака, они ее скоро остановят под давлением пресса мирового общественного мнения. Глава Ирака верил также в «героическое сопротивление, которое нанесет американцам немыслимые потери. «Ирак — это не Афганистан. Мы не позволим войне стать пикником для американцев и англичан».

Как признает пакистанский президент генерал Мушарраф, «события 11 сентября показали, что люди готовы умереть за бен Ладена. Люди идут за ним потому что не могут больше выносить бедности, отчаяния, бессилия. Бен Ладен дал своим ученикам проект, который оправдывал терроризм и предоставил им финансовые средства для совершения этих актов. Парадоксально, главной мотивацией воинствующих исламистов была

не религия, а политика. Террористы, атаковавшие Нью-Йорк и Вашингтон, отнюдь не были набожными. Они нанесли удар не во имя Аллаха, формальной причиной стал палестино-израильский конфликт»³⁶.

И для любого, кто желает не просто излить эмоции, но понять суть происходящего, следует увидеть объяснимые черты поведения террористов, рациональное в их мотивации и в целях. Отрицать, что названные проблемы противоречат установленному надолго внешнеполитическому курсу США, было бы противиться очевидности. В США уже говорят о «болезненных последствиях триумфализма, который овладел Соединенными Штатами после окончания холодной войны»³⁷.

«Аль-Каида» направлена против США по совершенно рациональным для нее причинам:

- несогласие с военным присутствием США на Аравийском полуострове рядом с мусульманскими святынями;

- борьба с прозападными (умеренными, по западной терминологии) режимами, враждебными (особенно активно в случае с Египтом, Иорданией и Алжиром) правоверным мусульманам;

- «Аль-Каида» выступает против политической линии США в арабо-израильском конфликте.

Но есть и более широкий аспект проблемы — цивилизационный конфликт, желание освободиться от контрольных механизмов западной цивилизации. Напомним, что американские вооруженные силы взяли под свое крыло политические режимы Египта, Саудовской Аравии, Пакистана, Турции. Пытались контролировать Ливан и Сомали. В 1990 г. американская армия высадилась в Саудовской Аравии, а позднее в Кувейте. В то же время окончилось противостояние Запада с Востоком, которое периодически позволяло (скажем, Египту, Алжиру, Индонезии, Сирии, Ливии, Ираку, Судану, Сомали) играть на великом противостоянии холодной войны. Последовала буквально мас-

совая фрустрация ожесточенных мусульманских политиков. Об этом ныне отчетливо свидетельствуют такие исламские средства массовой информации как телекомпания «Аль-Джазира» из Катара.

Мнение американской разведки

Руководитель арабского отдела ЦРУ «Аноним» акцентирует внимание на том, что провоцирует межцивилизационное ожесточение — на жестких высказываниях христианских проповедников, четко фиксируемых в исламской среде. Пэт Робертсон: «Гитлер делал много дурного, но мусульмане поступают с евреями еще хуже». Преподобный Джереми Фолвэлл назвал Мухаммеда «террористом». Телепроповедник Джимми Сваггарт: «Пусть Господь благословляет тех, кто благословляет Израиль, и проклянет того, кто проклинает Израиль». Преподобный Франклин Греэм назвал ислам «порочной религией»; он сказал, что христианство и ислам противостоят друг другу как «свет и тьма». «Аноним» обобщает: «Мир ислама никогда — за всю свою историю не слышал подобных оскорблений»³⁸. И такие оценки следуют не только от «Аль-Каиды», но от алжирской группы салафитов, кашмирской «Лашкар-э-Тайиба», афганской «Хисби Ислами», индонезийской «Джемаа Исламия» и многих сотен других исламских организаций, члены которых истово верят в то, что они — «рабы Аллаха».

Соединенные Штаты, руководствуясь сугубо геополитическими соображениями, не видят уязвимости курса полагаться только на проамериканские, прозападные режимы своих марионеток — президента Мушаррафа в Пакистане, Мубарака в Египте, на феодальную династию в Саудовской Аравии, отставляя на задний план коренные проблемы материального развития мусульманского мира, равно как и соответствие этих режимов демократическим ценностям. *Но США «потеряли победу в ней из-за своего высокомерия,*

поскольку стали стараться создать в Кабуле демократию западного типа — религиозной терпимости и прав женщин — все то, что является анафемой для трайбалистской политической культуры афганцев»). Режим Карзая ненадолго переживет уход американских войск. «Мы преуспели только в одурачивании самих себя»³⁹. Но подлинно смертельную ненависть вызвала оккупация и расчленение мусульманских земель: создание христианского государства в Восточном Тиморе (относительно убитого в августе 2003 г. С. Виера де Мелло «Аль-Каида» высказалась так: «Он был крестоносцем, который оторвал от нас часть земли Ислама — Восточный Тимор»). Журнал «Аль-Каиды» «Аль-Ансар» оценивает ситуацию в Персидском заливе так: «Все страны Залива оккупированы без особых потерь в рядах врага. Кувейт стал военной базой противника без борьбы. Миниатюрный Пентагон создан в Катаре. В Саудовской Аравии военные установки американцев разместились вокруг Мекки и Медины без всякой борьбы. Оккупирован весь регион»*.

США в высшей мере заинтересованы в контроле над главной нефтяной кладовой мира, гарантирующем поток арабской нефти в самые важные регионы мира, что позволяет американцам владеть долей контроля над экономикой регионов-конкурентов — Западной Европы, Японии, Китая. При этом (указывает «Аноним»), «ради дешевой и легкодобываемой нефти Вашингтон и поддерживает те тирании, которые бен Ладен стремится сокрушить»⁴⁰.

«Аноним» называет семь ложных положений, которыми руководствуются американцы в Афганистане⁴¹: меньшинства не могут долгое время править в Кабуле; афганцев невозможно купить; афганцы с подозрением относятся к ставленникам извне; интернационализация конфликта ничего не меняет — в конечном счете, по мнению «Анонима», победит главенствующая группа — пуштуны.

* «Al-Ansar» (Internet) April 17, 2003, p. 3.

Цель победить в войне против терроризма и цель — распространение глобализации являются двумя сторонами одной медали.

Томас Барнет, 2005⁴²

Самой большой угрозой Западу объявлен исламский фундаментализм, порождающий убежденных террористов, готовых сразиться на западной почве и вопреки всей мощи западной идеологии. Самых свирепых борцов порождает ваххабизм, возникший в Саудовской Аравии в XVIII веке — воинствующая секта, которая приобрела особое влияние в последние десятилетия. Воинствующие институты ваххабизма обрели чрезвычайное влияние, и эти институты не сформировались спонтанно. Ваххабисты как радикальные исламисты создали организации трансконтинентального размаха.

Кто питает этот источник, бросивший вызов западному миру? Адрес очевиден и неоспорим: поддержку радикальному исламу оказывает в первую очередь Саудовская Аравия, она создала превосходных специалистов по идейному воздействию на огромную мусульманскую умму. Правящая династия Саудитов согласилась оказывать огромную помощь ваххабитам как один из путей умиротворить клерикальную общину, сосредоточенную у священных мусульманских городов. Средства идут через множество каналов, и общий поток определить практически невозможно. Но примерную оценку этого потока определить можно.

Выступая с экспертными данными перед комиссией конгресса США, один из ведущих специалистов показал, что саудовская династия израсходовала на проекты по поддержке ваххабизма после нефтяного бума 1970-х годов более 70 млрд. дол. Саудовская династия выступила спонсором 1500 мечетей и 2000 школ по

всему миру, от Индонезии до Франции. Ваххабистские медресе заместили менее воинственные и хуже финансируемые исламские школы. Что может противопоставить этому потоку даже богатый западный мир, если его лидер — Соединенные Штаты расходуют на общественную дипломатию в масштабах всего исламского мира ежегодно примерно 150 млн. дол.?

Что примечательно, союз саудовской семьи с ваххабистским духовенством дал противоположные желаемым саудовской семьей результаты. Острием влияния поддерживаемого королевской семьей ваххабизма стал не саудовский монарх, а Усама бен Ладен, одной из целей которого является низвержение прозападной монархии Саудитов. Показательны в этом плане опросы голосовавших в исламском мире после иракской войны. Большинство в Индонезии, Иордании, Пакистане, Марокко и на Палестинских территориях указало на свою веру в бен Ладена как благотворителя исламского мира, способного сделать на международной арене много положительного. В этих странах значительное большинство доверяет больше Усаме бен Ладену, чем Джорджу Бушу-мл. и Тони Блэру. Тот факт, что бен Ладен возбуждает доверие столь большого числа мусульман, просто обязан насторожить Америку, да и весь остальной мир.

Как можно подействовать на умеренных мусульман, на тех, кто не встал на самоубийственный путь джихада? На Западе предлагают три типа стратегии в воздействии на умы и сердца потенциальных жертв ваххабизма: 1) Быстрее реагировать с собственной интерпретацией происходящих событий (американцы уже создали «Радио Сава» и телевизионный спутниковый канал «Аль Хурра», они стремятся создать подлинного конкурента «Аль Джазире»). 2) Создать «позитивный» облик Запада, предложить схему возможной модернизации, обратиться к ценностям, понятным «среднему мусульманину» — как добиться ускоренно-

го развития мусульманских стран, как достичь позитивных социо-экономических целей. 3) Наиболее важным на Западе начинают считать выработку долговременной стратегии, включающей в себя культурные и образовательные обмены, направленные на создание в исламском мире прозападной среды. Западные специалисты особенно настаивают на необходимости расширения образовательных обменов. Частные западные компании, равно как и корпорации, фонды, университеты и не ориентированные на прибыль организации должны предложить все возможные методы воздействия на модернизацию мусульманского мира. Наиболее эффективными апологетами вестернизма считаются не западная ангажированная профессура, а местные специалисты, вышедшие из мусульманской среды и проделавшие карьерный путь в западном мире. Насущно необходимо исследование истории исламских стран, профессиональный подход к исламским проблемам. Исключительно важен такой опыт в журнализме. Западные правительства просто обязаны финансировать изучение западных языков.

9/11

Бывают события, которые как сполохом молнии озаряют широкий горизонт и высвечивают даль, прежде закрытую пеленой обыденности. Падающие небоскребы Манхэттена и горящий Пентагон были таким моментом современной истории, которая раскололась на *до* и *после*.

Американские граждане были не раз жертвами террористических атак — в Ливане в 1983 г., в Средиземноморье в 1985 г., над Шотландией в 1988 г., в двух американских посольствах в Восточной Африке в 1998 г. Но все это происходило далеко от американских пределов. На этот раз террористические акты были совершены на американской территории и, собственно, в не-

рвных центрах американской мощи. Погибло в один день в пять раз больше американцев, чем за три предшествующих десятилетия террористических атак. Вдвое больше, чем в Пирл-Харборе, в 30 раз больше, чем от рук Тимоти Маквея в Оклахома-сити.

Запад 11 сентября 2001 г. подвергся нападению не просто террористов, а при этом и истовых верующих ислама. Неудивительно, что президент-протестант, как и все соответствующее окружение, бросились доказывать, что ислам — это прекрасная и чистая, мирная и восхитительная религия, а смертники над Нью-Йорком и Вашингтоном являют собой отщепенцев-фундаменталистов, искажающих своими поступками суть учения Мухаммеда. Официальные лица посетили мечети, пригласили в Белый дом видных представителей исламской общины, выразили словесное восхищение великой мировой религией.

Государственная машина США постаралась показать экстремизм чрезвычайно далеким от массового ислама явлением, маргинальным ответвлением великой мировой религии, изгоем самого арабского и исламского мира. Многое было сделано, чтобы лишить происходящее характера *Kulturkampf* между Западом и исламом. Успех этой идейно кампании относителен. «Узкое определение того, против чего мы воюем как нелегитимного, как отщепенчества от здравых религиозных и национальных сообществ, — пишет американец Э. Коэн, — может благоприятно подействовать на наше сознание, может служить краткосрочным политическим целям и обеспечить успокаивающие границы нашим страхам. Но оно *не соответствует истине*. «Аль-Каида» питает силу из гораздо более широких движений в арабском и мусульманском мирах, где она обращается к артезианским потокам ненависти и возмущения, которые текут под поверхностью всех контролируемых обществ. Эта организация не может быть с легкостью изолирована или сведена к исключи-

тельно фанатикам. Даже беглый взгляд на арабскую прессу дает наглядную картину спонтанных выражений восхищения унижением Соединенных Штатов. Сознательный отход многих исламских религиозных деятелей от безоговорочного осуждения таких приемов борьбы многое проясняет. Усама бен Ладен ни в коей мере не является предметом осуждения во всем арабском и исламском мире — это неудобный факт, но это факт»⁴³.

И все же в этом случае оставить определение противника на будущее — историкам нельзя. Слишком важен момент, слишком велика значимость направления применяемой американцами силы. Выяснение характера противника не может немедленно определить оптимальную стратегию, но оно может показать будущую направленность конфликта, обещающего быть долговременным.

Главным в данном случае является, увы, не мнение мирно беседующих с президентом США американских мусульман. Желает того Америка или нет, а наиболее важным внешним фактом для богатой и щедрой Америки теперь является то, что в огромном, более чем миллиардном мусульманском мире — от Марокко до Южных Филиппин — ее теперь, после силовых действий против основной мусульманской общины Афганистана, пользуясь эвфемизмом, *любят меньше*. Особенно важно то, что это относится к быстро растущей демографически мусульманской молодежи. И на Западе (в частности, в США) на серпы мечетей население смотрит с особым чувством — что бы ни говорили мастера политической корректности.

При этом «нападение на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября может быть прелюдией гораздо более страшного будущего... В руках «Аль-Каиды» инструменты и технические приемы, которые прежде были доступны лишь Западу. Ободренные успехами в Иране, Судане, Ливане, мусульманские радикалы не намерены ослаб-

лять свой натиск»⁴⁴. Америка встретила страшного в своей решимости противника.

Человек, который повел самолет на Северную башню Международного торгового центра — Мохамед Атта сознательно оставил в багаже документ, который был явно предназначен миллионам, которые могли прочесть это своеобразное политическое завещание террориста, превозносящего мученичество своих товарищей и обещавшего божественное вознаграждение 19 участникам-террористам. Знакомство с исламом в версии Атты потрясло миллионы американцев. В завещании египтянина Атты мы читаем мысли типичного мусульманина, который просит аллаха о небесной компенсации, предназначенной мученику за веру. Обращается к сообщникам: «Знайτε, что сады рая ждут вас во всей своей красе. И женщины рая ждут вас, взывая: «Придите сюда, друзья Всевышнего». Они одеты в свои лучшие, прекрасные одежды». Атта пошел «дорогой своих покорных Аллаху предков в битву на стороне Аллаха». Захватив самолеты, террористы 11 сентября читали боевые молитвы ислама: «Не поможет ни снаряжение, ни высокие ворота, ни всяческое оружие достижению нашей цели, и не может нам причинить что-либо никто, кроме Аллаха».

Это религиозно-эмоциональная сторона дела. Что касается воодушевляющих исторических реминисценций, то помощник бен Ладена аль-Завахири напомнил о временах владения исламом Испанией и его победоносного движения к Вене — о великих для мусульманской цивилизации временах, после которых христианам удалось изменить течение мировой истории. Подобно тому, как в XIII веке Ибн-Таймийя сумел организовать всех мусульман на борьбу против монголов, так и сегодня вожди исламского мира найдут силы для организации огромного мира ислама. Семь столетий назад прозвучали слова, которые мусульмане произносят сегодня: «Сражаться в защиту религии и веры яв-

ляется коллективной обязанностью; нет более важной обязанности, чем сражаться с врагом, который искажает саму жизнь и веру»⁴⁵. И американцы — это монголы тринадцатого века.

С точки зрения внутрицивилизационной исламской консолидации целью самоубийственной атаки 11 сентября 2001 г. были не две башни Международного торгового центра, а главные основы западного влияния в мусульманском мире — прозападные режимы Пакистана, Саудовской Аравии, Египта и Алжира. Исламские активисты указывают, что только западное вмешательство (через посредство компрадорских прозападных режимов) не позволило исламским фундаменталистским партиям прийти за последние десять лет к политической власти в Алжире, Турции, Пакистане, Индонезии. В своей «Декларации войны» (октябрь 2001 г.) бен Ладен указывает, что размещение американских вооруженных сил на Аравийском полуострове представляет собой величайшее надругательство на исламе со времен смерти Пророка. Цель этих сил — вытеснить американцев с Ближнего Востока, свергнуть т.н. «умеренные» (т.е. прозападные) режимы и воссоздать единую мусульманскую нацию, руководимую воинствующей религиозной идеологией.

Организаторы сентябрьской акции апеллировали к умме, к мировому исламскому сообществу. К факту бедности, разочарования, униженности миллионов жизней в исламском мире. И цель поставлена была довольно прозрачная: Соединенные Штаты развернутся всей своей невероятной мощью и постараются «убить летящую муху из ружья. Средства массовой информации будут неустанно показывать, как огромная сила используется против гражданского населения Афганистана, и вся умма будет шокирована тем, как безмятежно американцы несут страдания и убивают мусульман. Последующее возмущение разверзнет беду между правительствами и обществами Ближнего

Востока и правительства, связанные с Западом — многие из которых являются репрессивными, коррумпированными и не следующими законам — окажутся в изоляции»⁴⁶.

Часть единоверцев Атты на Западе, особенно приемлемые для западного истеблишмента муллы, поспешили отвергнуть оставленный документ, но миллионы единоверцев в мусульманском мире красноречиво молчали. Даже самые умудренные, далеко не молодые и даже связанные с Западом. Вот что пишет египетская «Аш-Шааб» через 10 дней после террористических актов: «Посмотрите! И это мастера демократии, которую они так часто обожествляют, но которые совершают преступные, варварские, кровавые дела, превосходящие по отсутствию моральных стандартов самые кровавые империи в истории. За последнее десятилетия от рук американской цивилизации погибли пять миллионов человек, пусть Аллах примет их как мучеников». В той же легальной «Аш-Шааб» события сентября подавались так: «Посмотрите! Хозяину мира, Америке нанесен удар. Сатана, который правит миром от востока до запада, горит. Спонсор терроризма сам горит в огне». Бен Ладен в своей «Декларации войны» утверждает, что то, что Америка «испытывает сегодня — малая толика того, что мы испытываем на протяжении десятилетий. Наша нация чувствует это унижение уже более восьмидесяти лет. Убиты ее сыны, льется ее кровь, подверглись нападению ее святые места, и эти места управляются не по законам Пророка». Восемьдесят лет назад распалась Османская империя. Он назвал 12 горячих точек, где умирают мусульмане и отвел роль главного виновного Соединенным Штатам. А следующая цель — продажные правители прозападного толка. «Вы знаете о размерах, намерениях и опасности американского присутствия на базах в этом районе (в Саудовской Аравии.— А.У.) Здесь правительство предало умму и присоединилось к не-

верным, помогая им в борьбе против мусульман... открывая Аравийский полуостров крестоносцам, режим выступил против Пророка»⁴⁷.

Исламистские фундаменталисты «ненавидят Соединенные Штаты, Германию и Францию... Они превозносят свои традиции и веру, хотя эти традиции уже не могут дать им всего мира. При этом взрывная демография ислама захлестывает и Запад. Воинствующий ислам пришел в движение»⁴⁸. Следует при этом отметить, что сотни тысяч молодых и энергичных, цивилизационных защитников ислама приобщились к современной технике и западной организации в ходе этого нового периода «бури и натиска», когда практически все границы исламского мира стали представлять собой линии фронта — от Сараево и Грозного на севере до Судана на юге, от Алжира на западе до Филиппин на востоке.

Ведущий во второй половине XX века идеолог ислама Саид Кутб объясняет единоверцам враждебность Запада так: «Самый главный элемент — дух Крестовых походов, вошедший в кровь всего Запада. Он влияет на весь их мыслительный процесс, ответственный за империалистический страх пред духом ислама и за попытки сокрушить ислам. Инстинкты и интересы всего Запада связаны с сокрушением этой силы»⁴⁹. Запад и ислам вступили в продолжительную войну друг с другом. «Ислам в конечном счете, конечно же, победит, но только после преодоления величайших трудностей. Современная история, характерная доминированием Запада, представляет собой самое темное время во всей истории ислама»⁵⁰.

Уверение, что происшедшее ничего общего с религией не имеет, по меньшей мере убедительно не для всех. С. Сакс из «Нью-Йорк таймс» высказался именно в этом духе: «Нетрудно предсказать, что разочарованные молодые люди в Египте и Саудовской Аравии от отчаяния обратятся к религии». По определению

Н. Чанды и С. Талботта, террористы, «претендуя на роль защитников незащищенных масс земли, они нашли способ атаковать самое могучее государство. Они определили способ нападения в стиле джиу-джитсу, превращая базовые черты американской мощи — открытость и мобильность — в уязвимые места Америки. Они отправили захватчиков, вооруженных самыми примитивными видами оружия (вскрыватьщиками коробок) в самую сердцевину технологического совершенства современного мира. Американский историк П. Шредер: данные террористы «являются фанатичными идеологами и уголовными преступниками, но они не дураки и не сумасшедшие ни в каком клиническом смысле и показали высокую степень целенаправленной рациональности в преследовании своих целей; справедливым было бы сказать, что они ожидали и страстно желали ответной реакции Соединенных Штатов. Их очевидное желание стать мучениками борьбы за свое дело говорит нам об их готовности сделать невольными мучениками многие тысячи своих единоверцев и сограждан, равно как и спровоцировать военное отмщение американцев и их союзников. Это стандартная тактика для террористов и партизан — спровоцировать противника на кровавые ответные меры с тем, чтобы разрушить жизненные центры и заставить каждого сделать выбор между ними и национальными или религиозными противниками. Такой была калькуляция Гаврило Принципа, а он был значительно менее умным, чем нынешние террористы»⁵¹.

Грозный знак впереди — возможная эволюция позиции Пакистана. Многочисленные пуштуны-офицеры армии Исламской республики Пакистан при всех прозападных связях и симпатиях не могут быть в конкретной ситуации надежной прозападной силой в противостоянии президента Пакистана со своим исламским населением. И если США окажут на президента Мушаррафа давление выше не ощутимой в Америке

нормы, его режим будет просто сметен. В чьих руках будет тогда ядерное оружие Пакистана? Не будем пугать себя сами, но представьте на минуту этот огромный неудовлетворенный самый быстрорастущий мир от Атлантики до Тихого океана, от Лагоса до Джакарты, вооруженный ядерным оружием Пакистана. И не только его. Такие страны, как Нигерия, Иран, Египет, Ирак, Саудовская Аравия, Бангладеш, Индонезия имеют два необходимо-обязательных компонента: нефтедоллары и получивших образование в западных университетах физиков. Остальное — воля, минимальное менеджерское умение и определенная степень закрытости.

Деятнадцать самоубийц

Террористическая атака «Аль-Каиды» против Нью-Йорка и Вашингтона унесла жизни почти трех тысяч американцев. Вечером 11 сентября президент Буш записал в дневнике: «Пирл-Харбор двадцать первого века произошел сегодня». Что подрывало престиж Буша — директор ЦРУ Джордж Тенет *предупреждал* президента о серьезности планов бен Ладена. Но президент до этого дня игнорировал эту проблему. «У меня не было чувства экстренности. Кипения не было в моей крови».

Отметим следующее: в те минуты, когда террористы нанесли удар по Пентагону, убив 184 человека (без двадцати три пополудни), министр обороны Рамсфелд поставил своим подчиненным задачу нанести в отместку удар **по Ираку** (это зафиксировал один из его помощников. В его записках SH означает Саддам Хусейн, а UBL — Усама бен Ладен).

Согласно этим запискам Рамсфелд размышлял над тем, чтобы «нанести удар по SH одновременно с UBL». Он послал своему заместителю Вулфовицу задание найти в террористической атаке на США *«оправдание» удара по Ираку*. В эти дни лишь Колин Пауэлл

отчаянно отказывался видеть связь между Саддамом и 11 сентября. «Этим мы разрушим колоссальную антитеррористическую коалицию». Он использовал свои старые связи в Пентагоне и вращал глазами, глядя на председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Шелтона, когда тот, вслед за Рамсфелдом, стал говорить о «возможности» удара по Ираку. Глава ЦРУ Джордж Тенет настаивал на том, что первоочередной целью должен быть Афганистан, а не Ирак.

Лишь Вулфовиц желал «поменять» Афганистан на Ирак. Он предвидел полугодичное сидение 100 тысяч американских солдат в негостеприимных горах Афганистана. В сравнении с этим блестящая короткая победа американских сил в пойме Тигра и Евфрата была подлинным триумфом американцев на Ближнем Востоке.

Ключевой была роль президента. 17 сентября президент Джордж Буш подписал в высшей степени секретный план «Жемчуг», объявлявший *всемирную войну с терроризмом*. Но Афганистан значился в этом плане на первом месте. А Ирак — следующим.

Преследуемый всем цивилизованным миром Усама бен Ладен после первых же бомбардировок Афганистана заявил (посредством катарской телекомпании «Аль Джазира»), что «Америка открыла дверь, которую не сможет закрыть». Мы слышали много lamentаций уже практически бессильных людей. И Гитлер едва ли не до последнего дня в бункере намекал на имеющееся якобы у него «сверхоружие». Но мы, живущие в стране, имеющей восьмилетний афганский опыт, не можем легко отмахнуться от очередного пророка джихада. Можно смести с лица земли все учебные центры терроризма, но если мы оставим в неприкосновенности его постоянно пополняемые источники — поразительное материальное неравенство, нечувствительность к тем, кто считает себя обиженными (справедливо или несправедливо — в данном случае это не радикально

важно), фактическое неравенство при формально провозглашаемом равенстве — тогда точность летчиков в октябре менее важна, чем фанатизм сентября. На существенное в текущей обстановке обстоятельство указывают американские исследователи: «Соединенные Штаты неспособны дистанцироваться от Израиля, какую бы опасность политика Израиля не несла американским жизням и американским интересам»⁵².

Особенности «Аль-Каиды»

Автор смотрит на «Аль-Каиду» как на военного противника, а не просто как на иррациональных убийц. Вожди исламского экстремизма встают со страниц книги как стратеги, рассчитывающие на долговременную борьбу, а не на краткосрочный набег. В этом отношении книга «Имперское высокомерие» является вкладом в осмысление, а не в банальное хуление мусульманского экстремизма. В качестве примера долговременной настроенности «Аль-Каиды» «Аноним» приводит оценку поведения ведущей исламской организации в октябре 2001 г. , когда стало ясно, что американцы обрушатся на Талибан. В короткие дни, предшествующие американскому наступлению на Афганистан, «Аль-Каида» постаралась отнюдь не фанатично принять на себя «последний бой», а *«так рассредоточила свои войска, чтобы гарантированно избежать уничтожения одним всеобъемлющим ударом своего более мощного врага»*. Силы муджахетдинов были распылены по малым отрядам. (Именно это же советовал сделать начальник военных операций «Аль-Каиды» Сауф аль-Адиль нарождающемуся сопротивлению повстанцев Ирака в марте 2003 г.). Задачей «Аль-Каиды» стало сохранить свой потенциал, сберечь опору на сельские районы, которые *никогда* не станут в условиях огромной страны предметом контроля американцев, сосредоточившихся (как когда-то и Советская Армия) на городах.

Выпускники Вест-Пойнта и Аннаполиса могли снисходительно относиться к одетым в странные ша-ровары темным крестьянам, но те знали свой способ выживания и в этом превосходили дипломированных специалистов иной цивилизации, поспешивших возвестить победу: в сентябре 2003 г. известный исследователь Э. Лутвак (в числе многих прочих. — А.У.) заявил, что «Аль-Каида» как функционирующая группа более не существует». А уже через несколько месяцев в американской печати заговорили о боеготовых двадцати тысячах бойцов «Аль-Каиды», о деятельности организации в 80 странах от Марокко до Филиппин. «Аноним» убеждает своих читателей: перед вами не сброд фанатиков, а защищающая себя цивилизация, на протяжении столетий выработавшая свой стиль самообороны. По мнению «Анонима» «глубоко ошибаются американские официальные лица, которые смотрят на «Аль-Каиду» как на традиционную исламистскую террористическую группу, простой сброд фанатиков. Лишь постепенно в Пентагоне и Лэнгли пришли к выводу, что, «это прежде всего военная, а не уголовная организация, что это противник, который, благодаря своим качествам, требует пристального к себе внимания»⁵³. Если видеть здесь лишь бандитов, то необъяснимо неумение лучших армий мира уничтожить организованных террористов — «Хезболла», «Тигры-Тамилы», бесчисленные палестинские группировки, ЭТА в Басконии, Сендеро Луминосо в Перу. Гибель или арест самых высоких руководителей этих движений никак, собственно, не сказался на эффективности этих движений. Анализ сил противника должен быть более глубоким.

«Аль-Каида» — это многонациональная, полиэтническая организация огромного масштаба, беспрецедентная по масштабу своей деятельности. Под руководством бен Ладена она направила острие своей деятельности на Соединенные Штаты тогда, когда, согласно опросу Гэллапа, 53 процента мусульман в мире

обнаружили «неблагоприятное» мнение об Америке⁵⁴. Она стала базироваться на Афганистане «как на символе — эта страна в течение восьми веков не подчинялась завоевателям».

И Запад, если он желает выиграть цивилизационную битву, должен иметь в виду, что тысячи забытых богом деревушек в реальности не поддаются контролю завоевателя. Это в XIX в. ощутили англичане, в XX в. — русские, а в XXI в. — американцы. Исламские ветераны прежних битв (Кашмир, Чечня, Узбекистан, Эритрея, Йемен, Саудовская Аравия, Алжир, Таджикистан, Египет, Босния, Северо-Западный Китай, Индонезия, Малайзия, Македония, Косово, Филиппины) рассредоточены, преимущественно, на пыльных трактах Северного Пакистана и Южного Афганистана. «Их было трудно переместить за пределы Афганистана, многие рыдали»⁵⁵.

Только постепенно американцы стали приходить к выводу, что «Аль-Каида» является нерегулярной армией глобального масштаба, ведущей «в неконвенциональной войне бои низкой интенсивности». В невидных деревушках продолжилась подготовка будущих бойцов ислама. Отсюда Америке угрожают новые Атта и аль-Изавахири. Учебники, захваченные в Афганистане, говорят о двуступенчатой подготовке. Только перешедшие на вторую ступень начинают готовиться к операциям за границей. Америка, по мнению «Анонима», ошибается в определении центральных звеньев «Аль-Каиды» — они не на плоскогорьях Афганистана, а в песках Саудовской Аравии, где растет сопротивление компрадорскому феодальному строю.

Самый большой ненавистник Америки

Бен Ладен не устает приглашать президента США и американский народ принять ислам: «Мы зовем вас в ислам; мир придет к тем, кто ступит на правиль-

ную дорогу. Я предлагаю вам увидеть радость жизни и избавиться от сухого, жалкого, бездуховного материалистического существования... Воспримите уроки Нью-Йорка и Вашингтона, они даны вам за прежние преступления»⁵⁶. Одновременно телекомпания «Аль-Джазира» и Интернет сделали прежде невозможное — растиражировали облик первого врага Запада, распространили в пестрой мусульманской умме от Джакарты до Занзибара героический ореол ее защитника. «Аноним», как и многие исследователи ислама, такие как Д. Бергенер, Дж. Китфилд, Б. Хофман, Э. Басевич, считают, что без этого лидера мусульманский мир не смог бы столь очевидно организовать для джихада против Запада.

«Аноним» тоже выступает против упрощенного подхода к «террористу №1». Упрощенный вариант удобен части американской элиты, но он знаменует собой «нежелание американцев ясно увидеть те действия США в мусульманском мире, которые заставляют мусульман бросаться на Соединенные Штаты»⁵⁷. «Аноним» предлагает рассмотреть явление рационально и отказаться от маниакальности. «Эта линия анализа берет блестящего, твердо все рассчитывающего, предельно терпеливого противника, каковым является бен Ладен, и низводит его до положения сумасшедшего, жаждущего крови и иррационального».

По мнению «Анонима», секрет бен Ладена можно понять только при помощи обращения к тому, что более всего он обличает. А обличает он «жалкие условия мусульманской цивилизации, в которых мусульмане виноваты сами. Он, конечно же, винит Запад за нападение на ислам, обвиняет в отторжении арабских природных богатств, но более всего он обличает не крестоносцев, а тех мусульман, которые сошли с тропы пророка и не сумели найти единение в джихаде... Беда не во внешних врагах, а в незначительности числа защитников веры»⁵⁸. Это не безумец, разбрасывающий бомбы, а

упорный и трезвый противник, полный решимости наступать слабое место своего врага. Он — «преисполненный горечи и злобы, хладнокровно калькулирующий свои действия политик. Да, ему нет места на страницах «Гарри Поттера». Но для него много места у той части мира, которая далека от «Гарри Поттера». Это подлинное столкновение цивилизаций».

«Аноним» напоминает главный идеологический мотив бен Ладена: мусульманский мир подвергается нападению западных крестоносцев, встречая «океан насилия, несправедливости, убийств и грабежа, направленных против исламского общества. Мы защищаем себя от Соединенных Штатов. Это «оборонительный джихад», потому что мы желаем защитить свою землю и людей»⁵⁹. Исламский мир получил руководство, готовое на долговременную борьбу. Выведя свои ударные силы из Афганистана в момент наивысшего наступательного порыва американцев (когда американская армия лишилась шанса «загнать Талибан в каменный век», бен Ладен начал их возвращать только в середине 2003 г., когда бомбардировки Тора-Бора ослабли. Бен Ладен вполне воспринял совет, который Макиавелли дает своему принцу: «Все вооруженные пророки добивались успеха, а невооруженных ждало поражение и забвение».

За что же мусульмане не любят Америку? Президент Буш-младший ответил на этот вопрос сразу же после трагедии 11 сентября 2001 г.: «За нашу свободу». Прошло три с лишним года, и ответ стал конкретнее, нелицеприятнее, точнее. Мусульманский мир негативно относится к Соединенным Штатам по совершенно определенным причинам:

1. Нахождение вооруженных сил США близ мусульманских святынь Мекки и Медины вызывает ропот миллиардного мира. Нечувствительность официального Вашингтона к религиозным устоям исламского мира, активное использование базы Дахран и других

военных структур на Аравийском полуострове порождает впечатление и мнение о нечувствительности американского гиганта к религиозным основам других народов, о презрительности его к одной из великих мировых религий.

2. Соединенные Штаты поддерживают только проамериканские, прозападные режимы, укрепляют лишь своих вассалов, ставя проблему развития мусульманского мира заведомо на второстепенное место. Президент Мушарраф в Пакистане, Мубарак в Египте, феодальная династия в Саудовской Аравии — вот приемлемые для Вашингтона правители мусульманского мира — вне зависимости от того, соответствуют ли эти режимы собственным американским демократическим ценностям.

3. Соединенные Штаты в высшей мере заинтересованы в контроле над главной нефтяной кладовой мира. Это гарантирует поток самой легкодобываемой арабской нефти в собственно США; это позволяет американцам владеть ключом к поставкам органического топлива в регионы-конкуренты, в Западную Европу, Японию, Китай.

Цель: терроризм

Терроризм существовал всегда и всегда, увы, будет с нами — как всегда будет существовать праведный и несправедный гнев, исступление, чувство отчаяния или попорченной справедливости, фанатизм, заблуждение, ненависть, моральный тупик или вспышки безумия. Что превратило терроризм из «профессионального риска монархов» (слова знавшего этот предмет итальянского короля Виктора-Эммануила Первого) в массовую угрозу, так это:

1. «Демократизация технологии» — создание компактных средств массового террора, прежде доступных лишь могущественным государствам. Мы являемся

свидетелями «приватизации войны» — обретение несколькими индивидуумами средств поражения, ранее мыслимых только для всесильных государств.

2. Освещение террористических актов средствами массовой информации, ставшее рычагом массового разгона эмоций. Еще два десятилетия назад молниеносные глобальные коммуникации были привилегией крупных правительств или больших организаций, таких, как многонациональные корпорации или, скажем, католическая церковь. А ныне такая связь находится в пределах досягаемости даже очень небольшого круга частных лиц.

В обозрении, осмыслении и интерпретации терроризма, заставшего врасплох Америку в черном сентябре 2001 г., выделилась группа лиц, убедивших самое могущественное общество современности в том, что *пассивная самооборона самоубийственна*. Тогда, в 2001 г. обрел чрезвычайное влияние тезис американского политолога Чарльза Краутхаммера о том, что пассивность губительна; что «покорная международная гражданственность» Соединенных Штатов рискует погасить светоч демократии и справедливости во всем мире. Неоконсервативные идеологи обнаружили друг друга по одному кодовому определению: Америка может избежать трагической судьбы в качестве жертвы террора *только в том случае*, если сознательно сбросит с себя оковы созданных после Второй мировой войны организаций, начиная, разумеется, с ООН. Даже обращение натовских союзников к параграфу пять статута Североатлантического союза после сентябрьского нападения террористов на США (объявлявшего, фактически, всеобщую мобилизацию) вызвало гримасу неудовольствия неоконсервативной когорты. В деле обеспечения своего выживания инструменты, созданные для других целей, не помогают. Помогает новообретенная, нововозвращенная вера в себя, *односторонние* действия лидера.

Министр обороны США Д. Рамсфелд поставил стоящих в замешательстве союзников на место: «Проблемы определяют формирование коалиции, а вовсе не коалиции определяют наиболее актуальные проблемы». Главной такой идеей стало нанесение предваряющего удара по странам, *потенциально способным* создать инструмент насилия, который может быть использован в террористических целях против Соединенных Штатов, и распространить американские ценности по всему миру.

Право

Объявлена война терроризму — огромному, страшному, многоликому явлению. При этом жертвой Сентября стало, прежде всего, *международное право*.

Обобщенно можно сказать, что международное право, начиная с XVII в., базируется на двух принципах — национальный суверенитет и равенство всех наций перед законом. Оба эти принципа были жестко проигнорированы Соединенными Штатами.

Непосредственно после атаки 11 сентября государственный секретарь США Колин Пауэлл провозгласил, что США находятся «в состоянии войны» с терроризмом. *Провозглашение войны* — юридический термин. И не самый удачный в данном случае: ведь так же можно объявить войну преступной уголовной деятельности или торговле наркотиками. Подобные антисоциальные действия могут быть ослаблены, уменьшены в объеме, но их невозможно «победить», искоренить полностью. Обычно другие страны действия, подобные американским после 11 сентября, называют «чрезвычайными операциями» (или как-то иначе), но не «войнами». Здесь терминология означает многое. В случае чрезвычайных операций главная ответственность передается разведывательным органам и полиции, которым придаются чрезвычайные полномочия — а там,

где это необходимо, придаются войска. Задачей провозглашается изоляция террористов от основной массы населения, изоляция их от источников снабжения. Но террористам в обычных случаях не придается статус стороны, ведущей регулярные *военные действия*. Они объявляются преступниками уголовного характера и отношение к ним соответствующее. Как полагает англичанин М. Хоуард, «террористов не следует облагораживать приданием статуса ведущей войну стороны. Они преступники и должны рассматриваться обществом и властями как таковые. Объявлять войну террористам, или еще более безграмотно, терроризму, означает придать террористам статус, которого они не заслуживают, но которого жаждут. Это что-то вроде их легитимизации»⁶⁰.

Если они — сторона, ведущая *военные действия*, значит, с ними нужно и обращаться соответственно. Что еще важнее, пребывание нации в состоянии войны создает своего рода общественный психоз — противоположное необходимому для искоренения терроризма как зла состояние общества. Возникают совершенно ненужные ожидания и требования; публика требует четко обозначить противника. И лучше всего, если им будет некое враждебное *государство*. Неважно, если это не соответствует истине. Отныне использование силы видится не крайней мерой, а именно самой первой — и чем раньше будет применена сила, тем для публики лучше. Органы массовой информации требуют детального освещения происходящего. Отставные военные возникают на экранах с картами и графиками. Любое предложение ослабить применение грубой силы вызывает бурю негодования. Сторонники такой линии подаются как «соглашатели». В результате качества, необходимые для успешной борьбы — строгая секретность, простор деятельности специальных служб, а главное — бесконечное терпение — немедленно забываются под давлением гонки за непосредственным результатом.

Еще неудачнее, с точки зрения международного права, выступил президент Дж. Буш с призывом «крестового похода против зла». Вместо полицейской операции возникла декларируемая как *настоятельная* необходимость в создании коалиции держав, возглавляемых Соединенными Штатами. А вовсе не о полицейской операции под флагом ООН, действующей от лица мирового сообщества против преступных действий группы лиц, которых ждет международный суд. Американцы поддались эмоциональному порыву. Для них в происшедшем — не преступление против человечности, а атака на Соединенные Штаты. Страна ждала катарсиса. Мщения. Ответного удара. Ликвидации опасности. Но не восстановления справедливости.

Но несколько иного ждал остальной мир. Прежде всего, исчезла *общая точка зрения*. Как пишет американский исследователь М. Хирш, «вместо общего видения будущего, мир получает боевые приказы от Буша; в результате мир все менее склонен следовать этим приказам, особенно в том случае, если Соединенные Штаты начнут крупномасштабную превентивную акцию против таких государств, как Ирак»⁶¹. (А если завтра Индия нанесет превентивный удар по Пакистану?) Можем только изменить цель: Ирану; Сирии, КНДР?

Вместо битвы за умы и сердца людей началось соревнование в военной эффективности. А страдающей стороной выступила деятельность разведывательного сообщества, без успешной деятельности которого борьба с терроризмом принципиально не может закончиться успехом. И потом. Тот, кто в глазах одних — террорист, в глазах других «борец за свободу». А терроризм может быть сокрушен только тогда, когда общественное мнение и внутри страны и за рубежом поддерживает антитеррористическую деятельность, видя в террористах преступников, а не героев. Весь прежний немалый опыт показывает, что террористы начинают побеждать, когда им удастся спровоцировать противостоящие власти

на применение против них регулярных вооруженных сил. Когда ситуация для них становится беспроигрышной, они либо ухитряются избежать решающей битвы, либо попадают в нее, погибают и становятся героями, мучениками, жаждущими отмщения.

А рядом уже погибли многие непричастные гражданские лица, и это страшный удар по престижу правительства. Англичанин Хоуард говорит, что это «все равно, что попытаться искоренить рак горящим факелом. Какими бы ни были военные оправдания бомбардировок Афганистана, неизбежные сопутствующие потери резко ослабят огромный моральный подъем, последовавший за террористическими атаками против Америки... Причиненные ими жестокости так или иначе уйдут в глубину памяти, а вот каждое новое телевизионное изображение разбомбленного госпиталя или сделанных калекami детей, выброшенных из своих домов беженцев *будут усиливать ненависть и рекрутировать в ряды террористов*»⁶². И порождать сомнения в противоположном лагере. И предоставляют деятелям типа бен Ладена платформу для глобальной пропаганды. Или делают из него мученика и идола для миллионов. В любом случае проблема терроризма оказывается неверно оцененной и неправильно решаемой.

Но напомним еще раз о юридической стороне дела. Провозглашение войны означает противодействие *некоему государству*. И сегодня уже не звучит апелляция к международному праву, к *господству закона*. Разговор о сокрушении государств и снятии ограничений на внеюридическое преследование может соответствовать эмоциональному порыву, но это бумеранг, он возвращается. Если подорвать созданную преимущественно Соединенными Штатами систему международного права, то что станет ее заменой? Ряд даже американских юристов и историков полагает, что «незамедлительный выбор Америкой войны *не совпадает с принципами международного сообщества*, которые

требуют отвечать на международные угрозы — включая революционные, подрывные, террористические атаки на ту или иную страну — руководствуясь не старым принципом *lex talionis* (око за око), но посредством организованных действий международных организаций. Подобные акции, включая легальные, моральные, дипломатические, военное давление, рассчитаны на то, чтобы «предотвратить возможный кризис от эскалации в войну и, если это возможно, найти решение, приемлемое для всех сторон с легальной, юридической точки зрения... В данном случае немедленное объявление войны терроризму может рассматриваться как несдержанная риторика на потребу дня, а вовсе не как тщательно продуманное решение»⁶³.

Запад, вместо закрепления благоприятствующей ему системы международных отношений, позволил себе систематическое нарушение мировой упорядоченности. Решающий шаг в сторону от господства международных норм был сделан весной 1999 г. нарочитым односторонним натовским актом — бомбардировкой суверенного государства Югославии. Диктат закона заменила пресловутая целесообразность. В апреле 2001 г. (значительно раньше предсказывавшегося срока конфронтации с Китаем) США, вместо извинений после сбития китайского самолета, приступили к давлению на КНР, придавая тем самым респектабельность односторонним действиям, неподчинению коллективным международным нормам. Американское правительство в последнее десятилетие сделало на внешней арене много такого, против чего американское население, безусловно, восстало бы, имей эти действия место на внутренней арене. Напомним о действиях в отношении Панамы, Гаити, Сомали, Судана, Югославии, Афганистана. Словесно отвергая возможность наказания до суда, Запад стал бомбить Афганистан, основываясь на косвенных доказательствах, наказывая до предъявления доказательств.

Тот факт, что террористы нарушают фундаментальные нормы цивилизованного общества, еще не означает, что цивилизованный мир должен реагировать подобным же образом. Ведь претензия на цивилизованность — это показ, что мы поступаем *не как террористы*. Это вовсе не означает прощения или оправдания, но это первый реальный шаг в сторону от повторения будущих нападений, в направлении их предотвращения.

Даже в трагических условиях после сентября 2001 г. США *отказались* создать Международный суд и отвергают международное Соглашение по запрету использования биологического оружия. США отказались ратифицировать протокол Киото; отвергли позитивную значимость договора по ПРО и в декабре 2001 года вышли из этого договора; не признали юрисдикцию международного суда в Гааге; постарались поставить Североатлантический Союз вне и над системой ООН; уменьшили уровень международной помощи — создавая тем самым респектабельность односторонним действиям, неподчинению коллективным международным нормам.

П. Шредер полагает, что «даже успешная кампания максималистского типа, направленная на другие, предполагаемые террористические государства, может принести огромный ущерб международной системе, вызвать обращение к односторонности и превентивному использованию силы... Сравнение 2001 года с 1914-м должно заставить нас глубже задуматься над судьбой международного права»⁶⁴. Праву в таком мире не будет места. Если Запад во главе с США не сумеет придать новой жизни — и солидарности глобальным международным организациям, попытается идти собственным путем, не сообразуясь с волей огромного большинства мирового населения, конфликт с не-Западом практически неотвратим.

«Создание широкой коалиции может успокоить Америку в том отношении, что она не одна в исламском мире. Удары по Афганистану — самое простое из возможного, гораздо менее сложное, чем решать проблемы в Персидском заливе и Египте... Но среди тех, кто обрушился на башни из стекла и стали, кто нанес удар по Пентагону, нет афганцев. Эти пришли из арабского мира, где антиамериканизм принимает отчаянные формы, где террор действует с молчаливого одобрения мужчин и женщин»⁶⁵.

Империя или не империя?

Империя — это форма правления, когда главенствующая страна определяет *внешнюю* и, частично, *внутреннюю* политику всех других стран. Республиканской администрации Дж. Буша-мл. не хотелось сразу расставлять акценты и однозначно называть свою политику *имперской*. Невозможно говорить об империи в классическом виде — эмфатически утверждает советница президента Буша по национальной безопасности Кондолиза Райс. «У Соединенных Штатов нет территориальных амбиций и нет желания контролировать другие народы». Подобным же образом и президент Буш отрешивается от предлагаемого лозунга: «У нас нет территориальных амбиций, мы не стремимся создавать империю».

Примечательный уход от определения *империи* — никак не разделяется теми, кто не считает зазорным называть явления своими именами, кто энергично и открыто обеспечивает идейную подоплеку односторонней политики. Для таких идеологов как Чарльз Краутхаммер, для издателя неоконсервативной «Уикли стандарт» Уильяма Кристола, для популярного ныне аналитика Роберта Кэгена и заместителя министра обороны Пола Вулфовица — в имперских орлах, в имперском влиянии, в самом слове *империя* нет ничего,

что заставляло бы опускать глаза. Как написал Уильям Кристол, «если кто-то желает сказать, что мы имперская держава, ну что ж, очень хорошо, мы *имперская держава*». Среди тех, кто все более свободно оперирует этим термином, есть и умудренные историки — к примеру, Джон Льюис Геддис: «Мы (США) — определенно *империя*, более чем империя, и у нас сейчас есть мировая роль».

В послесентябрьской Америке понятие «имперское мышление» сменило негативно-осуждающий знак на позитивно-конструктивный. И ныне даже такие умеренные и солидные издания, как «Уолл-стрит жжорнэл» и «Нью-Йорк таймс» впервые за сто лет заговорили об *империи, имперском мышлении, имперском бремени* не с привычным либеральным осуждением, а как о реальном факте исторического бытия. Изменение правил политической корректности ощутили на себе редакторы бесчисленных газет и журналов повсюду между двумя океанскими побережьями. Ведущие американские политологи триумфально возвестили, что «Соединенные Штаты вступили в ХХI век величайшей благотворно воздействующей на глобальную систему силой, как страна несравненной мощи и процветания, как опора безопасности. Именно она будет руководить эволюцией мировой системы в эпоху огромных перемен».

Теоретики могут выступать за или *против* империи, но все они уже свободно пользуются этим термином — от политического правого фланга до левого, от Майкла Игнатьева и Пола Кеннеди до Макса Бута и Тома Доннели. Именно это и наиболее примечательно; все участники дебатов *знают* о чем идет речь. И речь идет не о традиционных темах распространения влияния по всему миру. Речь совершенно определенно идет о *принуждающей* внешней политике, об использовании вооруженных сил США на глобальных просторах, на всех материках и на всех океанах.

Даже самые хладнокровные среди американских идеологов приходят к выводу, что «Соединенные Штаты занимают позицию превосходства — первые среди *неравных* — практически во всех сферах, включая военную, экономическую и дипломатическую. Ни одна страна не может сравниться с США во всех сферах могущества, и лишь некоторые страны могут конкурировать хотя бы в одной сфере».

Взлет имперских орлов сделал классическую историю популярной наукой. Обращение к Римской и Британской империям за несколько месяцев стало захватывающим чтением, изучение латинского языка вошло в моду (даже «Гарри Поттер» переведен на латинский язык) и приобрело новый смысл. Буквально повсюду теперь в республиканской Америке можно найти статьи о положительном воздействии на мир *Пакс Романум*, подтекст чего не нужно никому расшифровывать: новая империя пришла в современный мир, и мир должен найти в ней признаки и условия прогресса. Парадокс эволюции американской демократии: *Пакс Американа* изживает (по крайней мере, для американцев) свой негативный подтекст.

Посетившие Вашингтон после Сентября иностранцы в один голос указывают на новую ментальность страны, где главное общественное здание — *Капитолий*, где римские ассоциации *сенат* вызывает не только как термин, но и как архитектурное строение, где по одной оси расположены *пантеон* Линкольна, *obelisk* Вашингтона и *ротонда* Джефферсона. Менталитет «римских легионов» проник даже в Североатлантический Союз (жалуются англичане) ради жестких односторонних, *имперских* действий. Вольно или невольно готовилась Америка к этому звездному часу своей исторической судьбы. Посмотрите на архитектуру основных зданий Вашингтона, обратите внимание на название государственных учреждений: сенат,

Верховный Суд; не упустите факта колоссальных пре-
рогатив *принцепса*, именуемого в данном случае пре-
зидентом. Не упустите того факта, что согласно амери-
канской конституции внутреннее законодательство и
конгресс стоят выше международного законодательс-
тва и международных институтов.

Создается «неоимперское» видение, оставляющее
за Соединенными Штатами право определять в гло-
бальном масштабе стандарт поведения, возникающие
угрозы, необходимость использования силы и спо-
соб достижения справедливости. В такой проекции
суверенность становится абсолютной для Америки,
по мере того, как она все более обуславливается для
стран, которые бросают вызов стандартам внутренне-
го и внешнего поведения Вашингтона. Такое видение
мира делает необходимым — по крайней мере, в глазах
приверженцев этого видения — видеть новый и апока-
липтический характер современных террористических
угроз и обеспечить беспрецедентное глобальное доми-
нирование Америки. Эти радикальные стратегические
идеи и импульсы, как это ни странно, могут изменить
современный мировой порядок так, как того не смогло
сделать окончание холодной войны.

«Мыслительные центры» столицы новой импе-
рии — Вашингтона с готовностью обсуждают стратегию
односторонних действий по всему мировому перимет-
ру. Прежде республикански сдержанная «Уолл-стрит
джорнэл» находит благосклонную аудиторию, когда
пишет: «Америка не должна бояться свирепых войн
ради мира, если они будут вестись в интересах «импе-
рии свободы». Все это означает, что Америка действует
без оглядки на других. Международные соглашения
типа «протокола Киото» являются жертвами представ-
ления о неподсудности американцев никому кроме
собственных национальных учреждений. Сенат США,
в частности, не ратифицировал «Конвенцию экономи-

ческих и социальных прав», «Конвенцию искоренения дискриминации в отношении женщин», «Конвенцию прав детей», участие в «Международном уголовном суде»; против «протокола Киото» вместе с президентом Бушем выступили 95 американских сенаторов. Многие проводят линию на наличие в американской истории давней и неистребимой традиции «американской исключительности». Гарвардский профессор Э. Моравчик: Америка, стабильная демократическая, идеологически консервативная и политически централизованная, является *сверхдержавой и может обходить обязательные для всех правила и законы*.

Мировая история подсказывает: США не преминут воспользоваться редчайшей исторической возможностью. В этом случае главной геополитической чертой мировой эволюции станет формирование *однополярной мировой структуры*. Америка прилагает (и будет в обозримом будущем прилагать) огромные усилия по консолидации своего главенствующего положения. С этим выводом согласны наблюдатели за пределами страны-гегмона, да и сами американские прогнозисты: «Соединенные Штаты сознательно встанут на путь империалистической политики, направленной на глобальную гегемонию. Они умножат усилия, выделяя все более растущую долю ресурсов на амбициозные интервенции в мировом масштабе». Свернуть с этой дороги пока не сможет ни один ответственный американский политический деятель, любой президент должен будет опираться на массовое приятие страной своего положения и миссии. Уже сейчас высказывается твердое убеждение, что «еще не одно поколение американцев будет готово идти этой дорогой: тяжело отказываться от всемогущества».

Проконсулы докладывают из провинций о завершении военных операций. Тацит, историк имперского Рима, почувствовал бы себя в своей тарелке.

Мэйнстрим склоняется к империи

Нет ничего уникального в имперском статусе Вашингтона — такова мировая история. А как иначе назвать структуру, имеющую «752 военные базы в более чем 130 странах?»⁶⁶ На суше у Америки 9 тыс. танков «Абрамс», на море — двенадцать авианосных групп. В мире работают 64 тыс. религиозных миссионеров из США. Ни у кого в мире нет ничего подобного. Вашингтон стоит в мировой иерархии там, где совсем недавно стоял Лондон. Словно Британская империя в работе Фергюсона озирает способности своего наследника и в целом удовлетворена гиперимперией. «Утверждается не только то, что Соединенные Штаты являются империей, но и то, что они *всегда* были империей. У меня нет принципиальных возражений в отношении Американской империи... для многих частей мира американское имперское владычество будет благотворным. Пусть только это будет *либеральная* империя»⁶⁷. Главная проблема — может ли имперская Америка быть *либеральной*. «Не являются ли Соединенные Штаты гигантом Самсоном, безглазым в секторе Газа, привязанным нерушимыми обязательствами к Ближнему Востоку и в конечном счете способным только на слепое разрушение?»⁶⁸ Весь мир задается этим же вопросом.

Уже в 2000 г. руководитель Центрального командования США (Ближний Восток) генерал Энтони Зинни сказал, что он «является современным проконсулом, наследником солдат — государственных деятелей, которые правили в Римской империи окрестными территориями, привнося порядок и идеи из диктующего законы Рима». Трудно представить себе, что генерал говорил это с иронией. Английский историк верно указывает на важнейший документ эпохи — «доктрину Буша», оформленную в «Стратегию национальной

безопасности», которая увидела свет в сентябре 2002 г.: «Мы будем активно работать ради осуществления демократии, развития, свободного рынка и свободной торговли во всех частях мира... Америка должна твердо стоять за ценности человеческого достоинства, по поводу которых не ведут переговоров: правление закона; ограничение абсолютной мощи государства; свобода слова; свобода вероисповедания; равная справедливость; уважение к женщине; религиозная и этническая терпимость; уважение частной собственности». Фергюсон пишет, что Британская империя стояла за те же идеалы. «Либеральные империи всегда провозглашали собственный альтруизм»⁶⁹. Эдмунд Берк идентифицировал *свободу* как главную характеристику Британской империи еще в 1766 г. «Точно так, как американцы рассматривают сегодня глобальную демократизацию по американской модели как самоочевидное благо, так и англичане в свои дни стремились экспортировать свои институты парламентской монархии всему внешнему миру». То, что англичане делали в Индии, Африке и повсюду в 1904 г., американцы делают в Междуречье в 2004 г.

При этом империи всегда норовили внести свою культуру в жизнь народов, на чьи богатства они посягают. «Англия, откуда римляне вывозили серебро и свинец, была романизирована, равно как Южная Африка, откуда вывозили алмазы, была англоязычна. Вывозя с Ближнего Востока нефть, Соединенные Штаты стремятся трансформировать политическую культуру этого региона»⁷⁰. Фергюсон полностью смыкается с неоконсерваторами, возобладавшими в США: «Я полагаю, что империя будет необходима в двадцать первом веке более, чем когда бы то ни было, поскольку технологические прорывы делают международные угрозы более острыми»⁷¹. Является ли американская империя благом для сопредельных земель? Едва ли. Фергюсон призна-

ет, что «все империи склонны эксплуатировать свое окружение».

Фергюсон прослеживает смещение фокуса американской внешней политики. В начале XX века он был нацелен на Западное полушарие, в середине века — на Европу, а в конце стал смещаться на Ближний Восток.

Плохой стороной имперского сознания Фергюсон считает драматизм восприятия противостоящих явлений. Ни Вьетнам, ни Куба не имели для всемогущих Соединенных Штатов никакого значения; Вашингтон преувеличил значимость этих далеких углов мира; и это стоило огромных жертв. Не преувеличивает ли Америка в XXI веке значимость Афганистана и Ирака? До 1950-х годов Вашингтон не придавал Ближнему Востоку особенного значения и это никак не отражалось на безопасности и экономике Америки. Американцам имело смысл так беспокоиться об этом регионе, когда рядом был могущественный Советский Союз, но в условиях его распада и для американцев стратегическая значимость региона фактически резко снизилась, чего американцы как бы «не заметили».

Фергюсон считает надуманным противопоставление односторонности и многосторонности в действиях Соединенных Штатов: империя всегда действует односторонне, а мощь Америки значительно больше, чем значимость международных организаций, даже таких, как ООН. «Суть в том, что Организация Объединенных Наций не может служить альтернативой Соединенным Штатам, хотя бы потому, что бюджет ООН составляет 0,07 процента федерального бюджета США». ООН не может выступить против США и победить. Валовой продукт четырех постоянных членов СБ ООН составляет 4,5 трлн. дол. — менее половины американского. ООН, полагает Фергюсон, ныне нуждается в США больше, чем США в ООН. Во многом потому, что невиданный рост суверенных государств в XX веке не сделал эти государства процветающими и они обратились

за помощью. «Эксперимент с политической независимостью стал несчастьем для многих бедных стран», а причиной бедности явилось «отсутствие необходимых государственных институтов»⁷². Ключом к экономическому успеху является наличие эффективных государственных институтов, которые *империя* обеспечивает быстрее, чем кто бы то ни было. «Моим центральным тезисом является следующее: либеральный империализм является хорошим феноменом»⁷³.

Неизбежен вопрос: кто *более всего* получает от имперского всевластия внутри самих Соединенных Штатов? Фергюсон с *долей одобрения* приводит ответ экономиста Пола Крюгмена: «Богатейшая часть республиканской партии и нефтяная промышленность». Роковой вопрос: укрепляет или ослабляет Американская империя свое значимость и влияние в мире? И выступает апологетом империй: это более старое государственное образование, чем суверенные государства, и главный носитель цивилизующих институтов. После крушения СССР мир стоял перед выбором — совокупность наций-государств или Американская империя. И империя возобладала. Остается определить, надолго ли.

Исключительной особенностью американской империи, по мнению Фергюсона является «чрезвычайно короткий период существования». Римская империя существовала полторы тысячи лет, Британская империя — полтора столетия; американской империи отведено несколько десятилетий. Почему?

Во-первых и прежде всего, потому, что, в отличие от классических империй, американцы не заселяют завоеванные или зависимые страны. «Несмотря на огромные богатства страны и на грандиозную военную мощь, американцы не склонны к тому, без чего подлинная империя не бывает долговременной. Они не хотят «идти туда» — и если они все же обязаны идти, то считают дни до возвращения домой»⁷⁴. Они игнориру-

ют зависимые страны, они привязаны к метрополии. Но это, увы, не способствует созданию имперской сплоченности.

Во-вторых, хронический дефицит «человеческого материала» явственно ослабляет империю. В Британской империи не была недостатка в энтузиастах освоения завоеванной и заселенной четверти мира. Выпускники Оксбриджа с готовностью брали на себя «имперское бремя» и отправлялись в неведомые углы мира. Не то с выпускниками Гарварда; проконсульская миссия не привлекает их. Да и с солдатами еще дело сложнее — 12-месячное ограничение на пребывание за границей. При этом недостаточность военного персонала в Ираке признана практически всеми. «Кризис принял такие пропорции, что (американская) администрация была вынуждена проглотить свою гордость и просить союзников о подкреплениях».

В-третьих, ЦРУ далеко до британской Интеллидженс сервис. У американской разведки нет ни одного подлинно квалифицированного, говорящего по-арабски агента на Ближнем Востоке, где в свое время блистали Лоуренс Аравийский и Филби-старший. Американцы этой службы «предпочитали жить в окрестностях Вашингтона, исключая для себя операции, грозившие диареей». Никакого киплинговского героизма у этих «тихих американцев», давно описанных Грэмом Грином.

В-четвертых, электоральный цикл в четыре года подогревает чувствительность американского общества к людским потерям. Но долго иметь империю без империалистов невозможно.

В-пятых, низвергая тиранов на Ближнем Востоке, Америка является самым большим должником мира. «Зарубежные долги Соединенных Штатов в 2003 г. превысили 8 трлн. дол.»⁷⁵. США сами вешают себя на крючок зарубежного капитала.

В самом влиятельном американском журнале «Форин афферс» идеологи имперской касты пишут то, что

было немыслимым всего несколько лет назад: «Логика неоимпериализма *слишком убедительна* для администрации Буша, которая не может сопротивляться ей... Хаос в мире является слишком угрожающим, чтобы его игнорировать... Пришло время империи и логикой своего могущества Америка просто обязана играть лидирующую роль»⁷⁶. Время суверенов на мировой арене окончилось. В Вашингтоне звучат призывы создать под руководством США некий всемирный орган, мировое агентство (следуя модели Мирового банка и Международного валютного фонда), который заменил бы неэффективную Организацию Объединенных Наций и имел бы вооруженные силы, которые контролировали бы всю планету. Этот орган мог бы разместить силы там, куда бы их направил руководимый американцами центральный совет. Прежний гимн демократии превратился в апофеоз империи.

Подобные идеи Роберт Каплан популяризировал в книге «Политика воинов: почему лидерство требует языческого этоса». Язычество в Америке XXI века стало предметом восторга. Каплан, назвавший Европу «женственной Венерой», воспекает «восхитительного» императора Тиберия, чей проконсул Понтий Пилат санкционировал распятие Христа. Тиберий, с точки зрения восхищенной имперской мысли современной Америки, «умело сочетал дипломатию угрозы применения силы ради сохранения мира, благоприятного для Рима... В империи была положительная сторона. Она была, в определенном смысле, наиболее благоприятной формой мирового порядка»⁷⁷. Обращаясь к современности, Каплан с одобрением пишет, что Соединенные Штаты стали «более безжалостны в решении задач экономической турбулентности», равно как и в вопросах демографического роста развивающихся стран, в отношении к природным ресурсам этих стран⁷⁸. Далеко ли отсюда до идей удара по Месопотамии, в чьих недрах более десяти процентов мировой нефти?

Газета «Нью-Йорк таймс» поместила серию статей «с мыслью об империи». Впечатляющей представляется статья Э. Икина: «Сегодня Америка является полнокровной империей на манер Римской и Британской империй. Таково общее мнение наиболее заметных комментаторов и ученых нации». Восторг в метрополии, но как воспримут новую имперскую мощь потенциальные колонии? Чарльз Краутхаммер анализирует ситуацию в том же ключе, буквально упиваясь имперским превосходством: «Американский народ выходит из замкнутого пространства к мировой империи. Со времен Римской империи в мире не было подобной мировой силы, которая доминировала бы в культурном отношении, экономически и в военном смысле. Никогда еще за последнюю тысячу лет в военной области не было столь огромного разрыва между державой № 1 и державой № 2... Экономика? Американская экономика вдвое больше экономики своего ближайшего конкурента»⁷⁹». А в «Уолл-Стрит джорнэл» М. Бут под заголовком «В защиту Американской империи» начал давать практические советы: Вашингтону следует оккупировать не только Афганистан, но **Ирак** и «другие беспокойные страны, которые вопиют о просвещенном руководстве». Современный мир должен воспринять ту древнюю идею, что право в империи принадлежит силе.

Для многих такая постановка вопроса Америкой является новинкой, но только не для соседей Соединенных Штатов — Мексики, половину территории которой американцы захватили еще в позапрошлом веке. У памятника покончившим с собой мексиканским кадетам 1848 года слышится: «Самое удивительное относительно удара США по Ираку — это изумление наивных душ».

Дождавшиеся своего часа сторонники имперской внешней политики полагают, что Америка должна вести себя как активный гегемон в силу двух главных со-

ображений: 1) она может себе это позволить; 2) если Вашингтон не обратится к силовым методам и не навязывает свое представление о международном порядке, тогда воспрянут соперники и Америке не избежать судьбы постепенной маргинализации⁸⁰.

Новым в приведенной констатации является не то, что Америка — единственная «сверхдержава» мира (таковой она является со времени окончания «холодной войны»), а то, что в Вашингтоне начали ощущать, *осознавать* отсутствие препятствий, свое неслыханное превосходство, возможность пожирать плоды своего успеха. Изменой национальном чувству стало сомнение в утверждении своих прав на все, включая *предупреждающий* первый удар везде, где стражи империи усмотрят потенциальную враждебность.

Поборники имперских прав энергично призывают Вашингтон возглавить мировое сообщество, прозвучало напоминание о том, что США являются «величайшим получателем благ от глобальной системы, которую они создали. Как держава несравненной мощи, процветания и безопасности, США должны и сейчас возглавить эту систему, претерпевающую время разительных перемен»⁸¹.

Воинственность охватила американское общество удивительно быстро — в течение нескольких лет. Еще в 1990 г. опасения в отношении зарубежной конкуренции испытывали 41% американских производителей, а в начале следующего, двадцать первого столетия страх почти исчез — лишь 10 процентов опрошенных американцев выразили свои тревоги в отношении силовой политики. Страх в отношении объединенной Европы и неудержимой Японии ослаб, Россия сама сокрушила свою мощь, Китай еще сомневается в своей готовности к мировому возвышению.

Теперь 85% лидеров американского бизнеса приветствуют европейскую конкуренцию⁸² — нужно же иметь спарринг-партнера. Годовой доход в расчете на каждого

американца составил 38 тыс. дол. Американский бюджетный дефицит в 2005 фин. г. превысил 100 млрд. дол.

Региональная ориентация

Не все регионы одинаково важны для США, более важны те, торговля с которыми и инвестиции из которых дает критически важный импорт, особенно, нефть, а также регионы, важные в военном смысле. За пределами Западного полушария такими регионами являются Европа, Восточная Азия и Персидский залив. Три вышеуказанных региона касаются высших экономических интересов Америки, импорта энергии, военных связей, союзнических соглашений, историко-культурных связей наиболее фундаментальной важности. Критически важными государствами в этих регионах являются Россия, Китай, Британия, Франция, Германия, Италия, Япония, — и некоторые государства «среднего размера, включающие в себя Канаду, Мексику, Бразилию, Венесуэлу, Нидерланды, Иран, Ирак, Саудовскую Аравию, Кувейт, Южную Корею. Все это говорит, что *ни один регион* и ни одно государство не являются безразличными для США, особенно — за пределами трех регионов — Израиль, Индия, Пакистан, Ангола, и Нигерия.

Возросла важность внешней торговли. За последние тридцать лет доля торговли в ВВП США удвоилась. А ведь на протяжении основной части американской истории доля торговли составляла 3—5 процентов внутреннего продукта, в среднем никогда не более 8—10 процентов. Но за последние 25 лет один только экспорт и один только импорт стали составлять примерно 10 процентов в отдельности. К началу XXI века экспорт стал давать американцам около 11 млн. рабочих мест. А в целом торговля как часть американского ВВП прошла путь от 11 процентов в начале 1970-х годов до 23 процентов к концу 1990-х годов⁸³.

Но ничего не стало важнее жидкого топлива для нации автомобилистов и частных домов. Между 1947 и 2000 годами между 78 и 100 процентами американского нефтяного импорта приходили из трех регионов: Западное полушарие, Ближний Восток и Африка; пять стран — Саудовская Аравия, Канада, Мексика, Венесуэла и Нигерия давали 69 процентов американского импорта в 2000 г.

Знала ли Америка Ближний Восток?

В ноябре 2001 г. журнал «Нэшнл ревью» прямо обвинил Американскую Ассоциацию исследований Ближнего Востока в «полном провале ближневосточных исследований как академического занятия, оказавшегося неспособным подготовить Соединенные Штаты к brutальному терроризму исламского радикализма»⁸⁴. Кабинетные ученые, мол, влезли в дебри абстрактных догм, «расщепляют волос вдоль» и при этом игнорируют национальные интересы США. Завязалась весьма ожесточенная дискуссия.

Самый краткий ответ на вопрос «как это случилось 11 сентября?» звучит примерно так: потому что несколько преисполненных решимости людей — исламских фанатиков — хотели этого и оказались в состоянии произвести нападение, обойдя все охранительные преграды, воспользовавшись неадекватностью разведслужб США, открытостью американских границ.

Но вопрос о причинах решимости девятнадцати самоубийц, их интерпретации религиозных догм, их сознательного стремления стать самоуправляемыми ракетными установками, захватывает гораздо более широкий диапазон проблем. И основой этих проблем была ненависть к политике Соединенных Штатов в ближневосточном регионе.

Многие американские исследователи Ближнего Востока сознательно постарались избежать манихей-

ства, избежать сознательной антагонизации огромного и важного региона, призвали улучшить отношения с арабским миром и поэтому старались не акцентировать внимания на негативной оценке ислама как цивилизации.

Но сказать, что специалисты по исламу не предупреждали западный мир было бы неправдой. Напомним, что влиятельнейший журнал «Форин афферс» поместил еще в 1998 г. статью Б. Льюиса «Разрешение на убийство: Усама бен Ладен объявляет Священную войну». В 1999 г. Майкл Фенди издал исследование, значительная часть которого посвящена карьере бен Ладена со всем из этой карьеры антиамериканским вытекающим. Значительное число весьма квалифицированных исследований было осуществлено непосредственно для ЦРУ, и в них авторы также постарались отойти от иррационального озлобления.

Уже администрация Клинтона сталкивалась с враждебностью, вылившейся, в частности, в несколько террористических актов против американских посольств и военных контингентов. Именно тогда, во времена президента-демократа было создано короткое и простое объяснение, ставшее почти частью политической культуры в США: иностранцы будут *не любить* Америку, что бы она ни делала, просто потому, что она является самой мощной нацией на земле, приверженной при этом демократии и свободному рынку. Так грозное явление получило самоутрачивающее объяснение, годное на все случаи жизни. Это был легкий ответ, и он привел американцев к представлению, что, словами американского аналитика Д. Саймса, «вмешательство во внутренние дела других стран будет ненакладным; Соединенные Штаты будут нести относительно скромные расходы, а не всю плату за последствия своих действий»⁸⁵. Эта теория в конечном счете стала «общепринятым здравым смыслом», она стала привычным и поверхностно убедительным объяснением.

Но эта теория является ложной. Вся история терроризма свидетельствует против того, что абстрактные положения политической философии сами по себе достаточны, чтобы спровоцировать силовое противодействие. Это очевидно в случае Израиля, где терроризм связан с арабо-израильским конфликтом. Указанное объяснение не работает в случае террористических атак в Индии, Шри Ланке, России, Испании, Британии, Колумбии, Алжире, Узбекистане. Эйфелеву вышку хотели уничтожить из-за связей французского правительства с алжирским военным режимом. Почему «Аль-Каида» должна быть иной? Возможно, она является ваххабитской ветвью радикального ислама, предубежденного против западной цивилизации. Но она же не борется слепо против этой цивилизации как таковой, в противном случае ей нужно было бы напасть на более продвинутые, разрешающие гораздо больше, чем сравнительно консервативные США, страны Западной Европы.

Ощущая невозможность «максимально широкого» определения противника, Америка после шока постепенно «сузила» (иначе невозможен был конкретный ответ) территорию противника: террористическая сеть «Аль-Каида» как организация с «искаженной формой исламского экстремизма» — цитируя президента Буша. По мнению Ахмеда Рашида, считающегося лучшим специалистом по мусульманским террористическим организациям (в 2002 г. на Западе вышла его обстоятельное исследование «Джихад»), «Аль-Каида» продолжает действовать по всему миру. Основной проблемой для Запада являются «спящие» ячейки в Европе и других регионах, которые почти невозможно раскрыть. Члены этой организации уже много лет живут, будучи внедренными в западные общества и могут быть задействованы в любой момент. Структура и силы «Аль-Каиды» и режим талибов понесли значительные потери в Афганистане, но это не нанесло никакого урона их

оставшемуся всемирному аппарату. Параллельно в Средней Азии действует Исламское движение Узбекистана (часть структур которого были развернуты в Афганистане и пострадали в ходе боев).

Заново после Сентября мобилизованные, американские специалисты по Ближнему Востоку выдвигают четыре объяснения взрыву исламского терроризма в отношении Америки:

— Влияние военного триумфа в войне с Ираком в 1991 г. Тогда США сознательно постаралось не ожесточить мусульманский мир. «Чтобы навести глянец на современный ислам, эксперты по Ближнему Востоку постарались занизить значимость мусульманского экстремизма, что привело к самоуспокоенности и самоуверенности»⁸⁶.

— США сконцентрировали свое внимание на том, что им кажется наиболее важным — на отношениях с «умеренными» режимами, с прозападными правительствами Саудовской Аравии, Египта, Иордании, на тенденциях развития связей этого региона с Западом. Это заметно отвлекло внимание от воинствующей части ближневосточного политического спектра. Недостаток внимания к радикальным режимам сказался. Потенциальная демократизация Ближнего Востока как бы закамуфлировала упорный радикализм.

— Нефть как стратегическое сырье современной экономики заставляет как бы «сквозь пальцы» смотреть на особенности политического процесса в данном регионе.

— Палестино-израильский конфликт так или иначе занимает в американских отношениях центральное место, как бы уводя в сторону возможность прямого воздействия мусульман на Америку.

Предпосылка новой эффективности исламского фундаментализма, вызвавшая 11 сентября, — глобализация. Можно, конечно отворачиваться, пожимать плечами и т.п., но до сих пор глобализацию видели, в

худшем случае, как раздражающий источник замешательства, причину пока *теоретических* баталий. В одном только 2000 г. границы США пересекли 489 млн. человек, 127 млн. легковых автомобилей, 11,5 млн. грузовиков, 829 тыс. самолетов, 2,2 млн. железнодорожных вагонов. «Возможно, наиболее серьезной угрозой, порожденной атакой 11 сентября, — пишет американец С. Флинн, — является обнаружение мягкого подбрюшья глобализации. Та же самая система, которая питала славные дни 1990-х годов — открытость американской экономики миру — увеличила американскую уязвимость. На протяжении многих лет американские политики, переговорщики и лидеры бизнеса действовали исходя из наивного предположения, что у раскрытия ворот мировой торговли и путешествий нет побочного негативного эффекта»⁸⁷. Американцы опомнились поздно — теперь в США не купить карт основных водных резервуаров, атомных электростанций, мостов и тоннелей. Карты нефте- и газопроводов изъяты из Интернета.

И для любого, кто желает не просто излить эмоции, но понять суть происходящего, следует увидеть *объяснимые* черты поведения террористов, рациональное в их мотивации и в целях. Отрицать, что названные проблемы противоречат установленному надолго внешнеполитическому курсу США, было бы противиться очевидности. В США уже говорят о «болезненных последствиях триумфализма, который овладел Соединенными Штатами после окончания холодной войны»⁸⁸.

Фактор религии

Не все в нашем мире определенно знают, насколько религиозным является американское общество. При общем джефферсоновском отделении государства от религии (Т. Джефферсон считал «Акт о религиозной свободе» своим высшим вкладом в американскую политическую жизнь), представить себе президента, сена-

тора или члена палаты представителей-атеиста весьма трудно. Религиозная жизнь в США весьма специфична, здесь мирно уживаются самые различные религии и верования вплоть до удивительных сект и культов. Преувеличить влияние христианской религии для США просто невозможно — это суть и душа Америки. По воскресеньям американцы идут в церковь.

Но при всей культурно-этнической пестроте американского общества фактом является практически абсолютное господство на политической арене США WASP — белых англосаксов *протестантов*. Уже избрание президента-католика (1960 г.) было своего рода общественной революцией. Представить себе президента США, клянущегося не на библии, а на талмуде, Коране, буддийских или индуистских текстах просто невозможно. По меньшей мере, в обозримом будущем. И церковь, на которой стоит американское государство, административный аппарат, армия, суды и истеблишмент — это христианский протестантизм. Читатель может указать на вкрапления католицизма (ирландцы, итальянцы, испаноязычные, поляки), иудаизма (евреи), православия (восточные славяне), но все эти исключения лишь подтверждают правило: правящий американский мейнстрим — христианский протестантизм. Надпись на долларе «Мы верим в Бога» означает совершенно определенного бога.

В англосаксонском мире сегодня героизируют «воинствующий христианский фундаментализм». Это явление Петерс из Колледжа армии США (Карлейль, Пенсильвания) подает как единственный достойный ответ воинствующему исламскому фундаментализму бен Ладена. «Саддам как Валленштейн, Усама как Пикколомини, Колин Пауэлл как Ришелье, а все вокруг — от Колумбии до Индонезии — наемники». Петерс призвал к захвату нефтяных месторождений Персидского залива. Он готов воевать «хоть 100 лет».

Посетив зимой 2001 г. штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, президент Путин заметил, что видит в НАТО перемены, в свете которых эта организация не смот-

рится более старым военным альянсом, направленным против России. «Говорят, что НАТО становится скорее политической, чем военной организацией. Мы наблюдаем за этим процессом. Если дело пойдет таким образом, то все изменится значительно... Мы верим, что происходящее ведет к качественной перемене в отношениях России и Запада». Для демонстрации своей благорасположенности Россия сделала несколько недвусмысленных жестов — объявила о своем уходе с баз Камрань (Вьетнам) и Лурдес (Куба)⁸⁹.

Глава 2

ЛЕВИАФАН

После окончания «холодной войны» Россия довела численность своих бомбардировщиков дальнего радиуса действия до 39% прежнего состава, на 58% стало меньше МБР, на 80% меньше ракет подводных лодок. 80% шахтных МБР пережили срок своей годности... По мере ослабления России растет возможность первого удара Америки⁹⁰.

Либер К, Пресс Д., 2006

После окончания холодной войны американский ядерный потенциал увеличился значительно. США заменили баллистические ракеты на своих подводных лодках более точными «Трайидент IID-5» с новыми, более мощными боеголовками. ВМС США сместили огромную долю своих подводных баллистических ракет в Тихий океан к китайским и русским берегам, где не работают русские радарные системы. ВВС США завершили оборудование своих Б-52 ядерными крылатыми ракетами, «невидимыми» для радаров России и Китая. Воздушные силы увеличили численность бомбардировщиков Б-2-с технологией «стелс», позволяющим им летать чрезвычайно низко и избегать даже супер-

современных радаров. Наконец, США установили мощные боеголовки ракет МХ и мирвированные боеголовки на МБР «Минитмен», достигших точности ракет МХ... Америка получила возможность первого удара».

Нет равных

После крушения СССР, США ощутили невероятную военную мощь. Америка — с полутриллионными военными расходами — несколько скептически смотрит на прежние самые развитые военные страны — Россия (64 млрд. дол. военных расходов в год); Китай — 46 млрд. дол. военных расходов; Япония — 40 млрд; Британия — 35 млрд. дол. в год; Франция — 33 млрд. дол. в год; Германия — 27 млрд.; Саудовская Аравия — 24 млрд.; Италия — 21 млрд.; Индия — 14 млрд.; Южная Корея — 11 млрд. дол. Америка расходует 476 млрд. дол. — значительно больше всех остальных. Вашингтон обращает большое внимание на численность вооруженных сил: КНР — 2,3 млн. военнослужащих; США — 1,4 млн. военнослужащих; Индия — 1, 3 млн. военнослужащих. Северная Корея — 1,1 млн. военнослужащих; Россия — 1 млн. военнослужащих; Южная Корея — 683 тыс. военнослужащих; Пакистан — 612 тыс. военнослужащих; Турция — 610 тысяч военнослужащих; Иран — 513 тыс. военнослужащих; Вьетнам — 443 тыс. военнослужащих.

Ощущение всевластия — сильное чувство. Исчезают интеллектуальные предохранительные барьеры, возникает желание «быть достойным своего времени», растет ощущение праведности силовых акций, «заслуженных» двухсотлетним ростом страны. Все это в концентрированном виде сказалось в «доктрине Буша», как бы давшей Америке не только право, но обязанность строить мир по своему ранжиру.

Но самое главное в стратегии единственной сверхдержавы, утверждают американские авторы, — это различие в миссии. Традиционные крупные державы бьются за свои интересы, но Либеральная империя — за мировой порядок и упорядоченное развитие, за гос-

подство одной цивилизации — самой мощной и военизированной. Одна из главных функций вооруженных сил США — создание демократических государств по всему мировому периметру при сохранении лидерства в авангарде — в «золотом миллиарде», где сконцентрирована индустрия, финансы, наука, «soft power» Запада, то есть его привлекательность и научная мощь.

Военная мощь сверхдержавы

Прежде чем обратиться к американской авантюре на Ближнем востоке, сделаем самую общую оценку мощи звезднополосатого мира. Американские теоретики без малейшего смущения пишут, что «военная мощь на протяжении последних 60 лет была *доминирующим* элементом во внешней политике США»⁹². С уходом в небытие соперницы-сверхдержавы на долю США в конце XX века выпала феноменальная удача — накопленная за период «холодной войны» мощь оказалась лишенной противовеса, свободной для использования в целях мирового стратегического доминирования.

Современные вооруженные силы Соединенных Штатов позволяют реализовывать американские планы на четырех океанах и всех материках — нет на земной поверхности убедительной контрсилы. Это привело к тому, что США как бы лишились тормозов и стали на путь, на котором приемлемо вести в современном мире краткосрочные (или кажущиеся таковыми), победоносные войны. Вашингтон посчитал возможным и даже обязательным возомнить: «Сверхпреобладание «Левиафана» (т.е. могучего гиганта в лице американской военной мощи. — А.У.) заставит потенциальных противников стремиться избегать столкновения с ним при любых возможных условиях»⁹³.

США создали триаду стратегических ударных сил, самый большой в мире военно-морской флот, превосходящую авиацию и мощные сухопутные силы, разме-

щенные на всех континентах. Только эта страна имеет подлинно флот всех четырех океанов. Мощь глобального масштаба включает в себя стратегическое и тактическое ядерное оружие, атакующие подводные лодки наряду со спутниками в космосе, флот двенадцати тяжелых авианосцев и несравненные силы быстрого развертывания. Цифры зачастую говорят более убедительно, чем слова. Бросим взгляд на общие контуры американской военной машины.

*Американский военный арсенал после десяти лет
российского разоружения — к началу XXI века.*

Армия

Дивизии на действительной службе — 10

Резервные дивизии — 8

Резервные бригады — 15

Военно-морская пехота

Численность дивизий — 3

Резервные дивизии — 1

Танки — 8369

Бронетранспортеры — 27 627

Артиллерийские установки — 7225

Военно-воздушные силы

Количество истребительных крыльев — 12

Резервные истребительные крылья — 8

Бомбардировщики — носители обычных зарядов — 96

Истребительная авиация (численность самолетов) — 4475

ВМС

Крупные надводные корабли — 134

Авианосцы — 12

Подводные лодки стратегического назначения — 18

Атакующие подводные лодки — 66

Надводные корабли — 311

Стратегические ядерные силы

Бомбардировщики В-52; 21 В-2; 95Б; 1Б — 71

Стратегические балл. ракеты Минитмен III — 530

Пискипер МХ— 50

Источник: International Institute for Strategic Studies. The Military Balance 2002/2003. Oxford University Press, London, 2004, p. 20-27; 108-112.

В целом это устрашающая мощь

Как пишет М. Уокер, «Соединенные Штаты обрели военное доминирование, равное совокупной океанской мощи Пакс Британники и военной мощи имперского Рима периода его расцвета»⁹⁴. Армия Рима в пик имперского влияния при императоре Траяне (начало второго столетия нашей эры) имела численность менее 400 тысяч воинов. Пик численности имперской армии викторианской Британии — 356 тысяч солдат (вместе с индийскими сипаями) в 1897 г. Вашингтон в начале XXI века контролирует гораздо более обширные пространства — он размещает 100 тысяч своих солдат в Европе, 37 тысяч в Южной Корее, 25 тысяч в Персидском заливе, 20 тысяч в Японии, по несколько тысяч на Балканах, в Центральной Азии, в Афганистане, отдельные контингенты в Закавказье и на Филиппинах, в Латинской Америке.

В 2000 г. окончилась фаза стагнации военных расходов США, связанная с окончанием холодной войны, и начался подъем военных расходов. Кривая, характеризующая рост американских военных расходов, достигла 300 млрд. дол. в 2001 г., и, согласно опубликованным планам, достигает 350 млрд. дол. в 2002 г., 400 млрд. дол. в 2003 г. и 476 млрд. дол. в 2006 г.⁹⁵. Прежние великие европейские страны и Япония на данном историческом этапе даже не пытаются сокра-

тять безнадежно для них расширившийся разрыв в степени военной вооруженности, в качестве оружия, сопоставимого с Левиафаном.

Для чего же нужна эта мощь, если ею не пользоваться? Сформировались силовые возможности глобального масштаба. Теперь проведение внешнеполитического курса колоссально поддерживается несравненным боевым арсеналом. При этом, если в противостоянии с СССР действовал закон «взаимного сдерживания (Советский Союз в ответном ударе мог *уничтожить* Соединенные Штаты), то в противостоянии США с малыми и средних габаритов странами *уже ничто не сдерживало* заокеанского гиганта.

Отчего бы не воспользоваться средствами невиданного силового давления? «Сильный имеет гораздо больше способов справиться с противниками, чем слабый, при этом сильный независим. Соединенные Штаты являются единственной страной, способной создать глобальную военную коалицию, как это было в случае на Балканах и с **Ираком**»⁹⁶.

Присовокупляя к американской мощь их союзников возникает немислимое скопление силы. Это весь индустриальный мир, это «золотой миллиард», это Запад против «не-Запада». Цифры и здесь экономят прилагательные, они дают общую картину.

Военная мощь США — союзники и потенциальные противники

США и их союзники						
	Вооруж. силы	Танки	БМП	Самолеты	Вертолеты	Крупн. корабли
США	1384400	8303	24075	9030	6779	200
Франция	294430	834	6041	1160	642	46
Германия	321000	2815	5802	790	734	28

Британия	212450	616	3278	1146	435	50
Турция	609700	4205	4293	994	362	36
Греция	159170	1735	2657	645	196	24
Остальн. НАТО	979880	5138	17098	3001	1630	135
Австралия	50600	71	574	294	123	12
Япония	236700	1070	940	825	623	71
Южная Корея	683000	2390	2583	765	473	58
Общая числен.	4930330	30839	64679	18650	11997	660

Страны, дружественные США

Израиль	172500	3900	5900	945	295	2
Пакистан	612000	2285	1000	665	187	18
Сауд. Арав.	126500	1055	4710	574	206	8
Тайвань	370000	739	2080	733	297	37

Потенциальные противники

Куба	58000	900	750	208	90	—
Иран	513000	1134	1145	269	718	8
Ирак	429000	2200	4400	350	500	—
Ливия	76000	2210	2620	594	202	4
Сев. Корея	1082000	3500	3060	1167	320	29
Судан	105500	170	488	46	28	—
Сирия	316000	4850	4785	640	221	2
Общая числен.	2262500	14965	17248	3274	2079	42

Другие крупные страны

КНР	2470000	7060	5500	3632	497	125
Индия	1303000	3414	1697	1498	431	42
Россия	1004100	22300	29665	5397	2788	102

Источники: International Institute for Strategic Studies, London;
US Department of Defense, 2004.

Перспективы буквально завораживают американских военных и политиков: в ХХІ веке «Соединенные Штаты, учитывая их человеческие и естественные ресурсы, их мощь и размеры, получили шанс играть доминирующую дипломатическую и военную роль в мировых делах, вопреки недовольству и сопротивлению многих стран. Это недовольство может повести к противодействию, влекущему насилие... Все рекомендации на будущее основываются на *продолжении* американского вовлечения в дела других наций, на том, что американская мощь будет решающим фактором в мировом прогрессе в течение следующей четверти века»⁹⁷.

Контроль в ключевых регионах

До настоящего времени фактически ни одна из ключевых сторон — ЕС, Япония, Россия и даже (пока) Китай не вышли на тропу подлинного военного соперничества с Соединенными Штатами. Американцы удовлетворенно констатируют: «Силы порядка сегодня явно мощнее сил хаоса в современном мире. За последнее десятилетие коллапс финансовых рынков произошел несколько раз, но глобальная экономика выстояла. Антиглобализационные протесты дошли до ярости, но система свободного рынка сохранилась. Террор сокрушил Международный торговый центр, но столкновения цивилизаций не последовало»⁹⁸.

Основные силы мировой арены на текущем этапе предпочитают прильнуть к гегемону. Если некоторые из стран и наращивают степень своей вооруженности, то имеют в виду не всемогущие Соединенные Штаты, а собственных соседей: Индия и Пакистан, Индия и Китай, Китай и Тайвань, Израиль и арабский мир. В начале ХХІ века преобладает тезис, что «лучше быть с сильнейшим, чем против него».

Исторический опыт говорит, что господство сильнейшего — временно действующая система, но многополярность складывается медленно. Пока мы можем говорить о *глобальном* влиянии США. В Южной Азии в качестве посредника призывают Соединенные Штаты, а не, скажем, соседние Китай или Японию. Пакистан поддерживал Талибан до тех пор, пока против него не выступили США. Польша предпочитает опереться на далекую Америку, а не на близкую Францию (не говоря уже о Германии, помнящей о Силезии и Восточной Пруссии. От Прибалтики до Южной Кореи Вашингтон смотрится арбитром и гегемоном. Сейчас, в первые годы XXI века движение под крылья американского орла превосходит тенденцию сформировать лагерь обиженных Америкой.

И это понятно: в начале XXI века Соединенные Штаты владеют крупными военными базами в 45 иностранных государствах при военном присутствии в 120 странах (из 192 стран — членов ООН). Главный способ контролировать неведомое будущее — физически присутствовать в ключевых точках. Страна, которая сама признает, что ей никто не угрожает захватом территории, содержит огромную сеть баз по всему миру. Английский журнал «Экономист»: «Америка располагает 725 военными установками за пределами своей территории, из которых 17 являются полномасштабными базами, где из общего числа 1,4 млн. военнослужащих 250 тысяч американских расположены на заморских базах»⁹⁹ (438 — в Канаде и Европе, 186 — в Юго-Восточной Азии и Тихом океане, 14 — в Латинской Америке, 7 — на Ближнем Востоке и в Африке, 1 — в Южной Азии, 3 — в Центральной Азии. По оценке американского политолога, «как только американские войска располагаются на иностранной территории, эта территория немедленно включалась в список американских жизненных интересов»¹⁰⁰.

В Европе находятся 113 тыс. американских военнослужащих. Сенатор Мойнихен: *«Они стоят как римские легионы»*. (4 тыс. на военно-морских кораблях). В Азии размещаются 177 тыс. американских военнослужащих плюс 33 тыс. на флоте. (Согласно т.н. Докладу Ная, этот уровень будет поддерживаться в Азии еще как минимум 20 лет.) 140 тыс. американских военнослужащих размещены в районе Персидского залива (5 тыс. на флоте)¹⁰¹. 20 тыс. американцев в униформе патрулируют Боснию и Косово; в состоянии постоянной боевой готовности 12 авианосных групп — особенно существенное значение имеет патрулирование нефтяной кладовой мира — Персидского залива (1) и пролива, отделяющего Тайвань от КНР (2); патрулирование Ирака, края Косово. Армейские дивизии с огромным тылом в виде систем снабжения горючим, продовольствием и боеприпасами остаются твердой основой приготовления к ведению боевых действий на суше, равно как авианосные боевые группы и амфибийные соединения являются основой военно-морских сил, а эскадрильи самолетов — для авиации.

Ощущение неимитируемой силы порождает чувство безнаказанности. Сегодня те, кто определяет американскую политику не без основания уверены, что *«ни одна страна не способна иметь (военный) бюджет, вооруженные силы, технологию, военную организацию равные американским. Даже для взятых во едино европейских военных структур понадобились бы десятилетия, чтобы достичь американского уровня; гораздо большее время требуется Китаю для реструктурирования своей военной системы и для России для восстановления своего прежнего военного могущества»*¹⁰². В результате в настоящий момент *«Америка оказывает большее влияние на международную политику, чем какая-либо другая держава в истории»*¹⁰³. И надолго. Даже самые осторожные среди американских пессимистов признают, что несказанно благоприятное стечение обстоятельств гарантирует

Америке как минимум двадцать лет безусловного мирового лидерства.

Разве не повод для ликования? «Во всех практических смыслах, — размышляет Р. Стил, — Америка неуязвима. Ей не грозит никакое вторжение. У нее нет врагов, желающих ее крушения. Она не зависит от внешней торговли... Она кормит себя сама. Она имеет союзников и при этом не зависит от них — никогда не зависела от них даже в годы холодной войны. Соединенные Штаты распространили сеть военных баз — и созданы эти базы не ради самозащиты»¹⁰⁴. «Никогда со времен древнего Рима, — пишет Ч. Мейнс, — отдельно взятая держава не возвышалась над международным порядком, имея столь решающее превосходство»¹⁰⁵.

В 2002 г. военные планировщики США ввели в зону американской военной ответственности все оставшиеся неохваченными регионы Земли: не осталось ни пяди земли, которая не находилась бы в компетенции одного из региональных командований министерства обороны США — от Арктики до Антарктики. 1 октября 2002 г. в Пентагоне был создан центр военного контроля — Верховное командование, курирующее системы раннего обнаружения, спутники системы противоракетной обороны, а также стратегические средства наступательного характера с применением как обычного, так и ядерного оружия. Создан глобальный по охвату объединенный командный аппарат, задачей которого является нанесение превентивных ударов. Наступила новая эпоха в военном контроле США над планетой.

Зоны военной ответственности

В поделенном на секторы американской ответственности мире создано Главное военное командование для организации обороны Северной Америки

(НОРТКОМ) — от севера Аляски до Мексики на юге. Это командование курирует также прилегающую акваторию по 500 миль в Тихом и Атлантических океанах, зону вокруг Кубы и в целом бассейн Карибского моря.

Расширены полномочия Главного командования в Европе (ЕВКОМ). К уже отнесенным к полномочиям этого командования северо-востоку Африки, Израилю, Сирии и Ливану, Закавказью и части Атлантики добавлены остающаяся Северная Атлантика, большая часть Южной Атлантики и — это важное новое — *Россия*. Заметим, что *Россия впервые оказалась в зоне ответственности специального регионального американского командования*. «Подобный подход, — пишет германская газета «Франкфуртер рундшау», — со всей очевидностью свидетельствует о том, что Вашингтон больше не считает Москву сверхдержавой»¹⁰⁶.

К зоне ответственности Главного командования в зоне Тихого океана (ПАКОМ) помимо прежних Китая, Индии, ЮВА, Японии и Австралии отнесена Антарктида, прежде в силу своего особого статуса не входившая в чью-либо зону опеки. Командование ПАКОМ должно оказывать поддержку ЕВКОМ в вопросах воздействия на Россию в Дальневосточном военном округе. Южное командование (САУСКОМ) вводит в зону своего контроля Южную и Центральную Америку.

Наиболее существенное для данной книги — Центральное командование (СЕНТКОМ) контролирует Персидский залив, Центральную Азию, Пакистан. Сюда с 2001 г. обращено особое внимание Пентагона, отсюда Вашингтон видит наиболее реальные военные угрозы.

Снабжением региональных командований занимается Единое командование специальных сил (СОКОМ) и Транспортное командование (ТРАНСКОМ). Специальное Объединенное командование вооруженных сил (Дж Эф Си) занимается разработкой стратегии на слу-

чай глобального конфликта. В конце июня 2002 г. американское руководство объединило два важнейших специальных главных командования — Командование космическими силами (СПЕЙСКОМ) и Командование стратегическими силами (СТРАТКОМ).

Централизация глобальной зоны контроля получила свое завершение. Под одну крышу на базе в Оффуте (Небраска) сведены все военные компоненты новой стратегической триады США, а также контроль над спутниковой системой, над ранним обнаружением и защитой США от ракетных ударов, ответственность за организацию наступательных операций на большом удалении с применением как обычного, так и ядерного оружия. Так произошла колоссальная реорганизация вооруженных сил США в условиях их практического военного всемогущества.

Произошел пересмотр возможности *превентивных упреждающих* ударов не только по недружественным странам, но и по враждебным организациям. Речь открыто идет о ударах с применением ядерного оружия (указывается, что ряд объектов типа бункеров *не могут* быть поражены конвенциональным оружием). Создан и своеобразный термин: *оборонительная интервенция*. Права выбора рода применяемого оружия принадлежит единственно Верховному командованию США.

Американцы могут полагаться не только на свою мощь. США входят в *шесть* коллективных военных союзов, созданных в разгар холодной войны в 1947—1960 гг.: Договор Рио-де-Жанейро (1947); Североатлантический Союз (1949); Договор США с Филиппинами (1951); Договор АНЗЮС (1951); Договор США с Южной Кореей (1953); Договор США с Японией (1960). Эти союзы постоянно увеличиваются. Так, НАТО в 2005 году увеличилось на несколько членов в Восточной Европе.

С перспективой на 2025 г. в США ставится задача поддержания тесных связей с союзниками по НАТО, с

Европейским Союзом, с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, с Организацией Американских государств (ОАГ), с ключевыми странами на Ближнем Востоке, Дальнем Востоке, в Азии и Африке¹⁰⁷.

Экономика

Экономика Соединенных Штатов оставила далеко позади потенциальных соперников и ныне, спустя более полувека после окончания Второй мировой войны, ее превосходство над поверженными тогда Германией и Японией убедительнее, чем когда бы то ни было. Восстановившие свою мощь страны не смогли приблизиться к показателям Америки, о чем свидетельствует таблица ниже.

Степень доминирования. Соотношение валового внутреннего продукта гегемона и ближайших конкурентов (гегемон =100).

Год	США	Брит.	РФ	Япон.	ФРГ	Фран.	КНР
1870	108	100	90	—	46	75	—
1950	100	24	35	11	15	15	—
1985	100	17	39	38	21	18	46
1997	100	15	9	38	22	16	53
2004	100	15	13	35	21	15	52

Источник: «Economist», June 29-July 5 2005. A Survey of America's World Role, p.8.

«Восьмерка» расходует 90% общемировых расходов на исследования и разработки. На занимающую второе место Японию приходится — 17,6%, на Германию — 6,6%, Британию — 5,7%, Францию — 5,1%, Китай — 1,6%)¹⁰⁸. И эти расходы дают весомые резуль-

таты: не менее половины новых технологий мира создается в начале XXI века в Америке (что детально показывает Совет по конкурентоспособности — аналитический центр американской индустрии, расположенный в Вашингтоне¹⁰⁹).

Более 40% мировых инвестиций в компьютерную технологию приходится на американские компании — более 220 млрд. дол. Соотношение числа компьютеров к работающим в США в пять раз выше, чем в Европе и Японии. Это дает американскому бизнесу внушительное превосходство над конкурентами. Компании «Интел», IBM и «Моторола» производят существенно важные компоненты собственно компьютерной техники. В то же время «Майкрософт», «Оракл» и «Нетскейп» обеспечивают главные мировые программы, и все они основаны в Америке, где располагаются их штаб-квартиры. Экспорт «Виндоуз» и «Лотус 1, 2, 3» постоянно растет. Основанный министерством обороны США Интернет стал глобальным феноменом, но большинство включенных в Интернет 15 000 телевизионных сетей базируются в Соединенных Штатах¹¹⁰.

США расходуют вдвое больше средств на душу населения на информационно-технологические нужды, чем западноевропейские фирмы. Более 90 процентов сайтов в Интернете являются американскими. Американские компании являются главными поставщиками «кремниевых мозгов». В стране находятся 40% общего числа компьютеров в мире. Наличие наиболее эффективного экономического организма; организационные, технические и идеологические инновации (более трети мировых патентов), совершенство индустриальной организации, доминирование в мировой валютной системе, главенствующие позиции в мировой торговле, обладание самыми мощными ТНК, возможность оказывать массированную экономическую и гуманитарную помощь внешнему миру — все это позволило Америке установить первенство в основных

отраслях современной экономики. Университеты США и американский бизнес легко абсорбируют в американскую экономику талантливых иностранцев — как когда-то Римская империя. Фактом является то, что все сторонники расширения мировой торговли, снятия барьеров, расширения экономического поля деятельности так или иначе входят под мантию американского технологий, американской промышленности и торговли. Сень американского орла — залог приобщения к самому богатому и софистичному рынку мира. В этом гигантский фактор американского могущества. Торговля и финансы сплачивают то, что быстро становится имперским доменом. При этом существенно следующее благоприятствующее Америке обстоятельство: там, где она нарушает каноны свободной торговли — скажем, в области поощрения своего сельского хозяйства, защиты текстильной промышленности, сталеплавильной отрасли — их главные конкуренты-западноевропейцы нарушают правила либерализма сами и это как бы нейтрализует активную американскую торгово-промышленную самозащиту. На этой основе трудно предвидеть формирование некоего антиамериканского альянса. Еще более жестко, чем прежде проявил себя тот факт, что производительные силы современного мира принадлежат крупным компаниям-производителям, тем многонациональным корпорациям (МНК), полем деятельности которых является вся наша планета. В современном мире насчитывается около двух тысяч МНК, которые распространяют свою деятельность на шесть или более стран. Среди них пятьсот крупнейших имеют совокупный продукт в 21,9 трлн. дол. (61 процент мирового валового продукта). Они контролируют капиталы в 35,6 трлн. дол. Их ежегодные доходы равняются 810 млрд. дол. в год. На этих пятистах многонациональных компаниях заняты 84,5 млн. человек. 93 процента их штаб-квартир рас-

положены в США, Западной Европе и Японии. Среди 50 самых больших МНК двадцать семь — американского происхождения¹¹¹.

Представляющий «Нью-Йорк таймс» Т. Фридмен говорит о Соединенных Штатах как о стране, «получающей наибольшие возможности сформировать коалицию, которая проводит глобализацию в глобальном масштабе... Соединенные Штаты, к примеру, решают, куда следует направить капитал, информацию и военную мощь для спасения косоварских албанцев, изгнанных из Югославии в 1999 году. Именно Соединенные Штаты определяют правила, по которым работает Всемирная торговая мировая организация и условия, на которых в нее может быть принят Китай. Именно Соединенные Штаты сформулировали ответ Организации Объединенных Наций на действия иракского **президента Саддама Хусейна**.. Другим странам НАТО, китайцам и русским остается лишь подчиняться, иногда очень неохотно»¹¹².

Лишь несколько стран в силу собственной культуры, цивилизационных особенностей и исторического развития (близость к СССР) не входили в мировую зону США, и это делало их потенциальными жертвами. **Одной из таких стран был Ирак.**

Сила создает новую мораль

Наличие силовых возможностей открыло, по словам американского эксперта Басевича, «перспективу чистого, быстрого и приемлемого решения насущных проблем, вооруженные силы стали предпочтительным инструментом американского государственного искусства. Результатом стала обновленная, интенсифицированная — и, возможно, необратимая — милитаризация американской внешней политики»¹¹³. Как характеризует сложившееся положение американский политолог

Томас Фридмен, мир поддерживается «присутствием американской мощи и американским желанием использовать эту военную мощь против тех, кто угрожает их глобальной системе... Невидимая рука рынка никогда бы не сработала без спрятанного кулака. Этот кулак виден сейчас всем»¹¹⁴.

По определению, данному президентом Б. Клинтон в январе 1998 г. в Национальном оборонном университете, *«дипломатия и сила являются двумя сторонами одной и той же монеты»*¹¹⁵. Государственный секретарь США М. Олбрайт обратилась к американским военным со словами, которые трудно трактовать двояко: *«Какой резон иметь эту превосходную военную машину, о которой постоянно говорят военные, если мы не можем ее использовать?»* Президент Дж. Буш-мл.: *«Говоря в терминах мощи, наша страна стоит как сверхдержава в одиночестве... Вот почему мы можем проецировать мощь на весь мир»*¹¹⁶.

Полагаясь на эту мощь и наличие союзников, американские политологи делают однозначный вывод: *«Соединенные Штаты являются единственным в мире государством с потенциалом глобальной проекции мощи; они способны осуществлять базирующееся на наземных плацдармах доминирование на ключевых театрах; они обладают единственным в мире всеокеанским военно-морским флотом; они доминируют в воздухе; они сохраняют способность первого ядерного удара, продолжают инвестировать в системы контроля, коммуникаций и разведки... Следует признать, что любая попытка непосредственно соперничать с Соединенными Штатами безнадежна. Никто и не пытается»*¹¹⁷.

Условия, сложившиеся в мире после 1991 г., позволили Соединенным Штатам использовать свои вооруженные силы для целей принуждения практически без риска возмездия. Используя превосходную техноло-

гию ударов по наземным целям издалека, Соединенные Штаты свели до минимума риск ответного удара по своим вооруженным силам. Но наиболее выпукло силовую основу внешней политики США осветил неожиданно рассекреченный в 1992 году плановый документ Пентагона, несущий в себе идеи так называемой «доктрины Буша»: *«Нашей главной целью является предотвращение возникновения нового соперника, будь то на территории бывшего Советского Союза или в другом месте, который представлял бы собой угрозу, сопоставимую с той, которую представлял собой Советский Союз... Нашей стратегией должно быть предотвращение возникновения любого потенциального будущего глобального соперника»*¹¹⁸.

В 2006 г. США расходуют почти 40 процентов мировых затрат в военной сфере. Больше, чем 15 следующих за ними стран. Идеологи американской глобальной контрольной вахты *не предвидят* появления хотя бы примерно равного себе по мощи противника на мировой арене еще примерно двадцать лет. Президент Дж. Буш запросил такой темп роста военного бюджета, который позволит к 2007 г. довести его до 476 млрд. дол. Президент Буш выдвинул проект создания стратегического щита вокруг Америки, что в течении примерно десятилетия полностью изменит соотношение сил между ядерными державами мира в американскую пользу. «На пути к созданию такой системы отношения между Америкой и другим крупными ядерными державами, — пишет английский «Экономист», — радикально изменятся»¹¹⁹. В частности Вашингтон уже попросил Брюссель ликвидировать натовское командование на Атлантике АКЛАНТ, поскольку американского контроля над регионом уже достаточно. Вашингтон, по существу, отказывается от совместного обеспечения морских путей в Атлантике. Америка все более опирается на собственные военные рычаги в данном регионе.

Глава 3

ВЫСШИЙ КРУГ РУКОВОДСТВА

Большинство развитого мира видит в поведении Белого дома президента Буша проявление крайней близорукости.

Томас Барнет, 2005¹²⁰

Прежде чем обратиться к собственно военным действиям, к вторжению сооруженных сил США в Ирак, посмотрим как видел и анализировал Месопотамию высший круг американского руководства, как он стал относиться к внешнеполитическим проблемам.

Особенность соотношения внутренних сил

У партии есть центр, правое и левое крыло. То, что произошло в 2000 году, — представляет собой общий поворот американского республиканизма вправо, сдвиг республиканской партии США в сторону гегемонизма, силовой политики, подчинения американским интересам международных организаций.

Посмотрим на позиции этих фракций в их отношении к верховной власти в стране, к оптимальной стратегии Вашингтона в бурно развивающемся мире.

Если быть точными, то левое крыло республиканцев, являвшее собой прежний атлантический истеблишмент, прежний внешнеполитический мейнстрим, ныне оттеснено от власти. Да, либеральные фонды — Форд, Рокфеллер и Макартур будут помощнее: 833 млн. дол. в 2004 г. против 68 млн. дол. неоконсервативных фондов. Либеральные «Нэшнл ревью», «Нэйшн», «Нью рипаблик», «Нью-йоркер» (не говоря уже о «Тайм» и «Ньюсуик»). Но главные источники власти уже очевидно сместились.

Политическая власть в начале ХХI века поделена между центром (представители которого действуют как **демократические империалисты**) и правым флангом республиканцев (которые получили обозначение как **неоконсерваторы**). Назовем вначале ведущих неоконсерваторов. Это бывший первый замминистра обороны, ныне возглавляющий Всемирный банк — Пол Вулфовиц; замминистра обороны по разработке политики Дуглас Фейт; начальник штаба вице-президента Льюис «Скутер» Либби; ведущий в Совете национальной безопасности Ближний Восток, Юго-Западную Азию и Северную Африку Элиот Эбрамс; член Совета по разработке оборонной политики Ричард Перл. Остальные «неоконы» в основном *судят и рядят* о политике, но не формируют ее. Они ее «философы», воздействующие на американское общество со страниц ведущих печатных изданий — Уильям Кристол в «Уикли стандарт», Макс Бут в «Уолл-стрит джорнэл», Чарльз Краутхаммер в «Паблик интерес» и «Комментари». Философ Сидни Хук, политологи Ирвинг Кристол и Роберт Каган пишут книги, которые благодаря рекламе становятся бестселлерами. Прежний представитель США в ООН Джин Киркпатрик ныне преподает. Экс-директор ЦРУ Джеймс Вулси подумывает о мемуарах, Майкл Новак ударился в теологию. «Неоконы» сильны в таких аналитических центрах, как Американский предпринимательский институт, Проект Нового Американского Века, в таких фондах, как Брэдли, Джон Олин, Смит Ричардсон.

В политическом центре неоконсерваторам так или иначе противостоят собственно люди президента, (которые несколько отстают от неоконсерваторов и в американской политической жизни ведут себя как **демократические империалисты**). Их возглавляет собственно президент Джордж Буш-мл., их ведет за собой вице-президент Ричард Чейни, их безусловный лидер — министр обороны Дональд Рамсфелд, их идеи

олицетворяет государственный секретарь Кондолиза Райс. Не все они (и не всегда) благоволят к «неоконам». Многие из «грандов» нового американского империализма осуждали яростную активность «неоконов» на Балканах, опускали международные разделы в речах Буша-мл., когда тот лишь претендовал на Белый дом.

Неоконсервативные журналы имеют меньший тираж, чем откровенно либеральные.

Неоконсерваторы

Современный американский неоконсерватизм — мощная и сплоченная сила, искусная в идеологическом споре и в трактовании оптимального американского курса в огромном внешнем мире.

Итак, кредо неоконсерватизма: открытое провозглашение первенства США в международных делах, снижение роли международных организаций, предваряющие удары по потенциальным противникам, любые действия, предотвращающие распространение оружия массового поражения, подозрение в отношении даже старых союзников (не говоря уже о новых доброхотах, таких, как РФ), сокрушение «оси зла» (Иран, Сирия, Северная Корея), привнос демократии в такие далекие от нее регионы как Ближний Восток, активное использование уникального факта американского всемогущества («история не простит бездействия»). Мантра «неоконов»: величайшей опасностью для Америки сегодня является возможность создания одним из «rogue states» («агрессивных государств») или террористической организацией ядерного оружия, которым оно может снабдить диверсионные группы, стремящиеся проникнуть в Соединенные Штаты.

«Звездный час» политического всемогущества настал для неоконов в трагическое для Америки время. Когда потрясенная страна в сентябре 2001 г. озиралась в поисках утраченного равновесия, «неоконы» реши-

тельно вышли на национальную арену и предложили президенту и администрации в целом серию активных действий, отвечавших тогдашнему паническому сознанию руководства страны, полтора-два лет не знающей войны на своей территории. Войны в Афганистане и Ираке вывели «неоконов» из идеологических пещер в самые главные кабинеты национального руководства. Орган неоконсерваторов «Стандард уикли» стал не-пременным чтением в Белом доме и в федеральных министерствах.

Как пишет едва ли не самый активный «неокон» Макс Бут, «после самой крупной в истории США террористической атаки президент Буш-мл. пришел к выводу, что администрация не может более позволить себе «скромной» внешней политики». Особое ликование «неоконов» вызвала принятая администрацией Буша в 2002 г. амбициозная «Стратегия национальной безопасности», главной мыслью которой было продекларированно право федерального правительства США наносить «предваряющие удары» в случае, если государственные органы страны посчитают политику государства X грозящей антиамериканскими действиями. Это наиболее лелеемый американскими неоконсерваторами документ, символ американской гегемонии в мире.

Обречена ли Америка жить в тени наиболее параноидальных мнений, грозящих, в конечном счете, распылением мощи американского гиганта, потерей им наиболее важных союзов, невозможную попытку осуществить полицейские функции «по всем азимутам»? Даже сейчас видно, что внутри Белого дома, Капитолия, Пентагона идет жесткая внутриведомственная схватка. Если бы «неоконы» были в ней побеждающей стороной, то мы бы видели силовые действия против Ирака и Афганистана гораздо раньше, а Иран уже становился бы площадкой американского «исправления мира» — сейчас мы наблюдали бы за ударами по Северной Корее

и Ирану. Напротив, мы видим первые попытки контактов республиканской администрации с обеими этими странами — именно потому, что опыт, скажем, Ирака оказался далеко не вдохновляющим.

В Америке достаточно трезвых людей, не опьяненных положением единственной сверхдержавы, бесконтрольного хозяина мира. Быстро выигранная в Афганистане война — за счет Северного альянса таджиков и узбеков, обратилась в Ираке (да ныне уже и в Афганистане) теряемым миром.

Что касается целей американского ответа на Черный Сентябрь, то и здесь возникают вопросы. Уже сегодня ведущий американский социолог Иммануэль Воллерстайн спрашивает, почему «нашим главным военным ответом на акты террора было вторжение в страну, которая не имела ничего общего с атакой 11 сентября?.. «Полный вперед» — это девиз нынешней администрации, поскольку другой курс кажется им пораженческим. Если они ослабят темп, то будут выглядеть очень глупо, а поражение *позже* кажется менее болезненным, чем крах *сегодня*».

Неоконсерваторы уже сейчас (на всякий случай) жестко утверждают, что они стояли и стоят за более активное, энергичное и быстрое вмешательство в «национальное строительство» в Ираке и Афганистане. Они *уже* обвиняют деятелей типа и класса Рамсфелда в неповоротливости, в скепсисе по отношению к участию американцев в создании новых государств на Ближнем и Среднем Востоке. Они выступают за расширение американского военного присутствия здесь.

«Неоконы» отменяют всякие аналогии с Вьетнамом, они напоминают, что во время покорения иракского восстания в 1920 г. англичане потеряли более 500 солдат — сопоставимо с первым годом пребывания американцев в Ираке. Но, если потери в Ираке (превышавшие уже две с половиной тысячи американских военнослужащих) не прекратятся, а сотни млрд. дол.,

выделенных Ираку, не стабилизируют там обстановку; если ценой борьбы с суннитами и шиитами Ирака будет кризис НАТО, если вместо демократии в новом Ираке воцарится режим шиитских аятолл, когда престижу Соединенных Штатов в мире будет нанесен жестокий урон, тогда Америка будет искать «козла отпущения». И она уже знает, как его зовут.

Поражение традиционного истеблишмента

11 сентября подорвало силы левых и даже центра политического *мэйнстрима*. Парадоксально, но основным противником курса Дж.Буша —мл. становится секретарь СНБ его отца, Дж. Буша-ст., — Брент Скаукрофт. Он определяет свою борьбу как сражение «традиционалистов» (которых он возглавляет), против пришедших с Бушем-сыном «трансформистов», прагматиков против «неоконов» плюс демократических империалистов, интернационалистов против унитаристов, людей, победивших в холодной войне — против борцов «войны с террором».

Последние раскололи прежнее единство американской элиты, агрессивно оттесняя триумфаторов старшего Буша 1991 года от рычагов фантастической власти в новом столетии. Показательно на фоне вышедших совместных мемуаров Буша-старшего и Брента Скаукрофта то, что Брента Скаукрофта при Буше-младшем не назначили даже на (несколько декоративный) пост главы президентского Совета по внешней разведке.

Почему? Потому что столь близкий его отцу Скаукрофт пытается сейчас объяснить причины склонности Дж. Буша-мл. к радикальным решениям таким образом: «Трансформация пришла 11 сентября. Нынешний президент — очень религиозен. Он воспринял как нечто уникальное, как поданное сверху то катастрофическое, что произошло 11 сентября, когда ему

пришлось быть президентом. Он воспринял происшедшее как миссию, как его личную миссию расправиться с терроризмом». Скаукрофт замечает, что проблема в «абсолютной вере, в мотиве столь благородном, что отныне все содеянное в отместку — О.К., поскольку речь идет о правом деле». Анализ Брента Скаукрофта однозначен: от традиционных отношений с союзниками до событий в тюрьмах Абу Граиб и Гуантанамо — чем меньше моральной двусмысленности в твоём мировоззрении, тем лучше, тем спокойнее ты можешь оправдать свои действия.

Еще одна проблема согласно взглядам Скаукрофта проистекает из того факта, что «если вы верите в то, что ваши деяния — абсолютное благо, тогда грехом будет отходить от уже намеченного и взятого курса». Это означает, что религиозный абсолютизм либо создает опасные политические решения, либо, в противном случае, он делает Соединенные Штаты открытыми к обвинениям в лицемерии. Скаукрофт: «Например, вы выступаете в защиту тезиса об экспорте демократии, и при этом вы обнаруживаете себя в объятиях таких лидеров, о которых можно сказать что угодно, но только не то, что они привержены демократии или готовы отстаивать демократические идеалы где-либо. Абсолютные истины невозможно подвергать сомнению; невозможно одновременно практиковать прагматизм и полностью загоразиваться от критики».

На фоне потери национальных позиций первоначальными ставленниками американцев в Ираке это своего рода объявление войны традиционалистам трансформистам. Возникает ситуация противостояния курсов 41-го и 43-го президентов, отца и сына, традиционалистов и трансформистов. Согласно Скаукрофту, «11 сентября позволило трансформистам утверждать, что ситуация в мире быстро ухудшается и мы должны быть смелыми. Мы знаем, что делать, и у нас для этого есть сила».

Контраст нынешнего Совета национальной безопасности и того, который возглавлял Скаукрофт, очевиден. И Кондолиза Райс гордится своим *нынешним* детищем: «Я не хотела бы иметь СНБ, похожий на СНБ времен Брента — действующий в низком ключе, занимающийся координацией, а не оперативными проблемами, маленький и менее энергичный». Возглавляя СНБ, Райс требовала, прежде всего, безусловной лояльности, полного подчинения курсу президента и всем его привычкам: «Вашей первой обязанностью является поддержка президента. Если президент желает иметь текст 12-го размера печати, а вы подаете ему 10-го, ваша обязанность дать нужный размер».

Либеральный истеблишмент — традиционалисты утверждают, что, работая в СНБ, Кондолиза Райс превратила Совет национальной безопасности в организацию, которая служит индивидуальным прихотям одного человека в ущерб лучшему служению национальным интересам. Скаукрофт размышляет: «Существуют две модели осуществления функций советника по национальной безопасности — снабжать президента информацией и управлять СНБ как организацией. Сложность состоит в том, чтобы решать обе задачи». Будучи советником президента по национальной безопасности, Кондолиза Райс, по мнению традиционалистов, ежеминутно была занята тем, чтобы быть на стороне президента, постоянно шепча ему что-то на ухо, становясь его *alter ego* в вопросах внешней политики. Это изменило роль СНБ как центра анализа, способного критично взглянуть на свой курс.

В результате государственный секретарь (до 2005 года) Колин Пауэлл, видимый миру как обладатель «голоса разума» рядом с импульсивным президентом, стал восприниматься президентскими лоялистами как подозрительная личность. Пауэллу приходилось не раз оправдываться перед иностранной аудиторией. В ре-

зультате Пауэлл стал терять влияние, а затем и покинул администрацию. И, периодически не разделяя мнение «неоконов», он терял линию аргументации своей политики. Происходило очевидное отчуждение государственного секретаря, с одной стороны, и министра обороны Рамсфелда — с другой. Его заместитель в госдепартаменте Марк Гроссман сказал: «Мы стали ненужной бюрократией». Американская государственная система в подобных случаях делает верховным арбитром президента страны. И президент Буш-младший стал постепенно вмешиваться в межминистерские отношения чаще всего на стороне министра обороны. Утешением Колину Пауэлу было значительно большее международное уважение, чем выказываемое по отношению к министру обороны Рамсфелду.

С уходом Колина Пауэлла традиционалисты в американской дипломатии окончательно уступили «демократическим империалистам» типа вице-президента Чейни и министра обороны Рамсфелда; традиционалисты уступили в СНБ, возглавляемом Кондолизой Райс. На них с правого фланга оказывали нажим деятели типа Вулфовица и Либби, а ослабленный в США «левый» фланг оказался неспособным оказать необходимую поддержку.

Итак, мы видим, что с 2001 г. традиционный атлантический истеблишмент (сегодня олицетворяемый весьма одиноким Скаукрофтом) потерпел на внутриполитической арене очевидное поражение. В этих условиях «различие» в подходе отдельных представителей американского руководства к мировым проблемам можно увидеть лишь в оттенках взаимоотношения двух линий, в различиях «демократических империалистов» и неоконсерваторов. Президент Буш-младший и госсекретарь Райс отражают замену внутренней борьбы на уровне Совета национальной безопасности США консолидированной позицией.

Республиканцы: «неоконы» и демократические империалисты

Афганская операция продемонстрировала всему миру, *во-первых*, исключительные возможности военной машины США. А *во-вторых* — *возобладание* силового сегмента американского политического механизма, произведшего революционные изменения в американской внешней политике.

В первом случае особенное впечатление произвели огромные транспортные самолеты и тяжелые бомбардировщики, оснащенные приборами точного бомбометания, а также, весьма точные крылатые ракеты. С неожиданной силой открылся разрыв между техническим уровнем и возможностями США и прочих высокоразвитых стран Запада (не говоря уже о всех прочих государствах). Обнажился тот факт, что не менее 60 стран на определенном этапе предпочли быть военными союзниками Америки. (Позже численность военных союзников США в Ираке уменьшилась вдвое.) Что позволило министру обороны Рамсфелду утверждать, что «миссии определяют коалиции, а не наоборот». То есть, провозглашенная Америкой миссия, а не выработанная огромной коалицией стратегия стала самым важным элементом системы, где США доминируют. «Неохотный шериф» превратился в решительного полицейского. Или имперского проконсула. Изоляционистская Америка ушла на историческое дно.

Поразительное явление: в стране, где любая политическая позиция немедленно порождает оппозицию, исчезла эта спасительно постоянная бинарность.

Демократы и республиканцы нашли общую позицию — они вотируют новые военные расходы с целью продлить как можно дольше американское преобладание в мире. Политическая география обеих политических

ких партий практически смыкается. И при президенте-демократе Клинтоне американцы искали «оборонительные рубежи» не на побережье двух омывающих Америку океанов, а в Сомали, Боснии, Колумбии, Восточной Азии. Окончание холодной войны усилило тенденцию американского руководства искать оптимальное военное решение максимально удаленно от американской территории. При президенте-республиканце Буше «проецирование силы» на дальние регионы стало *ключевым* выражением в американском подходе к своей безопасности в новом веке. Все звенья государственного аппарата США сошлись в том, что (словами П. Вулфовица) «проецирование силы должно оставаться наиболее предпочтительным способом использования американских войск»¹²¹.

Во время своей предвыборной кампании 2000 г. губернатор Дж. Буш безоговорочно указал, что «наша нация оказалась на правильной стороне истории»¹²². По поводу вопроса о том, чтобы воспользоваться исключительно благоприятными открывшимися обстоятельствами у обеих главных партий не было особых противоречий — потому-то вопросы внешней политики не являли собой главного предмета спора во время борьбы за президентское кресло. При этом ни Гор, ни Буш не подвергали сомнению главную линию: *воспользоваться историческим шансом*. Победитель не подчеркивал различий в этом вопросе, а стремился их отвести на второй план. Губернатор Буш на пути в Белый дом отстаивал те же идеи, но несколько более вычурно, с трудом произнося вначале слово «империя»: «Америка никогда не была империей, — провозгласил Буш, выступая в Библиотеке Рональда Рейгана, и отдавая долг скорее пафосу, чем исторической точности. — Мы — единственная великая держава в истории, которая имела такую возможность, но отвергла ее — предпочтя величие мощи и справедливость славе». Но тут же Буш-мл. заявил, что «построение башни протекци-

онизма и изоляции привело бы лишь к стагнации Америки и одичанию мира». Целью является «построение мира, формируемого американским мужеством, мощью и мудростью». Посредством столетия неустанной борьбы Соединенные Штаты пришли к триумфу «своего видения свободы и индивидуального достоинства — создаваемого свободным рынком, распространением информационной технологии, осуществляемых в мире свободной торговли». Главным вызовом Соединенным Штатам является использование их мощи для консолидации уже одержанной победы»¹²³.

Центральный организационный элемент

Поразительна «безнаказанность» работы этого органа, членов которого не нужно проводить через процедуру парламентских слушаний, но чьи решения влияют на судьбы внешнего мира.

При этом лицо, возглавляющее американский Совет национальной безопасности (скажем, бывшая недавно на этом посту Кондолиза Райс), бесспорно, было ближе к процессу принятия решений президента, чем любой из его коллег по кабинету в республиканской администрации). По ее собственному признанию, она проводила до шести-семи часов в день рядом с президентом. Более того, она как бы стала «неофициальным» членом семьи президента, проводя с этой семьей воскресные обеды, проводя отпуск вместе с этой семьей.

С этого поста «самый влиятельный человек мира» виден отчетливее всего. Вот как Кондолиза Райс оценивает своего босса: «Этот президент обладает стратегическим мышлением в большей мере, чем какой-либо другой президент, которого я видела. Время от времени что-нибудь в разведывательных оценках провоцирует его мыслительный процесс и подвигает на уточнение стратегического курса страны. Мы сидим и работаем над очередной проблемой, и вдруг он говорит: «Вы

знаете, я сейчас подумал... ситуация в Китае...». Это не-что люди не понимают, говоря о президенте. Потому что, если вы не сидите рядом с ним в Овальном кабинете, вам этого не увидеть. Я видела много такого в летней резиденции, в Кэмп-Дэвиде и в его ранчо в Техасе».

Мы видим, что с 2001 г. традиционный атлантический истеблишмент потерпел на внутривластической арене поражение. Вперед вышли авантюристы. И полем приложения колоссальной энергии Соединенных Штатов стал регион Ближнего Востока.

Администрация Буша поворачивается к Ираку

В самом начале января 2001 г. новоизбранный вице-президент Чейни позвонил умеренному республиканцу — Уильяму Коэну, служившему в администрации Билла Клинтона министром обороны — с просьбой: «Нам нужно подготовить новоизбранного президента к серьезным действиям на Ближнем Востоке». Вице-президент имел в виду углубленные дискуссии «по поводу Афганистана, Ирака и другим целям в регионе».

Напомним, что Чейни был министром обороны в администрации отца нынешнего президента — Джорджа Буша-старшего в годы, включавшие в себя Войну в заливе в 1991 году. После окончания войны Соединенные Штаты, не двинувшись на Багдад, определили две запрещенные для полетов иракской авиации воздушные зоны — на севере и юге страны, закрыв для воздушных полетов 60 процентов иракской территории.

10 января 2001 г. — за десять дней до инаугурации — будущие президент Буш, вице-президент Чейни, министр обороны Рамсфелд, будущий госсекретарь Колин Пауэл и советница президента по вопросам национальной обороны Кондолиза Райс прибыли в

Пентагон для встречи с уходящим Коэном. Их ждали в «танке» — гарантированном от прослушивания помещении Пентагона. Новоизбранный президент был в самом веселом настроении, он не видел в будущем угрозы. Два американских генерала совместно с Коэном просветили собравшуюся компанию относительно технических деталей установления запрещенных зон полета в Ираке. Операция «Северная вахта» запрещала иракцам полеты над северной десятой частью Ирака — так осуществлялась опека курдов. В течении 164 дней предшествовавшего года примерно 50 американских и британских самолетов патрулировали эту зону, не давая войскам Саддама Хусейна полностью овладеть севером. Почти в каждом случае американо-английские самолеты обстреливались (преимущественно ракетами «земля — воздух»). Американские самолеты отстреливались и бросали бомбы, целясь преимущественно в зенитные установки иракцев.

В ходе более крупной операции «Южная вахта» в зону контроля подпадала почти вся южная часть Ирака — вплоть до пригородов Багдада. За прошедшее десятилетие американские и британские самолеты осуществили 150 тысяч вылетов. На предшествующий год пришлось 10 тысяч вылетов — и ни один самолет не был сбит. Пока. Американских генералов беспокоило то, что многомиллионной стоимости самолеты подвергались опасности при нападении на скромное 57-миллиметровое зенитное орудие.

Особый интерес представляла точка зрения Коэна, через десять дней покидавшего свой министерский пост. Он полагал, что Америке не приходится рассчитывать на помощь стран ближневосточного региона в борьбе против Саддама Хусейна. Америка здесь практически одинока. Бомбометание едва ли даст ощутимые результаты. Коэн полагал, что, войдя в тупиковую ситуацию, администрация Буша постарается найти пути примирения с Ираком.

Находившийся в отменном расположении духа президент Буш задал всего лишь несколько вопросов конкретного характера, но по ним *не было ясно*, какой будет его линия поведения в вопросе об изоляции Ирака. На пентагоновских столах лежали ментоловые жевательные резинки, и когда председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Генри «Хью» Шелтон увидел, что Буш вожделенно смотрит на его жвачный кубик, он передал его президенту. Таков был характер обсуждения. Или президента?

Через три года президент Буш скажет: «Мы едва ли могли повлиять на Саддама Хусейна. До 11 сентября я не видел особой опасности, исходящей от Ирака». Встает вопрос, а зачем среди сонма дел клинтоновского военного министра озадачили именно иракской ситуацией?

Второе важное (в плане формирования президентской позиции) совещание состоялось у Буша с директором ЦРУ Джорджем Тенетом. В течение двух с половиной часов речь шла о секретных операциях на Ближнем Востоке. Президенту сообщили, что Соединенным Штатам угрожают с трех сторон: 1) террористы «Аль-Каиды», базирующиеся в Афганистане; 2) распространение оружия массового поражения, химического, биологического и ядерного; 3) угроза со стороны Китая, которую можно будет игнорировать еще 5—15 лет, но не более; особенно опасен (считали американские разведчики) слой китайских военных.

Об Ираке речь конкретно зашла не сразу. Тенета больше интересовал бен Ладен. Слово «Ирак» было отчетливо произнесено на семнадцатый день президентства Буша, когда заместитель Тенета Джон Маклафлин специально охарактеризовал формирующую иракскую политику Вашингтона. Возникли предположения о наличии на территории Ирака оружия массового поражения, хотя инспекторы ООН (работавшие в стране до 1998 г.) не обнаружили таковых. В указанном году пре-

зидент Саддам Хусейн изгнал международных инспекторов из Ирака и возник вопрос об отношении к противникам Саддама Хусейна в — и за пределами Ирака. Буш и его окружение боялись захвата одного из американских летчиков. Какими могут быть средства их спасения?

Новый подход сказался сразу. 16 февраля 2001 г. 24 американских и британских самолета нанесли удар по 20 иракским радарным установкам — самая крупная атака за предшествующие два года. Пентагон через Кондолизу Райс, советницу президента по национальной безопасности предупредил президента Буша о предстоящей бомбардировке. Уничтожены были фиброоптические оптические волокна, объединяющие военную систему Ирака.

Самым большим сторонником ударов по Ираку с этого времени становится министр обороны США Дональд Рамсфелд — политик с длительной карьерой работы на правом фланге американской политической сцены. Он делится с госсекретарем Пауэллом своими опасениями в отношении того, что закупаемые багдадским правительством трубы могут быть использованы в качестве ракетных устройств. Прежний профессиональный военный Колин Пауэлл усомнился: «Чтобы добыть одну такую трубу, иракцы не будут покупать прибор стоимостью в 200 тыс. дол.».

После бесед с подозрительным Рамсфелдом Пауэлл становился все более скептическим в отношении неугасающей фантазии министра обороны. Последовали несколько наиболее странных в истории американского государственного искусства дебатов. Рамсфелд свел обвинения к фразе: «Иракцы ежедневно метят в американских пилотов».

Американцы начинают все более активно обращаться к заграничным противникам Саддама Хусейна. Одной из наиболее видных таких групп был Иракский национальный конгресс, возглавляемый математиком

Ахмедом Челаби, который получил образование в США и покинул Багдад в 1958 году. Госдепартамент и ЦРУ испытывали сомнения в моральных качествах Челаби и его целях («скользкий», нерешительный, не имеющий связей внутри Ирака Саддама Хусейна — считали недоброжелатели Челаби). Но у него в Вашингтоне были и влиятельные сторонники.

1 июня 2001 г. на заседании полного состава Совета национальной безопасности США было решено выработать последовательную иракскую политику. С этого времени штат СНБ стал вплотную заниматься выработкой иракской политики, и возглавил этот процесс первый заместитель Кондолизы Райс — пятидесятилетний Стивен Хэдли, адвокат, который немало работал с Ричардом Чейни, когда тот был министром обороны у Буша-старшего. Возглавляемая Хэдли группа к 1 августа 2001 г. подготовила сверхсекретный план под названием «Стратегия освобождения». Обширный план имел и весьма внушительные приложения: о роли ООН, о военных инспекторах, значении запретных для полетов зон. С планом был ознакомлен государственный секретарь Колин Пауэлл, но общее число осведомленных с ним высших чиновников было невелико.

Тем временем со времени Войны в заливе (1991) американская военная машина вела вялотекущую боевую операцию против Багдада. Бомбардировки иракских городов продолжались постоянно. Это была необъявленная война, и длилась она со времен освобождения Кувейта, но не интенсивно.

Предполагая возможность перехода из «вялотекущей» фазы в боевую, американское командование создало план войны против Ирака — двести страниц текста плюс двадцать дополнений, касающихся разведки, поставок вооружений, описание боевых операций в воздухе, на земле и в морских просторах (еще 600 страниц). Согласно этому плану Соединенные Штаты нуждались в семи месяцах боевых действий, в боевых силах

примерно в 500 тысяч военнослужащих только на Ближнем Востоке на момент начала операции. Слыша оценки Ренуара, генерал Фрэнкс (командующий СЕНТКОМом, в компетенцию которого входило ведение боевых действий на Ближнем Востоке) теперь более детально представлял себе, что имеет в виду президент Буш. Нужно сказать, что Фрэнкс был поражен. В середине одной войны (против Талибана в Афганистане) его главнокомандующий решил детально спланировать *вторую* войну. «Черт возьми, о чем они думают? Есть ли резон распылять силы?»

Но это распыление уже произошло. Американская армия расположила 368 тысяч солдат в 120 странах. До 11 сентября 2001 г. за границей Соединенных Штатов находились 20 процентов наличного армейского персонала; через два года на воинской службе за пределами страны находилась почти половина американской армии¹²⁴. За неделю до начала боевых действий в Ираке заместитель министра обороны П. Вулфовиц предсказал, что жители Ирака, «как народ Франции в 1940-х годах, видит в нас желанных освободителей». Так смело рассуждала неоконсервативная верхушка Америки.

Самая большая разведка

Самый большой закрытый клан в Америке — американское разведывательное сообщество — расходует 40 млрд. дол. в год, что больше, чем все остальные разведки мира, вместе взятые. Центр разведки в Лэнгли, претендует и на всезнание, и на понимание главных мировых явлений. Составляющие его *четырнадцать* разведывательных служб и днем и ночью фиксируют мировые и региональные процессы; стремясь обеспечить американское правительство наиболее компетентным анализом грозящих Америке явлений. Рыцари «плаща и кинжала» твердо берегут профессиональные тайны. Проходят поколения, прежде чем мир узнает о

внутренних противоречиях, о раздорах и несогласиях в рядах хранящего корпоративную честь разведывательного сообщества. Внешнему миру остается только гадать о вариантах конкурирующих схем и объяснений, о цене упорно-молчаливого единства и солидарности.

Но самая хрупкая материя — психика создает напряжение, которое способно преодолеть профессиональную лояльность, и тогда в оборонительном щите образуется просвет, и мы получаем редкую возможность представить себе ход мыслительного процесса американского разведсообщества, сопоставить различные точки зрения, узнать неортодоксальные мнения. Такое случается не часто. Последний подобный разлом случился в июле 2004 г., когда ведущий ближневосточный специалист ЦРУ опубликовал книгу со своими оценками происходящего в этом регионе. Автор предпочел не называть своего имени и выступил как «Аноним». Он, один из наиболее сведущих специалистов современного исламского мира и его боевых организаций, 22 года работает в ЦРУ и непосредственно из Лэнгли наблюдал за такими целями американской разведки, как Усама бен Ладен, анализируя его действия, слова, тактику и стратегию. Причиной его желания нарушить профессиональное молчание стало несогласие с формирующимся государственным курсом, ведущим Америку в тупик.

Общенациональный спор оказался тем более ожесточенным, что пришелся на дни ухода в отставку директора ЦРУ Джорджа Тенета, когда спор об эффективности американских разведслужб и интерпретация борьбы с исламским фундаментализмом достигли своего пика. Стало ясно, что в американском аналитическом подходе выделились две школы, жестко противостоящие друг другу.

Первую точку зрения представляют неоконсерваторы, которые считают, что любое государство, любой стадии развития, представляющее любую из семи ци-

вилизаций, способно достаточно легко и быстро воспринять западные демократические ценности. Именно эта группа теоретиков выступила с обоснованием быстрого вторжения в две ближневосточные страны, в Афганистан и Ирак, с твердой верой во всемирную приложимость западных идеологических догматов, в то, что указанные страны относительно легко будет превратить в прозападные управляемые демократии. Такие деятели, как Чейни, Рамсфелд, Вулфовиц, называли просто оскорбительными сомнения в способности Карзая в Афганистане и Аллауи — а затем его шиитско-курдских преемников — построить на своей родине подлинно демократические общества.

Вторую точку зрения самым ярким образом отстаивают профессионалы американской разведки. Победные фанфары в адрес быстро оккупированного Афганистана не ввели профессионалов американской разведки на Ближнем Востоке в эйфорию. Страны этого региона многие тысячелетия живут по своим устоявшимся законам; в присутствии иностранного вторжения главные политические силы этих стран откладывают внутреннюю рознь и объединяются против обозначившихся враждебных внешних сил. Так, даже лидеры многократно перепаханного войнами Афганистана в октябре 2003 г. — на фоне горящего Багдада — призвали «всех муджахеддинов и простых афганцев» своею фетвою к битве с иностранцами.

Американская разведка предупредила уже по поводу Афганистана: «Неумение США заручиться поддержкой (или уничтожить) лидеров и силы старшего поколения афганских муджахетдинов делает определенным процесс формирования страшного противника... Запад потерял время в Афганистане; решающей стала позиция Хекматъяра, Хаккани, Хали и других в пользу Талибана и «Аль-Каиды», что практически гарантирует падение прозападного президента Карзая»¹²⁵. Но еще более основательно отдельные представители

американской разведки выступили против иракской авантюры.

ЦРУ, американская разведка предупредили против самонадеянности, веры в возможность быстрой перестройки многовековой парадигмы, рожденной в легкомысленных мозгах отвлеченных теоретиков. Витриной демократии на Ближнем Востоке ни Кабул, ни Багдад никогда *не будут*. На их стороне огромной силы цивилизационный код, сложившаяся за многие столетия *иная* идентичность, которая противится немедленным прозападным переменам. В Кабуле независимые от внешней помощи афганцы прямо говорят американцам: «Вы плохо изучили нашу историю». После множества сообщений об окончательном крушении Талибана и «Аль-Каиды», невозмутимо появляются новые сообщения — о том, что (об этом 5 мая 2003 г. писала «Крисчен сайенс монитор») «афганские силы сопротивления перегруппировались, перевооружились, получили новые средства и готовы вышвырнуть американские войска из Афганистана»¹²⁶.

Багдад долгие годы был столицей халифата и опорой ислама. Культурный код изменить при помощи крылатых ракет *невозможно*.

Разведка-2

На данном этапе особую важность приобретает американская разведка. Директор ЦРУ Джордж Тенет был единственным членом Совета национальной безопасности, унаследованным Джорджем Бушем от Билла Клинтона. 48-летний, высокого роста сын греческих эмигрантов Тенет был хорош умением кратко изложить суть дела, он был профессионалом своей профессии и Афганистан укрепил его позиции. Сотрудники ЦРУ были активны в предгорьях и наладили тесный контакт с пакистанской разведкой. Он вдесятеро увеличил штат действующих агентов ЦРУ, которое он воз-

главлял с 1997 г. Самой известной его фразой было: «Все в этом мире тапо-а-тапо, человек — человеку».

Практически случайно Джордж Тенет имел завтрак с Карлом Роувом — старшим политическим советником президента Буша-младшего. Налаженные отношения были не менее важны, чем прочные связи с Кондолизой Райс и даже с президентом Бушем. Каждое утро в 8.00 глава американской разведки приходил к президенту страны. «Я люблю его», — сказал о Тенете Буш. «Я доверяю ему, и это очень важно». За его спиной стояли 17 тысяч сотрудников ЦРУ.

Еще до 11 сентября Джордж Тенет видел неприятие администрацией Буша саддамовского Ирака. Тенет создал специальную Иракскую команду, которой поручалось возглавить подрывные действия против Хусейна. В их «периметр» входили Израиль, Афганистан, Иран и Ирак. Во главе ее 4 августа 2001 г. встал 43-летний Соул (псевдоним).

Главной опорой ЦРУ были курды — их 100-тысячное ополчение молниеносно связывало две трети регулярной иракской армии. После войны в Заливе в 1991 г. президент Джордж Буш-старший поставил перед ЦРУ задачу свергнуть режим Саддама. ЦРУ обеспечивало деньгами почти любое антисаддамовское движение. В 1997 г. конгресс США выделил этому движению 97 млн. дол.

Центральное разведывательное управление следило за Саддамом Хусейном с момента его прихода к власти в 1979 году. Согласно мнению Соула, для низвержения иракского президента требовалась концентрация всех силовых ведомств Соединенных Штатов. Этого можно было добиться лишь вторжением вооруженных сил США с активной помощью ЦРУ. Лэнгли после активизации ЦРУ в Афганистане уверовало в свою силу. Утром 11 сентября 2001 г. Соул и его коллеги направлялись в старое здание госдепартамента, чтобы поделиться советами с гражданскими коллегами.

Пересекая границу Вирджинии и округа Колумбия, они по радио слышали о нападении на США. Они видели мчавшуюся назад, в Лэнгли машину директора Тенета, прервавшего свой вашингтонский завтрак.

В первые месяцы после 9/11 ЦРУ ослабило внимание к Ираку за счет Афганистана. «Наверху» только вице-президент Чейни продолжал напоминать об опасном Багдаде. Но Соул прямо сказал Чейни, что посредством тайной операции ЦРУ свергнуть Саддама невозможно. Тенет сказал, что ЦРУ может обеспечить от 10 до 20 процентов успеха. Курды и прежние заговорщики против Хусейна знали о свойстве ЦРУ покинуть союзников в решающий момент и не верили американцам в штатском.

Чуть позже президент Буш спросил головку ЦРУ: «Можем ли мы сместить Саддама посредством тайной операции?» и получил ответ «нет». Кондолиза Райс напоминала президенту, что для рекрутирования надежных агентов внутри Ирака агенты ЦРУ должны твердо обещать полномасштабное вторжение американских войск. На этом этапе Буш не давал твердых обещаний.

Американские военные периода Афганистана

Генерал Фрэнкс был в высшей степени критичен в отношении плана войны в Афганистане — первые 72 дня боев его не удовлетворяли *абсолютно*. Отсутствие фантазии, живой мысли, тупая закоренелость бесили его. То, что происходило, трудно было даже назвать «реализацией плана» — то были лихорадочные действия по выполнению приказа президента осуществить быстрые военные действия против «Аль-Каиды». Возможно, главным виновником этой неразумной спешки был министр Рамсфелд, упорно требовавший массовой высадки американских войск на афганской

территории. Первыми здесь 27 сентября 2001 г. высадились ударные силы Центрального разведывательного управления (16 дней после атаки девятнадцати 11 сентября). Это были весьма опытные люди, но их боевые качества желали много лучшего. Только через 22 дня на «вершину мира», на Гиндукуш прибыли Специальные группы командос. И все же сложилась довольно странная ситуация: Рамсфелд требовал максимального ускорения, а Фрэнкс указывал на неготовые к боевым действиям вертолеты, недостаточные коммуникационные связи, на неблагоприятствующую погоду.

Министр обороны недоумевал: «Почему мы не можем осуществить вторжения быстро?» Рамсфелд в конечном счете взялся за несвойственные министру дела, доходя до прямого администрирования, до конкретного планирования грядущих операций, и генералу Фрэнксу ничего не осталось, как возмутиться: «Мистер министр, остановитесь. Так не пойдет. Вы можете уволить меня. Но я должен либо быть командующим, либо отстраниться от дел. Вы мне либо доверяете, либо нет. Если вы мне не доверяете, я готов покинуть свое место. Я желаю, чтобы вы прояснили свое отношение ко мне».

Оказавшись в центре кризиса военного планирования и приготовлений, министр Рамсфелд ответил так: «Ясно, что в начале любого пути мы притираемся друг к другу в поисках оптимального пути». Но этот эмоциональный разговор оказался ключевым во взаимоотношениях министра и генерала. Стало ясно, что оба они *не* желают лобового столкновения, хотя в характере обоих жило бойцовское чувство. (Рамсфелд когда-то преподавал в университете, и словесная битва была его обычным полем битвы). Но, дойдя до кризиса в отношениях с главным своим подчиненным, Рамсфелд теперь опасался упреков в неумении создать солидарную команду.

Теперь он желал создать общий с Фрэнксом фронт. Помимо прочего, увольнять ведущего генерала в нача-

ле войны на Ближнем Востоке никому не казалось вер-
хом стратегического умения: что лежит впереди в этой
необычной войне с терроризмом и как вести дела в не-
ведомых странах, если не налажен контакт даже с бли-
жайшими генералами? Рамсфелд пошел на попятную
и сделал заметные примирительные шаги.

Тем временем Северный альянс таджиков и узбе-
ков успешно выполнял свою миссию, ЦРУ и специаль-
ные войска продвигались вперед. Именно тогда
Рамсфелд пришел к заключению, что на самом деле
ему повезло — во Фрэнксе он нашел надежного испол-
нителя своих приказов. Отныне Фрэнкс — его человек.
Это было не просто, зная традиционную жесткость ми-
нистра обороны Рамсфелда, способного быть грубым и
жестким, вовсе не желающим кому бы то ни было нра-
виться.

Центральное управление вооруженными силами
США стало налаживаться. Генерал Фрэнкс более всего
думал о необходимости приспособить американскую
армию к двадцать первому веку, ему претил антаго-
низм в Пентагоне, он желал иметь в министре обороны
сообщника и коллегу. Фрэнкс перестал обращать вни-
мание на личные обиды, он стал воспринимать гру-
бость Рамсфелда как стимулятор армейской эффектив-
ности. «Он (министр) постоянно подталкивал, и это
меня полностью удовлетворяет». Была создана маши-
на управления, которая к походу на Багдад была отре-
гулирована и получила боевую выучку.

Решение о войне против Ирака

К концу ноября 2001 года совместная операция во-
оруженных сил США и ЦРУ, сопровождаемая ковровы-
ми бомбометаниями, стала давать результаты во мно-
гом благодаря действиям Северного альянса. Полови-
на страны уже находилась под контролем альянса.

Кабул пал, и тысячи бойцов Талибана и «Аль-Каиды» ринулись к южной границе с Пакистаном. Вашингтон уже израсходовал миллионы долларов; он заслал своих людей в бесчисленные племена страны. Специальные силы успешно упражнялись в ковровом бомбометании. Настроение вокруг Буша после весьма мрачного октября переменялось на предчувствие скорой победы в Афганистане

При окончании заседания Совета национальной безопасности 21 ноября 2001 г. президент Буш положил руку на плечо министра обороны Доналда Рамсфелда. Шел 72-й день после одиннадцатого сентября, канун праздника Благодарения. Одиннадцатый месяц президентства Джорджа Буша. Пятидесятипятилетний президент был значительно моложе 69-летнего министра обороны. Импульсивный президент явно не был мыслителем. Он был прямодушен, склонен решать практические задачи и гордился своей прямолинейностью. Но сейчас требовалась заведомая секретность, и именно поэтому он обращался к многоопытному министру обороны. Министр был невысок, бравировал почти мальчишеской энергией вопреки седеющим волосам, тщательно зачесанным назад. Он излучал заведомую почтительность в отношении президента — одна из редких фигур, которым он охотно улыбался. Чаше всего его лицо выражало примерное безразличие политика, испытавшего на себе многие функции государственного управления

«Мне необходимо увидеть вас наедине». Два политика уединились в небольшой комнате рядом с Ситуационной комнатой; они плотно прикрыли дверь и опустились в кресла. Президент не стал углубляться в преамбулы: «Что вы думаете о плане войны против Ирака? Какой план войны против Ирака уже имеется у вас?

Искомым планом был несколько обновленный «Буря в пустыне — II Плюс». Но никто не шел на даль-

нейшую разработку плана, во многом потому, что командующий американскими силами в регионе генерал Том Фрэнкс не имел идей расширения военного конфликта. Его войска сражались с Талибаном и фундаменталистами, и менее всего он хотел расширения своего фронта. Хотел ли вторжения в Месопотамию Рамсфелд? Если и хотел, то понимал сложность его реализации. Потому-то и ответил президенту уклончиво: в архиве американского министерства обороны лежат 68 секретных военных планов. «Я ответственен за все наши военные планы». Министр говорил о том, что многое складывается не так, как хотелось бы. Песчаные плоскогорья Ближнего Востока погребли под собой не одного победоносного полководца. Здесь нашли предел своих возможностей Британская и Российская империи.

Доналд Рамсфелд, проявляя свое обычное профессорское упорство, постарался объяснить президенту, что выработка новых военных планов требует многих лет подготовки, а переход от одной президентской администрации к другой часто попросту подрывает многолетнюю работу. Но на этот раз президент проявил неумолимое упорство.

Он закончил беседу словами: «Давайте начнем это дело и дадим Томми Фрэнксу возможность защитить Америку низвержением Саддама Хусейна. Можно ли подготовиться не привлекая особого внимания?». Рамсфелд ответил утвердительно — ведь он недавно беседовал с четырехзвездными генералами и адмиралами в Европе, Азии, Латинской Америке и лично с генералом Томми Фрэнксом, возглавлявшим американские силы на Ближнем Востоке, в Юго-Западной Азии и Африканском Роге (СЕНТКОМ).

Президент попросил своего министра обороны не распространяться относительно его просьбы, и Рамсфелд пообещал, выставляя в качестве исключения

Джорджа Тенета, директора ЦРУ. Без помощи его ведомства война против Ирака едва ли не невозможна. Президент согласился, но просил подсоединить Тенета значительно позже.

Триумвират Буш — Рамсфелд — Фрэнкс работал на иракском направлении многие месяцы. Буш признавал, что ставить в известность американский народ о потенциальном конфликте с Ираком сразу же после Афганской войны было бы чревато.

Решимость президента

Именно вышеуказанный разговор показал министру Рамсфелду, насколько полон решимости вести войну с Ираком президент Дж. Буш-младший. О плане знал очень ограниченный круг сотрудников, окружавших президента. В то же памятное утро Буш сообщил советнице по национальной безопасности Кондолизе Райс о своем разговоре с Рамсфелдом, не объясняя при этом мотивы своего решения, и подобным же образом поделился с вице-президентом Диком Чейни: «Он придерживался того мнения, что Саддам Хусейн — подлинная угроза ближневосточному региону. Мы обсудили проблему во время продолжительной прогулки, и вице-президент стал одним из наиболее убежденных сторонников сокрушения Багдада»¹²⁷.

Но это в политической и идейной области. В сфере же конкретной подготовки на первый план выдвинулся 56-летний четырехзвездный генерал Том Фрэнкс, ветеран Вьетнама и Войны в заливе в 1991 году. Техасец огромного роста, генерал Томас Фрэнкс был главной мишенью Дональда Рамсфелда. Тот пересек Потомак, вошел в свой огромный кабинет в Пентагоне и немедленно направил Объединенный комитет начальников штабов на создание сверхсекретного доклада Фрэнксу, требующего капитальной оценки положения Ирака,

изложения точки зрения Фрэнкса на проблему Ирака как противника, на возможности сокрушить этого противника — и представить свои соображения по этому вопросу не далее чем через неделю.

План

Собственно планом войны Соединенных Штатов против Ирака должен был заниматься генерал-майор военно-воздушных сил Виктор «Джин» Ренуар, начальник оперативного отдела в СЕНТКОМЕ — штабном месте Центрального командования, возглавляемого Фрэнксом. Центральное командование разместило свой штаб во флоридских болотах, в Тампе. Именно отсюда осуществлялось руководство войной в Афганистане. Пятидесятилетний Ренуар, летчик-истребитель, имел мастерскую степень по психологии и его не по годам лысый череп говорил скорее об ученом, чем о лихом воздушном бойце. Он не имел ни одного выходного после 11 сентября 2001 года. Папки, окружающие его письменный стол, пухли день ото дня. Последнюю по счету папку Ренуар называл «Черной книгой смерти».

Именно в это время за дело берутся вторые лица в Пентагоне и госдепартаменте. Заместитель Пауэлла Ричард Армитидж выдвинул идею помощи иракской оппозиции. Но подлинным интеллектуальным лидером дискуссий по Ираку с этого времени становится заместитель Рамсфелда Пол Вулфовиц. Он сразу же возглавляет «партию войны». Вулфовицу в это время 58 лет, он доктор политических наук. Длинные седеющие волосы, наступательная внешнеполитическая философия — как бы в контрасте с мягким, вкрадчивым голосом. Его главным аргументом необходимости избавиться от Саддама Хусейна было: это *необходимо*, и это можно сделать *легко*.

Первые же идеи Вулфовица — послать специализированные части ударных американских войск на южные нефтяные поля Ирака и захватить примерно тысячу скважин, дающих две трети нефтяного производства Ирака. С этого плацдарма оказывать постоянное давление на Багдад. Контролировать захваченные скважины будет несложно, все они находятся на расстоянии не далее 100 км от Кувейта, в котором размещены американские войска. «Ничто не сможет остановить войска захвата». Это предложение получило название «стратегия анклава», и звучало все это как «неукротимый барабан», которому с восторгом вторили ставшие столь влиятельными неоконсерваторы.

Первым же критиком Вулфовица выступил государственный секретарь Колин Пауэлл: ведущий ястреб изображает дело так, словно почти все 25 миллионов иракцев бросятся на сторону антисаддамовской оппозиции. Абсурдно, стратегически незрело. «Это тип лунатизма». Обращаясь к президенту: «Не дайте себя увлечь до тех пор, пока не выработаете ясной стратегии и четкого плана, пока в наступательных действиях не будет очевидной необходимости».

Президент Буш на данном этапе звучал успокаивающе: «Не беспокойтесь об этом. Это хорошее *предварительное* планирование, я знаю, что они делают и пока не спешу дать им шанс». Позже он скажет, что «идея выглядела привлекательным орешком, который легко было раскусить. 10 августа американские и британские самолеты нанесли удар по трем объектам в Ираке — сильнейший удар после февральских бомбардировок. Американские газеты сообщили об этих налетах *даже не на первых полосах*. Газеты писали, что Буш-младший продолжает практику президента Клинтона — наносить по Ираку удар через каждые шесть месяцев.

«ДОКТРИНА БУША»

Лидер ястребов

Как мы пытались показать, администрация Буша-младшего *только извне* казалась примерно солидарной. И дело было не только в межличностных неурядицах. Состоялось столкновение идей. Внутри администрации министр обороны Рамсфелд начиная с 11 сентября говорил, что «обороны недостаточно», что «Америка нуждается в наступательных действиях». Но экс-генерал Колин Пауэлл (профессиональный военный, одевший гражданский мундир, приняв пост госсекретаря) предупреждал против: 1) перенапряжения; 2) отчуждения союзников; создания антиамериканской «оси» по линии Париж — Берлин — Москва — Пекин; 3) консолидации на антиамериканской основе мусульманского мира; 4) превращения в противников «Европейского союза», Китая, России.

Ястребы в США восхищались министром обороны. Союзники в Европе оценили мудрость главы американской дипломатии. Отныне эти две линии следуют во внешней политике Вашингтона вплоть до 2006 года (когда число несогласных с войной в Ираке и в деятельности президента Буша достигло соотношения 1:2 (численность одобряющих деятельность президента весной 2006 г. опустилась до 36 процентов, а численность несогласных американцев — 60 процентов).

Следует сказать, что наиболее опытным во всей команде республиканского президента являлся вице-президент Ричард Чейни. В возрасте 34 лет он занял пост начальника штаба у президента Джеральда Форда, затем десять лет следовал карьере парламентария — представлял в Палате представителей штат Вайоминг.

В 1989 году Чейни был назначен Бушем-старшим на пост министра обороны США. Затем, оставив государственную службу, он в 1995 г. стал президентом техасского энергетического гиганта — компании «Халибертон». В 2000 г. Буш-младший, устремившийся к посту президента США, избрал его партнером на федеральных президентских выборах: Буш объяснил свой выбор так: «В хорошие времена я собираюсь воспользоваться вашим советом, но еще больше он мне будет нужен, если времена станут суровыми». Буш поручил Чейни осуществлять контроль над ЦРУ, над Агентством оборонной разведки (снимавшей всю электронную информацию в мире), он поручил вице-президенту производить оценки степени уязвимости Соединенных Штатов в посуровевшем мире. Запомним, именно ему президент Буш указал 21 ноября 2001 года на необходимость оценить роль Ирака на Ближнем Востоке и оценить возможные контрмеры противостоящей стороны.

Республиканский президент и атлантические лидеры

Новый этап боевых действий на Ближнем Востоке требовал достижения некоей меры солидарности с основными союзниками. Наиболее надежным смотрелся британский премьер-министр Тони Блэр. Выразили готовность участвовать в американской коалиции такие крупные европейские страны, как Италия и Испания. Необыкновенную готовность оказать услугу «дяде Сэму» выказали новички в американском лагере (численностью в 32 государства), такие, как Польша.

Но мир не стоит на месте. Поразительная безапелляционность Вашингтона удручила многих европейцев. Такие страны, как Франция, Германия, Бенилюкс, Скандинавия, содрогнулись, ожидая второй (после Афганистана) этап американской ближневосточной кам-

паний. Случилось нечто новое во внутризападных отношениях. «Старые» атлантические страны выступили против «новобранцев» Североатлантического союза, осуждая их готовность поддерживать американский авантюризм. В то же время Париж и Берлин обнаружили в Москве схожую реакцию на односторонние действия Соединенных Штатов; наметилось нечто вроде альянса Париж — Берлин — Москва (и молчаливо сочувствующий им Пекин). Эпизод превратился в потенциальное противостояние с половиной мира, и Вашингтон предпринял некоторые предваряющие действия.

23 мая 2002 г. президент Буш встретился с канцлером ФРГ Герхардом Шредером, а 26 мая — с президентом Франции Жаком Шираком. В обоих случаях американский президент был откровенен и прямолинеен, но не осмелился обрисовать подлинную картину готовности Америки к войне с Ираком. Он без обиняков говорил, что Ирак представляет собой угрозу Америке. Но Буш обманул своих партнеров, говоря, что «план на случай войны с Ираком *не лежит* у него на столе».

Сказанное на публике в третий раз это заявление вызвало оживленный скепсис. Лучше бы Буш выражался так, как он это делал три месяца назад: «Я прибегну к лучшему из вариантов, которые у меня в наличии. Они мне все доступны. Кошелек не закрыт». Готовность к подлогу говорила о готовности к силовым действиям безотносительно к позиции наиболее тесных союзников Америки.

Все это было тем более несуразно, что генерал Фрэнкс отвечал на схожие вопросы совсем в другой тональности. В Тампе 21 мая 2002 г. он сказал группе журналистов: «Война с Ираком — большой вопрос и мне трудно на него ответить, поскольку мой босс еще не попросил меня сложить все компоненты плана. Я не могу говорить о цифрах, поскольку мой босс еще не дал мне окончательный приказ». Журналисты достаточно тонко чувствовали обстановку, и указанные разночте-

ния просто подталкивали их к однозначным выводам. Такие газеты, как «Нью-Йорк таймс» довольно упорно (если не сказать агрессивно) искали истину, подлинную картину намерений Белого дома. Вот типичный заголовок этой влиятельной газеты в эти дни: «США предусматривают создание большого *плана вторжения в Ирак в следующем году*»¹²⁸. Американская пресса оказалась более честной, чем весь аппарат американского государства.

А Фрэнкс, упражняясь в уклончивости перед журналистами, на самом деле — в реальной жизни продвигался вперед в наращивании своих сил, ориентированных на баасистский Ирак. В соседнем Кувейте располагались уже две американские бригады и оборудование для еще четырех бригад. И генерал Фрэнкс *уже сказал президенту Бушу*, что большой план готов, что необходимые силы — в пути, что боезапас, предназначенный для Ирака, почти полон.

Президент Буш создает доктрину

Главный автор речей президента Буша Майкл Герсон пожелал присутствовать в Вест-Пойнте на выпускной церемонии этой главной американской военной академии. Герсон обычно смотрел речи президента своего издания по телевидению, но на этот раз он отправился на Гудзон, понимая историческую значимость происходящего. Он справедливо полагал, что на этот раз прозвучит *главная* речь президента Джорджа Буша-младшего. Герсону хотелось видеть, как делается история. В определенном смысле эта речь была продолжением январского «Послания о положении страны», когда президент Буш *напомнил* миру, что мощь США дает им особые возможности.

Здесь мы отметим главное: Соединенные Штаты в 2002 году открыто взяли на себя задачу *улучшить* этот мир посредством — если понадобится — силовых ак-

ций. Как сказала тогдашний советник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс: «Мы ставим перед собой задачу сделать мир более безопасным и благополучным». Разумеется, безопасным и благополучным в сугубо американском понимании. Готовя речь, Майкл Герсон искал ключевое слово и, кажется, нашел его: *«Предвосхищение», «упреждающий удар»*.

Государственный департамент лучше помощников президента чувствовали биение внешнего мира. Госсекретарь Колин Пауэлл и его правая рука Армитидж были (как они выражались), «в холодильнике», будучи отрезанными от процесса формирования главных планов Буша, его мировых идей, стратегии демократических империалистов и неоконсерваторов (но история отомстила за Пауэлла: все президентство Буша отныне было посвящено пыльной стране Ирак), доказывая буквально с каждым днем правоту его сомнений. Решающее слово было сказано в уютно расположившейся на Гудзоне Военно-морской академии США летом 2002 года.

Понятно, что наибольшее внимание привлекает не ажиотаж академических сторонников тезиса «не упустить исторический шанс», а государственная мудрость, стратегия республиканцев Буша, решивших на этот раз не упустить возможности удара по багдадскому режиму. Майкл Герсон решил создать эпическую речь, и он провел серьезную подготовку. По пути, читая наиболее важные речи Трумэна, он убедился, каким плохим стилистом был президент из Миссури. С его точки зрения, только Кеннеди в 1961 г. сумел сказать волнующие слова о «тяжелом грузе в долгих сумерках войны». Но напомним, что эти слова повели американцев в джунгли Вьетнама, где оставили свои молодые жизни 57 тысяч *поверивших* американцев, постаравшихся остановить национально-освободительную борьбу вьетнамского народа.

(Много лет спустя министр обороны США Роберт Макнамара обедал с президентом Вьетнама и тот спросил его, знакомился ли американский министр с вьетнамской историей? А если знакомился, то почему не учел того обстоятельства, что вьетнамцы *тысячу лет воевали с китайцами за свою свободу*. Министр был смущен — это объяснение вьетнамской войны было весьма далеко от полуофициальной «теории» падающего коммунистического домино, способного поглотить Азию). И вот теперь новая теория «домино»: Ирак овладеет Кувейтом, Сирией, Ливаном, Иорданией и обрушится на Израиль. Читали ли американские вожди труды по арабской истории, ведом ли был им опыт господствовавшей в Ираке с 1958 года партии арабского национального возрождения — БААС?

Заметим, что поколение Чейни и Рамсфелда выросло в годы обличения Мюнхена, попыток «примирения» гитлеровской экспансии, теории «падающего один за другим домино», агрессивного активизма в отношении Ирана в 1953 г., Гватемалы в 1954 г., Кубы в 1961 г., Индокитая в 1960-е годы, Ирана в 1979 г., Гренады, Панамы, Никарагуа, Африки в 1980-е годы. Это поколение «испортил» триумф в холодной войне и апология рейганизма от земли до космоса. Для них, современных неоконсерваторов у власти, «доктрина Буша» — логический итог эволюции победителей в холодной войне.

«Доктрина Буша»

Это была одна из самых важных речей Буша. На стадионе в Вест-Пойнте Джорджа Буша слушали 1000 кадетов и их семей. «Война против террора не может быть выиграна в обороне. Мы должны перенести боевые действия на территорию противника, развеять его планы и встать грудью перед наихудшими угрозами, пока они еще только возникают. Наша нация будет

действовать». По существу, этот американский президент сокрушил державшийся триста с половиной лет *Cuius regio eius religio*. Мир национального суверенитета, мир Вестфальской системы.

Речь была понята не сразу. Но постепенно всякий, кто следил, увидел разительную перемену в курсе Вашингтона. Газета «Нью-Йорк таймс» назвала доктрину «предваряющего удара» — политическим изменением текущей политики *огромных пропорций*. Отныне США перестают беспокоиться о том, что они дают дурной пример «односторонними действиями вторжения в другие страны и низвержения их правительств»¹²⁹.

В своей речи в Вест-Пойнте в июне 2002 г. президент Буш поднял идею «предвосхищающего» удара. (Она была выдвинута четырьмя месяцами ранее Белым домом на 33 страницах в виде «Национальной Стратегии Безопасности Соединенных Штатов». В ней вице-президент Ричард Чейни писал: «Ввиду того, что оружие массового поражения в руках террористических организаций или кровожадного диктатора представляет собой огромную, трудновообразимую угрозу, президент имеет право как главнокомандующий предотвратить смертельную угрозу безопасности Америки. Действуя с точки зрения здравого смысла и в целях самообороны, Америка будет действовать против возникающей угрозы»¹³⁰.

Следующим этапом подготовки к «силовой внешней политике» было выступление президента Буша-мл. в Организации Объединенных Наций.

Спичрайтер Майкл Герсон провел с президентом немало времени, выясняя, какие идеи тот хотел бы осветить перед Организацией Объединенных наций. Буш сказал, что его интересуют два пункта: изгнать из Багдада Саддама, а оружие массового уничтожения поставить под американский контроль. Райс вспоминает обсуждение такого предложения: Саддам уходит, или через 30 дней США объявляют ему войну.

Государственный секретарь Пауэлл, к этому времени практически деморализованный, только кивал головой. Вариант сменял вариант. 10 сентября за два дня до произнесения речи вариант № 21 попал на стол Пауэллу, который осмелился сделать лишь малые поправки. Вечером накануне речи президент Буш сказал Пауэллу и Райс, что намерен требовать от СБ ООН новых резолюций по Ираку с угрозой силового вмешательства.

Озвученная в сентябре 2002 г. в своем самом полном виде «Доктрина Буша», на высшем возможном форуме — в Организации Объединенных Наций (и получившая дополнительную аргументацию в ряде последующих установочных текстов) стала для обретших высшую власть в стране неоконсерваторов а-ля Рамсфелд подлинным *кредо* Америки на этапе ее единосверхдержавности в двадцать первом веке.

На подиуме президента Буша лежал вариант № 24. Было 12 сентября 2002 г. Уязвленный Пауэлл чувствовал, как у него останавливается сердце. Строчки, требующей резолюции ООН, уже не было — ее вычеркнул президентский карандаш. Америка не нуждается в ооновских войсках. Буш всегда гордился этой речью. «В зале было смертельно тихо. Но чем торжественнее зал смотрел на меня, тем более эмоциональным становился я. Я произнес эту речь с удовольствием»¹³¹.

Примечательно, что создатели «доктрины Буша» — сам президент, советник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс, глава отдела планирования государственного департамента Ричард Хаас и другие настаивали и настаивают на исключительной серьезности и важности этого документа. Ричард Хаас: «Важность этого документа в том, что он отражает базовые положения нашей политики». Так было не всегда, и мы знаем, как советники президентов удалялись в солярий или розарий, чтобы породить базовые документы самостоятельно, без присутствия президента.

Такие документы, как СНВ-68, представляющие собой главные, доктринальные повороты американской внешней политики за последние шестьдесят лет, создавались *помощниками*.

Не так было в этот раз. Один из творцов этого документа — Филип Желиков — историк из Вирджинского университета — настаивает на том, что «президент внимательно прочел каждую строку этого документа. Он лично отвечает за каждое его положение».

Что сконцентрировало умы членов группы, заседавшей вместе с президентом? Советник президента по внешней политике Кондолиза Райс постаралась создать экстренную обстановку. Она указывала на «настоятельную потребность Соединенных Штатов в создании всеобъемлющей стратегии, которая *окончательно* — и, по крайней мере, на долгое время определит вызовы эры, начавшейся после окончания холодной войны». (В этом смысле Джошуа Муравчик из Американского института предпринимательства указал на сходство этой последней «великой стратегии Соединенных Штатов» с ее великим предшественником — доктриной «сдерживания»). (Повторим еще раз, что более пространно «доктрина Буша» сформулирована в опубликованном администрацией президента Буша обобщающей «Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов»¹³²).

В предисловии к документу, определяющему стратегические цели Америки, президент Дж. Буш-мл. указал, что «Соединенные Штаты обрели чрезвычайно благоприятное положение страны несравненной военной мощи, которая создает момент возможности распространения благ свободы по всему миру»¹³³. *Главный тезис доктрины покоится на том основании, что «нам угрожают не флоты и армии, а генерирующие катастрофы технологии, попадающие в руки озлобленного меньшинства... Стратегическое соперничество ушло в прошлое. Сегодня величайшие державы мира находят-*

ся по одну сторону противостояния — объединенные общими угрозами со стороны порождаемого террористами насилия и хаоса... Даже такие слабые государства, как Афганистан, могут представлять собой большую опасность нашей безопасности точно так же, как и мощные державы». Разъясняющая «Стратегия национальной безопасности» ставит все точки над *i*: «Учитывая цели государств-изгоев и невозможность сдерживать традиционными методами потенциально-го агрессора, мы не можем позволить нашим противникам нанести удар первыми»¹³⁴.

Эта речь обладала ударными свойствами. «Соединенные Штаты будут действовать даже в том случае, если Совет Безопасности ООН действовать не будет. Я (размышлял президент. — А.У.) сидел и думал: знаете ли вы, что мы готовы к удару?» Доктрина требует в первую очередь, «адаптации к концепции немедленной угрозы» в условиях технических обстоятельств сегодняшнего дня, возможностей потенциальных террористов.

Главный элемент доктрины немедленно попал в фокус внимания: американское руководство декларировало свое право на *предвосхищающий удар*. Такой удар обеспечит безопасность Соединенных Штатов, сделает противников друзьями, позволит цивилизовать еще незнакомые с демократией народы. В доктрине говорится, что Соединенные Штаты постараются улучшить работу своей разведки. А в целом: «Причины наших действий ясны, силы скоррелированы, дело наше справедливо».

Не все обращают внимание на то, что в доктрине от 11 сентября 2002 года Соединенные Штаты обращаются и к потенциальным противникам более традиционного характера. Они обязуются «сдерживать потенциальных противников от начала усовершенствования их военной машины, чтобы действенными методами от-вратить эти державы от курса на достижение равенства

с Соединенными Штатами, не говоря уже о возобладании над ними».

Строго говоря, «доктрина Буша» покоится на том основании, что *наступающая, атакующая сторона* имеет несомненное превосходство. Подходя шире: перехват инициативы позволяет атакующей стороне навязать свою волю и свой способ действий потенциальному агрессору. Словами ключевого документа — «Стратегия национальной безопасности»: «Наилучшей формой обороны является хорошее наступление». Она же утверждает, что «чем страшнее угроза, тем выше стоимость риска ввиду бездействия»¹³⁵. Еще одно ключевое положение этого же документа: «Посредством нашей готовности применить силу для своей обороны Соединенные Штаты демонстрируют свою решимость поддерживать такой баланс сил, который благоприятствует свободе».

(Было бы несправедливо не отметить, что эти идеи восходят в времена десятилетней давности скандального «меморандума Вулфовица», тогда речь шла о «превентивном ударе». Жесткие констатации того, что «век великих держав» завершен, воспринимаются многими за пределами Соединенных Штатов как жесткое предупреждение — Вашингтон не позволит довести дело до еще одного баланса сил, гонки вооружений, соперничества в традиционном духе более или менее сопоставимых сил. Не наивно ли утверждать, что «век великих держав в прошлом»? На этот счет Кондолиза Райс отвергает все оттенки. «Я думаю трудно защитить положение, что будущее включает в себя тот тип взаимоотношений между великими державами, который мы имели между XVII и XX столетиями, который привел к войне и попыткам перекроить карту мира. Все подобное может стать темой превосходных академических дебатов, но я обязана сказать, что, если вы посмотрите на характер новых угроз — распространение средств массового поражения, появление безответс-

твенных государств, угрозы экстремизма — мы увидим, что большие державы имеют значительную долю общих интересов в предотвращении этих тенденций»).

Кондолиза Райс жестко настаивает на том, что реализм и идеализм не должны видаться альтернативами. Реалистическая оценка современной ситуации и мощи США должна быть предпосылкой реализации лучших из идеалов. Выступая в октябре 2002 г. в Нью-Йорке К. Райс определила в качестве главной цели «доктрины Буша» «разубеждение потенциальных противников от попыток превзойти или даже добиться равенства с мощью Соединенных Штатов и их союзников»¹³⁶.

«Доктрина Буша» имеет еще один важный элемент. Она обещает «поддержать свободные и открытые общественные институты на всех континентах». Представляется, что команда Буша знала, что это положение «попадет в тень» обещания наносить *предвосхищающий* удар. Но от этого данное положение не теряет своей значимости. Начальник отдела планирования госдепартамента Ричард Хаас немедленно выступил на общественных форумах с идеями «продвижения демократии в мусульманском мире»; государственный секретарь Колин Пауэлл обнародовал план демократизации Ближнего Востока. Хаас признал, что Соединенные Штаты долгое время были безразличны к характеру ближневосточных режимов, но достаточно неожиданно Америка поверила в то, что «демократия может быть экспортным товаром». После окончания холодной войны геополитический цинизм не должен более закрывать глаза американцам на характер тех политических режимов, с которыми они имеют дело.

По мнению генерала Уэсли Кларка, «Стратегия национальной безопасности 2002 года» подтвердила худшие предубеждения относительно методов и мотивов, которыми руководствовались США. В этом документе национальные интересы США были существенно сужены и интерпретировались лишь в категориях силы.

Заголовки газет во всем мире протестовали против оправдания односторонних действий США, предупреждая, что Соединенные Штаты объявили себя прокурором, судьей и присяжными в одном лице по вопросам, связанным с международной безопасностью. Вопросы международной легитимности и международного права даже не упоминались в «Стратегии»¹³⁷.

Тень президента Вильсона, обещавшего в 1918 г. «сделать мир безопасным для демократии», немедленно поднялась над официальным Вашингтоном. И как же проявила себя американская внешняя политика в новом доктринальном оформлении? Вот главные черты нового курса: вторжение в Ирак без санкции ООН и с фальшивым обвинением в наличии у иракских вооруженных сил оружия массового поражения; России предложен новый тип контроля над стратегическими вооружениями (и предложен по принципу — «согласайтесь, или мы пойдем в будущее без вас»). Европейскому союзу на тех же основаниях было предложено согласиться с игнорированием Соединенными Штатами Международного уголовного суда; Германия и Франция подверглись давлению вследствие их негативной реакции на американское вторжение в Ирак; киотский протокол был отвергнут.

Ценность упреждающего удара

«Доктрина Буша» вызвала зримое противодействие в самих Соединенных Штатах. Тридцать два видных американских политолога (в основном, представители школы «политического реализма») выступили в газете «Нью-Йорк таймс» с возражениями против «безрассудной», с их точки зрения, доктринальной догмы неоконсерваторов¹³⁸. И немедленно получили в ответ обвинения в отрыве от реальности, в благодушествовании в то время, когда над Западом нависает смертельная угроза. Такое обвинение — первый «козырь»

неоконсерваторов; а второй — это то, что в современном мире, где господствует феноменальная военная мощь США, создать антиамериканский союз попросту невозможно. Самоубийственно.

Правы ли «неоконы» с их предупреждающими, предвосхищающими ударами? Политолог Джек Снайдер размышляет на эту тему так: «Это правда, что малые государства-изгои и им подобные не могут собственными силами создать контрбаланс американской мощи в традиционном понимании этого понятия. Справедливо и то, что такие страны — потенциальные противники, как Россия и Китай, так сказать, «устали» от противостояния американцам и их военным экспедициям. Но, если даже несравненная мощь Америки понижает вероятность создание традиционного союза-контрбаланса, уже сами американские действия создают некий функциональный эквивалент такого союза. Предшествующие расширяющиеся империи, в конечном счете, обнаруживали себя перенапряженными, даже если противостоящие альянсы создавались очень медленно. Например, хотя потенциальные жертвы Наполеона и Гитлера с большим трудом оформляли противостоящие коалиции, эти империи атаковали столь большое число оппонентов практически одновременно, что значительные союзы *де факто* в конечном счете обретали форму противостояния. Сегодня аналогичная форма перенапряжения — политического и военного — может найти себя, если страны посчитают американские усилия по предотвращению ядерного вооружения и стремление насадить демократию силой в мусульманские страны станет постоянным серьезным фактором»¹³⁹.

Говоря о «четверном согласии» Париж — Берлин — Москва — Пекин, отметим, что даже очень «малоотчетливый» союз против односторонних действий одной державы может оказаться мощным фактором международных отношений в условиях, когда огромное боль-

шинство мирового сообщества начинает видеть себя объектом чужеродной политики, и потенциальной жертвой этой политики. Вьетнам и Алжир в 1960-х годах возобладали над значительно более мощными странами-противниками. Палестина может не возобладать, но стоимость совладания с нею становится грандиозной, труднопереносимой. И мир ожесточенных не может в этих условиях не смотреть на потенциальные источники оружия массового поражения как средства своего рода *баланса*. Очень опасный поворот событий.

У всех наблюдателей возникает общий вопрос, способны ли такие руководители, как команда Дж. Бушамл., на трезвый отход от гегемонии в случае непредвиденных препятствий, когда очередные — Иран, КНДР (и далее по списку) члены «оси зла» введут Вашингтон в клинч с историей, с конечностью собственных ресурсов, с неготовностью американского населения нести жертвы в условиях малоубедительного их трактования? Отметим несколько наиболее важных моментов, ставящих под сомнение «доктрину Буша».

1. Классическим примером предвосхищающего удара является хорошо известный «план Шлиффена», тщательно обосновавший необходимость такого удара по Франции и детально разработавший такой удар через Бельгию. При всей изощренности этого плана, он, по сути, бросает вызов здравому смыслу. Оборона всегда обходится дешевле, чем наступление на неведомое большое. Представьте сегодня Соединенные Штаты, периодически наносящие удары по *пятимиллиардной* периферии мира. Только убежденный враг Америки мог бы посоветовать ей встать на этот путь, где ей придется озиаться без конца и края, тратя свои конечные ресурсы.

2. Гораздо реалистичнее представить себе Северную Корею, применяющей ядерное оружие не в слепой ярости наносящее удар по Сеулу, а в беспросветном от-

чаянии столкнувшейся со сверхмогущественными Соединенными Штатами, пожелавшими изменить политический режим в Пхеньяне. Именно превентивное наступление вооруженных сил США, как видится, скорее всего прочего, могло бы вызвать то, чего, по понятным причинам опасаются и боятся в США.

3. Доктрина «превентивной агрессии», помимо прочего, страшна тем, что превращает *потенциально*-го противника в неотвратимо реального. При этом государства — *потенциальные* члены антиамериканского союза невольно подталкиваются к формированию такого союза. И делают это быстрее и эффективнее из-за страха встретить американский удар в одиночку.

4. Американское руководство не может бесконечно использовать логику, исходящую из положения, что «показать слабинку» для Америки смертельно опасно: «Если мы не покажем готовность приложить силу в данном конкретном случае, то доверие к нам в мире падет до нуля»⁴⁰. Исторический опыт не может не подсказывать американцам, что именно на этом основании (плюс «доктрина домино») им объясняли важность борьбы с Вьетконгом, с вьетнамским сопротивлением (что, мол, если уступить во Вьетнаме, то падет весь Индокитай, за ним неизбежен переход на противоположную американцам сторону Таиланда, Малайзии и Индонезии; а за ними и коммунизация всей Азии. Нельзя же верить бесконечно в надуманное «падающее домино»?

5. Титаны дипломатии стремились поставить своего противника в положение «первого атакующего», чем выигрывали в глазах общественного мнения. Надо ли вызывать тень великого Бисмарка, чтобы напомнить, что он находился под постоянным давлением своих генералов, жаждавших получить приказ выступить. Бисмарк же назвал *превентивную войну* чем-то «похожим на совершение самоубийства из-за страха смерти»⁴¹. Более импульсивные наследники канцлера

Бисмарка бросили Германию в цепь авантюры, которая завершилась для этой страны двумя мировыми поражениями.

Многие критики видели в «доктрине Буша» опасный, фактически революционный подход — революционный отход от традиционного американского подхода после 1945 г.¹⁴² Но радикальный аспект «доктрины Буша» заключается не в теоретической новизне, а в практике этой администрации.

Кто будет следующей жертвой американского желания «улучшить мир»? На протяжении 1990-х годов все более значительная часть республиканской партии стала говорить о необходимости крушения Саддама Хусейна. Речь идет о правых республиканцах во главе прежде всего с Чейни и Рамсфелдом. Они — а за ними в послании конгрессу 29 января 2002 г. Буш — оформили доктрину своего имени и по логике этой доктрины создал «список» потенциальных жертв»: Ирак, Иран, Северная Корея.

Часть II

КАНУН

Глава 5

ОТ КАБУЛА К БАГДАДУ

Еще в августе 1995 г. американцы узнали от израильской разведки о доставке 115 гироскопов через Иорданию. ЦРУ немедленно выслало свою группу в Амман и перехватило приборы, столь нужные для ориентации ракетного удара. Часть груза была найдена на дне реки Тигр, куда его опустили иракские военные. В этом деле американцы чрезвычайно полагались на оппозицию Саддаму Хусейну в Ираке и за его пределами. В 1998 г. конгресс США провел выдвинутый президентом Клинтонем закон, который передавал 97 млн. дол. в качестве помощи силам, противостоящим президенту Саддаму Хусейну.

Тампа

Генералы Фрэнкс (глава СЕНТКОМ) и Ренуар (его заместитель в Тампе) трудились после приказа от 21 ноября 2001 г. над планом крушения Ирака. Начать вторую войну, не окончив первую, — этому его не учили в Вест-Пойнте, но приказ есть приказ. Первоначальное раздражение генерал Фрэнкс в конце концов сменил на фатализм. «Что-нибудь мы да придумаем».

На фоне неизбежной солдатской бравады совсем иначе был настроен министр обороны Рамсфелд. Зада-

ча перед ним была поставлена сложная. Президент Буш оценил Ирак недвусмысленно как потенциально-го агрессора, и его министр должен был в кратчайшее время завершить все приготовления. Теория не должна была отставать от практики: осенью 2001 г. была издана официальная «Оборонная стратегия» на 71 странице. Но метод Рамсфелда не сводился к максимам Клаузевица. Он постоянно давал новые оценки и снова переоценивал происходящее.

Министр Рамсфелд желал использовать опыт прошлого. Одним из первых указов по ведомству было требование представить ему обширные планы Корейской кампании. Он думал о возможности бросить американские войска снова в Северную Корею, где Ким Чен Ир уже ощущал враждебность американской громады. Северная Корея ускорила продвижение к атомной бомбе. Уже вскоре многозвездные генералы излагали Рамсфелду «Оп (оперативный) план №5027» — война против КНДР. Рамсфелд завершил обсуждение страшным осуждением армейской косности, не поспевающей за прогрессом технологии и стратегии. В Белом доме проживал не Гарри Трумэн, а Джордж Буш, и его министр не желал жить в мире 1950-х годов. Первый же вопрос: есть или нет у Пхеньяна атомное оружие? Да или нет в данном случае делали войну радикально различной. Или дипломатия, или тотальная война.

Американские военные уже усиленно готовили конкретное олицетворение провозглашенной президентом «доктрины Буша». 3 июня 2002 г. командующий СЕНТКОМом генерал Фрэнкс показал министру Рамсфелду по секретному видео то, что было названо «Забег» — имитацию того, как основные силы американских войск в ближневосточном регионе начинают бросок на Багдад. 5 августа 2002 года на 110 слайдах генерал Фрэнкс показывает «американскую справедливость» президенту Бушу в Ситуационной комнате Белого дома. Он все еще нуждался в 90 подготовитель-

ных днях. Но уже обозначен начальный бросок. В процессе подготовки — в течении 30 дней у генерала Фрэнкса будет 100 тысяч солдат. Достаточно — полагают в Пентагоне — для обескураживающего первого удара против Ирака.

Изучив подручные архивы, Рамсфелд увидел, что из 68 наличных военных планов лишь примерно десять были результатом многолетнего экспертного анализа. Среди этих *разработанных* планов были планы войны, в частности, против Северной Кореи и Ирака. Значительная доля этих планов касалась способов перемещения громадных американских сил к территории страны — потенциального соперника и жертвы. Именно этому в своей основе были посвящены пыльные толстые папки, заполнявшие полки подсобного, самого секретного архива.

Но при этом министр убедился, что лобастые полковники и генералы весьма смутно представляли себе, чего желает от них администрация Буша-младшего. Рамсфелд вспоминает двумя годами позже: «Они с трудом представляли себе, что мы имеем новую оборонную стратегию — концепцию предотвращения агрессии против США и их интересов посредством демонстрации способности нанести быстрый предваряющий удар. Конечно же, старые планы не учитывали новых обстоятельств, им не был знаком новый контекст. Мы обязаны были модернизировать эти планы».

Рамсфелд вспоминал о шести месяцах, проведенных им на Ближнем Востоке в качестве посланника президента Рейгана. Накопленный опыт дал основание неоконсервативной военной стратегии: «Главное обстоятельство заключается в том, что против терроризма невозможно обороняться... Невозможно защищаться все время в каждом месте против любой техники. Это просто невозможно, так как противник меняет свою технику, время атаки, и ты должен следовать за ним. Из этого следует заключение: ты обязан предвос-

хитить его действия». Это было сказано за четыре с половиной месяца до формального принятия администрацией Буша доктрины предвосхищающих действий, когда Вашингтон официально обозначил свое право наносить первый удар.

Через шесть дней после требования президента Буша начать подготовку к войне с Ираком министр обороны Рамсфелд вылетел в Тампу, в штаб-квартиру СЕНТКОМа. Наедине с Фрэнксом он сказал: «Планируй боевые действия против Ирака отдельно и покажи, где мы сейчас в этом деле находимся. На что способна иракская армия? Каков уровень их подготовки? Готовы ли они сражаться за Саддама Хусейна?» Президент просил передать, что дело не срочное, но и откладывать в дальний ящик не стоит.

«Оперативный план 1003» содержал основные черты наступления на Багдад и требовал полмиллиона солдат — шесть армейских дивизий и дивизию морской пехоты. Американцы в 2001 г. полагали, что Саддам Хусейн будет действовать так же, как и в 1991 г. «Оперативный план 1003» был модернизирован в 1996 и 1998 годах. Рамсфелд и Фрэнкс просидели над оперативным планом несколько часов, внося коррективы и делаясь замечаниями. Министр приказал выделить группу специалистов, незнакомых с планом, и дать им полную волю для собственной оригинальной оценки, которая может помочь в финальном планировании. Потом оба они, Рэмсфильд в штатском, а Фрэнкс в мундире, появились перед прессой, жаждущей знать особенности операции в Афганистане — «Несокрушимая свобода» и планы Пентагона на грядущее. Генерал Фрэнкс, который был на голову выше своего министра, производил впечатление внушительности и компетентности. И при этом по поведению обоих было ясно, кто из них босс, а кто исполнитель.

Настроение присутствующих было приподнятым. Те, кто предрекал вьетнамский кошмар, вынуждены

были признать победный характер действий Северного альянса, начавшего триумфальное шествие от Мазари-Шарифа к Кабулу и Кандагару, идя навстречу американским вооруженным силам. Рамсфелд произнес свою любимую фразу об обманчивости внешности.

Дело близилось к развязке. Но Буш и высшие чины его администрации не были довольны планами, составленными годы назад. Через четыре дня, 1 декабря 2001 г. Рамсфелд потребовал от генерала Фрэнкса нового плана боевых действий в Ираке. В двухстраничном приказе требовалось сообщить, как Фрэнкс собирается разбить иракскую армию. На планирование отводилось тридцать дней, и Фрэнкс должен был доложить свои соображения лично.

Военные и политики размышляют

В начале декабря 2001 г. солидная «Нью-Йорк таймс» впервые поместила статью, из которой значило, что Рамсфелд жестко относился к Ираку, а Колин Пауэлл — относительно мягко. Раскол в правительстве? Но и госдеп (второе лицо в нем и ближайший друг Колина Пауэлла — Армитедж полностью поддерживал Пауэлла) готов был на силовые меры: «Если Ирак действительно имеет оружие массового поражения, Соединенные Штаты сделают все возможное, чтобы ослабить эту угрозу». Ирак стал предметом обсуждения в духе способа противостояния ему победоносной в Афганистане Америки.

Обычно создание полномасштабного плана нападения на другую страну занимало у американских военных от двух до трех лет. Но если президент неожиданно отдавал приказ о нападении, американские военные руководствовались заранее *имеющимся* планом. Нетерпеливый Дональд Рамсфелд потребовал 4 декабря 2001 г. в Пентагоне от генерала Фрэнкса отчета об идущей подготовке. Фрэнкс прибыл в Вашингтон с ге-

нералом Ренуаром, одно время руководившим южной зоной воздушного контроля в Ираке. 6 декабря генералы сидели в кабинете министра в Пентагоне. Теперь они предлагали послать в Ирак 400 тысяч солдат — сокращение прежних наметок.

Министр Рамсфелд полагал, что для молниеносной атаки понадобится еще меньше войск — учитывая выход американских подразделений из Афганистана (готовые боеспособные войска). И еще министр в значительной степени полагался на «Придейторы» — небольшие, автономно действующие разведывательные самолеты, с большой точностью дающие картину расположения перед тобой противника на протяжении суток.

Военные в Пентагоне полагали, что имеют в запасе полгода и за это время успеют и с планом и с концентрацией войск. Но Рамсфелд нажимал безжалостно. Он задавал самые острые вопросы: сколько потребуется минимально войск и когда можно будет говорить об их готовности? Генерал Фрэнкс не желал попасть впросак. Ему не хотелось рисковать, и он задумчиво отвечал, что у него пока нет ответа. Генерал знал о важности близкой дружбы с министром, но рисковать всей своей карьерой он явно не желал.

Но планирование продолжалось. Стороны — военные и гражданские — обозначили цели в Ираке: заменить режим, ликвидировать Саддама Хусейна, уничтожить связанные с его руководством опасности — потенциал оружия массового поражения, связи с террористами, угроза соседям, особенно Израилю.

Уже имелись: батальон из 500 солдат в Кувейте; готовое снаряжение для еще тысячи американских солдат. В регионе находились примерно 200 американских самолетов — сотня самолетов на базе «Принц Султан» в Саудовской Аравии и на турецких базах. Остальные сто самолетов базировались на авианосцах в Персидском заливе. Министр Рамсфелд требовал от

Фрэнкса максимально точной оценки боевых возможностей иракской армии. Она сократилась с периода 1991 г. До каких пределов?

Каковы максимально точные цифры иракской армии? Для определения этих цифр министр дал своим генералам восемь дней. 12 декабря 2001 г. Фрэнкс и Ренуар с пухлыми папками возвратились в Пентагон. Строгая секретность сохранялась в прежнем объеме — того требовал президент.

Фрэнкс задал своему начальству два вопроса: можно ли сократить сроки подготовки и можно ли рассчитывать на ведение боевых действий меньшими силами? Министр Рамсфелд ответил положительно на оба вопроса. Со своей стороны, он задал свои вопросы: можно ли рассчитывать на надежный камуфляж, на скрытность подготовки на Ближнем Востоке? За счет чего можно увеличить фактор неожиданности? Как можно «обойти» Саддама в вопросе места и времени удара? Что будет стоить дороже всего американской армии?

Глава СЕНТКОМа не желал в духе Санта Клауса раздавать лишь приятные обещания. Трезвый расчет обязателен. По его мнению, основные силы американской армии не смогут прийти в Персидский залив незаметно, об этих перемещениях можно будет легко узнать не только из разведданных, но даже из газет. Неизбежны затраты — дешевым перемещение огромных сил на Ближний Восток быть не может.

Министр решил приоткрыть карты. Задумавшись, Рамсфелд сказал генералу, что в отношении выступления против Ирака речь может идти даже о ближайшем мае или даже апреле. Оба сидевших напротив генералы напряглись. Ведь еще совсем недавно те же люди им говорили, что экстренности нет. А теперь оказывается, что Белый дом думает об ударе наступающей весной. Фрэнкс был шокирован. Честно говоря, столь быстрая смена декораций его раздражала. Он

желал стопроцентных решений, оправдывавших его подготовку.

Но Рамсфелд был человеком другой породы. Через неделю — 19 декабря 2001 г. он в *третий* раз вызвал лидеров СЕНТКОМа в Пентагон и снова выразил свое неудовольствие медленной работой. Характер типа А преодолеть было невозможно. Но армия есть армия, а министр обороны высказывает не суждения, а приказы. Неудовольствие Рамсфелда привело к тому, что генерала с четырьмя звездами призвали в личное имение президента Буша в Кроуфорд, штат Техас. «Я поеду туда только с вами», — сказал Фрэнкс Рамсфелду. «Мне стоило большого труда наладить контакт Фрэнкса с президентом», — признался позже министр.

Рамсфелд + Фрэнкс

Строго говоря, именно с этого момента Рамсфелд сближается с Фрэнксом, и пара, которой предстоит взять Багдад, начала спланировать боевой порядок. Они все больше проводят времени вместе, *они* во многом достигают взаимопонимания. Но уже в тот *первый* визит в Кроуфорд Дональд Рамсфелд обыграл своего партнера-генерала: «Президент приказал вам прибыть в Кроуфорд одному».

На тот момент важнее всего было то, что происходило в политически расколотом Пакистане. Президент Буш прислал к президенту Пакистана Мушаррафу директора ЦРУ Джорджа Тенета, крупного мужчину с покрытым оспинами лицом. Тенет постарался напугать Мушаррафа. «Мы не нашли признаки атомного оружия в Афганистане, но мы обнаружили восемь способов, на основе которых Саддам Хусейн мог завладеть ядерным оружием».

Оставалось всего несколько дней до Рождества 2001 года, но рождественские блюзы не несли умиротворения. В администрации Буша сторонниками втор-

жения в Ирак становятся вице-президент Чейни, министр обороны Рамсфелд, заместитель министра обороны Пол Вулфовиц, начальник штаба вице-президента Чейни «Скутер» Либби. (Формируется и своеобразная оппозиция, которую возглавляют лидеры госдепартамента Пауэлл и Армитидж). А в Тампе упорные планировщики в военной униформе создают детальный план вторжения в Ирак, ориентируясь на грядущую весну.

Кроуфорд, дом президента

Искусственное озеро, небольшой дом, современная архитектура, небольшой штат обслуживающего персонала и охраны — именно здесь, в своем поместье Кроуфорд жил значительную часть своего президентского срока Джордж Буш-младший. Теперь у него была реальная власть — впервые за столетие республиканская партия в 2004 г. во второй раз подряд завладела Белым домом, сенатом и палатой представителей. Так было только во времена после победы Севера над Югом в гражданской войне.

Накануне 11 сентября 2001 г. вице-президент Чейни был влиятельным консервативным политиком, но изменившаяся обстановка превратила его в лидера идеологически ориентированной группы политиков, готовых на крайние действия. Рамсфелд, как казалось в первой половине 2001 г., не задержится в администрации. Сентябрьский кризис вывел его министерство и его самого на первый план творимой истории.

И теперь связка Чейни — Рамсфелд стала конкурировать с СНБ по степени влияния на президента. Сотрудники СНБ с завистью отмечают, что Рамсфелд может войти в Белый дом в *четырёх* местах этого хорошо охраняемого поместья. В то же время вице-президент Ричард Чейни имеет беспрецедентно большой собственный штат исследователей и чиновников, которым руководит Льюис «Скутер» Либби, имеющий ранг

«советника президента» (формально равный руководителю СНБ). Желая избежать феодальных склок, Райс назвала Чейни «восхитительным мудрым умом на советах администрации». Мнение вице-президента обычно не дебатруется, всем ясно, что он — чрезвычайно influential советник президента.

Утром 28 декабря 2001 года президент Буш встретился в Кроуфорде с генералом Томми Фрэнксом и генерал-майором Ренуаром. Видео соединяло президента с вице-президентом Чейни, с Рамсфелдом, отдыхавшем в своем имении Таос (штат Нью-Мексико) и тройкой Кондолиза Райс — Пауэлл — Тенет в Вашингтоне.

Президент Буш был рад видеть знакомые лица, он пребывал в отменном настроении. Внимание было обращено на вернувшегося из Афганистана генерала Фрэнкса. Тот только что избежал попадания ракеты земля — воздух, нацеленной на его вертолет. Буш так выразил сочувствие: «Фрэнкс, последнее из известий, которые я хотел бы услышать, — это сообщение о вашей смерти». Пауэлл заметил, что на войне обычно рискуют офицеры рангом ниже майора, а не четырехзвездные генералы.

Фрэнкс менее всего накануне битвы хотел слышать изъявления сочувствия. Он сразу же повернул тему в сторону планирования иракской операции. Генерал показал присутствующим 26 сверхсекретных слайдов. Копии были посланы на особые компьютеры Чейни, Пауэлла, Райс и Тенета. Тексты эти начинались словами: «В высшей мере конфиденциальное планирование».

Слайды выдавали идеи Рамсфелда — по существу, это был *новый* план завоевания Ирака: более краткие операции, быстрое продвижение, меньше войск, мобильность и страшная огневая поддержка. Он требовал 400 тысяч солдат и полгода подготовки.

Теперь Фрэнкс предполагал синхронное проведение сразу нескольких операций. Для этого он нуждался

в большем количестве передовой техники. Например, требовались аппараты лучевого наведения бомб на заранее определенные цели. Исчезало разделение труда между воздушной и наземной операциями — теперь они сливались в одну войсковую кампанию. И на макроуровне военная структура, разведка и дипломатия как бы превращались в одно национальное усилие.

Предполагалось глубокое проникновение специальных подрывных отрядов, одной из главных задач которых был перехват иракских ракет средней дальности «Скад», способных нанести удар по Израилю. В их функцию входило нахождение каналов помощи оппозиционным Саддаму курдам на севере и шиитам на юге. Обязательным стало одновременное ведение психологической войны и воинских операций. Пентагон полагался на гуманитарную помощь населению ради предотвращения партизанской войны. В огневом потоке предполагался одновременный удар бомбардировочной авиацией, крылатыми ракетами, армейскими тактическими ракетными системами.

В своем планировании Фрэнкс как бы разделил иракские вооруженные части на отдельные части, и при этом определил девять центров притяжения режима Саддама Хусейна: Руководство, семья, ближайшее окружение; организации безопасности и контрразведки плюс контрольные центры; оружие массового поражения; ракетные системы; дивизии республиканской гвардии, защищающие Багдад; сепаратистские силы Курдистана; регулярная армия Ирака; экономическая инфраструктура страны; гражданское население. Главными были определены 63 объекта первостепенной важности. Кинетическая бомбардировка предполагалась против руководства, сил безопасности, республиканской гвардии, отдельных армейских частей.

Фрэнкс в высшей степени полагался на бомбардировочную авиацию. Следовало создать у масс населения чувство, что только уход Хусейна прекратит ад с

небес. Специальным американским частям предстояло захватить нефтяные месторождения. В целом целью ставилось: избежать длительной массивированной подготовки и наращивать давление уже по ходу операции. На президента Буша этот вариант ближневосточного «блицкрига» произвел большое впечатление.

Мир изменился

Как приучить публику к мысли, что Ирак — «страшный враг?» Был лишь один способ и президент Буш использовал его в речи, произнесенной 20 сентября 2002 года перед конгрессом: *терроризм может оказаться вооруженным оружием массового поражения.*

В СНБ Райс и ее заместитель Хедли взялись за эту идею. Три страны могут нанести ядерный удар по США: Ирак, Иран и Северная Корея. Выражение «ось зла», связывающее «Аль-Каиду» с вероятным оружием массового поражения, имеющимся якобы у Саддама, нравилось Кондолизе Райс более всех прочих выражений. Президент Буш оценил идею «связать» три страны — Ирак, Иран и КНДР. Президентский спичрайтер Майкл Герсон в очередном президентском послании конгрессу назвал эти страны «rogue states» — «страны-изгои».

Буш начал заниматься прежде неведомым ему делом — считать, сколько американцев может погибнуть, реформируя эти несчастные страны, столь удаленные от демократии, лишившие прав женщин, не знающие верного пути к прогрессу. Им нужно в этом помочь. Ни один американский президент не говорил столь прямо и недвусмысленно. Итак, распространение демократии — новая черта американской демократии, столь же радикальная, как и начало холодной войны. Карл Роув, главный советник президента, считал, что теперь у администрации «появилась миссия». 52 млн. американцев наблюдали по телевидению за «Посланием конгрессу» 29 января 2002 г. Опросы показали, что две

трети американцев стали считать Буша «сильным лидером». Райс была уверена, что самыми сильными строчками являются те, которые говорили, что Америка собирается строить демократию на Ближнем Востоке. Газеты подхватили выражение «ось зла».

Вице-президент Ирака Абдель Азиз назвал выражение «ось зла» глупым. Ответом можно считать слова Кондолизы Райс, сказанные на «Конференции консервативных политических действий»: «Наша нация сделает все возможное для того, чтобы не допустить самые опасные страны к самому опасному оружию... Мы не будем ждать, когда события приобретут опасный поворот»¹⁴³.

Консервативный обозреватель «Вашингтон пост» Чарльз Краутхаммер назвал речь Буша «удивительно смелой и направленной против Ирака». Никто после Рейгана не размахивал мечом с таким видимым удовольствием. Через три дня Рамсфелд снова виделся с Фрэнксом в Пентагоне (пятая встреча). Прежний «План 1003» теперь имел несколько искусственное название «Генерированный план начала». 30 дней отдавалось на создание взлетных полос и ударных точек. За следующие два месяца следовало перевести на Ближний Восток войска; к этому времени войск уже должно было быть 160 тысяч. Затем последует энергичная двадцатидневная воздушная бомбардировка, а затем главное: 135 дней непрерывной атаки, в ходе которой мощь атакующих сил дойдет до 300 тысяч. Быстро и эффективно.

Рамсфелд: «Я понял эту математику. Когда вы намереваетесь начать?» Особое внимание было уделено нейтрализации иракских ракетных комплексов «Скад». Надежды возлагались на получившие афганский опыт командос — специальные силы. Отныне по особой связи Рамсфелд и Фрэнкс беседовали практически ежедневно и даже несколько раз за день. Генерал позже признал, что это было похоже на нескончаемый визит

к дантисту. 7 февраля 2002 г. Фрэнкс изложил свой новый план Совету национальной безопасности в Ситуационной комнате Белого дома.

Новый план

Здесь, на важном совещании с президентом генерал Фрэнкс *впервые* изложил измененный и модернизированный план войны с Ираком. На военные действия будут потрачены 225 дней. Фрэнкс предпочитал формулу «90-45-90». Первые 90 дней — для подготовки и перемещений, 45 дней для интенсивной бомбардировки, затем основная операция. На среднем этапе специальные силы захватят основные месторождения нефти; численность войск достигнет 300 тысяч, с ними Фрэнкс и войдет в Багдад. Генерал разбил подготовительный период по месяцам — март, апрель, май и т.п. Впервые Буш имел собственный план завоевания Ирака и в любое время мог отдать приказ о начале военных действий. Самое неудобное время наступления был период между маем и сентябрем, когда иракская армия почти полностью выходила в поле. Самое неудобное для иракцев время — декабрь-февраль: холод заставляет армейское командование тренировать войска небольшими отрядами.

Напоминавший римского полководца генерал Фрэнкс объяснил ситуацию с погодой: зеленая зимой, желтая в апреле, красная после мая. Фрэнкс сказал, что лучшее время для атаки, с его точки зрения — период между ноябрем, декабрем и февралем 2003 г. Буш кивал головой. Опасны песчаные бури марта и апреля. Президент спросил, нельзя ли начать операцию раньше. Генерал ответил положительно. Президент засмеялся. Нужно избежать только двух вещей: большей продолжительности войны и больших американских потерь. Рамсфелд выступил с концепцией, которую можно было назвать: «Бей и устрашай».

Для популяризации своих идей генерал Фрэнкс использовал 30 слайдов. Он придавал особое значение начальному этапу. Все глаза были обращены на президента. И здесь президент Буш пока держался нейтрально. После часа и десяти минут совещания он не сделал финального обобщения. Фрэнкс был доволен собой. Его не погоняли. Он не гнал события, хотя и сократил подготовительный период. Президент проникся грандиозностью замысла. Дешевой эта операция не будет — это поняли все. Чейни был недоволен «медлительностью». Начальник штаба президента Энди Карт (54 года) пришел к выводу, что «военные еще не готовы». Генералы пока играли с идеями.

Доволен был Пауэлл: никто не гнал лошадей вперед. Не выдвигалось диких идей захватить главные нефтяные месторождения несколькими тысячами солдат. Выступая перед сенатской комиссией по бюджету, он сказал, что «на столе у президента сейчас нет плана войны с какой-либо нацией». Что было неправдой.

28 февраля 2002 г. генерал Фрэнкс прибыл к Рамсфелду с двумя огромными книгами-альбомами, на которых были обозначены 4000 целей в Ираке. Рамсфелд был приятно удивлен большим числом целей — ранее американские военные жаловались на то, что в странах типа Ирака нечего бомбить. СНБ постоянно обсуждал, какие еще цели могут представлять ценность для местного правительства. Все помнили слова Рамсфелда на третий день войны в Афганистане: «нам нечего больше бомбить»¹⁴⁴. Ирак, с этой точки зрения был превосходной страной — страна с командными и контрольными пунктами. Одних дворцов у Саддама было более 50. А штаб-квартиры Республиканской гвардии?

Рамсфелда интересовали и вопросы агитации среди иракских военных. Он предлагал названия листовок: «Сложите оружие», «Не уничтожайте нефтяные месторождения», «Не стреляйте ракетами».

Кто мог оказать Америке помощь? Глава СЕНТКОМА Фрэнкс выделил три типа союзнических объединений, три способа ведения войны: мощная коалиция, ограниченная коалиция, односторонняя операция. *Первый* тип операции потребует помощи трех союзников — Кувейта, Саудовской Аравии, Иордании. Это обязательно. Очень желательна помощь небольших государств Персидского залива — Бахрейна, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов и Омана. В глобальном плане чрезвычайно важна помощь Британии. Придавала силы поддержка Италии, Испании, восточноевропейских прозелитов НАТО.

Америка не будет повторять 1991 год, собирая все силы в кулак. Для начала боевых действий понадобятся 105 тыс. американских войск. Поток подкреплений будет прибывать и через 60-90 суток этих войск будет уже 230 тыс. Ослабления американских позиций следует ждать в случае отказа от коалиционных действий Турции и Саудовской Аравии, двух гигантов региона. Если войну поведут вдвоем США и Объединенное королевство, то понадобится помощь Кувейта, Бахрейна, Катара и Омана — для использования их аэродромов — с целью реализации транспортных целей. Если операция будет осуществлена *только* американскими войсками, то понадобится, как минимум, помощь Кувейта, Катара и Омана.

Видя благорасположение президента, Фрэнкс мог позволить себе оказать определенный нажим. «Господин президент, если вы согласны с общей концепцией, то следует приступить к концентрации сил». Президент ответил в самой позитивной манере: «Прекрасно». Разумеется, чем больше коалиция, тем лучше.

Отвлеченный боевыми событиями в Афганистане, Саддам, как казалось, даже не заметит роста сил, наце-

ленных на его страну. Между тем уже было решено, что основной ударной площадкой будет Кувейт — ворота в современную Месопотамию.

Следующий слайд иллюстрировал «Мысли о временном раскладе». Сложный вопрос «Когда начать?» Решение на этот счет мог принять только сам президент. Фрэнкс сделал важную оговорку: «Мы не знаем, когда и какое вы примете на этот счет решение. Но вы должны учесть следующее — ЦРУ следует разместить своих людей внутри Ирака». В Афганистане это имело очень существенное значение, хотя собственно сотрудников ЦРУ было 115, плюс 300 их помощников. Чтобы сделать ЦРУ мощным фактором в Ираке, потребуется от 120 до 180 дней. Подготовку подрывных частей следует начать немедленно.

Итак: одна только дипломатическая подготовка отнимет минимум тридцать дней. Перевоз оборудования в Кувейт — 60 дней. Перевод туда же 3-й пехотной дивизии — 90 дней. В итоге операция может начаться между апрелем и июнем 2002 года.

На странице 26 подготовленного доклада скрупулезный генерал Фрэнкс задал весьма существенный вопрос: к чему мы стремимся в Ираке? Каковы стратегические цели войны? Для ответа на этот вопрос Пентагон полагал необходимым интенсифицировать деятельность разведки в Ираке, точно знать, к чему стремится оппозиция Саддаму Хусейну. И с той же целью нужно спешно переместить штаб СЕНТКОМ в непосредственно рядом расположенный Катар.

Следовало завершать встречу. Президент Джордж Буш-младший повернулся к генералу Тому Фрэнксу с общей оценкой: «Хорошая работа. Продолжайте решать задачу». Из своего далека Рамсфелд пообещал президенту: «Мы с Томом обсудим все детали позже». Директор Тенет добавил, что ЦРУ многие годы находится в состоянии рабочего контакта с курдами на севере и с шиитами на юге. Но американцы столько раз

подводили своих потенциальных союзников — бросали своих союзников в Ираке на растерзание центральной власти, что теперь у противников Саддама Хусейна в Ираке весьма скептическое настроение в отношении решимости американцев *на этот раз* довести дело до конца. Они должны увидеть подлинную решимость Соединенных Штатов. Без этого они не бросятся в дело, грозящее им погибелью». Бесценные союзники могут скрестить руки на груди, сомневаясь в верности слова Вашингтона.

Карта региона всем въелась в глаза после того как президент Буш приказал государственному секретарю Пауэллу и министру обороны Рамсфелду провести дипломатическую работу в регионе, создавая максимально широкий фронт антииракской коалиции. «Мы должны получить на свою сторону нации региона. Разработайте для меня стратегию наиболее эффективного свойства».

Советник по национальной безопасности Кондолиза Райс задала вопрос: «Что делать, если Саддам обратится к следующей стратегии — с наиболее преданными сторонниками отойдет к Багдаду и превратит его в город-крепость?» Генерал Фрэнкс ответил, что учитывает эту возможность. Американские войска должны стремительно пройти к иракской столице и предотвратить превращение Багдада в новый Сталинград.

Всем было ясно, что оканчивается подготовительный период, впереди всегда неведомое будущее.

В десять утра Буш в джинсах рубашке и ковбойских ботинках вместе с Фрэнксом в военной форме вышел к ожидающей прессе. Темой якобы был Афганистан.

На обратном пути в Тампу генерал Ренуар сожалел, что Фрэнкс не остался на ланч с президентом. Во-первых, он был голоден, а во-вторых, хотел побывать среди великих мира сего. На их военном самолете, летящем в Тампу, были только арахис и лимонад. Но оба генерала были довольны вниманием президента и по-

ниманием сложности решаемой ими задачи. Фрэнкс: «Мы сделали первый шаг». Буш: «Я внимательно смотрел на генерала уже принесшего одну победу в Афганистане. Я пытался понять его логику. Мне было любопытно его поведение. Тогда мы еще не были готовы к кампании. Но мы определили две вещи: «Саддам опасен. Но есть возможность его нейтрализации».

Глава 6

ПОДГОТОВКА

Вопреки утверждениям администрации Буша о том, что Саддам Хусейн «собирает силы», которые угрожают США, иракская военная и связанная с производством вооружений программы фактически крошились под тяжестью санкций, которые лишили Ирак 250 млрд. дол.

Инспекторы Дж. Лопес и Д. Кортрайт, 2004¹⁴⁵

Международные санкции

Работа по ограничению доступа Ирака к современному оружию велась давно и казалась Белому дому и Пентагону весьма эффективной.

Между 1997 и 2002 годами доходы Ирака от добычи нефти составили 10,1 млрд. дол.¹⁴⁶. Американцы постоянно (и успешно) охотились за специализированными алюминиевыми трубами — обязательным компонентом производства оружия массового поражения. След нащупали англичане в сентябре 2002 г. Все это — активное противодействие ЦРУ не позволило Саддаму Хусейну даже отдаленно приблизиться к ОМП. И, надо сказать, ни Вашингтон, ни Лондон не сомневались в своей способности перекрыть Багдаду дорогу к оружию

массового поражения. Не сомневались — но готовились к худшему. Это тем более поразительно на фоне удивительного безумия 2003 года.

Итак, вопреки алармизму, санкции работали. Лишь малая толика доходов достигла иракского правительства, что в принципе делало реализацию полномасштабной военной программы невозможной. Некогда перспективно развивающаяся машина индустриального Ирака практически остановилась. «В результате Ирак оказался лишенным материальных возможностей создавать ядерное, химическое, биологическое оружие — как бы ни стремился Саддам Хусейн увеличить свой военный потенциал»¹⁴⁷. Если в годы, предшествующие 1989 г., Багдад расходовал на военные нужды примерно 15 млрд. дол., то в 1990-е годы эти расходы упали до 1,4 млрд. дол. в год, а в новом столетии опустились еще ниже. Центр стратегических и международных исследований охарактеризовал оружие Ирака как «приходящее в негодность, устаревшее, и не соответствующее современному уровню».

Военные после Кроуфорда

Министр обороны Рамсфелд приказал генералу Фрэнксу прибыть в столицу *через десять дней* с планом, к которому, как он сказал, «можно отнестись серьезно». Дисциплинированное руководство СЕНТКОМ прибыло в Пентагон 9 января 2002 г. Главное, что серьезно интересовало Рамсфелда — насколько ослабла иракская армия после 1991 года и может ли она встретить противника средствами массового поражения. Чтобы иметь убедительные ответы, генерал Фрэнкс создал в Тампе штаб из 15 офицеров, чьей непосредственной задачей было отвечать на вопросы импульсивного министра.

Какой виделась эта война на пепелищах древних городов Месопотамии? Размышляя над этим вопро-

сом, генерал Фрэнкс спросил свой «иракский» штаб, что можно сделать с *половиной* первоначально выделенных войск за вдвое более короткое время? Ведь речь идет об использовании сразу нескольких фронтов, гораздо более точном американском оружии, о гарантированной помощи курдов на севере Ирака. Вызрела идея сбросить на севере американский десант и создать эффективную армию в 10 тысяч выносливых курдов.

Чтобы сохранить секретность, Фрэнкс запретил отдельным группам специалистов совместно обсуждать операцию и возможности взаимодействия. Только генералы Фрэнкс и Ренуар общались со всеми и могли видеть общую картину предстоящей в Ираке битвы.

Самым большим критиком обозначенного курса был не наивный штатский политик, а наиболее уважаемый военный. Речь идет о Колине Пауэлле, боевом офицере, обнаружившем политические и дипломатические способности. Он служил два срока во Вьетнаме и видел, что в случае осложнений, генералы на полях сражений не склонны к правдивой информации. Во время Войны в заливе он был председателем Объединенного комитета начальников штабов и одиноко сидел в Пентагоне, зная при этом, какую цену требует война. Столичная эйфория его не касалась, он видел, что происходит на решающем участке фронта.

Кто, кроме него, представлял ужас войны? Президент Буш прошел военную службу в Техасском резерве, но он не видел крови. Вице-президент Чейни никогда не служил в армии. Министр обороны Рамсфелд был морским летчиком, но служил в мирное время. Советница по национальной безопасности Райс и директор ЦРУ Тенет ничего не знали о военной службе. Лишь Пауэлл нюхал порох в боевой обстановке. В мемуарах 1995 года «Мое американское путешествие» он писал, что *слишком многие готовы отдать приказ солдатам, не представляя себе последствий*».

Но подлинной проблемой Колина Пауэлла было то, что и после годичной работы в правительстве он не выработал рабочих отношений с президентом. Два главных лица в государстве не чувствовали себя комфортно в обществе друг друга. Они смотрели в разные стороны. И осознавали свою «разность». За неделю до сентябрьской драмы 2001 года журнал «Тайм» поместил статью об одиночестве Пауэлла в администрации Буша-младшего. Чтобы хотя бы несколько исправить ситуацию, приобретшую черты экстренной важности после Сентября, Колин Пауэлл решил посоветоваться с человеком, на которого были обращены все взоры частных к внешнеполитическому планированию, — с генералом Фрэнксом. Несколько раз он звонил в Тампу, ставя Фрэнкса в неловкое положение, так как именно Пауэлл был создателем переделываемого ныне плана «Оперативного плана 1003». Готовящиеся его изменения означали косвенную дискредитацию Пауэлла. К тому же генерал испытывал неловкость и потому, что его непосредственный начальник — жаждавший лояльности министр Рамсфелд вполне мог по своим каналам узнать о новой связке Пауэлл — Фрэнкс, что ставило второго в двусмысленное положение.

Вообще говоря, мнение двух высших генералов, двух главных военных специалистов по Ближнему Востоку многое значило в условиях экстренности обстановки на Ближнем Востоке. Чтобы избежать дискредитации, генералу Фрэнксу приходилось докладывать Дональду Рамсфелду о контактах с Пауэллом. Поступить иначе четырехзвездный генерал Фрэнкс не мог — эгоцентризм Рамсфелда был общеизвестен, и он мог дорого обойтись американскому проконсулу на Ближнем Востоке..

Между тем время обрело невиданную скорость. 17 января 2002 г. Фрэнкс и Ренуар снова предстали перед Рамсфелдом. Это была их четвертая встреча. Обсудили новости, предоставляемые разведкой. Становилось все

более ясно, что 12 лет изоляции подорвали иракскую армию, ослабляя, по мнению Фрэнкса, иракские наступательные возможности. До 1991 г. у Саддама Хусейна было семь дивизий республиканских гвардейцев, сейчас — шесть. Регулярная армия прежде насчитывала 27 дивизий, а в 2002 г. — 17. Авиация гибла от отсутствия запасных частей. Численность зенитных ракет упала со 100 до 60 единиц. От прежних 20 боевых кораблей осталось лишь три. (Не будем перечислять на личное Фрэнкса, силы были слишком неравны.)

Фрэнкс выдвинул максимум, которая многое стала означать впоследствии: «Чем большей будет американская вовлеченность, тем меньше народ Ирака будет готов защищать свой режим. Пентагон и его идеологи верили в необычайное: в то, что иракский народ полюбит американские танки больше своих. Они преувеличивали абстрактный элемент «свободолюбия», как бы не замечая, что важнейшей его частью является преданность собственной стране. А не блестящему заокеанскому гегемону. Журналист Боб Вудвард пишет на этот счет мудро: «Важнейший аргумент американского руководства был основан не на солидной работе разведки, а на том тезисе, что свободолюбивый народ обязан проявить неверие по отношению к собственному безжалостному диктатору»¹⁴⁸. Весьма распространенная ошибка.

Разведка, как и Фрэнкс, утверждала, что чем массивнее будет американское вторжение, тем больше вероятность того, что иракский народ присоединится к антисаддамовским силам. Американцы как бы вычеркнули патриотический, религиозный, цивилизационный момент из создаваемого в регионе нового политического уравнения. Многим стало казаться, что уже одна лишь американская решимость определяла соотношение сил на весах истории. В результате пустая бравада стала едва ли не решающим фактором. А жертвами

этих калькуляций станут многие десятки тысяч иракцев, за которых «мыслили» выпускники Вест-Пойнта.

Главный новый вывод Фрэнкса: при минимальной численности войск в 105 тысяч солдат потребуется от 30 до 45 дней для их перемещения на Ближний Восток и «90 дней для атаки, изоляции противника и смещения режима»¹⁴⁹. Но Фрэнкс не верил, что все это можно сделать незаметно. Единственный возможный способ — много раз кричать «Волк!», пока жертва не привыкнет к этому крику. Рамсфелду идея перенапрячь пропаганду понравилась. Сообщения о неукротимом движении американских войск стали дежурной темой американских средств массовой пропаганды.

Разведка-2

В обстановке завершающейся битвы за Афганистан Джордж Тенет ослабил внимание к Ираку. В центре его внимания была «Аль-Каида» и все сопутствующее. Багдад не попадал даже в пятерку наиболее актуальных дел. Куратор Ирака Соул работал под началом заместителя Тенета Джона Маклафлина, отличавшегося мягкими манерами ветерана ЦРУ, несомненного №2 в учреждении, ближайшего друга директора Тенета.

Но ответственный за американскую разведку в ближневосточном регионе Соул не мог игнорировать происходящего: начиная с февраля 2002 г. Рамсфелд начал собирать всех причастных к Ираку единожды в неделю. Министра удручала малость разведсети Америки внутри Ирака. «Их можно перечислить, используя пальцы одной руки». Это была правда. На самом деле американских агентов в Ираке было четверо. И работали эти агенты в таких местах, как Министерство иностранных дел, Министерство нефтяной промышленности, — довольно далеко от внутреннего круга Саддама Хусейна. Центральное разведывательное управление прилагало немалые усилия, чтобы внед-

рить своих людей в военную верхушку, Национальную гвардию, органы безопасности, но эти попытки не дали результатов.

Тенет ощущал это: «Как может быть, что я получаю самую важную информацию от британской разведки?» ЦРУ предлагало потенциальным агентам от 5 до 10 тысяч долларов в месяц. Далеко не все оказывались неудержимо падкими на эти — далеко не фантастические деньги, учитывая то, что ждало предателя в случае провала. Немногие становились на эту рискованную тропу. Тяжела была и задача *передачи* информации — в Багдаде американцы не имели посольства и спутники связи, экзотические способы сообщения пускались в ход.

Глава местного подразделения ЦРУ Соул настаивал на своем: секретными операциями свергнуть Саддама Хусейна невозможно. Эту задачу может решить лишь полномасштабное вторжение, в условиях которого ЦРУ выполнит свою миссию. И только массовое рекрутирование американских агентов внутри иракского общества могло показать ответственным людям в Багдаде, что американцы смертельно серьезны, подтолкнуть их к сотрудничеству. Директива от 16 февраля давала ЦРУ новые возможности: президент делал из него передовой отряд крушения Ирака. Разведке выделили 300 млн. дол. на два года. Конгресс ворчал и сократил цифру до 189 млн. дол., но все же ситуация изменилась, давая американской разведке новый шанс.

ЦРУ вело подрывные операции в 60 странах, и Джордж Буш придал новый импульс агентурной борьбе. Агент Соул получил новые возможности, но деньги сами по себе мало что значили. Ему нужны были 50 офицеров разведки (а через несколько месяцев — 150 — и до 360 человек — в боевых условиях, в штабных норах, на коммуникационных трассах). Афганистан показал важность полувоенных организаций. 20 февраля

2002 г. наблюдательная группа ЦРУ перешла границу Северного Ирака в районе проживания курдов для подготовки баз создания полувоенных организаций, которые получили название Найл — акроним от *Элементы связи в Северном Ираке*.

Дипломатия

Вице-президент Чейни сказал генералу Фрэнксу, что планирует визит на Ближний Восток в марте 2002 г. Кто может оказаться помощником в войне против Ирака? Сошлись на десяти потенциальных кандидатах: Египет, Оман, ОАЭ, Саудовская Аравия, Йемен, Бахрейн, Катар, Иордания, Израиль, Турция. Фрэнкс участвовал в подготовке Чейни к визиту 6 марта 2002 г. Вместе с министром Рамсфелдом они создали сверхсекретный документ по поводу каждой из стран. Уже тогда двое наиболее завязанных на войну американца *знали* о том, что арабские страны не поддержат вторжение в мусульманскую страну. Внешне они выступают против вторжения, но в контактах с американцами будут более умеренными. Фрэнкс дал Чейни словесную характеристику главе правительства и главе секретной службы. К примеру, в Иордании, с которой директор ЦРУ Джордж Тенет тоже тесно работал, Фрэнкс работал со своим иорданским коллегой — генералом Саадом Хаиром. И Фрэнкс и Тенет взаимодействовали с президентом Йемена Али Абдулом Салихом.

Чейни должен был узнать мнение стран региона о возможности войны США против Ирака. Вице-президент не занимался «мелкой политикой», он не говорил о базах, войсках, самолетах, кораблях. Он говорил, что Соединенные Штаты предельно серьезны относительно Ирака. Чейни был очень доволен пребыванием в Иордании, где ЦРУ уже практически купила местную секретную службу — ГИД. Несколько хуже было его настроение в Египте — Мубарак был согласен не во всем.

За один день Чейни посетил три страны. Ошибкой было игнорировать Катар, который вскоре примет штаб-квартиру СЕНТКОМ. Жена Чейни — Линн Чейни обедала с любимой женой эмира Катара. Любимую жену спросили, во сколько начинают учиться в Бахрейне. Любимая жена ответила: «Это не Бахрейн».

15 марта Чейни вылетел на символ американского присутствия в регионе — на авианосец «Джон Стеннис». Команда авианосца составляла 5 тыс. человек, это было судно с гигантской авиационной палубой. Здесь вице-президент Чейни выступил перед военнослужащими. «Нашей следующей целью будет давление на государства — спонсоры террора, угрожающие Америке и ее друзьям. Соединенные Штаты не позволят силам террора помогать силам геноцида»¹⁵⁰.

Американцев в общем и целом удивил ответ лидеров Ближнего Востока. Во главу угла они определенно ставили израильско-палестинский конфликт. Именно об этом постоянно сообщал в Белый дом Колин Пауэлл. Генерал Фрэнкс был солидарен с этими посланиями. После визита Чейни в критический регион он встретился с президентом в 8 часов утра 21 марта. Президент заговорил о стратегии краткосрочных ударов.

В тот же день генерал Фэнкс собрал своих ведущих командиров на базе Рамштайн в Германии. Перед ним сидели командиры, которым предстояло выполнять приказы в критический день начала войны. Фрэнкс всем своим видом показывал, что он готов к войне, к следующей войне. «Друзья, в нашем доме грабитель»¹⁵¹. Это выражение имело богатый смысл: цели обозначены и следует ринуться вперед в общем порыве. Всем было видно, что Фрэнкс настроен воинственно. Он и сам теперь верил, что войны не избежать. Фрэнкс сказал, что верит в план 90-45-90, в войну длительностью 225 дней. Он не обо всем говорил со своими командирами, но главное: он им внушил, что предстоит война.

23 марта 2002 г. заседал Объединенный комитет начальников штабов. Что делать с 37 тыс. американцев, сосредоточенных в Южной Корее? Можно ли их использовать в далеко отстоящем конфликте?

А Соул вылетел в Тампу и сообщил Фрэнксу о предстоящих скрытных операциях ЦРУ. Фрэнкс напомнил, что уже сражался с иракцами прежде. «Вот за это вам и платят». Фрэнкс убедился, что на войну с Ираком работает вся государственная система США.

ЦРУ

В марте 2002 г. Тенет встретился с двумя персонами, критически важными для битвы внутри Ирака. Это были лидеры двух крупнейших курдских группировок в Ираке — Масуд Барзани и Джалал Талабани. Они контролировали значительную территорию на севере страны и добились весьма впечатляющей автономности от Багдада. Не стоило, однако, забывать, что совсем неподалеку от курдских центров стояли иракские войска, способные устроить резню среди курдов, как это уже было прежде, когда курды восстали, ожидая американской помощи. Тогда, в 1991 году более миллиона курдов бежали преимущественно в Турцию. Проблемой было то, что турецкое правительство принципиально не признавало этнических общин.

Тенет привез Барзани и Талабани важное послание: Соединенные Штаты на этот раз со всей серьезностью относятся к вмешательству во внутрииракские дела и ЦРУ получило соответствующие приказы. Разворачивается гигантская машина американской армии. Президент Буш держит свое слово.

Во многом Тенет блефовал как обычно. Приказа о войне с Ираком не существовало, Буш не был связан никакими обязательствами. Но у него была своя задача: поднять курдов против багдадского режима. И Тенет не страшился на этом восточном базаре произ-

носить слова, которые никто не авторизовал, делать обещания, за которые никто не мог поручиться.

Главным орудием Тенета были деньги. Из выделенных ему 100 млн. дол. он мог платить впечатляющие суммы. ЦРУ стояло на этом, это был его могучий рычаг. Буш — величайший собиратель «политических» денег в истории, и Тенет — крупнейший их распределитель, знали, что могут сделать деньги.

29 марта 2002 г. генерал вступил на территорию, которую легко мог назвать враждебной — он вошел в «танк» — закрытое место, где совещались председатели комитетов начальников штабов, главы четырех родов войск. Фрэнкс, строго говоря, подчинялся непосредственно министру обороны и начальник Объединенного комитета начальников штабов *не был* его начальником. Но по званиям они все превосходили его, а в вооруженных силах это важный фактор.

Между ними существовала вражда, и эта вражда ощущалась. И несмотря на это встреча была важной и существенной. Фрэнкс показал более 70 слайдов, полагаясь на то, что ему выделяют до 200 тысяч солдат. Фрэнкс сказал, что в его календаре важной датой было 1 октября, когда его войска должны были быть готовы к броску. Последовало множество вопросов. Например: для Афганистана понадобились пять авианосцев, сколько нужно для Ирака? Насколько точны сведения об оружии массового поражения у Ирака? Как будет происходить снабжение американских войск в Ираке? Согласен ли Фрэнкс с мнением замминистра обороны, что война с Ираком будет нетрудной операцией? Фрэнкс мог отвечать на эти вопросы «в принципе», но он не знал конкретных ответов.

А чета Бушей 6 и 7 апреля 2002 г. принимала главного потенциального союзника — премьер-министра Великобритании с семьей в традиционном месте — на ранчо Кроуфорд.

Британские телевизионщики прижимали Буша к стене в вопросе об Ираке: «Я пришел к выводу, что

Саддам Хусейн должен уйти. Это главное, что я могу вам сказать». — «Но люди считают, что Саддам Хусейн не имеет связей с «Аль-Каидой», и я удивляюсь, почему вы должны...» — «Худшее, что могло бы случиться — это создание нацией, подобной Ираку, оружия массового поражения, а затем связаться с террористическими организациями. Я не позволю этого». — «И как же вы хотите достичь своих целей, мистер президент?» — «Подождите немного, и вы увидите».

«Итак, неважно, впустит Саддам Хусейн международных инспекторов в страну или нет — он все равно будет атакован. Он — следующая жертва»

Буш явно вступил на опасную территорию, и он сказал: «На моем письменном столе *нет планов атаки*». Если, конкретно говоря, такой план и не лежал на столе президента, он все равно в этом случае солгал. Этот план лежал на рабочем столе его генералов.

11 апреля 2002 г. глава СЕНТКОМа генерал Том Фрэнкс, используя видео, доложил министру обороны Дональду Рамсфелду о последних приготовлениях. Генерала беспокоило раскрытие секретных работ в Омане, ОАЭ и Кувейте. Здесь — как бы дежурно — строились взлетно-посадочные полосы. Грузовые самолеты начали совершать рейсы с военными грузами. Все это, разумеется, никак не афишировалось. В аравийской пустыне выросли пакгаузы и складские помещения. Вставала проблема горючего — его огромной армии на колесах требовалось много бензина.

Операция была дорогостоящей. Даже предварительные приготовления требовали от 300 до 400 млн. дол. Плохо было то, что не желали раскошелиться союзники. Министр Рамсфелд напряженно думал над тем, как соблазнить другие страны взять на себя часть финансового бремени ближневосточной операции.

Через неделю о продвижении операции против Ирака слушал сам президент Буш. Оба были удовлетворены уменьшением численности «первоначальных»

легионов. Вожди размышляли так: начнем со 180 тысяч; если их окажется недостаточно, доведем общий контингент до 250 тыс. солдат. Буш и Рамсфелд понимали, что регион относится к американским вооруженным силам без особой симпатии. Значит, все надо сделать быстро, без всяких задержек, но не в ущерб главной задаче — формированию мощного ударного кулака. «Ориентируйте меня, Томми», — сказал президент, и это означало «ничего не делать в ущерб качеству подготовки». Фрэнкс демонстрировал античную лаконичность: «Я постараюсь сбалансировать риск и скорость». Президент: «Томми, правильно. Вы мой эксперт. Говорите мне все откровенно. Вы получите все необходимое».

Дело смещалось к будущим полям сражений. 24 апреля Фрэнкс наставлял своих офицеров в Дохе (Катар). Забыта глухая Тампа. Теперь американские генералы размышляли из глубины ближневосточного региона, на берегу Персидского залива.

Дорога приготовлений казалась бесконечной. Но теперь генерал Фрэнкс имел чрезвычайные полномочия, дарованные ему президентом, и мог несколько меньше оглядываться на непосредственное начальство. Облегчало работу генералов то обстоятельство, что им теперь не нужно было по каждому финансовому поводу консультироваться с Вашингтоном. Вам нужна железная дорога? Не думайте, сколько она стоит, стройте ее. Лейте бетон, прокладывайте дороги, стройте посадочные полосы, укрепляйте лагерь.. Финансовая сторона дела будет решена без вас.

Курдский север

9 мая 2002 г. Фрэнкс запросил своих генералов разработать план открытия *второго* фронта на севере, в среде дружественных курдов, ненавидевших Саддама

Хусейна больше американцев. Здесь ключевой становилась позиция Турции, но та вовсе не горела желанием укрепить курдский сепаратизм внутри Ирака — курды знают о своих братьях в Турции. У Фрэнкса появляются первые сомнения в дружеском содействии Анкары. Это делало американскую операцию целиком зависимой от единственно надежного — кувейтского плацдарма. Жаль. 160-километровая граница между Турцией и Ираком могла бы открыть путь 15—20 тысячам американских войск, что резко усложняло бы оборонительные задачи Багдада. Фрэнкс думал о концентрации в восточной натовской Турции до 30 тысяч американских военнослужащих. Теперь его энтузиазм остыл, хотя нажим на Анкару еще не был доведен до конца..

10 мая Фрэнкс суммировал свои дискуссии с Рамсфелдом. Того волновало лишь одно: что Саддам *первым* начнет войну тогда, когда американцы к ней еще готовы не будут. На этот счет следовало привести в полную боевую готовность военно-воздушные силы. На севере Ирака к бою были готовы 70 самолетов, на юге — 120. Эти двести самолетов должны были держать руки Саддама связанными и должны были быть готовыми через четыре часа после начала боевых действий. В течение первых семи дней в небе Ирака окажутся 450 самолетов. Еще две недели, и общая численность авиации будет доведена до 800 машин — примерно половина того, что было в руках у американцев в 1991 году.

В тот день Фрэнкс раскрывал карту Ирака в Белом доме перед Объединенным комитетом начальников штабов, но в отсутствие президента. У него уже были варианты главного плана: синий, белый, красный. Обсуждалась позиция стран-соседей. Советник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс спросила о возможности сократить означенный срок

до 225 (90+45+90) дней. Генерал Фрэнкс обещал подумать. Много вопросов задавал государственный секретарь Колин Пауэлл. Он знал тонкости позиций различных стран, на которые многие американцы откровенно надеялись. И самым эффектным был момент, когда Пауэлл указал на единственный аэропорт в Кувейте, на который можно было твердо надеяться. «Можно ли насытить весь огромный фронт через один-единственный аэропорт?» Фрэнкс ощутил холодок, но постарался удержаться, ведь все же «Пауэлл был мне *немного* другом».

На следующий день те же карты были раскрыты в Кэмп-Дэвиде перед президентом США. Май входил в президентское гнездо во всем своем обаянии, и все казалось возможным и достижимым. То была долгая беседа. Командующий СЕНТКОМа охарактеризовал все *пять* фронтов против Саддама Хусейна: Западный фронт стремился предотвратить запуск иракских СКАДов; Юго-западный фронт атаковал с головных баз в Кувейте (две армейские дивизии и две дивизии морской пехоты); разведфронт раскрывал всю возможную информацию; четвертый — Южный фронт бросался на Багдад; пятый — Северный фронт врывался в Ирак через турецкие базы.

Что им противостояло? Иракская армия состояла из 11 регулярных дивизий и двух дивизий республиканской гвардии. На юге пять регулярных армейских дивизий и специальные дивизии республиканской гвардии. Райс и советник президента Кард выразили опасение относительно создания Саддамом «Крепости Багдад». Борьба в городе «съедала» американское превосходство в маневренности и грозила большими боевыми потерями. Это опасение передалось и президенту. Фрэнкс же сомневался в выборе иракским руководством этого варианта. Но и в этом случае «в конце концов мы победим».

Глава 7

ОРИЕНТАЦИЯ НА БАГДАД

Багдад имеет химическое и биологическое оружие.

Доклад ЦРУ, октябрь 2002 г.

Докладу не хватает очевидности.

Колин Пауэлл, октябрь 2002 г.

Ирак превращается во врага

Во второй половине 2002 г. вице-президент Дик Чейни публично выразил свое возмущение «игрой обмана и маневров» (26 августа 2002 г.). В книге М. Поллака «Угрожающий шторм» говорится: «Единственным способом действий, остающимся для США верным и реалистическим, является курс на полномасштабное вторжение в Ирак, чтобы при помощи вооруженных сил сместить Саддама и избавить страну от оружия массового поражения»¹⁵². Это, считал Поллак, предпочтительнее бесконечного продолжения политики умиротворения — комбинации санкций, инспекционных поездок, запретных для полетов зон, угрожающего американского присутствия в соседних странах.

Ныне открытые документы свидетельствуют, что в конкретной практике главной целью антитеррористической борьбы стал Ирак начиная с осени 2002 г. С этого времени руководство Ирака стало изображаться как *ничем не сдерживаемое*, как находящееся на финальной стадии овладения ядерным оружием, как готовое поделиться этим оружием с террористами всех мастей. Война с диктатором Саддамом Хусейном завершится (в свете предполагаемой ненависти к нему населения Ирака — так думали в Белом доме) быстро. Ворчащие союзники в ситуации начавшейся войны (полагало

американское руководство) быстро присоединятся к возглавляемой Вашингтоном коалиции — как это было в Афганистане. Ирак станет примерной демократией, весь арабский мир будет, в конечном счете, благодарить Соединенные Штаты, которые возглавят стратегически важный регион.

Примечательно, что в своих выступлениях, ратуя за дарование президенту Бушу чрезвычайных полномочий в отношении Ирака, абсолютное большинство сенаторов упоминало сентябрьскую драму Америки. Не все говорили, что правительство Саддама Хусейна — террористическое и подобно «Аль Каиде», но почти все, так или иначе, отразили разительные изменения в американской психике после Сентября. Ответный удар по коварным террористам стал видаться в такой ситуации верным ответом, если даже самоубийцами были не иракцы, а *саудовские аравийцы и египтяне*, если даже багдадская Баас и «Аль Каида» ненавидели друг друга. Соответствующий эмоциональный настрой и чувство всемогущества породили теоретическое обоснование силовой дипломатии, вершиной которой стала — «доктрина Буша».

19 сентября 2002 г. президент встретился в Белом доме с членами палаты представителей. Буш выглядел спокойным и убежденным в правоте своего курса. «Война с терроризмом идет нормально; мы охотимся за «Аль-Каидой». Самая же большая угроза исходит от Саддама Хусейна и его оружия массового поражения. Он может нанести удар по Израилю, что вызовет международный конфликт». Затем Буш процитировал из документа, приготовленного для него этим утром Тенетом: «71 процент населения Франции видит в Саддаме Хусейне подлинную опасность миру»¹⁵³.

20 сентября 2002 г. госсекретарь Пауэлл давал показания Комитету по международным делам палаты представителей. Он говорил о победе в холодной войне, одержанной без людских потерь. 21 сентября «Нью-Йорк таймс» сообщила о пресс-конференции в Кувейте

генерала Фрэнкса, признавшего, что «мы готовимся предпринять атаку. Пресс-атташе президента Ари Фляйшер постарался смягчить эти слова. Но Фляйшер все же сказал, что не может утверждать будто «на столе у президента нет плана атаки»¹⁵⁴. Президент Буш, со своей стороны, сказал, что переживаемое время — наихудшее. Саддам убил двоих близких подчиненных, чтобы запугать внутренний круг. Президент снова повторил слова о наличии в Багдаде оружия массового поражения. Буш твердо сказал: «Иракский режим обладает биологическим и химическим оружием и, согласно данным британского правительства, может использовать это оружие через 45 минут после получения приказа о его использовании»¹⁵⁵.

Насколько надежным был этот источник? Никто в американской верхушке не задался этим вопросом.

1 октября 2002 г. Буш и Чейни встретились в Белом доме с представителями Комитета по международным отношениям палаты представителей. Президент призывал к действиям: «История не простит нас, если главным будет вопрос, где были Джордж Буш и Дик Чейни». Демократ из Невады Шелли Беркли спросил, что будет делать администрация в случае атаки Ирака против Израиля? Буш: «Ракеты «Суперпатриот» являются одной из возможностей. Мы владеем технологически совершенным оружием». Буш повернулся к Чейни: «Что мне еще позволено сказать?» Чейни: «Не так уж много. Мы можем нанести предваряющий удар». Буш: «Тут люди говорят, что невозможно сражаться в Афганистане и выиграть в Ираке. Это трудно и возможно. И мы сделаем это».

Американская разведка на распутье

Ради исторической истины скажем, что не существует (пока) четко обозначенного документа, в котором Центральное разведывательное управление безогово-

рочно утверждало бы, что Саддам Хусейн обладает оружием массового поражения. Ведомство Тенета в докладе 2000 г. утверждало, что у Ирака остались некоторые запасы химического оружия (до 100 тонн) и что Багдад мог произвести еще 200 кубических метров. Американцы извлекли эти цифры из разницы между тем, о каких объемах Ирак говорил ООН, и тем, что обнаружили международные инспекторы. Выступая перед Комитетом по разведке, Джордж Тенет 6 февраля 2002 г. упомянул об Ираке только на 10-й странице своего доклада и то — лишь в трех абзацах. «Мы полагаем, что Саддам никогда не закрывал свою ядерную программу» Но не сказал, что Багдад *стоит на пороге обладания* ядерным оружием.

В этом отношении непрофессионалы выражались гораздо более свободно. Вице-президент Чейни 26 августа 2002 г.: «Пропросту говоря, не существует сомнений в том, что Саддам Хусейн обладает оружием массового поражения». Месяцем позже президент Буш говорит без экивоков: «Иракский режим обладает биологическим и химическим оружием».

Противоположная точка зрения заключалась в утверждении, что Ирак *не обладает оружием массового поражения*. «Но никто не хотел говорить этого, потому что нужно было упоминать об огромном объеме разведывательной работы. Выходом из всего этого было употребление слова *возможно*»¹⁵⁶. Вторым человеком в ЦРУ Джон Маклафлин был смелее коллег и утверждал представителям Национального совета по разведке, что ЦРУ склонно верить, что Саддам Хусейн *имеет* ОМП.

К началу октября 2002 г. американская разведка создала сверхзасекреченный доклад, на 92-й странице которого утверждалось, что «Багдад имеет химическое и биологическое оружие». В докладе говорилось, что «Багдад возобновил производство горчичного газа, зарина, циклозарина, и газа VX», но не говорилось, что Ирак *уже обладает* таким газом.

Еще более двусмысленно говорилось в докладе о связи БААС с фундаменталистами. «Саддам, если окажется в отчаянном положении, может решиться на обращение к таким организациям глобального размаха как «Аль-Каида», уже борющимися с Соединенными Штатами... В качестве отчаянного жеста он может присоединиться к атаке на США исламистов как последний шанс отмщения».

Колин Пауэлл предпочел бороться. Госдепартамент создал 11-страничное опровержение вышеуказанного документа: «Докладу не хватает очевидности». Чтобы нейтрализовать слабые места доклада разведки, президент Буш прежде всего заручился поддержкой своих политических конкурентов. В час дня 2 октября 2002 г. он появился перед сенаторами с Джоном Маккейном по одну руку и с Джозефом Либерманом по другую в Розовом саду Белого дома.

Президент произнес следующее: «Саддам Хусейн является учеником Сталина». Ирак уже в 1995 г. производил 30 тонн антракса. Багдад пытался купить 500 метрических тонн урана в Африке. (Британская разведка сообщила о переговорах на эту тему с Нигером. Посол США был послан в Нигер и не нашел жестких доказательств).

10 октября 2002 г., после двух дней дебатов, палата представителей приняла резолюцию (296 голосов против 133) дающую президенту право использовать американские войска в Ираке, «если он сочтет это необходимым».

В сенате Эдвард Кеннеди выступил весьма страстно против указанной резолюции: «Администрация не привела убедительных доказательств неминуемой угрозы... Доктрина предваряющего удара — это призыв в XXI веке к формированию американского империализма — с этим не согласится ни одна другая держава»¹⁵⁷. Сенатор Джон Керри, напротив, заявил, что будет голосовать за резолюцию, чтобы при помощи силы

разоружить Саддама, ибо «смертоносный арсенал оружия массового поражения в его руках представляет собой угрозу, страшную угрозу нашей безопасности... Мы должны разоружить Ирак силой оружия». Керри убивал единственный шанс стать президентом, ибо в самом критическом вопросе становился неотличимым от Буша.

Поразительно, но ни один демократ не выступил против президента-республиканца на фоне обличения Центральным разведывательным управлением оружия массового поражения в руках Саддама Хусейна, на фоне (ложной, как оказалось) информации о превращении Ирака в ядерного монстра. Голосование в сенате 11 октября 2002 г. дало самые благоприятные для президента результаты: 77 голосов против 23. Америка поддержала курс на военное решение проблемы. Даже такие противники силовой дипломатии, как сенаторы Дэшл и Файнштайн, сказали резолюции «да». Сенатор Грэм из Флориды голосовал против резолюции по тем соображениям, что резолюция «слишком запуганная». Он хотел не только дать президенту право раздавить Ирак, но считал правомочным «использовать силу против всех международных террористических групп».

Да, 11 сентября 2001 года поколебало психику Соединенных Штатов. Америка буквально сошла с рельсов международной упорядоченности. Ее боевой клич отныне слышали во всем мире.

Но все же не все американские политики одобрили резко агрессивный курс официального Вашингтона, и президент Буш вместе с министром Рамсфелдом решили ближе познакомиться с Объединенным комитетом начальников штабов. Этих американских генералов Белый дом сознательно держал на солидном расстоянии от планирования нападения на Ирак. На заседание не пригласили Вулфовица, Либби и Хэдли, но Райс, Чейни и Кард присутствовали.

Начальник штаба Армии генерал Эрик Шинсеки считал численность привлекаемых войск недостаточной. Он сомневался в адекватном подвозе запчастей и вооружений в ходе быстрого продвижения американской армии к Багдаду.

Военная машина США в Персидском заливе

На заседании Совета национальной безопасности в октябре 2002 г. министр обороны Рамсфелд составил список *пятнадцати возможных ошибок*. Он тут же показал этот список всем присутствующим, включая президента. «Вот о чем мы должны думать». Рамсфелд послал особый меморандум президенту Бушу, указывая на слабые места планирования. *Первым* пунктом было следующее: другое государство воспользуется вторжением США в Ирак. Почти явный намек на Россию.

В те дни и недели ЦРУ пыталось в спокойной манере договориться с Турцией о пропуске американских войск, и довольно неожиданно услышало от Анкары категорическое *нет*. Турецкое правительство не позволит полувоенным формированиям пройти сквозь Турцию к Ираку. Американское давление на турецкое руководство не дало результатов.

Выступая от лица разведки, Соул мобилизовал лучшие силы: десять человек. Шестеро были кадровыми офицерами ЦРУ, лучшие в арабском языке, специалист по коммуникациям. Команда вылетела в Анкару и предстала перед турецким генеральным штабом. Затем Диярбакыр — отсюда по горной дороге несколько часов до иракского Курдистана. С ними были десятки миллионов долларов стодолларовыми ассигнациями.

Нужно сказать, что с помощью курдов и денег американские разведчики узнали несколько важных вещей. На 103 принесенных из темноты страницах содержался секретный план, созданный сыном Саддама

Кусэем. Было ясно, где расположатся основные части иракской армии. Принятая в сеть ЦРУ семья высокопоставленных курдов согласилась за 135 тыс. дол. в месяц оказывать постоянную помощь, и таких примеров было немало. Курды стояли за свое отечество и видели в американцах неожиданных союзников.

Не только курды. В списке готовых сотрудничать с американцами были люди из самых привилегированных подразделений Саддама, из его разведки и дивизии федаинов. В Вашингтоне были поражены широтой завербованной агентуры. Соул сказал, что если данные точны хотя бы наполовину, в их руках золотое месторождение.

Не менее активно в эти дни было Национальное агентство безопасности (НАБ), куда стекалась вся необходимая информация, получаемая техническими средствами.. Бюджет — 6 млрд. дол. в год. Все телефоны Ирака стали прослушиваться. Радио и компьютеры противостоящей стороны днем и ночью отслеживались НАБ. Директором этого агентства был генерал-лейтенант Майкл Хейден, со стажем 32 года в разведке — в Европе, Азии, тихоокеанском бассейне. Весь 2002 г. Хейден готовился к операции в Ираке. Готовился со всей охотой. Он получил католическое образование и в молодые годы служил церкви, изучая труды Святого Фомы Аквинского и Святого Августина, двух ведущих философов, создавших, по его мнению, концепцию «справедливой войны». У него был мрачный взгляд на мир: оборона только ослабляет Соединенные Штаты, страна не должна оставлять без внимания ключевые богатства планеты, тем более, что Ирак имел такие тесные отношения с Россией. Хейден проповедовал наступательный стиль. У него теперь имелась огромная команда превосходных знатоков иракского диалекта арабского языка, которые месяцами (до пяти лет) слушали внутренние переговоры иракского руководства. Слушатели не только узнавали голоса «своих» подо-

печных, но отличали оттенки их настроения, неожиданности в их поведении.

Однажды ночью, во время позднего обеда жена спросила Хейдена, есть ли у иракцев ОМП, и тот ответил: «Если бы это был определенный факт, то мы не занимались бы разведкой».

На фронте ООН

Об осложнившемся положении Америки в ООН государственный секретарь Колин Пауэлл много говорил на заседании Совета национальной безопасности 23 октября 2002 г. Он распространил новый проект резолюции Совета Безопасности ООН, одобренный президентом Бушем. Нужно было заручиться 9 голосами из 15 голосов-членов Совета Безопасности. Но пять *постоянных* членов СБ ООН могли одним своим голосом наложить вето на предлагаемую резолюцию. И они смотрели без одобрения — Россия, Китай, Франция. У России были самые тесные связи с Ираком, и вся операция в Месопотамии походила на отнятие у России ее самого большого приза на берегу Персидского залива.

Пауэлл видел растущий престиж высокого французского аристократа Доминика де Вильпена, автора биографии Наполеона, занявшего самую жесткую позицию против военного решения на берегах Тигра и Евфрата. Де Вильпен настаивал на двухступенчатом решении: 1) Резолюция о новом раунде тщательных инспекций. Любое нарушение прежних обязательств подталкивает ООН к военному решению. 2) Должна последовать вторая резолюция, которая — именно она — призвет к применению силы. Де Вильпен жестко стоял за предъявление Ираку этой, *второй* резолюции.

На берегах Потомака международным законотворчеством решил заняться вице-президент Ричард Чейни. Согласно его идеям следовало потребовать от Ирака полного отчета о всех национальных програм-

мах по развитию химического, биологического и ядерного оружия. И дать Багдаду для ответа всего 30 дней. Саддам ответит, что у него нет подобных программ, и эта ложь послужит основанием для начала войны. Иракское правительство представило ООН 12-тысячестраничный доклад, по пунктам отрицавший все положения обвинения. Реакция американской стороны была краткой: «Этому документу нельзя доверять». Этот документ подавался американским руководством в духе: «Ты врешь снова»¹⁵⁸.

Райс была в восторге от такой реакции; французы согласились с американским фактическим ультиматумом при условии, что *последует вторая резолюция*. Буш и Чейни считали *вторую* резолюцию неприемлемой — простым затягиванием времени.

Спор между де Вильпенем и Колином Пауэллом длился немыслимые пять дней. 1 ноября 2002 г. госсекретарь США привел руководителей группы инспекторов, направляющихся в Ирак, к Бушу и Чейни (присутствовали также Райс и Вулфовиц). Возглавляли инспекторов 74-летний шведский дипломат Ганс Бликс и 60-летний египтянин Мохаммед Эль-Барадеи — директор венского Международного атомного агентства (МАГАТЭ), главной функцией которого является проверка ядерного нераспространения. Вулфовиц утверждал, что хитрый Саддам обведет мягкого шведа вокруг пальца. А Буш сказал следующее: «Вы должны понять, мистер Бликс, что за вашими плечами стоит мощь Соединенных Штатов. И я готов использовать эту мощь, чтобы навязать Багдаду искомую резолюцию. Решение начать войну будет моим решением».

Бликс, возглавлявший МАГАТЭ 17 лет, пообещал жесткие процедуры инспекций. Буш сказал, что верит ему, но Чейни утверждал, что от традиционного панифиста нет смысла ждать чего-либо хорошего. Швед не проявит необходимой твердости.

Но не Бликс, а де Вильпен осмелился открыто противостоять официальному Вашингтону. Оставалось 20 минут до вывода дочери Пауэлла на церемонию свадьбы, а отец что-то яростно говорил по телефону французскому министру. И все же американцы несколько отступили: «и» между двумя предполагаемыми резолюциями, а не категорическое «но». Президент Путин попросил дополнительные полчаса, после чего министр иностранных дел Игорь Иванов заявил о согласии своего правительства.

8 ноября 2002 г. все пятнадцать рук членов Совета Безопасности ООН взметнулись вверх и резолюция № 1441 стала историей. Ирак жестоко предупреждался, но это не было объявление войны. Удивило «за» Сирии. Буш поблагодарил Пауэлла за дипломатическое продвижение вперед. Он был уверен, что мощная инспекционная группа найдет повод для людей Фрэнкса.

По пути к войне

15 ноября 2002 г. 53-летний посол Саудовской Аравии принц Бандар бин Султан вошел в Овальный кабинет Белого дома. Здесь уже были Чейни и Райс. Задача американской стороны была обозначена так: «Минимизировать изменения на мировых нефтяных рынках»¹⁵⁹. Американцы помнили, что еще в 1994 г. король Фахд предложил президенту Клинтону вдвоем свергнуть Саддама Хусейна. В апреле 2002 г. принц Абдулла предложил ЦРУ миллиард долларов на те же цели. Теперь посол Бандар говорил следующее: «Если вы серьезны, мы примем правильное решение. Что вы собираетесь делать?»

Буш ответил, что он собирается создать в Ираке новое правительство. «Наша настоящая цель — не возвращение инспекторов в Ирак, но сделать так, чтобы у Ирака не было оружия массового поражения, чтобы он не представлял угрозу Саудовской Аравии и Израилю».

Если он придет к заключению о необходимости войны, то сообщит об этом в Эр-Рияд. Принц Бандар: саудовцы хотели бы знать конкретные планы предстоящей операции. Последовал тет-а-тет Буша с послем в течение четверти часа. Для Вашингтона саудовцы, владеющие четвертью мировой нефти, были очень особенными союзниками.

26 ноября генерал Фрэнкс потребовал от Рамсфелда приказа разворачивать силу в 300 000 солдат и офицеров. Основа уже заложена — в регионе уже были 60 тысяч американских военнослужащих. Здесь были пришвартованы два авианосца. Министр ответил позитивно: «Мы можем двигаться *этим* путем». Дипломатия уступила место богу Марсу. Американская военная машина взяла крайние обороты.

Как бы противореча нетерпимости Вашингтона, Ирак между тем согласился на новый тур инспекций. Несмотря на это президент Буш 6 декабря отдал *окончательный* приказ о незамедлительном перемещении указанных американских войск на предбоевые позиции.

В результате американцы фактически поставили Ирак в положение, где путь назад был исключен. Белый дом требовал невозможного. Представитель президента Буша Ари Фляйшер огласил единственные условия смягчения американского правительства: «Если Саддам Хусейн укажет, что у него есть средства массового поражения и что он нарушал резолюции ООН, тогда мы узнаем, что Саддам Хусейн снова обманывал весь мир. Если он будет все отрицать, тогда мы снова убедимся в том, что Саддам Хусейн обманывает весь мир». Вот с этой логикой Соединенные Штаты приготовились завладеть влиянием в той стране Ближнего Востока, удаляя Россию из страны, где она пользовалась заслуженным влиянием.

7 декабря Багдад предоставил миру доклад, в котором на 11 807 страницах декларировалось, что у страны

нет оружия массового поражения. Реакция Вашингтона была непримиримой и лаконичной. Вице-президент Чейни сказал так: Саддам врет снова, декларация «несомненно фальшивая». Столь безапелляционная категоричность была непонятна, особенно ввиду того, что в Ирак направились *многие сотни* нейтральных инспекторов.

Войска на боевых позициях

Тактика Рамсфелда *постепенно* переводить войска на Ближний Восток в плане камуфляжа оправдывала себя. Без особого шума в Персидский залив вошел четвертый авианосец «Гарри Трумэн». Словно ничего особенного не произошло, но авиационная мощь американских сил выросла значительно, на порядок. Министр любил и умел выступать, он остро ставил вопросы, и не без умения отвечал на них. Как пишет Боб Вудвард, «он был мастер быть честным, не будучи при этом особенно честным»¹⁶⁰. Например, 5 декабря он говорил журналистам: «Мы перемещаем войска во всех уголках света. Теперь у нас несколько больше войск в СЕНТКОМе, чем было недель ранее». Никто в Вашингтоне не объявлял *официально* об увеличении численности войск с 25 тысяч до 35 тысяч сразу после Рождества 2002 года.

Генерал Фрэнкс с 600 сотрудниками начал создавать и обживать штаб-квартиру СЕНТКОМА в Катаре. Одетый в «камуфляж пустыни», Фрэнкс развернул необычайную активность. Он жаждал сотворить в пустыне своего рода блицкриг и за счет скорости захватить ключевые объекты фактически обреченного Ирака. А Буш наращивал общественное горение. 13 декабря он сделал семиминутное объявление о том, что всем военнослужащим США будет сделана прививка от оспы. Чего Буш не сказал, так это о том, что готовыми к употреблению были 20 млн. доз вакцины против оспы — на

случай создания грандиозной коалиции, готовой во главе с американцами вторгнуться в Ирак.

Проблемой было убедить союзников в готовности Саддама применить биологическое оружие. Вице-президент Чейни возглавил общенациональную кампанию под названием «Биошит», на которую планировалось выделение 6 млрд. дол. Чейни сумел довести общество почти до паранойи.

На этом этапе у американцев возникают новые сложности с Гансом Бликсом, нейтральным шведом, который считал контрпродуктивным для МАГАТЭ иметь тесные связи с ЦРУ. Страдала объективность авторитетной международной организации. ЦРУ же стремилось снабдить ведомство Бликса, его номинально нейтральных инспекторов, ориентированных на получение данных о местах расположения иракских ОМП. Бликс открыто сказал, что хотел бы быть *примирительным* в отношении Ирака, он не желал быть заведомо агрессивным. Иракские представители сопровождали инспекторов Бликса повсюду, где те намечали зоны осмотра. Американская же разведка руководствовалась лозунгом «Крестного отца» из знаменитой киноэпопеи: «Держи своих друзей близко от себя, а врагов еще ближе». Поэтому ЦРУ развернуло целую кампанию агентурной работы среди служащих и инспекторов ООН. Особенную цель представляли собой люди непосредственного окружения Бликса — именно от их выводов зависело если и не начало войны против Ирака, то пропагандное обоснование этой войны. Но все же: Бликс и его инспекторы были гражданами других стран и зеленая валюта не всегда действовала магически. Платные же агенты с охотой докладывали то, за что им платили деньги: что Бликс и его люди доносят мировой общественности «далеко не все добытые материалы». «Платные инспекторы» знали, что за такие сведения американцы платят особенно охотно.

КОАЛИЦИЯ

Союзники вовне и внутри

18 декабря 2002 г. президент Буш встретился с премьер-министром Испании Хосе-Марией Аснаром. Оба они с презрением отвергли уверения Саддама Хусейна, что у страны нет оружия массового поражения. «Эта декларация ничего не означает, это пустышка, это шутка, именно так мы ее и оцениваем». Буш добавил: «На какой-то точке мы придем к выводу, что сделанного Саддамом недостаточно. Он лжец и не намерен разоружаться... Война — мой последний шанс. Саддам Хусейн тратит деньги на тренировку и вооружение «Аль-Каиды» химическим оружием, он прикрывает террористов».

В штаб-квартире ЦРУ Соул ежедневно работал с агентами, ориентированными на Ирак. Здесь не любили выражения Буша, что война — это его последний шанс. Для ЦРУ война была *первым шансом*. От Соула ежедневно шли послания на седьмой этаж здания в Лэнгли, где располагались кабинеты Джорджа Тенета и Джона Маклафлина. «Мы можем продержаться на этом уровне подготовки подрывных сил до конца февраля. После февраля мы можем начать терять людей, так как режим Саддама Хусейна начнет ощущать потерю». Контрразведка Саддама не недооценивалась американцами. И с предателями там обращались в высшей степени сурово. Но и Лэнгли мобилизовало все силы.

В сложном положении находились две полувоенные группы Соула, заброшенные в Ирак. Одной из групп (во главе с неким Тимом) Соул позволил выйти из Ирака на две недели в период Рождественских праздников — пусть отдохнут. Но Соул твердо потребовал от этой группы в середине января 2003 года возвра-

титься на прежние позиции в Ираке. Казалось, не может быть двух толкований: война начнется в конце февраля или, в крайнем случае, в марте. На самом деле Соул, как и его прямые начальники, не знал, когда начнется война, они пребывали в неведении — что пора жало их агентов.

Грядущее между тем решалось на заседаниях СНБ; одним из наиболее важных было заседание Совета национальной безопасности 18 декабря 2002 г. Директор Тенет уступил свое обычное место за столом некоему Бобу, чей отряд располагался в Ираке. Тот — маленький, элегантно одетый человек, обрисовал ситуацию внутри Ирака. Число агентов выросло, и их квалификация стала лучше. Боб рассказал президенту Бушу и окружающим о своих трудностях: «С одной стороны, мы убеждаем противников режима, что война неизбежна. А с другой стороны, мы вынуждены убеждать людей, что, предлагая резолюции в ООН, президент Буш абсолютно серьезен и на международном форуме»¹⁶¹. Буш признал трудности своих агентов, трудности совмещения двух курсов. Советник по национальной безопасности Кондолиза Райс подумала, что это и есть «принуждающая дипломатия». А Маклафлин думал о трудном положении своего ведомства, попавшего между молотом и наковальней, между силовым и дипломатическими аспектами американской дипломатии.

Во время встречи с натовскими союзниками, замминистра обороны Пол Вулфовиц оживил обсуждение следующими словами: «Наличие у Саддама средств массового поражения — это похоже на суждение судьи о порнографии. Я не могу определить, что это такое, но я точно знаю, что это такое, когда увижу это».

21 декабря 2002 г. Тенет и Маклафлин прибыли в Овальный кабинет президента Буша. На этот раз президент Буш решил задавать прямые вопросы. Буш обернулся к Тенету. «Много раз мне разведка говорила об обладании Саддамом средствами массового

поражения. Скажите, каковы наиболее убедительные доказательства, имеющиеся в нашем распоряжении? Крупный Тенет, любитель баскетбола, поднялся с дальнего угла кожаного дивана и выпростал руки в воздух, словно, взмыв в высоту, готовился нанести по баскетбольной корзине удар «сверху вниз». Директор ЦРУ как бы упивался наглядностью своего примера — «Это как удар сверху вниз!» Президент продолжал давление: «Джордж, насколько вы уверены?» Но и на Буша подействовал «баскетбольный аргумент». Задумаемся: этот трюк стоил жизни многим тысячам американцев и иракцев, единственной виной которых было то, что они родились в своей стране.

Тенет, баскетбольный фанатик, не упускавший ни одного матча в Джорджтауне, своем родном университете, снова выгнулся вперед, снова выбросил руки вверх: «Не беспокойтесь, это как удар сверху вниз!» Впоследствии окружающие утверждали, что для Тенета такая степень убежденности и такой характер доказательств *не были характерными*. Но двойная физическая демонстрация им своей убежденности запомнилась всем¹⁶². Чейни посчитал, что спрашивать в третий раз будет уже слишком — глава ЦРУ *обязан* знать. Важнее всего то, что Буш не потребовал объяснений.

Президент Буш приказал зафиксировать «баскетбольный удар» в конкретном документе. 40-страничный текст был послан Тенетом 22 января 2003 г. Помощники Буша Хэдли и Либби навели Тенета с уточняющими вопросами. Их удивил доступ к самым секретным оценкам Тенета иракца по имени Челаби, считавшегося Тенетом одним из главных источников достоверной информации. Но презумпцией их работы было кредо Тенета: Саддам имеет средства массового поражения и прячет его; его связи с «Аль-Каидой» многочисленны и неоспоримы.

В свете уверенности американской разведки едва ли стоит удивляться тому, что в конгрессе число сто-

ронников силовых акций против Ирака превысило осторожных в соотношении 3:1.

Собственно, тогда — между декабрем 2002 и мартом 2003 г. администрация Буша поставила с ног на голову основу американского правосудия — не внешние силы обязаны были теперь доказывать вину Саддама Хуссейна, а сам Саддам Хуссейн поставлен был в позу человека, доказывающего, что он не верблюд. «Ну-ка показывай нам оружие, которого у тебя не может не быть!» Президент Ирака «обязан» был изыскать оружие массового поражения, объяснить, где он его достал, отдать его международным контрольным органам и доказать всему миру, что он все отдал. Америка гордится своим правосудием; почему же она «купила» столь извращенную логику.

А вот Бликсу Буш явно не доверял. Главный советник президента Роув в целом считал шведов слегка испорченной нацией — он сам был норвежского происхождения. Роув буквально издевался над международными инспекторами. Они отдыхают на Рождество и в другие праздники, они входят в пустые свежепокрашенные помещения, не замечая камуфляжа. В их действиях нет необходимой агрессивности. «Я не уверен, что Бликс адекватно делает свою работу. Они все перевернули с ног на голову — ведь именно обвиненный обязан доказывать, что ОМП отсутствует, а не весь мир доказывать, что оно присутствует».

Буш обратился к верной Кондолизе Райс: «Должны ли мы, по вашему мнению, начать войну?» Никогда президент не спрашивал своего советника таким образом. И та ответила: «Да. Потому что на кон поставлено доверие к Америке, доверие всех, уверенность в том, что этот гангстер, Саддам, не обойдет снова все мировое сообщество... Разрешение этой угрозе в этой части мира играть в волейбол с мировым сообществом когда-нибудь принесет горькие плоды. Вот почему мы должны действовать». Буш обошелся без комментариев, он

смолчал. В будущем Буш признает, что с Конди он говорил более чем с кем-либо другим. «Был осущитим значительный стресс. Мышцы на скулах словно сомкнулись». Пауэлла и Чейни Буш *решил не спрашивать*. Он знал, что те ответят. Буш спросил многолетнюю советницу Карен Хьюз, недавно ушедшую на покой. «Она сказала, иди войной, если исчерпаешь все прочие возможности достичь своих целей мирным путем. Она была права».

Кондолиза Райс навестила тетку, а затем приехала на Рождество в Кроуфорд — на удивительно плоскую тегасскую равнину, где Джордж Буш-младший построил свое жилье.. У нее было чувство, что вокруг происходят большие изменения. После Нового, 2003 года президент жаловался: сделать инспекторов Бликса агрессивными невозможно. Саддам привыкает обходить Бликса. Пресса приносила множество фотографий с улыбающимися иракскими чиновниками, открывающими очередные двери со словами: «И тут тоже ничего нет». Буш скрипел зубами. Еще более его раздражало антивоенное движение в Европе, явственно укреплявшее иракского президента. «Саддам укрепляет свои позиции». Швед Бликс тоже начал испытывать раздражение. Он сказал Кондолизе Райс: «Я ведь никогда не жалуясь на ваше военное давление?»

На чьей стороне время?

В эти критические дни президент Буш не переставал утверждать, что «время на нашей стороне». Президент всегда был рад видеть в Кроуфорде Роува. Тот уже работал над президентской кампанией 2004 года. Роув любил историю; сейчас он изучал «актуальный материал» — как президенты-республиканцы бились за вторичное избрание. Рейганы дали ему доступ в семейные архивы, а Форды в свои письменные кладовые. Роув «давал советы» президенту, а супруга Лаура на

диване читала книгу — вот типичная картина тех дней. Роуву было нетрудно заметить, что жена президента внимательно слушает именно его. Роув считал, что кампания будет столь же жесткой, как и в 2000 году, но завершится с тем же результатом..

Время требовало пребывания в Вашингтоне. В три пополудни 6 января 2003 г. Буш собрал в Белом доме весь кабинет. Некоторым показалось, что президент менее агрессивен, чем обычно. «Если за нами не будет правое дело, я не пошлю войска». 9 января явился генерал Фрэнкс, обеспокоенный недостаточной степенью поддержки Турции, Саудовской Аравии и Иордании. Буш спросил: «Если война начнется завтра, что вы будете делать?» — «Вышлю в воздух 400 самолетов и брошу вперед 15 тысяч войск, расквартированных в Кувейте». — «Какой этап разворачивания войск делает войну бесповоротной»? Фрэнкс: «Высадка специальных отрядов внутри Ирака». Судя по общей обстановке, генерал Фрэнкс считал, что для приготовлений осталось примерно три недели.

Буш и Чейни призвали в Белый дом трех ведущих лидеров оппозиционных сил в Ираке. Президент еще никогда не говорил так открыто: «Я считаю Саддама Хусейна угрозой Америке и ее окружению. Саддам должен разоружиться, но он не желает этого делать, вот почему мы собираемся отстранить его от власти». Глаза у иракцев заблестели. Хатем Мухлис, доктор из Тикрита: «В Ираке в 1950-е годы была демократия. Ныне все иракцы готовы свергнуть Саддама. Их останавливает лишь страх». Буш: «Ненавидит ли средний житель Ирака Израиль? — «Нет. Люди заняты собственными проблемами, их мало интересует внешний мир».

Писателю Канану Макийя президент Буш сказал: «Мы готовимся к худшему». Тот ответил; «Напрасно — люди встретят вас цветами». Буш: «Почему вы так уверены?» Все трое заговорили о том, что именно такая информация исходит из Ирака. Иракцы — технически

способные люди, они образованы, их деревни электрифицированы. Буш и окружение: «Что понадобится Ираку в будущем? Ответ: деньги, медицинские учреждения, немедленная гуманитарная помощь. Важным было следующее высказанное соображение: раскол между суннитами и шиитами не столь велик, как его часто изображают. Буш: представьте, что Саддама нет, образовалась пустота, что вы предвидите? Молчавший доселе Чейни заметил в том же ключе: «Мы должны думать о послевоенной фазе». Важно, чтобы вместо старого режима вакуум заполнили некоррупцированные чиновники нового режима.

Буш спросил, вернется ли домой зарубежная диаспора. Один из иракцев сказал «Да». Сколько времени придется стоять в Ираке американским войскам? От двух до трех лет. Понимали ли американцы, что им говорили *то, что они хотели услышать?*

Буш спросил, каким образом иракцы знакомятся с событиями внешнего мира? «Есть ли у них электронная почта?» Серверы Интернета, ответили иракцы, принадлежат государству и оно регулирует информационный поток. И все же в страну проникает «Голос Америки» и Би-Би-Си. Один из иракцев сказал, что Ирак будет нуждаться в своем Хамиде Корзае, в государственном парламенте, в государственном правительстве, в развлечениях и продовольствии.

Буш: «Мы еще не приняли окончательного решения. Я рассматриваю вас и диаспору как партнеров. Моя задача — организовать весь мир и выиграть войну. Я не уверен, что моей задачей является поиск нового лидера. Возможно, что через год мы будем праздновать победу».

Одним из наиболее приближенных к Бушу чиновников, подталкивающих к атаке, был министр обороны Рамсфелд: «Если вы примите решение *не выступить*, то нам не избежать потери престижа нашей страны и потери жизней наших союзников». В начале января 2003 г.

президент отвел министра в сторону и сказал многозначительно: «Я думаю, мы должны сделать это. Трудно представить себе, что Саддам противопоставит себя Организации Объединенных Наций, мы должны взять на себя инициативу»¹⁶³. Этого было достаточно для Рамсфелда. Он попросил заручиться помощью союзников, и президент выразил свое согласие. Чейни, беседовавший с президентом Бушем едва ли не каждый день, тоже пришел к выводу, что Буш, верховный главнокомандующий, решился на начало военных действий.

Союзники

Между тем только Кувейт и Иордания — среди государств Персидского залива — выступали за нападение на Ирак. Ключевой союзной страной являлась Саудовская Аравия, 800 км саудовско-иракской границы были критически важны. Буш поручил вице-президенту Чейни ознакомить посла Саудовской Аравии с американскими планами, особенно с теми их частями, где речь шла о воздушном и прочем прикрытии Саудовской Аравии — граница Саудовской Аравии с Ираком будет прикрыта — было сказано Бандару, послу и прежнему летчику. Чейни подготовился к разговору — сверхсекретные фотографии указывали на иракские дивизии, направленные на Саудовскую Аравию. Ознакомившись с американскими планами, посол Бандар сказал, что, «по крайней мере, вы серьезны». Насколько?

Рамсфелд, которого Бандар считал самым жестким министром обороны США на памяти посла, пригласил принца Бандара в западную часть Белого дома, где его уже ждал председатель Комитета начальников штабов генерал Ричард Майерс. Задачей Рамсфелда было убедить Бандара, что Саудовская Аравия не может отстоять в стороне. Американские войска будут посланы в Ирак через территорию Саудовской Аравии и с ее территории — это диктует география и стратегия.

Специальные отряды ЦРУ распределяют среди иракских племенных лидеров и верхушки 300 млн. дол. — на удивление эффективный подход.

Когда Буш встречался с послем Бандаром, глава НАБ генерал-лейтенант Майкл Хейден наставлял вышших руководителей своего ведомства. Он говорил о важности скорости. «Мы обеспечим необходимыми данными всех, кто задействован в операции».

А Райс, которой президент поручил сношения с Пауэллом и Рамсфелдом, билась над задачей, как оповестить госсекретаря. Министр обороны о грядущем нападении уже знал и советовал следующее: «Господин президент, вы должны позвонить Колину и обстоятельно с ним поговорить». Пауэллу предстояло отстаивать интересы США на внешнеполитической арене. Пауэлл и Буш встретились 13 января 2003 г. у традиционного президентского камина. Буш поблагодарил Пауэлла за проделанную работу и тут же сказал безапелляционно: *«Соединенные Штаты вступают в войну»*. Президент напрягся, он напоминал самого себя первых дней после 11 сентября. Пауэлл заговорил в тоне, который был для него характерен на протяжении последних шести месяцев: «Учитываете ли вы все последствия?» Война с Ираком пошлет волны по всему региону и даже далее. Война отвлечет все мировое внимание Вашингтона. Американцам придется создавать в Багдаде новое правительство, которому должны будут подчиняться все иракцы. «Вторжение будет означать принятие на себя всех надежд, ожиданий и трудностей Ирака». Пауэлл полагал, что Буш не осознает всех трудностей владения Ираком. Буш: «Но я думаю, что я обязан сделать это».

Наступил момент, когда президент Буш спросил прямо: «Вы со мной в этом деле?» Это был тяжелый вопрос для военного генерала, который 12 лет воевал с режимом Саддама Хусейна. Вопрос высшей лояльности — и Пауэлл не имел альтернативы ответу: «Я сделаю

все, что смогу». Как полагает Боб Вудвард, «возможно, президент боялся вопроса; возможно, госсекретарь боялся ответа»¹⁶⁴. Это была короткая, 12-минутная беседа. Буш всегда подчеркивал, что «это было время стресса». Заметим: среди друзей Пауэлл не раз высказывал мысль, что президент выступает на войну, *которой можно было избежать*. Буш говорил друзьям, что не нуждается в «визе» государственного секретаря.

Среди союзников Америки едва ли были более сервильные, чем поляки, возглавляемые президентом Квасневским. Им предназначался редкий государственный обед 14 января. Но даже Квасневский начал с того, что указал Бушу: «Уровень антиамериканизма в Европе чрезвычайно высок». Буш пообещал более яркое будущее: «Успех все изменит. После применения войск мы накормим народ Ирака. Но нужно действовать быстрее». При всей сервильности Квасневский не гарцевал на коне Костюшко. Он звучал скорее как Пауэлл: «Существует риск развала ООН. Что заменит ее?» На этот раз, с этим союзником президент Буш, собственно, ушел от спора, уходя на уровень межцивилизационных отношений: «Мы полагаем, что Ислам как и Христианство начнет развитие в направлении демократии».

15 января кабинет Буша в полном составе обсуждал продовольственную ситуацию в Ираке и программу помощи Ираку после войны, ответственным за которую были назначены Райс, ее заместитель Хедли и Эллиот Эбрамс. Обозначили пункты помощи, предлагалось значительно увеличить имеющиеся: 250 госпиталей, 5 медицинских колледжей, 20 военных госпиталей с 33 тысячами спальных мест и 9400 докторами. «Здесь есть возможность изменить представление о США», — сказал Буш.

А Россия, Франция и Германия еще верили в международную инспекцию и требовали, чтобы инспекторам Бликса были даны дополнительные возможности. Тем

самым французы, немцы и русские постарались остановить войну. 20 января 2003 г. французский министр иностранных дел, поэт и историк Доминик де Вильпен объявил на пресс-конференции, последовавшей за заседанием Совета Безопасности ООН, что французы «не посчитают возможным ассоциировать себя с военной интервенцией, не поддерживаемой мировым сообществом»¹⁶⁵. Через два дня президент Ширак подчеркнул ту же мысль при праздновании тридцатилетия франко-германского Елисейского договора.

Что там, за горизонтом

Начиная с конца ноября 2002 г. вторые лица — Маклафлин из ЦРУ, Либби от вице-президента, Вулфовиц из министерства обороны, Армитидж из государственного департамента работали над вопросами «перехода» — как сменить антиамериканскую власть в Ираке на проамериканскую.

Для Фрэнкса это была «фаза номер четыре». Рамсфелд отсылал на этот уровень Дугласа Фейта (фаворита Ричарда Перла), который справедливо считался самым откровенным сторонником удара по Ираку. Появление Фейта в офисе Хэдли ценили именно за то, что у него были идеи относительно того, что делать с Ираком после свержения Саддама Хусейна. При этом Фейт отводил главную роль генералу Фрэнксу (отчаянно не любившему его). Согласно директиве СНБ от 20 января 2003 г., создавался Отдел реконструкции и гуманитарной помощи (ОРХА). Читатель, запомни это сокращение.

Пауэлл назвал имена 75 своих дипломатов, говорящих по-арабски и способных проводить линию США внутри предпологаемо поверженного Ирака. Госдепартамент создал внушительный документ «Будущее Ирака». Но самоуверенный Рамсфелд изгнал этих арабистов из Пентагона и на возмущенный вопрос

Пауэрлла ответил, что Ираком будут управлять люди, стремившиеся к войне, а не те, которые ей мешали. Эта самоуверенность дорого будет стоить Америке.

Везде создавали обобщающие документы. Белый дом выпустил исследование под названием «Аппарат лжи» — о системе пропаганды Саддама Хусейна. И о тех в мире, кому не нравилась американская политика в Ираке. По поводу этого документа заместитель госсекретаря Армитидж позвонил в Белый дом: «Этот документ ужасен. Я не стану его даже трогать». Тогда ему предложили выступить с собственным докладом. Армитидж согласился при условии, что никто не будет цензором его речи. 21 января 2003 г. заместитель госсекретаря вышел на подиум Американского института мира, созданного конгрессом. «Я искренне верю, что тысячи наших молодых военнослужащих не попадут в огонь Ирака. Мы в государственном департаменте стараемся избежать этого». Военная партия скрежетала зубами.

24 января генерал Фрэнкс представил свой план 5-11-16-125-дней министру Рамсфелду и начальнику Объединенного комитета начальников штабов генералу Майерсу. Рамсфелд приказал начать работу воздушного моста, резко увеличивая численность войск: 10 тыс., 15 тыс., 20 тыс. солдат. К середине марта предполагалось довести общий уровень наступающих сил до 140 тысяч. Критическая масса. Единственный среди военных, имеющий прямой доступ к президенту, Рамсфелд определил 22 февраля как день решения вопроса об определении даты начала войны.

Под давлением Белого дома ЦРУ создало 40-страничный доклад, посвященный ОМП в Ираке. Текст был самый сухой. Стив Хэдли и Скутер Либби поехали в Лэнгли с вопросами, на которые разведчики ответили письменно. По мнению Либби (человек Чейни), «ЦРУ доказало, что Саддам владеет ОМП и имеет серьезные связи с террористическими организациями».

Либби все более полагался на иракского эмигранта Махмуда Челаби. Либби рассказывал всем желающим, что лидер «черного сентября» Мохаммед Атта встречался в Праге с представителями разведки Саддама Хусейна по меньшей мере четыре раза. Заметим, что все эти сведения *не имели документальных доказательств*. Армитидж назвал все это *гиперболой*. Но Вулфовиц определил доклад Либби как «блестящее доказательство» правоты курса на войну с Ираком.

Чтобы мир поверил, президент Буш приказал обрисовать обстановку государственному секретарю Колину Пауэллу. Тот с великим сомнением просмотрел доклад Либби. *Факты типа четырех встреч в Праге он вычеркнул немедленно*. Странно, все неясное человек Чейни подавал как факт. В ООН Пауэллу следовало выступать с гораздо более обстоятельным докладом, с аргументами, в которые можно поверить..

В Совете Безопасности Организации Объединенных Наций с великим вниманием слушали 27 января 2003 г. Ганса Бликса о первых двух месяцах работы международных инспекторов. Он был скептичен в отношении Ирака и никак не про-саддамовски настроен. «Представляется, что Ирак не пришел к подлинному признанию — даже ныне — того, что от него требуется разоружение — только это может завоевать доверие всего мира и позволит Ираку жить в мире». Аргументы: Ирак произвел гораздо больше антракса, чем он признал. «Возможно, антракс в иракских хранилищах еще существует». У Бликса были вопросы относительно нервно-паралитического газа VX. На всех произвело впечатление то обстоятельство, что во время войны с Ираном — между 1983 и 1988 годами — иракские вооруженные силы сбросили на противника 19 500 бомб с химической начинкой. И все же в современном Ираке не производят химического оружия — инспекторы искали его тщательно.

Директор МАГАТЭ Мохаммед Эль-Барадеи весьма четко объявил, что «мы не нашли доказательств про-

изводства Ираком ядерного оружия... В течение нескольких ближайших месяцев мы предоставим убедительные доказательства отсутствия у Ирака ядерной программы»¹⁶⁶. Весьма недвусмысленное заявление, на которое в Вашингтоне предпочли закрыть глаза.

То было время больших колебаний. Более всего был уверен Чейни: еще немного, и Саддам сложит крылья. Но насколько можно верить Бликсу? Райс сказала, что вовсе не обязательно воспринимать слова Бликса как ложь. Он может заблуждаться. 27 января президент Буш посвятил треть своего «Послания о положении страны» Ираку, где «напомнил», что Саддам имеет 25 тыс. литров антракса, из которого можно произвести 38 тыс. литров токсина ботулинума, «достаточного для убийства миллионов людей».

А вот пик его речи: «Британское правительство узнало, что Саддам Хусейн недавно пытался обзавестись значительным количеством урана из Африки». Напомним, что четыремя месяцами ранее глава ЦРУ Тенет лично вычеркнул из предстоящей президентской речи в Цинциннати предложение о том, что Багдад готовит ядерное оружие: тому не было серьезных доказательств. Сейчас же Тенет молчал. Впрочем, согласно тексту речи, Саддама обвиняли в ядерном строительстве *англичане, что было подчеркнуто*. За спиной президента так же думали Тенет, Чейни и Рамсфелд.

Встречаясь с премьером Италии Сильвио Берлускони, президент Буш сказал, что Ирак будет разоружен, а Саддама лишат власти. 31 января гостем Белого дома стал британский премьер Тони Блэр. Отметим, что англичане сдерживали американцев: мир нуждается во *второй резолюции ООН, которая будет предполагать военные санкции*. Буш тут же остановил англичанина — *вторая резолюция не нужна*.

Но мир ждал подлинной пикировки от Пауэлла и Бликса. Именно их аргументы решали проблему войны или мира. От Пауэлла ожидали нокаутирующего

удара. А у него к искомому 5 февраля 2003 г. не было необходимых боксерских перчаток.

Чем больше Пауэлл углублялся в свою тему, тем яснее видел он, что на показания свидетелей иракских ОМП полагаться нельзя. Да, в прошлом у Саддама была отвратительная практика массового уничтожения восставших. Но это никак не значило, что нынешний Саддам вооружен оружием массового поражения. Пауэлл был предрасположен верить тому, что у Саддама есть оружие массового поражения, но ведь так же полагали и международные инспекторы?

1 февраля Пауэлл посетил ЦРУ, и целый день разговаривал со специалистами-разведчиками. На следующий день он посетил Лэнгли вместе с Армитиджем, а напротив сидели Тенет и Маклафлин. Армитидж, однако, укреплял скептицизм госсекретаря. Использованное в 1980-х годах оружие было слабым доказательством существования его в новом веке. Вот мнимые доказательства из радиоперехвата. Иракский полковник докладывает генералу: «Мы эвакуировали все». Что это подтверждает? Подобного рода доказательства действовали только на очень предрасположенных верить людей.

Еще подобный перехват. Капитан приказывает убирать нервнопаралитический газ, явно боясь, что его подслушивают. Пауэлл решил использовать этот материал. Связи с «Аль-Каидой»? Весной 2002 г. близкий к Усаме бен Ладену Аль-Заркави посетил Багдад для лечения. Возможно, он установил оперативную связь. Но даже Тенет утверждал, что на этом основании он не может убеждать президента в существовании связей между Багдадом и «Аль-Каидой». Пауэлл не рискнул использовать имеющиеся факты как твердое доказательство сотрудничества БААС и «Аль-Каиды». Американцы искали доказательства связи у более чем 100 агентов «Аль-Каиды», задержанных в Европе.

Агент Соул нашел необычного жертвенного агента, который выглядел не как американец и который про-

ник в глубину Ирака. Он сообщал об иракских зенитных установках, о которых американцы ничего не знали. О траншеях, заполненных нефтью вокруг Багдада. Дело было в высшей степени засекречено. О действиях этого агента знали лишь президент США, Чейни, Райс, Рамсфелд и Фрэнкс. Этот агент прислал 130 донесений. Второй по важности источник действовал на севере, среди курдов. Здесь наиболее надежным было обратиться к бездонным фондам ЦРУ. В одном случае пришлось заплатить 35 млн. дол. — ровно тонна, если платить в 100-долларовых купюрах. Вскоре в Северном Курдистане произошла девальвация — все на севере стоило ровно 100 американских долларов.

В штаб-квартире ЦРУ читали ежедневный радио- и телеперехват. Но все это *не позволяло* президенту прямо ответить сенаторам на вопрос — что угрожает Соединенным Штатам?

Райс говорила, что *угроза будет расти со временем*. Что помешает новому режиму в Ираке создать свое ядерное оружие? Райс утверждала, что Саддам «многое прячет. Я уверена, что мы многое найдем». Сенатор Уорнер предупредил: «Если вы не найдете оружия массового поражения, вы встретите серьезные проблемы».

ЦРУ пугало Пауэлла «Скадами», но госсекретарь ответил, что *их никто не видел*.

Важнейшее значение имело выступление Пауэлла в ООН.

Телевизоры включили миллионы зрителей повсюду в мире. Пауэлл был в черном костюме и красном галстуке. Он начал осторожно. «Я не могу рассказать обо всем, что мы знаем. ОМП у Саддама есть. Он не уничтожил его, он не представил его инспекторам. Заметьте, что он говорит в эфир: «Мы все эвакуировали». Зачем Саддаму эта эвакуация?» Пауэлл рассказывал о якобы человеческих свидетельствах перевозки химического и биологического оружия. На протяже-

нии 76 минут Пауэлл изложил все возможные подозрения и объявил о решимости американского народа бороться с гнездом терроризма. Престиж Пауэлла и избранный им спокойный тон имели определенный успех. Белый дом был доволен.

Но сослужил ли он службу своей стране?

Противники военного решения

Американцев на тот момент поддержали «старые» атлантические страны — Британия, Испания, Дания, Португалия, Италия, а также «новые» атлантические страны — Польша, Венгрия, Чехия. Малые страны (включая три прибалтийские) опубликовали проамериканское письмо в «Уолл-стрит джорнэл» 30 января 2003 г., обвиняющее Совет Безопасности ООН в том, что он разрешает Саддаму «систематически нарушать» резолюции ООН. Президент Ширак резко осудил малые страны из-за «потери хорошей возможности промолчать».

7 февраля 2003 г. в полдень президент Франции Жак Ширак позвонил президенту Бушу: «Я не разделяю вашей решимости идти войной на Ирак. Война не неизбежна. Существуют альтернативные пути достижения необходимых целей. Это вопрос морали. Я против войны, если в ней нет необходимости». Ответ Буша: «Я рассматриваю Саддама Хусейна как прямую угрозу американскому народу». Президент Ширак: «Я положительно отношусь к предложению саудовцев — о возможности иммиграционного приема Саддама Хусейна в Саудовской Аравии... Я понимаю, что наши позиции противоположны, здесь два моральных подхода к миру». Буш повесил трубку. Он был доволен собой. Египетскому президенту Мубараку он ответил, что без симпатии смотрит на тех, кто готов приютить у себя Саддама Хусейна. Характеризуя Саддама как

террориста, Буш сказал, что не позволит прятать у себя террористов.

10 февраля 2003 г. в Овальном кабинете сидел премьер-министр Австралии. Буш: «Или Саддам Хусейн покинет свой пост, или мы вышвырнем его». В то же время «непостоянные» члены Совета Безопасности ООН — Сирия, Пакистан, Камерун, Ангола, Гвинея, Чили и Мексика не выразили никакого желания присоединиться к американской позиции и голосовать в СБ за силовые акции. Президент Ширак, не дожидаясь заседания Совета Безопасности, выступил по национальному телевидению с «вето» на предполагаемую вторую резолюцию. Французы были готовы выступить против Багдада только в том случае, если Багдад применит химическое или биологическое оружие — и применит *первым*.

Но в тот же день принц Бандар, от которого у американского правительства не было секретов, сообщил американскому президенту: «Ваш друг из Елисейского дворца пригласил германского канцлера Шредера и российского президента Путина. Трое руководителей выступили с энергичным заявлением о пользе международных инспекторов. Ширак: «Россия, Германия и Франция полны решимости сделать все возможное для мирного разоружения Ирака». 10-го же февраля 2003 г. на сессии Североатлантического совета в Брюсселе к Франции и Германии присоединилась Бельгия, блокируя инспирируемую турками американскую инициативу оказать Америке содействие в случае войны с Ираком. В тот же день президент Путин навестил президента Ширака в Париже, чтобы заявить, что Россия выступает против войны в Заливе.

Дискуссии в Совете национальной безопасности были посвящены не этим инициативам, а плану Ганса Бликса «затопить Ирак инспекторами». Все обсуждали второй доклад Бликса, озвученный 14 февраля 2003 г. По мнению тех, кому принадлежала власть

в Вашингтоне, как и первый, этот доклад отличался расплывчатостью и не содержал конкретных предложений. Бликс указал на плюсы и минусы своей тактики. «По прибытии в Ирак мы провели более 400 инспекций, посетив 300 отдельных мест. Все инспекции были проведены *без предварительного уведомления и доступ во все заявленные места был предоставлен немедленно*. Инспекции охватили индустриальные центры, склады амуниции, исследовательские центры, университеты, президентские дворцы, мобильные лаборатории, частные дома, производители ракетной техники, военные лагеря. Бликс сказал, что были собраны 200 химических проб и более 100 биологических проб. Три четверти проб были показаны на слайдах. Бликс упомянул, что некоторые страны считают наличие у Саддама ОМП бесспорным. Но международные нейтральные инспекторы «не нашли подобного оружия».

Бликс в довольно мягкой манере указал, что «у государств имеются более обширные способы получения информации. Инспекторы, со своей стороны, могут основывать свои мнения лишь на очевидных доказательствах, которые они сами могут проанализировать и предъявить общественности». Бликс критически отозвался о мнении Пауэлла в отношении Ирака, что тот якобы «зачищает места расследований до приезда инспекторов».

Ответ Пауэлла прозвучал на заседании Совета национальной безопасности США. Государственный секретарь был явно зол, но стремился сохранить самообладание, хотя сарказм явственно звучал в его словах. Он обрушился на главное положение Бликса — о том, что «инспекция как способ борьбы с вооружением, возможна». В этой игре, сказал Пауэлл, возможны всяческие трюки. Говоря о предложении Франции увеличить численность инспекторов, Пауэлл прибег к иронии: «Больше инспекторов — ну уж извините. Это не реше-

ние проблемы.... Сила должна дать ответ — ведь оружие Саддама может убить тысячи людей».

Американская мораль: полагаться на Бликса не стоит.

Обсуждался план созыва представителей оппозиции на территории Северного Курдистана. Почти гарантированно это вызвало бы вспышку ярости Саддама Хусейна и он сделал бы искомый первый выстрел, навлекая на себя гнев международной общественности (в лице американцев, естественно). Буш проявил некоторый скептицизм, но созыв оппозиционеров одобрил.

Вторая половина февраля была посвящена уговам главных американских союзников — четырех премьеров — Блэра из Британии, Ховарда из Австралии и Аснара из Испании, Берлускони из Италии.

24 февраля на сверхсекретном заседании Совета национальной безопасности обсуждался вопрос об иракской нефти. Пока из 16 млрд. дол., полученных по программе «нефть в обмен на продовольствие», 15 процентов пошли курдам на север, 60 процентов оставалось собственно иракцам. Предполагалось, что примерно 8 млрд. дол. пойдет на восстановление скважин и инфраструктуры.

Американские военные были обеспокоены уже упомянутым нами обстоятельством — тем, что только Кувейт (один аэропорт) был плацдармом вторжения американских войск. А если эта линия будет прервана? Желательно было примерно 80 тысяч солдат провести с севера через Турцию. Госсекретарь Пауэлл считал просто необходимым добиться дружественности Турции в час американской решимости. Но турецкое правительство 1 марта 2003 г. отвергло американскую просьбу о проходе американских войск через ее территорию. Американцы пытались обмануть Багдад, сообщая иракскому правительству сведения, что на самом деле Анкара пропустит своего главного натовского союзника.

Решающие события происходили в британской палате общин. Если бы Тони Блэр подорвал свои позиции во время ночного заседания палаты 18 марта 2003 г., ему, скорее всего, пришлось бы подать в отставку. Но судьба была к нему милостива, хотя два члена его кабинета вышли в отставку. Спасением для Блэра могло быть лишь твердое доказательство того, что Саддам Хусейн обладает оружием массового поражения. В предисловии к сборнику документов британской разведки, опубликованному 24 сентября 2002 г., премьер Блэр заявил без обиняков: «У меня нет сомнений, что текущая угроза является крайне серьезной. Саддам Хусейн планирует активировать военные планы для использования химического и биологического оружия в течение 45 минут»¹⁶⁷.

Много позднее, отвечая на вопросы лорда Хаттона, откуда взялись эти 45 минут, председатель Объединенного комитета по разведке Джон Скарлетт дал много объясняющий ответ, что «мы имели в виду артиллерийские снаряды малого калибра, весьма отличающиеся от ракет»¹⁶⁸.

18 марта 2003 г. Тони Блэр произнес, возможно, самую блестящую речь за все свою политическую карьеру. Гораздо более талантливо, чем американцы, он сумел связать между собой угрозу, представляемую саддамовской тиранией, и угрозу исламского терроризма. Он утверждал, что война необходима не только для разоружения Ирака, но для освобождения иракского народа, для повышения престижа СБ ООН. Это была самая талантливая предвоенная речь члена складывающейся антииракской коалиции. «Три килограмма VX из головной части ракеты заразят четверть квадратного километра площади города. Миллионы летальных доз содержит в себе один литр антракса. 10 тысяч литров

принесут неисчислимые страдания. Заметьте, 11 сентября изменило психологию Америки»¹⁶⁹.

То обстоятельство, что англичане безоговорочно выступили на американской стороне, делало Британию третьей по значимости целью исламских фундаменталистов — после Соединенных Штатов и Израиля. К этому времени уже практически все британские премьеры завоевали славу главных союзников Америки в Европе.

Глава 9

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Америка с Британией обречены быть вместе.
Единство целей их объединяет,
И все проблемы и труда и чести
Превратный рок лишь так всегда решает.
Когда история их ставит вместе
И общий дух их овекает —
Тогда лишь множится их сила,
Когда единством их судьба сплотила

M. Gilbert. Never Despair, 1988

План

Как свидетельствует генерал Уэсли Кларк, «разработанный план состоял из трех компонентов: 1) мощная атака с воздуха против целей, олицетворяющих режим, и разрушение объединенной системы ПВО Ирака; 2) нанесение ударов по пусковым площадкам СКАДов в западном Ираке, а также полное уничтожение военно-морских сил Ирака вблизи Умм Касра; 3) максимально быстрое продвижение на Багдад сухопутных войск, уничтожающих на своем пути все оставшиеся очаги сопротивления».

Каждая часть плана создавала предпосылки для успешной реализации остальных. Специальные подразделения должны были лишить иракцев свободы маневра, координировать удары с воздуха, а также осуществлять глубокую разведку в интересах сухопутных сил. Перед ВВС стояла задача уничтожения командных пунктов, системы контроля, а также ПВО. Лишь после этого авиация сосредоточится на нанесении ударов по сухопутным частям противника, невольно позволяя таким образом обнаружить себя для атак с воздуха и с земли.

В идеале все эти три части плана должны были реализовываться параллельно и быстро — с таким расчетом, чтобы противник не успел подготовить эффективную и глубоко эшелонированную оборону Багдада. «Этот план был наиболее детальным и тщательно подготовленным по сравнению со всеми прежними»¹⁷⁰.

В феврале 2003 г. генерал Фрэнкс спросил ближайших подчиненных: сколько будет жертв с американской стороны? *Теперь мы знаем эту цифру: между началом войны и провозглашением победы президентом Бушем на авианосце «Абрахам Линкольн» погиб всего девяносто один человек*¹⁷¹.

Сам Фрэнкс думал, что потери составят не менее тысячи человек с американской стороны. Вьетнамские ветераны знали, что это ложный способ ориентации во времени и пространстве. Нужно думать о боевом духе противника, а не о числе трупов, которые ты увидишь. «Когда ты считаешь тела, ты забываешь, о чем эти люди думали, каким образом они ведут войну. 35 лет назад, во Вьетнаме, при Макнамаре, ситуация была такой: если ты потерял 1000 человек и при этом не выиграл войну — ты ее проиграл».

4 марта Фейт принес в Белый дом секретный документ — только для президента и Совета национальной безопасности. Вот часть его содержания, говорящая о целях антисаддамовской коалиции:

1. Сохранить территориальную целостность Ирака, улучшить качество жизни заметным образом.

2. Создать в Ираке демократические институты, сделать страну моделью для всего региона.

3. Силами США и их коалиции осуществить глобальную войну против терроризма, предотвратить применение средств массового поражения.

4. Привлечь многие страны к реконструкции послевоенного Ирака.

5. Привить народу Ирака симпатию к США.

6. Стимулировать посредством международного сообщества (особенно активно через ООН) поддержку Соединенным Штатам в послесаддамовском Ираке.

7. Дать иракцам навык управления собственной страной.

8. Все вышеизложенное достигается быстро и оперативно.

Отличающийся парадоксальной серьезностью — неким особым чувством юмора, президент Буш воспринял все это (на этот раз справедливо) как большую абстракцию. Его интересовали эффективность американских войск и поддержка международных институтов.

Время накануне действий

5 марта тройка — президент Буш, министр обороны Рамсфелд и начальник СЕНТКОМа генерал Фрэнкс встретились в Ситуационной комнате Белого дома. У Фрэнкса в регионе было 208 тыс. военнослужащих, причем наземные силы составляли 137 тыс. человек. Коалиция (в основном англичане) предоставила 50 тысяч человек. Четвертая дивизия на 27 кораблях стояла у берегов Турции, ожидая решения Анкары. Бушу и окружению Пауэлл уже несколько надоел со своим мнением, что вторая резолюция СБ ООН необходима.

После ланча 5 марта 2003 г. к Бушу прибыл личный посланник римского папы. «Война углубит пропасть между христианским и мусульманским миром», — сказал кардинал Пио Лаги, папский нунций в Вашингтоне, старый друг семьи Бушей. «Ни в коем случае, — заверил президент, — напротив, положение улучшится».

6 марта 2003 г. президент повторил всем известный уже пассаж, что «Саддам не готов разоружиться. Мы на финальной стадии». Неоконсерваторы и демократические империалисты уже начали свой нажим в пользу войны. Ястреб-патриарх Кен Адельман выразил их мнение: «Мы и так ждем слишком долго». Идеолого неоконсерваторов Уильям Кристол в «Уикли стандарт» и его единомышленник Чарльз Краутхаммер испугались ослабления нажима на администрацию: хватит отсрочек, следует идти в наступление.

8 марта Кондолиза Райс встретила с советником Блэра по национальной безопасности Дэвидом Маннингом, которого британская пресса назвала «пуделем Буша». Блэр вызвал внутреннюю борьбу в Королевстве, сказав, что стоит на моральных позициях и косвенно сравнив себя с Черчиллем. «Большинство достойных и благонамеренных людей тогда говорили, что нет необходимости противостоять Гитлеру, а те, кто желает, — поджигатели войны». Когда его спросили, почему он следует за Бушем с такой преданностью, Блэр ответил: «Это еще хуже, чем вы думаете. Я верю в него. Я подлинно предан делу сотрудничества с ним, безотнositельно позиции Америки. Если бы американцы не делали всего этого, я бы оказывал на них давление в направлении нынешних действий». Маннинг утверждал, что Блэр готов потерять место премьера, но он не оставит Буша. По мнению генерала Маннинга, «если против Блэра выступит еще один из его министров — он выстоит, но уход двоих создаст для него подлинную угрозу».

Буш спросил Кондолизу Райс, может ли Блэр потерять власть? «Да». Буш: «Пойдут ли на это англича-

не?» Райс: «Вспомните Черчилля». Буш настолько не хотел потери Блэра, что разрешил ему выйти из коалиции — если обстоятельства будут складываться против британского участия. Но в Персидском заливе было уже 45 тысяч британских солдат.

10 марта 2003 г. СНБ обсуждал проблемы послевоенного Ирака. Следовало изолировать примерно 25 тысяч членов БААС. Суды и полицию — профессионалов — можно оставить на свободе. Буш: «Мы должны убедить народ Ирака, что он может нам доверять». Пауэлл говорил, что специальная резолюция ООН очень помогла бы в управлении послевоенным Ираком. Средством расчета в оккупированном Ираке будет американский доллар. Министерство иностранных дел и секретные службы Багдада подвергнутся серьезной чистке. В 56 иракских посольствах за рубежом высшие баасистские чиновники и офицеры спецслужб должны уйти со своих постов. Специальная республиканская гвардия и Республиканская гвардия должны быть распущены, равно как и особая милиция — федаины. Буш внимательно слушал, но задал коварный вопрос: «Кто все это должен сделать?»

Буш звонил двум президентам, чьи страны были временными членами СБ ООН, — Висенте Фоксу из Мексики и Рикардо Лагосу из Чили. Оба постарались уйти от определенного обещания поддержать США. Тогда Белый дом объявил о встрече с Блэром и Аснаром на Азорских островах (речь шла о военно-морской базе на острове Терсейра) — крепкая основа союза, к которой примкнул премьер-министр Португалии Жосе Мануэль Дурау Баррозу. Посол Бандар перестал брить бороду до начала войны против Ирака.

Буш начал встречу словами: «Молния должна ударить». Всех интересовало вчерашнее выступление президента Ширака — у Блэра были выдержки из выступления французского президента: Ширак просил дать инспекторам ООН еще 30 суток для работы в Ираке

«Пустой номер», — сказал Буш. Тайный писатель Буша Герсон передал наброски ультиматума Саддаму «го-страйтеру» Энтони Блэра Алистеру Кемпбеллу.

Во время пресс-конференции президент Буш выложил все карты на стол. «Логика первой резолюции — №1441 — неопровержима: иракский режим должен разоружиться. В противном случае он будет разоружен силой». Блэр зашел с другого угла, он постарался придать резолюции № 1441 вид ультиматума — чего не было. Иначе не было бы столько разговоров о второй резолюции. Более того, американские действия ставили под угрозу сам факт существования мировой организации.

Герсон получил от англичан свою речь обратно. Англичане как бы сохраняли у иракцев надежду на мирное решение. Это полностью соответствовало личной позиции самого Герсона, который, как добропорядочный христианин, уже два дня постился за мир на Ближнем Востоке. Президент принял участие в сокращении речи — теперь в речи были 30 параграфов, и длилась она около 15 минут. Британские вставки были приняты, и Герсон пошел к одному из компьютеров президентского самолета для печати окончательной версии. Речь напоминала всем, кто слушал, 12 лет дипломатии на Ближнем Востоке и поминала все грехи Саддама. «Наша добрая воля не получила отклика. Мы хотели решить проблему мирным путем... Если Саддам Хусейн выберет конфронтацию, американский народ должен знать, что были предприняты все меры для избежания войны».

Президент Буш в это время смотрел фильм с Мэлом Гибсоном «Теория заговора». После его окончания Буш связался с еще одним ключевым союзником — австралийским премьером Джоном Ховардом (обещавшим 2 тыс. солдат): «Мы собираемся ждать до утра». Пауэлл засел за телефоны. Колин Пауэлл собирался проверить температуру американских союзни-

ков, арабских стран, Организации Объединенных Наций и обнаружить, какие позиции они занимают. Если ничего не случится, американцы отвергнут вторую резолюцию. Буш: «Сегодня вечером я собираюсь произнести речь, мы собираемся поставить Саддама перед ультиматумом».

17—19 марта 2003 г.

Первый звонок из Вашингтона на следующее утро Буш сделал советнику по национальной безопасности премьер-министра Индии. Речь шла о письме индийского премьер-министра Ваджпай, который предлагал созвать форум пяти постоянных членов СБ ООН для мирного решения иракской проблемы. Райс вежливо сказала по телефону, что индусы предлагают «великую идею, но на данном этапе мы не видим в ней смысла». Франция наложит на такую инициативу вето.

Буш и Блэр согласились, что полностью игнорировать Россию — неразумно; на определенном этапе ей придется сообщить о предстоящем. В девять часов утра президент Буш встретился со своим Советом национальной безопасности. За ночь ничего радикального не произошло. Французы стоят на своей позиции неколебимо. Президент сказал генералу Фрэнксу, что тот может начать исполнение военного плана «Op Plan 1003» в течение ближайших 72 часов. «Я не даю вам приказ начинать, но вы должны быть готовы. Делайте все последние приготовления».

Через 45 минут президент позвонил своему пресс-атташе Ари Фляйшеру с приказом сообщить корреспондентам, что союзники совещались снова и отвергли идею новой резолюции. Фляйшер появился в комнате прессы со словами: «Объединенные нации не сумели навязать свои требования о немедленном разоружении Ирака. Этим, фактически, закрылось дипломатическое окно мирного решения. Вечером в 20.00 президент об-

ратится к нации. Избежать военного конфликта можно лишь посредством изгнания Саддама из Ирака.

Не менее половины корреспондентского корпуса ринулись к выходу, к средствам связи.. В зале остались преимущественно бригады телевизионщиков.

Болгарский премьер Симеон Сакс-Кобург был в смятении. Райс: «Что вы имеете в виду? Вы собираетесь послать солдат, но не хотите, чтобы об этом было объявлено? Ведь вы же посылаете солдат? — Да, да, мы посылаем солдат».

Наступил долгожданный момент, и Кондолиза Райс позвонила министру обороны России Сергею Иванову: Саддаму даны 48 часов, с дипломатией покончено. «Мы надеемся, что вы не внесете новой резолюции в ООН. «Пожалуйста, не посылайте Игоря Иванова в ООН»¹⁷².

Российский министр обороны Сергей Иванов: «Я не могу гарантировать того, что Игорь Иванов не придет в Нью-Йорк, но я обещаю, что, если он придет, он не проявит необычайной активности. Он не собирается огорчить вам жизнь». Иракцы просили у русских зенитных средств, но Иванов обещал не идти на такую сделку. Звонок главе президентской администрации Волошину: «Не шлите в Нью-Йорк Иванова, не старайтесь поднять проблему до министерского уровня. Если вы все же пойдете на это, Пауэлл не явится, мы в этой инициативе не видим смысла». Волошин сказал, что предпочел бы видеть американцев в Москве.

Генеральному секретарю ООН Кофи Аннанду Кондолиза Райс сказала, что «в послевоенном восстановлении Соединенные Штаты будут играть жизненно важную роль». Этот оборот был данью британской настойчивости — просьбе не обрывать связи с ООН.

Этим утром президент Буш перед «телепомощником» разучивал роковую роль. Первая половина прошла гладко, а вторая — с большим трудом, у него словно сковало гортань. И эти горловые сложности прихо-

дились на слова «Саддам Хусейн и его сыновья обязаны покинуть Ирак в течение 48 часов. Их отказ сделать это приведет к военному конфликту, который мы начнем в избранное нами время». Герсон считал, что глотку сковало волнение. Только при третьем повторе президент более или менее справился с текстом.

Премьер-министр Австралии пообещал ввести в бой свои войска. Буш Ариэлю Шарону: «В свое время в Овальном кабинете я обещал уведомить тебя за 72 часа до начала военных действий. Считай мой звонок уведомлением». Без четверти пять Буш повторил свой текст в последний раз. Через три часа он войдет в эфир. Затем встреча с видными деятелями конгресса. «Мы пришли к выводу о невозможности второй резолюции из-за французов. Мы сделали в ООН все, что смогли. Вопрос: может ли Саддам по собственной воле покинуть Ирак? Буш: «Нет. Разведка дает нам множество признаков того, что он готов принять вызов». Турция? «Хорошо бы иметь в наших рядах Турцию. Но главный вопрос сейчас — это чтобы турки не вошли по собственной воле в Северный Ирак».

Как ООН воспримет эту операцию? Чейни: «Они встретят нас как освободителей. Но там могут возникнуть и сложности». Демократ — сенатор Роберт Берд (Западная Вирджиния) довольно резко выступил против того, что готовил для всех Буш: «Я не поддерживаю политику карт-бланша вооруженным силам в этих грандиозных планах».

Заранее записанная пленка показывала президента играющим с собакой. Буш стремился раскрепоститься.

В 8.01 президент выступил перед нацией: «Мои друзья сограждане! События в Ираке вошли в финальную стадию решений». Волнение президента было очевидным. Газеты потом писали о «похоронной торжественности и ауре печального сожаления» в этой 15-минутной речи. В ней не было бравады.

Утром следующего дня, 18 марта Буш позвонил председателю КНР Ху Цзиньтао, поздравил с назначе-

нием и заверил, что события вокруг Ирака не коснутся отношений США с Китаем.

Следующий звонок был Путину — Буш рассказал, какие антифранцузские настроения породила в США политика Жака Ширака. «Я благодарю вас за то, что вы не стремились возбудить антиамериканские настроения. Это скажется на настроении Америки к России»¹⁷³. ООН будет активна в послевоенном Ираке. Буш получил приглашение на празднование 300-летия Санкт-Петербурга.

Публике перекрыли обычный туристический путь в Восточную часть Белого дома. На дежурство встала группа медиков. Канада принесла извинения: «Просим прощения, но мы не с вами». Так приказало канадское общественное мнение. Блэр выступил в палате общин с часовой речью. Буш не замедлил поздравить своего главного союзника. Англосаксонские союзники говорили о тройственном сближении Франции, Германии и России.

Американские разведывательные группы получили сообщение, которое говорило им практически все: «В очень близком будущем произойдет экстраординарный поворот событий, наша нация возьмет на себя опасную миссию разоружения Ирака и свержения власти Саддама Хусейна».

Тенет вошел в Белый дом в четыре часа пополудни, чтобы встретиться с президентом и советником по национальной безопасности Кондолизой Райс. По сведениям разведки, Саддам Хусейн должен быть на т.н. «Ферме Доры». Голова Буша более всего в этот день была занята голосованием в британской палате общин — он спрашивал об этом бесчисленное число раз. В конечном счете Блэр выиграл — 396 против 217. Треть его собственной партии голосовала против, но тори поддержали его как один.

Утром следующего дня по секретному телефону Буш поздравил Блэра. Эта 20-минутная беседа велась в возбужденных тонах. «Дело не только в парламентской

победе, но в сдвиге общественного мнения». Буш поделился знанием того, где находится Саддам Хусейн. Тенета видели крайне взволнованным все утро. Фрэнкс говорил с президентом из базы «Принц Султан» в Саудовской Аравии: «Войска готовы, мистер президент».

По щекам Буша текли слезы: «Мы выиграем эту войну». Президент пытался сбить напряжение короткой прогулкой. Затем он снова звонил руководителям стран-союзниц. «Мы начинаем».

Под пальмовыми деревьями «Фермы Доры» американская разведка заметила скопище (36) автомобилей, нечто вроде семейной встречи — там жила жена Саддама Саджида. Саддам Хусейн? Появились сообщения, что иракский лидер будет здесь с сыновьями Кусэем и Удэем. К часу дня 31 спецгруппа ЦРУ вошла в Ирак через западную и северную границы. Польская группа захватила одну из нефтяных платформ. К границе приближались австралийцы. После трех пополудни у президента Буша собрались Рамсфелд, Тенет, Маклафлин, Соул и еще два представителя ЦРУ. «Двое наших людей близки к Саддаму». Фотографии со спутников дали представление о «Ферме Доры» в излучине Тигра. Саддам с сыновьями могли быть здесь. Поразить его в этом месте. Майерс назвал оружие: крылатая ракета «Томагавк». Фрэнкс приказал внести несколько выстрелов в морскую программу.

В 4 дня Тенет сообщил, что оба сына Саддама находятся с отцом и со своими женами. Но Фрэнкс сказал, что, если они находятся в бункере, «Томагавк» не пробьет бетон. Председатель Комитета начальников штабов Майерс спросил, может ли Фрэнкс обеспечить удар «Тамагавком» в течение двух часов? Фрэнкс сказал, что сможет. «Тамагавки» готовы к бою.

Президент обернулся к своему советнику Карду: «Вы пошли бы на это?» — «Да, мистер президент». Пауэлл: «Если у нас есть шанс уничтожить их руководство, мы должны пойти на это». Генерал Фрэнкс запросил стелс-

истребитель — F-117A с парой бомб EGBU-27A, предназначенных проникать в глубинные бункеры.

Через некоторое время было ясно, что F-117 вошли в иракское воздушное пространство. В девять тридцать вечера над Багдадом завывли сирены. Речь президента Буша к нации была назначена на 10.15 вечера. F-117 нанесли запланированный бомбовый удар, но результаты его не были пока ясны. Президент вышел к публике, объявив себя лидером 35 наций, выступивших против Ирака.

Авиация начала бомбардировку предместий Багдада. На «Ферме Дора» кровь видели на Саддаме Хусейне и его сыновьях, но позднее стало ясно, что первый удар не сразил иракского лидера и его сыновей.

Помощь союзников

Свою политическую кампанию 2002 года канцлер Шредер построил на антивоенных настроениях немецкого общества, призывая избегать войны и отрицая любое участие Германии в антииракской кампании. Президент Буш даже отказался поздравить Шредера, когда тот был переизбран канцлером в сентябре 2002 года. Раздраженный антивоенными заявлениями Франции и Германии, министр обороны Рамсфелд называл обе страны «старой Европой».

Многие годы стратегия иракской армии заключалась в том, чтобы обескровить и измотать армию вторжения на дорогах, ведущих в Багдад, прежде чем она сможет его достигнуть. Однако 18 декабря 2002 года президент Саддам Хусейн предложил своему военному командованию новый план. Так сообщили американским следователям иракские офицеры и члены правительства. Новую стратегию обсуждали Кусэй Хусейн — сын диктатора и начальник республиканской гвардии, генерал-лейтенант Саиф фль-Дин Фулайи Хасан аль-Рави — непосредственный командир республиканской гвардии, а также другие генералы. Идея Саддама

Хусейна заключалась в том, чтобы сконцентрировать подразделения иракской армии по нескольким кругам обороны вокруг столицы, включая «красную линию», которую гвардия должна была отстаивать до конца.

Итак, американцам повезло — двое германских разведчиков в Багдаде получили копию плана защиты иракской столицы, которую немецкий представитель передал высокопоставленному американскому военному за месяц до американского вторжения в Ирак. То был секретный план обороны столицы. Этот план дал американским военным исключительную возможность заглянуть в планы иракского руководства, включая информацию о размещении наиболее лояльных баасистскому режиму частей.

Германия была не единственной страной, которая на словах выступала против войны, а на деле помогала вторжению. Египет предоставил возможности для дозаправки самолетов, а Саудовская Аравия позволила специальным подразделениям американской армии начать атаку на Ирак со своей территории.

Итак, в феврале 2003 года офицер немецкой разведки передал копию плана защиты Багдада представителю американской разведки в Катаре, работавшему в штабе генерала Томми Фрэнкса. План был передан в офис СЕНТКОМа J-2, которое и подготовило окончательный рапорт по этой информации. (Когда начались бомбардировки Багдада, немецкие агенты ушли во французское посольство.)

Американцам были переданы описание «военного и полицейского присутствия в городе» и «описание в отдельных случаях иракских боевых соединений с географическими координатами. И это не все. Немецкие военные корабли охраняли морские пути около Африканского Рога и оказали существенную помощь США при передислокации своих сил в Персидском заливе. Немецкие военнослужащие присутствовали на базе Доха в Кувейте (противохимические части).

Часть III

«ШОК И УЖАС В МЕСОПОТАМИИ»

Глава 10

ВОЙНА

Америка — сложная страна. Понять ее могут не многие даже в профессиональной разведке. Собственно, я запрещаю разведке делать выводы из чтения американской прессы. Не этим должна заниматься разведка, когда она не может обрести твердые факты и обращаются к прессе, которую я уже знаю. Добыть сведения таким способом — моя задача... Этому учит нас и иранский опыт»¹⁷⁴.

Саддам Хусейн, 2002

Иракская сторона

В 2002 году Саддам Хусейн осознал окончательно опасность предположения, что у него имеются средства массового поражения. Он предоставил все условия для инспекции Специальной комиссии ООН. По мере того, как 2002 год подходил к концу, руководство Ирака все больше верило в то, что его кооперабельное отношение к ОМП лишит Буша предлога выступить против Ирака. Саддам приказал пускать инспекторов Специальной комиссии «повсюду, чтобы не дать президенту Бушу никаких оснований начать войну»¹⁷⁵.

Для обороны Ирака были мобилизованы 400 тысяч солдат, сведенных в 26 дивизий. Иракская армия имела 2 тыс. танков, две с половиной тысячи артилле-

рийских установок, примерно 300 истребителей и около 150 вертолетов. Ударной силой были 40 тыс. федаинов. Но система ПВО была практически разрушена, коммуникации ненадежны, радары и командные центры — уязвимы. А без надежной противовоздушной обороны потерять все остальное было относительно легко.

Ирак был окружен аэродромами и военными складами дружественных Америке государств.

Но с точки зрения проблемы распространения ОМУ, с начала 2002 года (пишет генерал Кларк) и Иран, и Северная Корея представляли собой куда большую угрозу, нежели Ирак»¹⁷⁶.

Поле эксперимента

Военные действия в Ираке в 2003 г. были первым полномасштабным опытом ведения современной войны. Именно поэтому ее уроки важны, именно поэтому существует потребность в детальном рассмотрении хода кампании — эйфории первых дней наступления, затем преодоления неожиданного сопротивления на юге Ирака и, наконец, взятия Багдада и последующей оккупации страны.

Даже секундное размышление над проблемами, сопровождающими смену режима — особенно извне — или даже поверхностное знакомство с историей Ирака, включающей в себя попытку Великобритании заморозить страну в начале 1920-х годов, должны были предупредить Вашингтон, вызревших здесь адвокатов интервенции, что этот регион являет собой наихудшее место для экспериментов с демократией. В долине этнической ненависти и культурной разобщенности ни одна страна не являла собой худшего поля для политико-культурных экспериментов, чем Ирак. Но не таким было видение ситуации группой людей, объединившихся вокруг президента Буша-младшего. Они словно

ставили эксперимент, и с живостью неофитов тогда, в уже далеком 2003 году, безусловно верили в возможность трансформации иракского общества.

А подготовка? Такие свидетели, как Джордж Паркер, своими глазами видели подготовку к вторжению. «Она была преисполненной ошибок, отдающей все ради скорости, нечестной, разрушительной для американских союзов. И подготовка велась не за реализацию гражданских прав»¹⁷⁷.

Иракская армия готовилась к бою изучая «Справочник по подготовке республиканской гвардии», созданный верхушкой иракского руководства. Солдат учили плавать и взбираться на пальмы для снайперской стрельбы. Ирак пытался извлечь опыт из войны 1991 года, но ему вредила собственная оценка этой войны как весьма успешной для Ирака. Главным для армии было: выкапывать глубокие бункеры и не сбиваться в компактные массы во время боя. Иракские генералы не привыкли к скоростным маневрам, их сковывал страх перед политическим руководством, которое подавало 1991 год как иракскую победу.

И подчеркнем особо: трудно преувеличить воздействие, которое оказало на Саддама Хусейна восстание в 1991 году курдов и шиитов. Теперь заглавной целью он ставил контроль над этими сегментами своего общества. Теперь он больше чем прежде опирался на милицию БААС, на фedaинов Саддама, на «армию Иерусалима», на специальные части. В результате рекрутированные части иракской армии не получали подготовки, которая сделала бы их достойным противником приближающейся коалиции.

Саддама вдохновлял опыт противодействия американцам в Сомали. Он более всего полагался на фанатичных фedaинов Саддама — элитную часть своей армии, которым внушалась идея, что они борются «за дело всех арабов». Они будут гибнуть тысячами, но они не умели вести боевые действия современного уровня.

Саддам боялся военного переворота и уже в 2001 году поставил во главе наиболее боеспособной части своих войск младшего сына Кусэя, строго говоря, гражданского человека. 18 декабря 2002 года он создал план обороны Багдада — четыре линии обороны; дивизия «Хаммурапи» защищала северный сектор; дивизия «Медина» — южный; дивизия «Нида» — восток (эта механизированная дивизия считалась лучшей в иракской армии, ее выставили против возможного удара со стороны Ирана).

Это была самая самостоятельно действующая дивизия. (После войны ее командира спросили о причине его необычной свободы и услышали удививший многих ответ: «Я из Тикрита — города Саддама Хусейна»). Специалисты называют этот план как минимум «любительским». Позднее американцы узнали, что плана планомерной партизанской войны на случай поражения Саддам Хусейн создать не успел.

Война началась

Официально Белый дом сообщил о том, что «разоружение иракского режима» началось, в 06:15 по московскому времени (соответствует времени Багдада). Президент Джордж Буш-мл. выступил с обращением к нации. Собственно говоря, постфактум. Первые военные самолеты в небе Багдада появились уже в шесть часов утра. Через 5 минут после начала противостояния на место предполагаемого бункера, в котором мог скрываться Саддам Хусейн, были сброшены бомбы. Иракские ПВО начали стрелять по американским самолетам — без особой результативности.

США заявили, что на первом этапе будет использоваться ограниченное количество самолетов B-52, F-117, бомбардировщики B-1 и B-2 а также крылатых ракет морского базирования. Пентагон указал, что удары будут наноситься прежде всего по объектам высшего ру-

ководства Ирака и контрольно-командным пунктам управления вооруженных сил в Багдаде.

Утром этого дня — в 7 утра — на частоте багдадского радио стали вещать американские военные радиостанции. А в половине восьмого появились сообщения о том, что две иракские дивизии, дислоцированные в южном Ираке, якобы готовы капитулировать. После нескольких часов по окончании атаки вооруженных сил США по телевидению Ирака выступил президент Саддам Хусейн. Он говорил о неизбежной победе Ирака над американцами. Трансляция выступления президента Ирака Саддама Хусейна началась в половине девятого. В этот четверг, в телевизионном обращении к жителям страны, Саддам Хусейн призвал к сопротивлению американской агрессии и заявил, что в развернувшейся войне Ирак выйдет победителем. Министр информации Ирака заявил, что начался джихад и призвал всех правоверных мусульман к бою.

Ряд американских союзников был оповещен заранее. Госсекретарь США Колин Пауэлл сообщил главе правительства Израиля Ариэлю Шарону о намерении атаковать Ирак за полтора часа до первого бомбового удара. Более общая информация о предполагаемом дне начала войны была получена союзниками США тремя днями ранее. Распоряжение командования израильской службы тыла обязало всех израильтян постоянно иметь с собой противогазы и комплекты средств индивидуальной защиты от оружия массового поражения. Израиль опасается, что в ответ на бомбовый удар Ирак может применить в центральных городах Израиля химическое или бактериологическое оружие. В деревне Бейт-Ханун на севере сектора Газы прошла демонстрация палестинцев в поддержку Ирака, в которой принимают участие около 700 человек с флагами Ирака и портретами Саддама Хусейна. Демонстранты сожгли несколько американских флагов.

Война началась пожарами. Подразделения иракских подрывников в четверг утром подожгли 17

нефтяных месторождений на юге Ирака. Как заявил Багдад, эта мера является превентивной, и ее цель — задержать возможное продвижение американских войск по территории Южного Ирака. Речь зашла о минировании 52 крупнейших объектов на территории Ирака. По меньшей мере 3 иностранных гражданина погибли в четверг утром в результате бомбардировки авиацией США автострады, ведущей из Ирака в Иорданию. Несколько бомб, выпущенных истребителями ВВС США, уничтожили рейсовый автобус и придорожное кафе на так называемой «дороге жизни» (шоссе Багдад — Амман), единственному пути эвакуации иностранных граждан из Ирака. Автострада была частично уничтожена.

Когда коалиция выступила против Ирака, Саддам Хусейн упрямо продолжал верить, что американские войска не пойдут на Багдад и удовлетворятся некоторыми изменениями в его правительстве. Начальник штаба армии Саттар: «Ни один иракский лидер не верил, что американцы пойдут на столицу»¹⁷⁸. Уверенность Саддама в том, что его режим выживет, была причиной того, что он не взорвал дамбы и не зажег нефтехранилища. Даже когда американские танки пересекли границу Ирака, он более всего боялся внутреннего восстания. Для его погашения он нуждался в мостах — вот почему они остались нетронутыми перед американскими танковыми соединениями.

Не все иракцы думали так. Начальник военной разведки Зухаир Талиб Абд аль-Саттар аль-Наджиб был уверен, что на этот раз американцы пойдут до конца и дело кончится оккупацией страны. Таково же было мнение командира Первого корпуса республиканской гвардии, министра обороны Султана Хашима Ахмада аль-Таи. «Они знали многое об американских приготовлениях...Даже если бы у нас была мощная оборона, мы не остановили бы американцев». Саддам Хусейн верил в свою версию минимум до 3 марта 2003 года. И только к концу месяца Саддам протрезвел.

Американцы же начали войну относительно небольшими силами. 20 марта морская пехота США имела в своем распоряжении только четыре полка. Сухопутные войска располагали всего семью бригадами, дислоцированными в Кувейте.

Фрэнкс рвется к Багдаду

К 20 марта 2003 г. — первому полному дню войны — генерал Фрэнкс докладывал, что благодаря действиям Специальных сил четверть территории была уже Ираком потеряна (на западе страны). Страхи ударов «Скадов» по Израилю ушли в прошлое. В регионе насчитывалось 241 с половиной тысяча военнослужащих американских вооруженных сил. К ним добавились 41 тысяча англичан, 2 тысячи австралийцев и 200 поляков. Весьма неожиданным для американцев, было то обстоятельство, что самым популярным представителем Запада в Ираке стал президент Франции Жак Ширак.

На протяжении 16 месяцев планирования генерал Фрэнкс всячески старался уменьшить бомбардировочный период — сначала от 16 до пяти дней, а потом до девяти часов «шока и ужаса», начиная с 1 часа дня 21 марта 2003 г. Это было возможно благодаря исключительно удачной работе разведки и превосходной фотографии сверху, из космоса.

На рассвете 21 марта 2003 г. 3-я пехотная дивизия вооруженных сил США в составе 20 тыс. человек и 10 тыс. автомашин вырвалась из баз в Кувейте, преодолела береговой уступ и вошла в иракскую пустыню. На северо-восток двигались 20 тыс. морских пехотинцев, направленных захватить нефтяные месторождения в Румейле и установить контроль над шоссеиной дорогой № 8, которая проходила через Сафран и Басру. Британцы продвигались по суше и на вертолетах. Более всего союзники боялись минирования побе-

режья. К рассвету 4 тыс. британских морских пехотинцев захватили важнейшие морские объекты Ирака.

В 6 часов вечера 21 марта президент Джордж Буш провел в Белом доме совещание с членами совета национальной безопасности США. Официальные представители Белого дома отказывались публично комментировать ход военной операции в Ираке. Вместе с тем они в частном порядке утверждали, что после серии первых ударов по Ираку структуре управления иракскими вооруженными силами был нанесен «существенный урон».

Но в тот же день тысячи человек вышли на улицы арабских городов, протестуя против войны в Ираке — в Египте, Ливане, Иордании, Йемене. Во второй половине дня тысячи палестинцев вышли на улицы под антиамериканскими лозунгами. Слезоточивый газ в Иерусалиме. Примерно 15 граждан западных стран расположились на электростанции аль-Даура, которая обеспечивает электричеством примерно 6 млн. жителей Багдада. То был «живой щит» защиты электростанции, окрестности которой уже подверглись бомбежке ВВС. В Багдаде не было заметно особых приготовлений к воздушным атакам. Воздушная тревога не объявлялась. Но журналисты уже начали покидать здания, которые, видимо, должны были стать мишенью коалиции.

Вечером 21 марта прошли три серии ударов с воздуха под кодовым названием «Шок и трепет» — по узлам связи, системам управления и контроля, объектам ПВО, частям Республиканской гвардии и Специальной Республиканской гвардии. Было использовано 1,3 тыс. бомб и ракет.

21 марта англичане с гордостью объявили, что не потеряли ни одного самолета. Позднее то же сказали американцы. Главным военным достижением этого дня был захват американцами двух аэродромов на западе Ирака и стратегических нефтяных месторожде-

ний около Басры. К вечеру вооруженные силы США начали новую серию воздушных ударов по Ираку с борта базировавшегося в Персидском заливе авианосца «Китти Хок». В небо поднялись военные самолеты, оснащенные крылатыми ракетами.

Передовые отряды 3-й пехотной дивизии смогли пройти 400 км вглубь Ирака. Они захватили мост через Евфрат и аэродром Талил, создавая в пустыне своего рода коридор. Теперь за ней в Ирак вошла 101-я десантная дивизия. На западе Ирака специальные подразделения захватили авиабазы Н-2 и Н-3, а на севере американцы вместе с курдами захватили еще одну авиабазу.

Самое тревожное сообщение этого дня для американцев — возникновение реальной угрозы военного конфликта между Турцией и курдами в иракском Курдистане (готовилось вторжение 20 тысяч турецких солдат на севере Ирака), и отступление американских войск в районе портового города Умм-Каср. Тем временем французское правительство ответило отказом на просьбу Вашингтона выслать из страны иракских дипломатов и закрыть посольство этой страны в Париже. В пятнадцать двадцать дня в Ираке погиб первый американский солдат.

22 марта генерал Фрэнкс в ходе телеконференции доложил президенту, находившемуся в Кэмп-Дэвиде, о ходе войны. Третья пехотная дивизия продвинулась на 250 км в глубину иракской территории. Никаких признаков ОМП. Характерно, что американцы не брали военнопленных — те просто расходятся по домам.

Руководство войной

Фрэнкс управлял всеми делами из сверхсовременной штаб-квартиры, размещенной в Дохе (Катар). На огромном плазменном экране мерцал Ирак, а на его территории иракские войска были обозначены крас-

ным, а американские (и союзников) — синим. Синие постепенно, но неукротимо шли на Багдад и, если у противника имелось биологическое или химическое оружие, это был самый удобный момент применить его против американцев — то, чего более всего боялся Фрэнкс. Но шли дни, а Багдад молчал, и становилось все более ясно, что американцы верили в собственное сочинение.

К вечеру воскресенья 23 марта передовые группы 3-й пехотной дивизии обошли город Наджаф и оказались всего в 160 км от Багдада. Только здесь американцы столкнулись с организованным сопротивлением иракцев в районе Кербелы. Сзади шли на грузовиках части 2-й дивизии армии США и 101-й десантной дивизии, готовивших вертолетные площадки.

24 марта президент Путин позвонил Бушу с сочувствием в отношении возможных американских потерь. Но Буш не чувствовал, что ему нужно сочувствовать. Всю следующую неделю его беспокоил прежде всего ветер, гнавший песок в лицо американцам. На встрече с ветеранами он говорил о том, как *выиграть мир*. Уже ощущался скепсис. «Я не думаю, что Ирак породит своего Томаса Джефферсона».

Представление о том, что иракские солдаты будут сдаваться в плен тысячами, не подтвердилось. Информация Пентагона о пленении под Умм-Касром целой иракской дивизии мгновенно вызвало массу вопросов представителей зарубежных СМИ к показанным кадрам. Почти все пленные оказались безоружными, одетыми в крестьянскую одежду и больше похожими на крестьян, чем на солдат регулярной армии. То явно было ополчение.

В т.н. «красной» зоне обороны Багдада четыре дивизии Иракской армии (бронетанковая «Медина», механизированная «Хаммурапи», пехотные «Багдад» и «Аль-Нида») расположились полукругом в 80 км от Багдада. В каждой из иракских дивизий было 10 тыс.

солдат, в «Медине» — 250 танков, столько же БМП и 60 единиц артиллерии. Иракцы поняли, откуда идет основной удар американцев, и отчаянно переводили свои войска на юго-запад.

Что подлинно смущало американцев, так это отсутствие «обещанных цветов». Никто не выбегал к американским танкам, а если и выбегал, то не с цветами. В нескольких местах бои были ожесточенными. Немалое число американцев *ликовало*, смотря вечерние новости, глядя на танковые выстрелы по скульптурам Саддама. «Образ падающих, распадающихся статуй был подхвачен американскими кабельными телевизионными сетями, повторялся бесконечно под аплодисменты президента как эмблема претензии администрации, что она вступила на дорогу освобождения, которая сделает иракцев свободными от контроля кровожадного диктатора»¹⁷⁹.

Лишь позднее стало ясно, что не более двух сотен иракцев принимали участие в демонстрациях поддержки вступивших в страну войск. Настроение основной массы иракского народа было подавленным. Организация противодействия проводившейся против Ирака психологической войны была возложена на Министерство культуры и информации, а командование вооруженными силами и руководство правящей партии БААС — лично на Саддама Хусейна.

Иракская сторона использовала для оказания информационно-психологического воздействия радиопередачи и листовки. «В качестве идеологического базиса контрпропагандистской операции использовались общие для всех государств региона темы исламского единства, солидарности и защиты исламской морали. Основные тезисы иракской пропаганды:

1. Главной целью планируемой американской агрессии является не уничтожение мифического иракского оружия массового поражения, не смена государственного руководства, а *контроль* за богатейшими не-

фтяными месторождениями страны, а позднее и всего региона.

2. Поведение американских военных в арабских странах нарушает требования исламской морали и оскорбляет религиозные чувства мусульман.

3. Моральное состояние солдат антииракской коалиции не позволяет им длительное время переносить тяготы войны в условиях пустыни.

4. Столкнувшись лицом к лицу с иракскими солдатами, защищающими независимость своей страны, американские военные, привыкшие вести «дистанционные» боевые действия, обратятся в бегство¹⁸⁰.

Основная угроза информационным усилиям американо-британской коалиции исходила от Министерства информации Ирака. В период боевых действий оно перешло на чрезвычайный режим работы. Министру информации Ирака Мохамеду ас-Саххафу удавалось достаточно оперативно реагировать на распространяемую подконтрольными коалиции СМИ дезинформацию. С начала бомбардировок Ирака он ежедневно проводил пресс-конференции официальных лиц для оставшихся 60—70 зарубежных журналистов-камикадзе. Во время этих встреч опровергалась информация о захвате иракских городов и больших потерях. Была организована работа с представителями СМИ сразу же после нанесения авиаударов американской и британской авиации.

И все же, как свидетельствовали очевидцы, в Ираке воцарился едва ли не первобытный хаос, когда массовым занятием стал грабеж общественных и частных учреждений. Зарево пожарищ охватило Багдад и другие города. С лица земли исчез знаменитый Национальный музей древностей, манускрипты Национальной библиотеки, многотысячелетнего возраста артефакты месопотамской культуры. Постепенно возникло то, что американцы и англичане с великой неохотой стали все же называть партизанской борьбой. Американские по-

тери особенно начали расти в суннитской части Ирака (278 погибших уже в первые месяцы — вдвое больше, чем на поле столкновения двух армий).

Восприятие Саддама

На протяжении первых десяти дней войны Ирак запрашивал Россию, Францию и Китай о помощи. Саддам верил, что проамериканская коалиция остановится, верил до 30 марта. В этот день его главный секретарь генерал-лейтенант Абед Хамид Махмуд приказал министру иностранных дел сообщить российскому и французскому правительствам, что Багдад согласится только на «безоговорочный отход» войск коалиции. В это время американские танки были в 150 км от центра Багдада и заправлялись для последнего броска.

Как кролик перед удавом, Саддам велел тщательно замаскировать авиацию Ирака (многие модели самолетов были просто закопаны в песок и оставались там до прихода американцев). Саддам Хусейн не повторил опыта 1991 года, когда авиация была отослана в Иран. На этот раз Ирак не доверял Тегерану. Саддам: «Иран стал сильнее, получив наши самолеты. А мы?»¹⁸¹

23 марта американцы навязали глубокий бой Республиканским гвардейцам. Под покровом темноты 32 вертолета «Апач» вылетели в направлении дивизии «Медина», стоявшей на пути к Багдаду. Цели: командные посты, бронетехника и артиллерия. Однако иракцы увидели «Апачи», когда те пролетали над населенными районами, и встретили их огнем. 24 марта продвижение 3-й дивизии замедлилось. Настал решающий час.

В воздухе появились Б-52. Иракцы приходили в себя от скорости американского продвижения. Началась песчаная буря. Война несколько притихла, но усилились партизанские действия в районе Наджафа и Самавы. Надежды на быструю победу у американцев стали ослабевать. Когда через двое суток буря стихла,

американцы начали отчаянно бомбить Багдад, участь которого была незавидна. Но и для американцев Наджаф стал страшной репетицией возможных уличных боев в Багдаде.

29 марта иракцы использовали террористов-смертников. Один из них собрал вокруг себя четверых американцев и взорвал себя. Теперь американцы стали бояться и людей в штатском, подозревая камикадзе. Американцы немалое прояснили для себя: массовых сдач в плен не будет, Ирак продолжает сопротивление. Прошло десять дней войны, наступила трезвость.

Но иракцы разместили свои лучшие силы неудачно. Их дивизии были страшнее всего в городских районах, а иракские генералы стали выводить их на юг, на окраины, в помощь федаинам. Теперь уничтожение их авиацией стало делом нескольких дней. 31 марта могучая «Медина» ударами с воздуха была выведена из строя. На ее место заступила дивизия «Навуходоносор», но и в этом случае бомбардировочные удары американцев были безжалостными. 3-я дивизия достигла Хиндаяха. А в Кувейте начала разгружаться 4-я дивизия американской армии.

Цель: Багдад

1 апреля 2003 г., самолеты коалиции нанесли удар по двум автобусам с добровольцами, в том числе американскими гражданами, которые прибыли в Ирак, чтобы организовать «живой щит». Кроме того, на американском блок-посту в районе Наджафа военнослужащими коалиции был расстрелян микроавтобус с гражданскими пассажирами. По разным данным, погибли от 7 до 10 гражданских лиц. В этот же день американские военные сообщили о своих успехах в боях за город Хиндия, расположенный на 70 км южнее Багдада. Гибли иракские гвардейцы. У американцев один убитый и один раненый. Американские войска из со-

става антииракской коалиции во вторник замкнули кольцо окружения вокруг города Кербела, сообщила английское агентство Рейтер. Саддам Хусейн опроверг слухи об отправке своей семьи в Сирию. Иракский крестьянин Али Абид бен Мингаш, якобы сбивший из винтовки вертолет Apache, демонстративно получил 50 тысяч долларов в качестве приза.

Наступление на Багдад началось в среду, 1 апреля. На следующий день 3-я дивизия прорвала оборону защищающихся, а точнее сказать, к рассвету 2 апреля 2003 года 3-я пехотная дивизия США без существенных потерь смогла прорвать оборону противника. Находившиеся восточнее морские пехотинцы устремились к северу, а затем повернули на восток до шоссе № 7, где начали наступление на дивизию «Багдад». В ходе жестокого боя они форсировали реку Тигр в районе Кута — в 160 км к юго-востоку от Багдада. Как пишет генерал Уэсли Кларк, «задача состояла в том, чтобы прорвать оборону иракцев, уничтожив при этом столько сил противника, сколько будет необходимо для движения дальше в направлении Багдада, опираясь при этом на огонь авиации и артиллерии. Они должны были связать и обойти иракскую 10-ю бронетанковую дивизию, расположенную в районе Амара»¹⁸². При этом неутомимые поиски химического оружия ни к чему не привели на иракских складах боеприпасов.

Американцы заново перехватили инициативу к исходу дня 2 апреля. 3-я пехотная дивизия возобновила наступление, продвигаясь вперед под огнем иракской артиллерии. Стало ощущаться, что иракская оборона находится при последнем издыхании, в ней началась дезорганизация. Помощь с севера оказалась неэффективной. «Медина», даже получая подкрепления от «Хаммурапи» и «Навуходоносора», слабела с каждым днем. Американцы желали знать только одно: где находятся узлы управления противостоящих частей. Их не интересовала территория, они хотели знать, где находятся иракские генералы. Как только нащупывалось

местоположение очередного штаба, все силы артиллерии и авиации бросались на этот объект.

После этого следовал прорыв обороны. Наиболее важным в текущие дни был прорыв обороны в районе Кербелы, где в среду вечером был сбит американский самолет «Черный орел». Важнее был шестиполосый мост через Евфрат, взятый американцами: уже всего 30 км от Багдада. 3-я пехотная дивизия повернула на север. Вечером 3 апреля впереди показался багдадский аэропорт. Именно в этот день открылась дорога на иракскую столицу. Остатки иракских дивизий лихорадочно занимали позиции на самих подступах к Багдаду. Морские пехотинцы окружили дивизию «Багдад» в окрестностях города Кут. Страшные удары с воздуха поразили и дивизию «Аль-Нида», стоявшую на дороге в Багдад. В воздухе царили огромные Б-52. На земле к регулярным войскам присоединялись подрывные и разведгруппы.

В Наджафе иракцы укрылись в усыпальнице Али. К северу от Багдада иракские войска отступали к столице страны. После пятидневных боев иракские войска стали отходить от Мосула и Киркука. Но здесь паника была меньше, чем на юге. Здесь американским войскам еще предстояло показать себя.

Временный шок американцев стал проходить. Чувство эйфории стало возвращаться.

Эйфория возвращается

После первой недели боев штаб Объединенного центрального командования сообщил, что передовые отряды союзных сил вышли к южным пригородам Багдада, где вступили в бои с частями иракской гвардии. В Америке стали стихать споры о стратегии и количестве войск, направившихся к Багдаду. Возникла новая уверенность в победе в Месопотамии.

Иракское телевидение показало выступление Саддама Хусейна, старавшегося поднять боевой дух войск.

Но американские телеканалы показали нечто более внушительное: американские войска, рвущиеся к аэропорту Багдада. Иракская армия пыталась отбить аэропорт, но американцы послали значительное подкрепление. 2-я бригада 3-й пехотной дивизии, добив «Медину», прибыла к аэропорту. Уничтоженных иракских солдат стали считать с этих дней тысячами. Попадались добровольцы из Египта и Иордании. Морские пехотинцы крушили «Аль-Ниду» после долгого перехода через долину Евфрата до переправы через Тигр. И далее к Багдаду с юго-востока.

В столице Ирака были разрушены здания Багдадской международной ярмарки, профсоюза учителей, Центр материнства и детства. Одна из американских ракет взорвалась близ здания российской дипломатической миссии. Усилилась бомбардировка авиацией союзников южных пригородов иракской столицы. Американо-британские войска при широкой поддержке авиации и артиллерии вели весьма ожесточенные бои с частями иракской армии на южных окраинах Басры. Командование Британского королевского корпуса морской пехоты заявило, что не будет продвигаться дальше в глубь Ирака, пока не установит контроль союзных сил над Басрой. На севере Ирака интенсивным бомбардировкам подверглись нефтеносные города Мосул и Киркук. На западе диверсионные группы спецназа США взрывали трубопровод, по которому осуществлялись поставки нефти из Ирака в Сирию, и участок железной дороги, связывавшей Багдад с Дамаском. В Ирак через территорию Сирии продолжали прибывать тысячи добровольцев из арабских стран. Более половины из них готовы были стать смертниками. Но правительства Иордании, Турции, Ирана официально запретили своим гражданам отправляться в Ирак для борьбы с войсками западной коалиции. После двух недель боев войскам коалиции так и не удалось полностью взять под свой контроль Умм-Каср. Несмотря на то что порт Умм-Каср уже используется союзными вой-

сками, в самом городе, находящемся в 700 м от иракско-кувейтской границы, продолжалась интенсивная перестрелка. 6 апреля в результате авиаудара коалиционных сил был разрушен родильный дом в Багдаде, погибли 10 человек. В тяжелые бои вступила дивизия «Багдад» Республиканской гвардии Ирака. Жестокий бой произошел у города Кут. Иракское телевидение показало Саддама Хусейна, который провел срочное совещание с руководством страны. Британские войска предприняли попытку войти в Басру с западной и юго-западной стороны, но были отброшены. Передовые отряды американских войск вышли на позиции в 45 километрах от Багдада. По оценкам командования коалиции, в ходе авиаударов и обстрелов западным войскам удалось вдвое снизить боеспособность дивизии «Медина», прикрывавшей Багдад с юга. Командование американскими войсками в Ираке сообщило о спасении из плена 19-летней Джессики Линч, которая исчезла 23 марта при нападении на техническое подразделение. Двое американцев тогда были убиты, пятерых захватили в плен и показали по иракскому ТВ, а еще 12 человек считались пропавшими без вести.

Примерно 6 апреля 2003 года Саддам Хусейн, менявший местоположение каждые три часа, все же пришел к выводу, что война проиграна. Впервые он говорит в этом духе на собрании высших офицеров в центре Багдада. Тарик Азиз вспоминает, что «Саддам уже был человеком с сокрушенной волей»¹⁸³. Группа коммандос «Дельта» шла по его следам. 7 апреля бомбардировщик Б-1 сбросил на место, где предположительно находился Саддам, 4 бомбы, каждая весом более 900 кг.

Финансирование операций и джихад

Начался полномасштабный штурм аэропорта Багдада. По словам американских военных, с иракской стороны не оказывается никакого сопротивления. Од-

нако иракцы говорят о сильном сопротивлении врагу. 7 апреля Саддам Хусейн снова собрал своих соратников. Он признал, что «армейские дивизии больше не способны защитить Багдад, и я намерен встретиться с руководством партии БААС, чтобы мобилизовать партийные ресурсы»¹⁸⁴. Деления Багдада на четыре зоны так и не произошло.

Ночью Багдад подвергался интенсивным ракетно-бомбовым ударам. Пострадал комплекс зданий иракского государственного телевидения. Командование союзников заявляет, что завершено окружение Кербелы. Подразделения американских сухопутных войск обошли город с запада по берегу озера Бахр-Эль-Мильх и продвигаются в направлении города Эль-Искандерия. Морские пехотинцы и десантники ведут упорные бои с защитниками Эн-Наджафа. Продолжаются также бои в районе городов Хилла и Эль-Дивания. Американское командование сообщает, что подразделения морской пехоты захватили мост через реку Тигр в районе города Эль-Кут. Части британской морской пехоты ведут непрерывный обстрел пригородов Басры.

Саддам Хусейн обсуждал захват американцами аэропорта и решил объединить федаинов и республиканскую гвардию для яростной защиты центра Багдада. Столица снова была поделена на четыре сектора, во главе каждого иракский президент поставил члена партии БААС и велел сражаться до последней капли крови.

Официальный представитель Пентагона сообщил, что сбит американский военно-транспортный вертолет «Блэкхок» УН-60А. Из 11 человек, находившихся на его борту, семеро погибли. Центральное командование ВС США распространило заявление, подтверждающее гибель в южной части Ирака истребителя F/A-18 «Хорнет» с авианосца «Китти Хок». Представитель ВС Великобритании сообщил, что британские войска использовали кассетные бомбы в окрестностях Басры. По

данным независимых источников, за две недели боев урон антииракской коалиции составил 270 человек убитыми и 400 ранеными. Союзники потеряли до 110 единиц бронетехники, пять самолетов, 15 вертолетов и шесть беспилотных летательных аппаратов, одну пусковую установку и одну РЛС зенитно-ракетного комплекса «Пэтриот». Потери иракцев: до 1500 убитых, более 4000 раненых, до 150 единиц бронетехники.

3-я пехотная дивизия США уже полностью овладела международным аэропортом Багдада и установила над ним контроль. По данным из арабских источников, наступление союзников остановлено у населенного пункта Искандерия, в 50 км от Багдада. По столице Ирака наносятся мощные ракетно-бомбовые удары, выведена из строя система энергоснабжения. На юге Ирака гарнизоны Басры, Эн-Насирии и Эн-Наджафа продолжают оказывать упорное сопротивление американо-британским войскам. В Басре британская морская пехота захватила текстильную фабрику на южной окраине города. В Эн-Наджафе десантники 101-й воздушно-штурмовой дивизии ведут позиционные уличные бои. Командование союзников не решается на его штурм, опасаясь многочисленных потерь. На севере Ирака авиация союзников бомбит позиции иракских войск у городов Мосул и Киркук. В Курдистане американцы активно используют следующую тактику: вслед за ковравыми бомбардировками вперед медленно продвигаются отряды курдов, а за ними — спецназ армии США. Ожесточенные бои идут в районе населенного пункта Калак за контроль над стратегически важным шоссе на Мосул. Американо-британское командование продолжает переброску на север Ирака подкреплений — подразделений 10-й легкой пехотной дивизии. Союзники несут тяжелые потери. В Ирак доставляются дополнительные медицинские подразделения. Чехия направляет в Кувейт полевой госпиталь. В его составе 300 военнослужащих, способных оказать медицинскую помощь 200 раненым в сутки.

Террорист-самоубийца взорвал начиненный взрывчаткой автомобиль у блокпоста на востоке Ирака. Погибли трое солдат коалиционных сил. 5 апреля поступило сообщение, что вызывающий ужас «белый порошок» оказался обычной взрывчаткой. Американские военные объявили, что при штурме багдадского аэропорта погибли трое военнослужащих из состава войск коалиции. В то же время потери иракцев оцениваются в 300 человек убитыми. По утверждению иракской стороны, союзники потеряли пять танков и вертолет, экипажи которых или убиты, или взяты в плен.

Как уже говорилось, 6 апреля 2003 г. международный аэропорт в Багдаде перешел под контроль коалиционных сил. Американские военные власти сообщили о значительных потерях иракской армии: 320 военнослужащих убиты, уничтожены более 30 зенитных орудий, три бронетранспортера и 23 грузовика. ВВС сообщила, что иракские войска перешли в контрнаступление в районе аэропорта. Доналд Рамсфелд заявил, что американская армия Багдад штурмовать не собирается, она сожмет вокруг него кольцо. В столице Ирака прогремело более 20 мощных взрывов — действия американской авиации.

Полковник Дэйв Перкинс испросил разрешения командира 3-й дивизии генерала Блаунта *заранее уничтожить психологию осады*. Колонна в составе 40 танков и БМП «Брэдли» двинулась в направлении Багдада по дороге Хилла, что застало иракцев врасплох. Они не сумели создать оборонительные позиции. Группа проникла в глубь города, произвела рекогносцировку, дезорганизовала противника и создала, как минимум, впечатление успеха, столь нужного в сложной психологической атмосфере войны. Теперь войска США с каждым днем все более плотно сжимали кольцо вокруг Багдада.

Сухопутные войска США при поддержке с воздуха начали штурм города Кербелы. Американское коман-

дование сообщило, что передовые части морской пехоты навязали элитным подразделениям иракской армии бой в южных пригородах Багдада. Танковые батальоны 3-й механизированной дивизии вышли к международному аэропорту иракской столицы и установили над ним частичный контроль. Министр информации Ирака Мохаммед Саид Аль-Саххааф опроверг сообщение о появлении войск антииракской коалиции в Багдаде. Саддам Хусейн обратился к иракской армии и мирным жителям с призывом оказывать агрессорам более активное сопротивление.

Между тем начиналось необратимое: американские войска двумя группами с разных сторон вошли в Багдад и углубились на несколько километров в сторону центра. Около 600 арабских добровольцев, приехавших защищать Ирак, отчаянно сражались и погибли в районе города Эль-Кут к юго-востоку от Багдада. Американо-британская авиация в течение 15 часов непрерывно бомбила их лагерь. По словам министра информации Ирака Саида Саххаафа, речь шла о сотнях убитых и раненых военнослужащих. Однако представители Центрального командования союзных войск заявление Саххаафа опровергли. Вертолет «Суперкобра», принадлежавший военно-морской пехоте США, разбился в центральной части Ирака, погребя под собой двух пилотов.

Несмотря на заявление американского командования о предстоящей осаде Багдада, подразделения союзников действовали более прямолинейно — начали продвижение к центру Багдада. Наступающие попали под огонь из гранатометов и стрелкового оружия лучших иракских сил. Американские войска начали штурм города Кербела, расположенного в 112 километрах к юго-западу от Багдада. Характерно, что США начали планировать формирование послевоенной иракской администрации уже на следующей после начала войны неделе. В Ирак поступает первая партия продовольс-

гвенной помощи. В представительстве ООН, расположенном в городе Дохук, выгружено около 1000 тонн пшеницы.

Подразделения 1-й бригады 3-й механизированной дивизии США продолжали продвигаться из района Абу-Грэйб в обход Багдада, стремясь выйти к его южным окраинам и овладеть стратегически важным мостом через Тигр. Завершилась переброска в Кувейт украинского батальона радиационной, химической и бактериологической защиты. Части иракской армии стали готовиться к обороне Багдада. Бронетехника и артиллерия заняли оборонительные позиции, готовясь отражать наступление сил коалиции на центр города. Пентагон официально объявил о начале операции по захвату Багдада. Российские дипломаты во главе с послом покинули Багдад. При выезде из столицы Ирака под обстрел попала автоколонна с российскими дипломатами. Среди людей, следовавших в автоколонне, были раненые. В российский МИД были срочно вызваны послы США и Ирака. Официальных объяснений с американской стороны не поступило, однако Колин Пауэлл в телефонном звонке Игорю Иванову лично выразил сожаление по поводу случившегося.

На этом этапе, 5—6 апреля Пентагон официально объявил о начале операции по захвату Багдада. С иракской стороны велась интенсивная подготовка к обороне Багдада. Подразделения 3-й мотопехотной дивизии ВС США предприняли активную передислокацию под Багдадом, образуя сплошное полукольцо, охватывающее город с южной стороны. Отряды курдской оппозиции продвинулись с севера в направлениях Мосула и Киркука. На севере Ирака американский самолет нанес удар по колонне курдов, в составе которой были две машины со спецназовцами армии США. Корреспондент ВВС, переживший этот налет (хотя и получивший ранения) сообщил, что насчитал как минимум десять тел мертвых американских солдат, а также мно-

жество раненых. Англичане сообщили, что британские танки достигли центра Басры. Британские корреспонденты подчеркивали упорное сопротивление иракцев.

7 апреля 2003 года американцы совершили еще одну вылазку в Багдад — 70 танков и 60 бронемашин. Им удалось занять Республиканский дворец, официальную резиденцию правительства Ирака. За Саддамом следили. Иракская армия предприняла отчаянные усилия по возврату комплекса правительственных зданий. 8 апреля иракцами как бы овладело отчаяние, они предприняли несколько отчаянных контратак с целью вернуть себе комплекс правительственных зданий на западном берегу реки Тигр. Ударные силы были посажены на 50 грузовиках, автобусах и бронемашинах. Но американцы вначале нанесли по хорошо видимым целям удар с воздуха, а затем открыли плотный артиллерийский огонь. И все же большей части иракцев удалось преправиться через мосты и вступить в ближний бой с второй бригадой 3-й пехотной дивизии США. Но здесь навстречу нападающим вышли американские танки и БМП «Брэдли», поражая своим огнем иракские грузовики. Три автомобиля террориста-смертника были остановлены американским огнем.

Багдад взят

Президент Ирака Саддам Хусейн поделил Багдад, как уже говорилось, на 4, а потом 5 секторов обороны, готовясь, судя по всему к долгой осаде. Но части коалиции сумели выдвинуться в центр столицы, практически не встретив серьезного сопротивления. Атакующие ворвались в главный президентский дворец Саддама Хусейна. Представитель армии США уведомил о захвате еще одного дворца Хусейна. В то же время, по данным агентства Рейтер, многие мосты через Тигр в центре Багдада оставались под контролем иракских войск. Военно-морские пехотинцы США вошли в Багдад с

юго-востока. Заместитель командира 1-й экспедиционной дивизии морской пехоты генерал Джон Келли заявил, что его части пересекли реку Диялу с восточной стороны иракской столицы.

Британские военные обнаружили в Басре тело двоюродного брата иракского президента Али Хасана аль-Маджида по прозвищу «Химический Али». Он занимал должность командующего южным иракским фронтом. На этой стадии США перебрасывают вооруженных иракских оппозиционеров в Ирак для участия в боевых действиях — отправлены 700 бойцов. 7 апреля, союзники объявили о взятии Кербелы — города, находящегося в 70 километрах к югу от Багдада. В багдадском аэропорту приземлился первый американский военно-транспортный самолет. Американские войска снова начали наступление на центральную часть Багдада. По сообщению англичан, американские танки въехали на территорию президентского дворца Хусейна в Багдаде. Американские подразделения заняли «ключевые здания» города, в том числе министерство информации.

Танки «Абрамс» блокировали центральный мост Багдада, взяв под контроль главную улицу иракской столицы. С запада, при поддержке авиации и боевых вертолетов, наступали части 3-й механизированной дивизии США. Прекратилась трансляция передач иракского телевидения. Американские военнослужащие продолжали исследовать химические вещества, обнаруженные в районе города Эль-Хиндия в 90 км к югу от Багдада, но пока не могли сказать, пригодны ли они для создания ОМП. Представитель британской армии полковник Крис Вернон заявил, что *войну можно считать выигранной*. Но иракский министр информации Мохаммед Саид Саххаф отверг возможность капитуляции, предложенной Саддаму Хусейну правительствами нескольких стран.

Взятие Багдада американской армией заняло семь дней, на протяжении которых над городом висела аме-

риканская авиация. Действия американцев обычно заставляли иракцев врасплох. Последние очаги иракского сопротивления были подавлены 9 апреля 2003 года.

Обе палаты Конгресса США поддерживали план Белого дома, предусматривающий дополнительное финансирование операции в Ираке в размере около 75 миллионов долларов. Министр информации Ирака зачитал в эфире национального телевидения обращение Саддама Хусейна, объявившего джихад Соединенным Штатам. В четверг, 10 апреля, вслед за сообщением о разгроме иракской элитной дивизии «Багдад» Пентагон объявил об уничтожении дивизии «Медина» — одного из самых боеспособных подразделений Республиканской гвардии Ирака, защищающей Багдад с юго-запада. В районе Кербелы сбит американский штурмовик F/A-18 Hornet, приписанный к авианосцу «Китти Хок». Позже источники в Вашингтоне сообщили, что самолет был сбит союзниками из зенитного комплекса Patriot. Кроме того, Пентагон подтвердил потерю вертолета Black Hawk, сбитого в ночь на четверг в районе Кербелы. Семеро из одиннадцати человек, находившихся на борту, погибли. По данным американских военных, вертолет подбили из стрелкового оружия. Британские военные подтвердили, что в ходе боев в пригородах Басры использовались кассетные бомбы, сообщает ВВС. Чуть позже это сообщение опроверг полковник вооруженных сил Великобритании Крис Вернон. В результате интенсивной бомбардировки, которой авиация антииракской коалиции подвергла некоторые районы Басры, подожжены девять нефтяных скважин. Союзники в 10 километрах от иракской столицы.

Одновременно поступали сообщения о тяжелых боях у населенных пунктов, расположенных в 70—100 километрах южнее Багдада и в Басре. Исламское центральное духовное управление мусульман святой Руси объявило джихад США.

11 апреля иракская армия покинула Мосул, не устояв перед американской авиацией. А 1-я дивизия морской пехоты США двинулась из Багдада на север — в Тикрит, на родину Саддама, где ожидалось особенно серьезное сопротивление. Шел 27-й день войны.

Авантюризм и удача Фрэнкса заключались, в частности, в том, что он начал бой за Багдад не дожидаясь, собственно, создания северного фронта. Возможно утерянная удача иракской армии заключалась в том, чтобы резко перебросить войска с севера на юг. Американцы говорят о некомпетентности иракского руководства¹⁸⁵. Он же признает, что «на Ближнем Востоке, где мы более всего нуждались в завоевании сердец и умов, информационная война не смогла поколебать сердца и умов, не смогла поколебать антиамериканские настроения и, по сути, еще более обострила враждебные чувства»¹⁸⁶.

Конгресс США одобрил выделение дополнительных 80 миллионов долларов на нужды военной кампании в Ираке. Американские военные обнаружили подземный туннель, ведущий из аэропорта Багдада к берегу Тигра. Более двух с половиной тысяч солдат Республиканской гвардии сдались в плен коалиционным силам. Представители коалиции сообщили об обнаружении на одном из заводов в южном пригороде Багдада тысячи ампул с белым порошком и инструкций на арабском языке на случай химической атаки. (Впоследствии это и подобные сообщения как бы «затерялись» в общей массе сообщений.)

Американские транспортные самолеты начали доставлять в один из южных районов Ирака бойцов иракской оппозиции во главе с Ахмедом Чалаби, которого, по некоторым данным, в Белом доме прочили в номинальные лидеры постсаддамовского Ирака. Тем временем британские военно-морские пехотинцы пытались установить контроль над Басрой. Их продвижение замедлилось из-за ожесточенного сопротивления иракского гарнизона в старой части города. На юге

Ирака боевые действия также продолжались в районе городов Эн-Насирия и Эн-Наджаф. На западе — у населенных пунктов Абу-Мансур и Эль-Фаллуджа. На севере страны наиболее интенсивным ракетно-бомбовым ударам подверглись города Мосул, Киркук, Келек и Дахук. Отряды курдов при поддержке подразделений американских сухопутных войск продвинулись к Мосулу.

В результате взрыва на верхнем этаже багдадской гостиницы «Палестина» были убиты два журналиста — погиб корреспондент телеканала «Аль-Джазира». По словам очевидцев, высотное здание отеля было поражено снарядом американского танка. Официальный представитель штаба Центрального командования в Катаре заявил, что в ближайшие планы американской группировки, штурмующей Багдад, входит наращивание военного присутствия внутри города. Американцы не встретили в столице организованного сопротивления иракцев. Средства ПВО Ирака сбили около аэропорта Багдада американский штурмовик А-10. Командование США сообщило о потере истребителя-бомбардировщика Ф-15, пораженного зенитной ракетой близ города Тикрит.

Глава 11

ТРИУМФ: РЕЗУЛЬТАТЫ

Последнее «ура»

2 апреля 2003 г. Рамсфелд докладывал Совету национальной безопасности: «У нас в Ираке 116 тысяч человек, а на всем театре военных действий — 310 тысяч». Авангард Третьей дивизии находился в 15 км от Багдада. Более половины крылатых ракет пали в этот день на три дивизии Республиканской армии — основу лояльных Саддаму войск.

А специалисты уже тогда говорили, что этого контингента недостаточно, что зря Пентагон отказался от более весомых воинских группировок. Но еще более страшной ошибкой было легкомысленное отношение к программе поведения Соединенных Штатов *после победы*. Никто не задумался заранее над проблемой массового разграбления имущества прежнего режима. Американские солдаты не имели ни малейшего представления, что им следует делать, когда они встретят массовое разграбление. Американцы оказались невеждами и в теории, и на практике. Чего стоит одно лишь решение распустить разбитую армию Хусейна! Неспособность предвидеть мертвящий крах государства обошлась победителям более чем дорого.

Фрэнкс 9 апреля 2003 года докладывал о 30 тыс. убитых иракцев — в этот день американские войска вышли на берег Тигра, военно-морская пехота ворвалась в центр Багдада и шестиметровая статуя Саддама рухнула наземь.

Быстрая победа в долине Тигра и Евфрата, несомненно, воодушевила американцев. Она изменила психический ландшафт в Соединенных Штатах. Да, еще задолго до начала войны были массовые протесты. Но с момента вторжения страна довольно быстро «собралась вокруг флага», и необходимое национальное единство было достигнуто под руководством верховного главнокомандующего. Американцы, безусловно, были поражены «шоком и ужасом» бомбардировок Багдада, пришедших при помощи телевидения буквально в каждый американский дом. Эффект бомбардировок при гаснущей луне был невероятен. Три недели Америка жила в постоянном ажиотаже.

Иракские потери были очевидны. И только около ста американцев погибли в этой первой битве. Опросы общественного мнения говорили об энтузиазме большинства. Победу ведущие называли только «благородной». Лишь малое меньшинство испытывало неловкость при виде того, как сильнейшая армия мира доби-

валамалую и слабую страну, даже ненайдя убедительной причины для вторжения в ее пределы.

Но чем действительно были, если можно так сказать, смущены американцы, так это военным ответом иракской армии, которая все же три недели сражалась. Военно-политическое руководство Ирака активно использовало пропагандистские ресурсы страны для оказания противодействия ведущейся против Ирака психологической войне. Сильной стороной Ирака в этом вопросе являлся тотальный контроль государства и спецслужб за информацией, ее источниками и каналами получения внутри страны. Иракская пропаганда преследовала две цели: 1) максимально затруднить информационно-психологическое воздействие противника на собственное население и вооруженные силы путем осуществления контрпропагандистской работы. 2) оказать давление на население и военно-политическое руководство арабских стран региона, чтобы убедить их не оказывать поддержки США и их союзникам.

Во второй половине апреля война стала терять динамизм, поражение Ирака стало очевидным. Сократилась численность журналистов. А главной темой оставшихся репортеров были нехватки: недостача воды, электричества, телефонной связи, задержки с подачей продовольствия, исчезновение — главное — безопасного пребывания в столице и городе. Грабеж охватил город. Грабили все — общественные учреждения и частные квартиры. Особенно заметно было практическое исчезновение знаменитого Иракского музея и ряда других общенациональных учреждений.

Владеть захваченной страной

Что американцы занесли себе в актив? Обобщая опыт обеих войн: они убили многих руководителей «Аль-Каиды», разгромили Талибан, засадили (позднее) в камеру Саддама Хусейна, запустили конституци-

онный и электоральный процесс. Саудовская Аравия словно бы отбилась от «Аль-Каиды». Мощные анти-террористические центры были созданы в США. И с тех пор противник не нападает на Америку.

Раздраженный Буш пожаловался верному союзнику, австралийскому премьеру Ховарду: «Каждый раз, когда я напоминаю о жестокости режима Саддама, адвокаты-законники говорят, что так не следует говорить — идет война. Мне позволяют говорить только о деятельности, *похожей на террористическую*. Эти адвокаты-законники ужасны». Генерал Уэсли Кларк даже на фоне явного триумфа говорил о «фундаментальных стратегических ошибках. Структура войск была ошибочной». Но самым неадекватным было планирование процесса, связанного с послевоенным урегулированием. Таким образом, мы имеем пример победы над вооруженными силами противника, *но не выигрши войны в целом*...Администрация Буша не только не поняла сути современной войны, но и допустила большие политические ошибки»¹⁸⁷.

В компании ближайших друзей Кеннет Аделман задал нехороший вопрос: «Я поражен тем, что мы не нашли оружия массового поражения». Вулфовиц: «Мы найдем его». Чейни: «Мы обязательно найдем его». Друзья вспоминали яркие места из речей своих противников. Джим Бейкер настаивал на гораздо более широкой коалиции союзников. Лоуренс Иглбергер по телевидению сказал, что «война может быть оправданной только в том случае, что существует доказательство того, что Саддам сам готовится к атаке на Соединенные Штаты. Имя Пауэлла уже само по себе вызывало смех. Чейни: «Колин всегда имел важную оговорку по поводу нашего курса».

28 апреля 2003 г. извлеченный из пенсионной неизвестности генерал-лейтенант Джей Гарнер стоял пред 350 избранными американцами иракцами в багдадском Центре Конвентов. Один из прибывших ирак-

ских иммигрантов — Канан Макийя говорил о необходимости либеральной конституции. Кто-то из окружающих спросил Гарнера: «Кто ответственен за нашу политику?» Гарнер, ни минуты не сдерживаясь, ответил: «Вы отвечаете за это». В зале воцарилась тишина, кто-то ахнул, и сведущим стало ясно, что *никто не отвечает* за важнейшее дело. Что у американцев *нет* идей, каким курсом идти, что делать дальше. «Эффективное руководство в любом кризисе требует баланса умеренности и надежды. Эта администрация — в своих худших проявлениях — мечется между излишней секретностью и неожиданными прямолинейными предупреждениями о «неизбежности террористических атак с применением оружия массового поражения на нашей земле, предупреждения, которые часто имеют вид отвлекающих маневров, отвлекающих от коряющейся администрацию критики в адрес официальных мер по предотвращению терроризма»¹⁸⁸.

Триумф

1 мая 2003 г. президент Буш надел форму авиации Национальной гвардии Техаса и приземлился на борту американского авианосца «Абрахам Линкольн», стоявшего у входа в бухту Сан-Диего. Авианосец вывели из гавани, чтобы Буш появился из небес, а не прозаически прошел по установленной с берега лестнице. Нет сомнения, что многие американцы были тронуты этим церемониалом, в котором Джордж Буш выглядел военным героем. Президент объявил: «Главные боевые операции в Ираке закончены. Война против террора не будет бесконечной. Мы видим поворотный пункт». «Миссия окончена», победа достигнута и американских солдат ждет возвращение.

Администрация Буша говорила о двенадцати месяцах, необходимых для построения нового Ирака. Но уже примерно через четыре месяца, осенью 2003 г. по-

верхностное долгосрочное планирование Пентагона на *следующий*, послепобедный период и «оккупация Ирака очевидным образом вызвала подъем ужасающе эффективной партизанской войны, направленной против американцев»¹⁸⁹. К концу мая в Ираке находились уже 17 бригад сухопутных войск. К ранее дислоцированным добавились 1-я бронетанковая дивизия, 4-я пехотная дивизия, 3-й разведывательный полк, а также бригада из состава 1-й пехотной дивизии.

Смертельные враги Саддама позабыли даже назвать — не то что определить и проанализировать — проблемы установления нового режима в Ираке. Между тем иракцы ожидали, что эти воинственные американцы подключат электричество, дадут воду, отремонтируют дома и прогонят с улиц воров.

Дипломатия, сопровождавшая вторжение Вашингтона в Месопотамию, была поверхностной и излишне самоуверенной. Ее курс измарал всякую легитимность начала войны и, соответственно, ограничил степень международной поддержки вторжения. Но даже западный мир, его безусловное большинство осуждали «односторонность» Вашингтона, называя *rogue state* не Ирак, а Соединенные Штаты. Увы, для тех из американцев, которые были в Ираке и наблюдали эволюцию этой страны, было ясно, что Соединенные Штаты вмешались далеко не в краткосрочную операцию.

Вашингтон, как уже говорилось, создал Организацию реконструкции и гуманитарной помощи (ORHA), которую возглавил генерал Джей Гарнер, перемещавшийся между Пентагоном и Кувейтом в течение нескольких месяцев. Эта деятельность не принесла весомых результатов и 1 июня 2003 г. Гарнер был снят и исчезла ORHA. Гарнеру вручили неизбежную награду, но никто из стоявших в Белом доме рядом с ним и президентом Бушем — Чейни, Рамсфелд, Райс — даже не удосужились спросить «как там», что препятствует воцарению желательного для американцев порядка. А

президент пошутил в присущей ему манере: «Следующий — Иран?». «Нет» сказал Гарнер. «Ребята больше говорят о Кубе». После таких сцен нетрудно поверить, что Чейни — злой гений этой администрации. Ведь именно ему пришло в голову, что после 11 сентября Саддам стал опаснее всех. Народ Ирака заслуживал лучшего анализа.

Американцы убедились в том, что «прогресс» в Ираке будет сложным. ОРНА вначале была рассчитана на то, что для решения своих проблем им понадобится несколько недель и ОРНА предполагала создать Внутреннюю иракскую власть как основу будущей государственной власти. ОРНА начала — по всей видимости — весьма удачное госстроительство. Англичане послали своим представителем в Ирак бывшего посла в Египте Джона Сойерса, но уже в сентябре направили на его место сэра Джереми Гринстока (бывшего представителя Лондона в ООН). В Ирак отправились 60 британских добровольцев. Лондон восстановил в Багдаде свое посольство.

Англичанин Сойерс в интервью газете «Таймс» напомнил, что в первый год после смерти Франко в Испании функционировали 200 политических партий и понадобилось 18 месяцев, чтобы их численность сократилась до нескольких. (То же самое произошло и в Боснии.)

Важные предпосылки войны против Ирака оказались ложными. Ведомая Америкой коалиция *не была готова* к массовому послевоенному вызову оккупации, реконструкции, борьбе с инсургентами, с политической трансформацией Ирака. События в Ираке *интенсифицировали* радикальную воинственность мусульман во всем исламском мире. Даже содержание военнопленных оказалось тяжелой задачей для США. Возбужденные американцы заменили в качестве проконсула в Месопотамии Гарнера Полом Бремером. Но тот (как оказалось позднее) знал об Ираке еще меньше.

В течение нескольких дней стало ясно, что американская армия и ее союзники «приготовлены к войне, но не к миру». Военские части на протяжении нескольких месяцев не могли даже восстановить электрического освещения в одном лишь Багдаде, не могли восстановить цивилизованной жизни хотя бы на уровне режима Саддама Хусейна, не могли обеспечить работой огромную массу иракцев, вернуть к труду демобилизованную иракскую армию.

Вторжение американских и союзных с ними войск в долину Тигра и Евфрата многое изменило на Ближнем Востоке. *Во-первых*, изменился Ирак и изменилось соотношение сил на Ближнем Востоке.

Во-вторых, Ирак разделил арабский мир: арабская умма изменилась после американского вторжения. Возросла критика проамериканских режимов и понизилось доверие к этим правительствам.

В-третьих, обнаружилось отсутствие масштабного видения у американского правительства. Возросло единство арабской уммы. Потеряли свою реалистичность американские планы (демократизация и т.п.).

В-четвертых, возросла политическая нестабильность в арабских странах, что сказывается на положении Соединенных Штатов в регионе. Нападения на американские войска стали нормой для окружающих Ирак стран.

В-пятых, Ирак объединил официальный ответ арабского мира. Основные арабские столицы находились в недоумении — они не знали, как реагировать на американскую битву в Ираке. Высокую цену платят как те, кто поддерживает США, так и те, кто им противостоит. Официально преобладает поддержка Америки; неофициально растет недовольство. Многие страны полагают, что крушение Ирака ставит их «следующими» в очереди американских жертв.

В-шестых, Ирак расколол американское общество. Этот раскол имел место еще до начала войны, но он стал гораздо более видимым после вторжения. Многие общенациональные опросы, проведенные в США, делают очевидным, что сомнения в рациональности войны вызывают массовое недовольство. Население спрашивает о судьбе обещанного оружия массового поражения, которое Ирак должен был использовать в течение нескольких часов после начала войны.

В-седьмых, Перед американским народом встал вопрос о мнимых связях официального Багдада с «Аль-Каидой». В результате возросло мнение, что война не сделала положение Америки более надежным и безопасным. (Хотя неоконсерваторы продолжают отстаивать противоположную точку зрения).

Ирак и мир

Но не менее важно отметить, что погруженный в огонь Ирак *меняет* весь мир. Роль ООН пала самым очевидным образом. Такие страны, как Франция и Германия, заняли позицию, противоположную американской. Противоречия довольно быстро вышли за пределы Ирака. Усилился антиевропейский элемент в американском видении Европы. Такие американские идеологи, как Пол Кеннеди (2003) и Роберт Каган (2003), утверждают, что Европа неспособна противостоять Америке, если даже нефть региона будет жизненно нужна европейской индустрии.

Ирак интенсифицировал проблему терроризма. Односторонние действия Соединенных Штатов обострили проблему гуманитарных несчастий. Изменилась сама концепция военной мощи. Война в Ираке изменила все основные представления о параметрах мощи. Эта мощь не замиряет послевоенный Ирак и не примиряет его основные общины — шиитов (67 процентов населения) суннитов и курдов. Высокотехнологичное

оружие не может соревноваться с довольно примитивной ракетой, стоимостью в 5 тыс. дол., которая сбивает самолет стоимостью 50 млн. дол.

В такой ситуации возможны все сценарии. Основные «игроки» на сцене не знают, что им делать. Складывается практический союз Европы, ООН и арабского мира против американского высокомерия, столь жестоко проявившего себя в Ираке.

Американская администрация объясняла ситуацию в послевоенном Ираке как проблему, связанную с неоправдавшимися ожиданиями, «некоторой недооценкой сложностей» и с тем, что устранение Саддама снимет угрозу со стороны партии БААС. Белый дом также полагал, что значительное количество иракских военных и полицейских сплотятся вокруг американцев, и, наконец, верил в то, что иракские чиновники останутся на своих местах и продолжат работу⁹⁰.

Новый Ирак

Улучшения, на которые рассчитывали американцы, осуществлялись на удивление медленно. На курдском севере, практически не тронутом боевыми действиями (Саддам не осуществлял над этим регионом контроль) жизнь продолжалась без особых перемен. Но у курдов были свои проблемы. Они предъявили претензии на нефтеносный район города Киркука, чему воспротивились не только арабы, но и тюркское население района. Но недовольна была и курдская администрация, чьи доходы от нефти резко сократились — сократился крайне прибыльный доход от нелегальной торговли нефтью с Турцией.

На юге — в контролируемой англичанами зоне Басры вначале дело казалось приходящим в норму: подача электричества, воды, возобновление крекинга нефти и частичное восстановление порта Умм-Каср. Авиакомпания «Катар Эйрвэйз» начала полеты (дваж-

ды в неделю) в приходящую в себя Басру. В отличие от американцев, англичане использовали свой колоссальный колониальный опыт, и хотя несколько представителей Королевской военной полиции близ Амары были убиты, в целом это было нетипично для более мирных отношений англичан и иракцев на юге страны.

Но в центре страны американцы столкнулись с проблемами, которые они оказались не в состоянии решить. В Багдаде подача электричества и запасов воды теперь уже не превышала 50—70 процентов довоенного уровня. Открылась лишь половина прежней численности школ.

Но все портила американцам *проблема безопасности* — особенно в глубине суннитского треугольника, в западной части страны, в Багдаде, где саддамовские лоялисты ожесточенно сражались. Здесь ослабление американского диктата было неизбежно.

Трудно определить, какое влияние оказал на общеполитический процесс запрет на деятельность партии Арабского социалистического возрождения — БААС. Но отметим, что именно секулярные кемалисты привели Турцию в лагерь Запада — только после того как из страны после 1918 года бежал имам. Американцы же поступили наоборот. Они сокрушили антифундаменталистов, и в итоге получили *исламскую* республику Ирак, в которой две трети шиитов, полагаясь на симпатию и помощь шиитской исламской республики Иран, выступили против одной трети населения страны — суннитов (из которых прежде происходил Саддам Хусейн).

Вероятно, крупной ошибкой Вашингтона был полный роспуск иракской армии. Эти люди умели воевать и вскоре получили мотив: жизнь в послесаддамовском Ираке быстро опустилась до точки невыносимости. Выброшенные на мертвый рынок 400 тысяч вчерашних солдат и офицеров, лишившихся довольствия и зарплат, стали готовой силой сопротивления. Американ-

цы первоначально наметили начало создания новой армии на конец июня 2003 года, но значительное время Ирак был просто питательной средой цивилизационного и патриотического сопротивлений на фоне отчаянных попыток американцев сколотить послушное правительство из неизвестных иракскому народу деятелей, единственным достоинством многих из них было знание английского языка и видимость лояльности американцам.

В июле 2003 г. американцы решили создать новый орган — Политический Совет, некоего предшественника нового иракского правительства, который назначил членов Совета Временных министров. Его задачей было решать проблемы ежедневного управления страной, а также ревизовать школьное образование, создать новую судебную систему. Предпарламент — Совет из 200 членов обязали создать проект новой конституции, которой предстояло пройти национальный референдум. Но все это было легко лишь на бумаге. Непреодолимое началось с вопроса о степени федерализма, на котором настаивали столь удобные до сих пор американцам северные курды.

Существенно отметить, что в Вашингтоне летом победного 2003 года довольно быстро образовалась партия республиканских политиков, крайне недовольных быстрым восстановлением иракского государства — какой бы вид это государство ни приняло. Заговорили о коварстве арабов, о том, что возрожденный Ирак не преминет напомнить о своем всемирном унижении. Укрепились позиции противников федерализма (федерации XX и XXI веков давали мало оснований для оптимизма), которые боялись, что основная масса иракцев с готовностью выступит против попыток курдов укрепить свою самостоятельность. Ирак, мол, уже выработал устойчивую национальную идентичность. Выход стали искать в разделе политического влияния между шиитами, суннитами и курдами.

Курдам это не нравилось; они желали жить и учить детей на своем языке. Американцам же все больше мнилось возрождение БААС, тайной основой которой будет мщение. Итак, осень 2003 года победоносная Америка встретила видя радикализацию шиитов, озлобление суннитов и недовольство курдов. Триумфом дипломатии это назвать было трудно.

А антиамериканские элементы в Ираке надеялись на то, что в 2004 году Америка будет занята президентскими выборами, что позволит БААС и прочим постепенно возродить свои организации. А население Ирака почти монолитно желало ухода оккупационных сил (кроме, понятное дело, коллаборационистов).

Желая привлечь на свою сторону молодежь, американцы осенью 2003 года открыли все 22 университета и 43 технических колледжа, равно как и большинство средних школ, 240 госпиталей и более 1200 клиник. В Ираке появились 170 газет, спутниковое телевидение, Интернет. Во многом это была лишь благопристойная поверхность: в госпиталях не было оборудования, а родители не отпускали своих детей, желая видеть их живыми. Террорист-самоубийца взорвал здание представительства ООН (убив представителя этой организации Де Мело).

Неудача примирения

При всем при том военное сопротивление оккупантам не ослабевало, а росло в течение лета 2003 года. Август был ужасным месяцем для тех американцев, кто полагал, что можно уже умыть руки, что наиболее тяжелое позади. В мечети имама Али в Наджафе развернулась битва. Здесь аятолла Мухаммад Бакр аль-Хаким и 82 его сторонника были убиты, а 175 — ранены. Сентябрь и октябрь 2003 года были еще хуже. Автомобили Сопротивления, начиненные взрывчаткой, взрывались у объектов войск американской коалиции

и везде, где иракцы соглашались сотрудничать с оккупантами. Одной из наиболее впечатляющих была ракетная атака 20 октября на Отель Рашид в Багдаде, где тогда находился заместитель министра обороны США Пол Вулфовиц. В ноябре бойцы Соппротивления сбили вертолет «Чинук», атаковали штаб-квартиру Красного креста; через неделю был сбит еще один вертолет. 16 ноября самолет-камикадзе взорвал с воздуха штаб проамериканской полиции в Насирии, в британском секторе (убив 27 человек, 18 из которых были итальянцами).

Возникли идеи возврата Саддама Хусейна как единственной альтернативы наступающему хаосу. Американская администрация стала пользоваться услугами бывших военных чинов Саддама Хусейна.

Буш и его окружение не смогли дать трезвую оценку своей растущей иракской проблемы и пытались ее решить за счет смены командного состава.

Во главе оккупационной администрации Ирака генерал Гарнер показался Вашингтону лишенным необходимой жесткости. Вместо ORHA была создана Коалиция временного руководства. Гарнер был заменен руководителем Временной коалиционной власти — Полом «Джерри» Бремером, который оказался еще менее знающим Ирак. Гарнер покинул Овальный кабинет, запомнив «порочную ухмылку» Чейни. В Целом у Гарнера сложилось впечатление, что именно Чейни был злым гением войны. По мнению генерала, слабым местом Буша было практически полное отсутствие любознательности даже в отношении наиболее значимых событий его президентства. Это и сделало немыслимо большим влияние Чейни. «Буш знал только то, что приносил в его офис Чейни». По всем описаниям очевидцев, «готовность Буша и его советников жить в искусственном мире, оторванном от смертельно-серьезных процессов, начатых ими самими; беззаботность Буша создала климат, в котором с большой охотой и эффективностью могли действовать Чейни и Рам-

сфелд, вдвоем перекрывшие дорогу к президенту»¹⁹¹. Чейни и Рамсфелд перекрыли влияние многих организаций — от госдепартамента до ООН. Это оказалось возможным в свете исключительной осведомленности и Чейни и Рамсфелда — результат многих десятилетий, проведенных вокруг различных президентов и в Вашингтоне вообще.

«Чейни и Рамсфелд не были готовы к принятию идеи, что в сентябрьской атаке *не было* руки Саддама Хусейна и что связи между секулярным правительством в Багдаде и фундаменталистами «Аль-Каиды» были призрачными. Резонно было бы предположить, что низвержение Саддама имеет очень отдаленное отношение к освобождению иракского народа... Для Чейни и Рамсфелда война решила проблему Саддама Хусейна, а не иракскую проблему, она давала безопасность, а не справедливость... Администрация Буша с гордостью заявила, что создание новой нации — это не дело американцев, пусть это делают другие»¹⁹².

Обескураженные американцы резко увеличили ассигнования на Ирак. Они создали 40-тысячную полицию и приступили к созданию союзной иракской армии, основу которой, так или иначе, составили офицеры предшествующего режима. В ноябре 2003 года был сформирован первый батальон новой, прозападной армии. Но это не спасло карьеру еще одного проконсула — американского посла Бремера; 12 ноября 2003 года он был отозван в Вашингтон за безвластие и неумение наладить контакты с местным населением.

Но положение было уже не поправить: громадное большинство иракцев жаждало ухода американской коалиции. И все песнопения о *демократии в Ираке* с каждым месяцем становились абсурдом. Все больше иракцев полагалось на насилие как на средство напирать терпение привыкшей к роскоши страны. А президент Буш полагался на Временный правящий совет, члены которого решали обыденные проблемы, но не

осмеливались (пока) проявить свою мусульманскую цивилизационную сущность.

Американцы к началу 2004 года обратились к «знакому» оружию: деньгам. Они напечатали новые ассигнации без портрета Саддама Хусейна. Американский конгресс ассигновал на уже якобы победную войну 67,5 млрд. дол. Доноры в Мадриде добавили к этой сумме. Буш думал о перевыборах. Но все окружающие всерьез размышляли о долгой зиме, в которую попала самая мощная армия мира, представляющая самую богатую и развитую мировую державу.

Глава 12

ШИИТЫ ВОЗОБЛАДАЛИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Новое могущество шиитов

Своими действиями американцы сокрушили традиционное превосходство суннитов в мире иракского ислама. Теперь шииты преобладают в Иране, Ираке, Бахрейне, имеют значительные меньшинства в Саудовской Аравии, Ливане. Король Иордании заговорил о «шиитском полумесяце» на арабском востоке. Немало говорится и о возможности *второй* иранской революции, которая окажет весомое воздействие на арабский мир. А ведь совсем недавно — в 1980—1988 годах Саддам Хусейн пытался «запечатать шиитов в отгороженном Иране». И США помогали Хусейну. Аравийский король Фахд называл Саддама Хусейна «своим братом».

А теперь Эр-Рияд опасается своих шиитов. Да и в Бахрейне шииты чувствуют себя на подъеме. В конечном счете, шиизм вырвался, и мы видим его подъем, осуществленный с помощью Соединенных Штатов. Еще более обиженными чувствуют себя ваххабиты,

своеобразный авангард суннизма. Американский журнал «Каррент хистори» пишет, что «нет сомнения в укреплении власти шиитов, где религия будет определять курс Ирака способом, который не виделся американцам даже в самых страшных снах»¹⁹³. Амбиции шиитов и бешеное недовольство суннитов «грозят лишь обострением гражданской войны»¹⁹⁴.

Суверенным новый Ирак был провозглашен 28 июня 2004 года. И тут же стала очевидной грубейшая ошибка американцев, веривших в секуляризм шиитов. Вашингтон постарался вытеснить из политического центра Багдада Великого аятоллу Али Зистани, но убедились очень скоро в том, что Зистани — возможно, самый влиятельный политик современного Ирака. А ведь в начале противостояния американцы мечтали о либеральной демократии. А получили систему, при которой шииты Ирана стали самой влиятельной внешней силой в стране, где 66 процентов населения — шииты. Стоит ли напоминать, что именно Иран 25 лет назад стал главным противником США в регионе. Но теперь подули другие ветры. Специальная группа Совета по международным отношениям во главе со Збигневом Бжезинским и экс-директором ЦРУ Робертом Гейтсом призвала Соединенные Штаты «предложить Ирану прямой диалог по специфическим проблемам региональной стабильности»¹⁹⁵.

Лучше ли новый мир в Ираке?

С выходом американских войск к центру Багдада лидеры шиитов обратились к трансформации баасистского режима в исламскую республику. Вначале американцы *не могли поверить*, что они вольно и невольно творят *исламскую республику*. Да и их союзники в Ираке тоже. Особенно против религиозной республики выступали курды и образованные сунниты. Так, лидер курдов (вскоре он станет президентом Ирака) Джа-

лал Талабани занял вначале очень твердую позицию: «Мы никогда не примем в Ираке религиозного правительства. Никогда. Здесь для нас проложена красная линия. Мы никогда не будем жить внутри исламского Ирака»¹⁹⁶.

Ситуация начала меняться довольно быстро. Уже в 2003 году американский командир назначил женщину главным судьей города Наджаф — чем вызвал резкое возмущение шиитских клириков. Встретив сопротивление, американский офицер приостановил свое назначение. На протяжении 2003—2006 годов эта история повторилась в многих городах Ирака, как в шиитской, так и в суннитской его части и экстремисты унизили «посланцев Франклина и Джефферсона». Американцы сами признают, что жители Ирака *потеряли* немалое число прав, которые они имели при Саддаме Хусейне.

Никогда не говори никогда. Секулярно настроенные женщины были оттеснены в самом начале избирательного процесса. Набранный американцами Иракский правящий совет за закрытыми дверями проголосовал за резолюцию №137, которая отвергала существующие законы в отношении семьи и поставила шариат над гражданскими законами. В результате национальных выборов в январе 2005 г. половина из 55 членов Конституционного комитета представила Объединенный шиитский альянс; четверть комитета составили представители Демократического патриотического альянса Курдистана. Из восьми женщин, попавших в комитет пять представляли шиитов, две — курдский альянс и только одна женщина оказалась независимой. Частично потому, что Американская миссия в Багдаде не имеет ни *одной* женщины в своем составе. Многие американцами уже упущено.

Сегрегация полов стала фактом иракской жизни. А в зоне влияния таких ортодоксов, как Муктада аль-Садр, женщины прямо опустили в Средневековье. А сотрудничество с американцами легко дискредитирует самых благожелательных сторонников секуляр-

ных нравов. Техническая помощь таких американских институтов, как Национальный демократический институт по внешней политике воспринимается в Ираке весьма подозрительно, как и спонсируемое американцами Радио Аль-Махабба. Возможно, такая же судьба ожидает идею создания в Багдаде американского колледжа.

Американцы оказались в ловушке. Желая добиться стратегических преимуществ, американский посол Залмай Халидад поддержал исламские силы. Курдам было просто некуда деваться. Статья вторая конституции делает ислам официальной религией государства. Прогрессивное законодательство 1959 года кануло в Лету. Шариатский закон вернулся в Ирак. Очнулись даже самые убежденные оптимисты: «Предполагать, что просто наличие женщин в правительстве произведет либеральное законодательство, — было ошибкой»¹⁹⁷.

Окончательно новый мир установился в Ираке с принятием новой конституции на референдуме 15 октября 2005 г. Главным положением конституции видится то, которое утверждает, что никакой закон не может быть принят в стране, если он противоречит «установленным правилам ислама. 39-я статья конституции делает «освобожденный» американцами Ирак копией теократии иранского типа. Хотя бы только по этой причине эта конституция была осуждена критиками внутри и за пределами Ирака как «фундаментальное отступление назад для большинства населения Ирака — женщин». Вместо секулярной страны с прогрессистскими перспективами Соединенные Штаты получили фундаменталистскую страну, главным законом которой является ислам. Это «обращает страну в Афганистан при Талибанах, где дискриминация женщин была институционализирована»¹⁹⁸.

Центральное положение исламских порядков в прозападной по внешнему виду конституции смутило американцев. Теперь даже в Вашингтоне те, кто надеется создать относительно либеральный режим в Ира-

ке, *вынуждены* иметь дело с религиозными мусульманами, двигаясь по религиозным каналам, опираясь не на идеи Просвещения, а на Коран, в котором примерно 80 сур посвящены законодательным вопросам и «воспитываемому» американцами Ираку придется руководствоваться правилами, замороженными в законах примерно тысячу лет назад.

А ведь Ирак на протяжении почти 50 лет давал женщинам наиболее широкие права в регионе. Женщина выходила замуж не ранее 18 лет, полигамия была запрещена, насильственный развод был запрещен.

Вначале Полу Бремеру, американскому главе временного правительства Ирака, показалось возможным наложить вето на спорную резолюцию, но в дальнейшем американцы смирились. Уже в августе 2003 г. влиятельный среди шиитов Великий аятолла аль-Зис-тани объявил, что «религиозные положения, моральные принципы иракского народа и благородные социальные ценности должны быть основой новой иракской конституции».

Большинство иракцев одобрили шариат, и с самого начала было ясно, что в основу новой иракской конституции будет положен ислам». Секулярные иракские женщины были полностью маргинализированы. Это и определило результат. Статья 2 конституции делает ислам официальной религией завоеванного американцами Ирака. Шариат позволяет жениться в девять лет, позволяет полигамию, и исключает право женщин быть судьями. Таков прогресс, добытый строителями империи под маской демократии.

Багдад уступает Тегерану

По мере того как американская армия и ее союзники истребляют живую силу Ирака, крушение Ирака откроет дорогу к лидерству в ближневосточном регионе шиитам, которые всегда были меньшинством в му-

сульманском мире, но волею обстоятельств вырвались к командным высотам в регионе. Транснациональные исламские группы смотрят теперь на Иран, мощь которого несказанно возрастет с достижением ядерного статуса. У Ирана, в определенном смысле, нет соперников. Саудовская Аравия слаба в геостратегическом смысле, да ее правящая династия и сама ощущает свои слабые стороны, она готова на отступление ради сохранения династии. Эр-Риад не может замкнуться в авторитаризме и вынужден пойти на политические реформы. Египет сотрясает внутреннее недовольство. Пакистан владеет большим населением и ядерным оружием, но у него неконтролируемое недисциплинированное население, делающее шаткими региональные амбиции Исламабада. Туркам придется смириться с «государством внутри государства — четырех-с-половиноймиллионным Северным Курдистаном в новом Ираке. Иракские сунниты могут оказаться под опекой Саудовской Аравии, хотя боязнь трансплантировать «остров интифады» может отпугнуть саудовцев.

Только Иран способен направить эволюцию ближневосточного региона в ту или иную сторону, только эта страна может эффективно повлиять на Иерусалим и Багдад посредством воздействия на самые действенные мусульманские организации, такие как Хезболла и Хамаз. Только Иран способен остановить поток нефти из Персидского залива. Именно Тегеран определяет, сколько нефти пройдет через пролив Ормуз, равно как только Иран имеет свое «слово» в Каспийском море. Практически главное: от Ирана зависит поток нефти в Китай и Индию. Будучи долгое время парией Америки, Иран полностью оценил значимость двусторонних соглашений с Китаем и Индией.

Последняя, как видится, не прочь выступить в роли внешнего опекуна — или «естественного ментора» Ирана. Сближению содействует планируемый газопровод, который пересечет Пакистан, чьи позиции в

таком «сэндвиче» несомненно ослабнут. К стратегическому партнерству с Ираном будет стремиться и Китай, нервничающий по поводу гарантированности энергетического пути, гарантированного доступа в Персидский залив и Центральную Азию. Имея дело с новым «мировым квадратом» — Китай, Индия, Пакистан, Иран, Соединенные Штаты так или иначе будут вынуждены относиться к Ирану с большим уважением.

Новый региональный лидер

На Ближнем Востоке центром раскола и раздела будет шиитский Иран; образуется полумесяц от Бейрута до Исламабада. В китайском направлении двинется шиитский восток, а сунниты повернутся в атлантическом направлении. Газовый король — Россия и нефтяной король — Саудовская Аравия будут составлять своего рода стержень или балансир посередине. В этой долговременной перспективе Саудовская Аравия окажется во власти «Аль-Каиды» или салафистского джихадистского движения, которое тоже постарается сыграть на противоречиях Востока и Запада.

Ныне, когда американцы отчаянно стараются овладеть контролем над Афганистаном и Ираком (а по возможности, и над Ираном), в основных мировых столицах растет убеждение в том, что подлинная значимость ближневосточного региона в ближайшие два-три десятилетия уменьшится. Большинство специалистов связывают это с переходом мировой экономики от нефти к водороду. ОПЕК потеряет свое центральное место в мировой экономике, а Персидский залив «потеряет» ключи от будущего. Салафиты постараются сделать так, чтобы Запад ушел из Ближнего Востока. А если нет, то фундаменталисты постараются столкнуть «жадный» Запад с «нуждающимся» Востоком. Уход Запада из региона освободит руки бен Ладену современности и будущего.

Ныне на Ближнем Востоке идет своеобразная гонка. «Аль-Каида» стремится обогнать глобализацию, чтобы предотвратить процесс западной интоксикации. Саудовский королевский двор соревнуется против «Аль-Каиды», желая отправить саудовскую молодежь на работу, открывая при этом консьюмеризм Запада. Соединенные Штаты соревнуются со временем, стремясь превратить Ближний Восток в свой бастион до перехода на водородную экономику (что сразу же лишило бы регион геополитической значимости). Азия тоже борется со временем, стремясь как можно быстрее увеличить свою долю в кислородном топливе, не вторгаясь при этом в неразрешимые проблемы данного региона.

Два основных прогноза: Ближний Восток либо станет фланговой частью Запада, либо он останется полем битвы между Западом, устающим от неудачных попыток стабилизировать регион, и поднимающимся Востоком, вынужденно перенимающим здесь во главе с Китаем и Индией прежнюю роль Запада, который неприемлем здесь как «имперский» (Америка) и как выпадающий в быстрый демографический упадок (Западная Европа).

А ведь мы еще не касались даже палестино-израильского конфликта. В великом переходе Ближнего Востока из-под западного влияния в восточноазиатское этот конфликт будет терять свою масштабность. С места «определивателя» цивилизационных отношений палестино-израильский конфликт отойдет в арьергард великих событий. Место безусловного лидера региональной эволюции займет не Израиль, не Саудовская Аравия, а Иран — заметим, не суннитский и не арабский, а шиитский и персидский. Уникальность Ирана будет не препятствовать, а помогать Тегерану. После антиядерной битвы Америка приложит огромные усилия для сближения с Ираном, выделяющимся из общего ряда. Вашингтон очевидным образом заинтере-

сован в том, чтобы поддерживать как раз *антиарабскую* тенденцию в регионе. А обеспечить это может только Иран. Панарабизм долгие годы был извиняющимся мотивом отказа от реформ, обвинения Израиля, стагнации политического прогресса. Для США это становится уже достаточно опасным.

Вспомним, шах Ирана предпочитал опираться на Америку. В Вашингтоне об этом хорошо помнят; здесь надеются, что то *не был* просто случай связки шаха Пехлеви и президента Никсона. Здесь хотят видеть объективные предпосылки. Иран весьма долгое время был предпочтительным партнером Соединенных Штатов на Ближнем Востоке.

В Соединенных Штатах разгорелась целая дискуссия о том, что «Иран, якобы, не может быть патроном или помощником салафидского джихадистского движения типа «Аль-Каиды». Будучи шиитским государством, Иран *иначе* определяет феномен «революции». Иранский авторитаризм никогда не стремился занять положение салафистского тоталитаризма. В Америке дошли до того, что сравнивают «педантичный пост-сталинский авторитаризм» иранских лидеров с «маоистско-троцкистским революционным порывом» арабских революционеров. Да, нынешний Иран, как и брежневский Советский Союз, не прочь был использовать транснациональные террористические движения, но это было «циничное преследование национальных целей, а не фантастический порыв изменить весь мир»¹⁹⁹.

По мнению ряда американских политологов, шиитский революционный дух «умер» в Иране весьма давно, оставляя после себя циничный политический порядок, где муллы претендуют на высшее руководство, где граждане склонны подчиняться, где правительство претендует на реформаторскую роль в удивительно молодом иранском мире, стремящемся к лучшей жизни и далекого от преданности аятоллам. Это общество на Западе сравнивают с позднебрежневским, характерным упадком идеологии и цинизмом.

Иран сумеет создать ядерное оружие несмотря на международное противодействие. «После того как администрация Буша сокрушила Талибан на восточных границах Ирана и режим Саддама Хусейна на западных, Иран не смог избежать ядерного искушения — и сделал это быстро — в то время когда США были заняты Афганистаном и Ираком»²⁰⁰. Складывается впечатление, что Иран был даже *удовлетворен* крахом двух своих соседей; их поражение увеличило относительный вес Тегерана.

В Америке растет убеждение, что Иран может быть наиболее ценным союзником США — надо только оттеснить аятолл. «Невероятно? — спрашивает в Пентагоне Томас Барнет. — Не более невероятно, чем получение согласия России на американское доминирование как в Персидском заливе, так и в Центральной Азии, не говоря уже о Восточной Европе, ныне влившейся в НАТО и ЕС. В конце концов, мы в свое время преследовали политику детанта с очень похожим «порочным» режимом в Советском Союзе в начале 1970-х годов («усталый» авторитаризм), обанкротившаяся идеология, помощник транснационального терроризма, палец на ядерной кнопке) и добились того, что в последующие годы сокрушили этот режим, превратив его в своего союзника»²⁰¹.

Укрепляются позиции тех, кто считает, что настало время изменить нелепую ситуацию, когда иранское правительство ненавидит США, а весьма широкие круги относятся с симпатией. Надо произвести размен: Ирану позволяется получить бомбу, дипломатическое признание, снять санкции и расширить торговлю — убрать Иран с американского листа «оси зла». В обмен Иран обязан предложить Соединенным Штатам долгосрочную программу разрешения израильско-палестинского кризиса и прекратить помощь террористическим организациям, оказать давление на Сирию, чтобы прекратить сирийское давление на Ливан, дипломатически признать Израиль.

Строго говоря, это не вопрос выбора. Без умиротворения Ирана Америка не может рассчитывать на свой вариант ближневосточного развития, при котором Израиль будет обеспечен, а консервативные режимы Пакистана, Египта и Саудовской Аравии будут держаться в тени американских штыков. Платой за бомбу Ирану станет безусловное американское доминирование в регионе. До сих пор противостояние арабского мира с Израилем было самым наглядным показателем технологического превосходства Израиля в его конфликте с четвертью миллионами арабов. Иранское стратегическое вооружение ослабит это противостояние к благу Америки. «Иранское обладание ядерным оружием уравновесит стороны, позволяя мусульманскому Ближнему Востоку сидеть за столом переговоров с Израилем на равных. Это — критическое обстоятельство... Два примерно равных партнера — значительно более устойчивое уравнение, чем постоянный дисбаланс»²⁰². Даст ли Тегеран бомбу террористам? Только в том случае, если Тегеран не сможет добиться своих целей непосредственным переговорным процессом с Западом.

Администрация Буша откликнулась на решение иранцев продолжить ядерные исследования запросом в конгресс о выделении 75 млн. дол. на цели «поддержки чаяний иранского народа». В то время как иранцы подтвердили начало процесса закачки шестифтористого урана в газовые центрифуги на заводе в Натанзе, госсекретарь США Кондолиза Райс потребовала от конгресса увеличить почти в десять раз ассигнования на цели «поддержки демократии» в Иране. Американская администрация приняла решение о круглосуточном телевидении на фарси. Будет также расширено вещание на фарси «Голоса Америки» и некоторых «частных каналов». За счет американского госбюджета будет оплачиваться «учеба иранских студентов за рубежом», будут созданы ориентированные на Иран интернет-страницы.

Москва: главный партнер в регионе

Россия видит в семидесятимиллионном Иране главный мост, ведущий в нефтяную кладовую мира. Она усматривает в дружественности Ирана залог российского преобладания к Каспийском море, преграду фанатикам на Северный Кавказ, гарантию от Турана. От сделок с Ираном Россия получает твердую валюту; строя атомную электростанцию в Бушире, Россия спасает свою атомостроительную промышленность.

Трудно назвать Иран легким партнером. В середине февраля 2006 года Тегеран отложил переговоры с Москвой относительно совместного строительства завода обогащения урана на российской земле и начал *собственное* обогащение урановой руды. И Тегеран не дал президенту Путину ожидаемых лавров миротворца на Ближнем Востоке. В апреле 2006 г. Тегеран принял российскую помощь пострадавшим от землетрясения, но отказался от отряда МЧС во главе с госпиталем.

Россия остановилась разделенной. Часть ее прозападных идеологов продолжают пугать население страны появлением на ее южных границах вооруженного ядерным оружием клерикального режима, активно использующего новую ситуацию в регионе, где шиитский Ирак не сдерживает, а укрепляет шиитский лагерь, где семьдесят миллионов иранцев являют собой самое мощное независимое исламское государство.

Но вторая часть российских политологов возводит к Ирану свои надежды. Продажа семи ядерных реакторов Ирану обещает десять миллиардов долларов России и тесно связанную российско-иранскую позицию в критически важном регионе. В результате Москва, хотя и не сдержала порыв Америки (и Запада в целом) выдвинуть иранскую ядерную программу на рассмотрение Совета Безопасности ООН и не блокировала резолюцию МАГАТЭ в том же направлении, но сделала

подход СБ ООН максимально мягким. Между 1990 и 1996 годами Россия продала Ирану оружия на более чем пять млрд. дол. Затем, под давлением США, Москва прекратила эти столь значимые для нее поставки. Но в 2000 году, повинаясь приказу нового президента, Россия возобновила военные продажи Ирану. В октябре 2005 г. российская сторона продала Ирану на 700 млн. дол. ракет «земля — воздух». Иранский рынок обещает России продажи оружия на 10 млрд. дол. в ближайшие годы. Московское руководство все еще твердо надеется на согласие иранцев вместе обогащать горючее для иранских атомных реакторов. Ведь президент Ахмадинежад в этом вопросе подчиняется Высшему национальному совету безопасности, возглавляемому Верховным лидером аятоллой Али Хаменеи, судя по всему, склонному сотрудничать с Москвой.

Чем мотивирует Москва свои действия? Официально Иран имеет право развивать атомную промышленность в мирных целях и ни один из руководителей страны не обозначил в качестве цели *военное* вооружение Ирана. Но нельзя игнорировать и то обстоятельство, что Иран создает мощные ракеты и объективно нуждается в поддержке своей независимой внешней политики.

Независимая позиция России была оценена представителем палестинского Хамаса, когда тот победил на выборах в Палестине, так: «Это представляет собой раскол западной позиции, формируемой и ведомой Соединенными Штатами»²⁰³. Иран пригрозил выходом из Договора о нераспространении ядерного оружия (выступление президента Ахмадинежада по поводу 27-й годовщины Иранской революции). В исследовательском центре в Натанзе, как уже говорилось, возобновились работы по разработке технологии обогащения урана. Нет сомнения в том, что президент Ахмадинежад полагается не только на дружественность России и

Китаю, но и на завязанность Америки в Ираке. Тегеран уверен, что, одновременно с Ираком, он представить собой мишень для США не может — американцы перенапряглись.

А Россия и Китай, как представляется, используют иранский кризис для ослабления американского всевластия на Ближнем Востоке. Специалисты считают, что Россия (как и Китай) не имеют желания видеть Иран ядерной державой, но американская гегемония на Ближнем Востоке не устраивает ее тоже. Глава вашингтонского отделения российского агентства РИА «Новости» заявил, что США не могут рассчитывать на сотрудничество Москвы. «Десять лет назад, когда Россия была гораздо слабее в финансовом отношении, она могла принимать мелкие подачки. Но не сейчас — Россия не действует заодно с Европой, она действует самостоятельно. Россия хотела бы восстановить свой статус сверхдержавы и не желает, чтобы ее считали младшим партнером, пресмыкающимся перед Западом... Москва считает Иран выгодным рынком для продажи оружия и хотела бы сохранить его».

Оценка американского генерала Стивена Бланка: отказ России от более тесного сотрудничества с США по иранскому вопросу является «попыткой России обрести статус противоположного полюса, расстраивая планы США в регионе». Американские специалисты полагают, что Иран может обрести статус ядерной державы примерно в 2008 году. Американцы утверждают, что тогда — в случае обсуждаемого тектонического сдвига на Ближнем Востоке, ядерный соблазн охватит Турцию и Израиль.

«Хезбалла» и подобные

Зачем ожесточать Иран, если он *все равно* добьется своего? Спокойное восприятие его вооружения даст Соединенным Штатам мощного мусульманского парт-

нера. Обеспечит безопасность Израиля. В какой ситуации Тегеран рискнет снабдить участников джихада оружием массового поражения: когда ему будет что терять или когда ему нечего будет терять?

Если Америка желает видеть действия Ирана ответственными — тогда Вашингтон должен *сделать* Иран ответственным за важные процессы в ближневосточном регионе. В то же время, предлагая Тегерану *экономическую морковку* взамен желаемой агрессивно настроенными аятоллами *ядерной безопасности*, Америка создает неприемлемое сочетание факторов, при котором не могут выиграть *все* стороны. США получают мусульманского партнера в обеспечении безопасности в критически важном регионе, как бы противостоящего «больному человеку арабского мира» — Египту и даже замещающего королевскую мафию Саудовской Аравии.

Белый дом давно ищет приемлемый сценарий на Ближнем Востоке — показателем чего являются две войны, начатые в 2001 и 2003 годах. В условиях, когда западноевропейские союзники не смогли оказать убедительное давление на Тегеран, а Россия и Китай идут своим путем, неоконсерваторы и демократические империалисты в американской столице ищут новый вариант решения: третья война на Ближнем Востоке, похоже, им уже не по силам.

Если дело заходит так серьезно и размышления об ударе американских сил по иранским ядерным объектам приобретают характер конкретной и актуальной проблемы, то иранское руководство начинает искать надежное убежище на случай нового «шока» с американской стороны. По мнению западноевропейских аналитиков (Михаэль Лаубш — глава европейской исследовательской организации Eurasian Transition Group — и др.) тесные секретные переговоры между Тегераном и Ашхабадом касаются вопроса эвакуации

руководства Ирана в Туркменистан, которому есть за что быть благодарным: на протяжении последних лет Иран построил туркменам первоклассную автомагистраль и железную дорогу, навел мосты через реку Теджен, поставил в неурожайные годы зерно и муку.

Мир, который хуже войны

Прошло три года после майского триумфа 2003 г. Но насилие и повстанческое движение в Ираке растет и не видно его предела. Выступая на партийном съезде лейбористской партии, премьер-министр Блэр сказал, что получает письма тех, кто потерял близких на войне. «Не верьте тем, кто говорит, что получающие такие письма люди не испытывают страданий и сомнений». Буш: «Я не испытывал сомнений».

13 декабря 2004 г. американцы обнаружили Саддама Хусейна, небритого и очевидно дезориентированного, в небольшой пещере у его родного города Тикрита.

Сомнения охватили даже тех, кто много лет считал свержение Саддама Хусейна национальной целью Соединенных Штатов. Вулфовиц — даже он — стал задавать вопросы, стоила ли война раскола страны, усиления шиитов, обострения курдской проблемы. Он трижды посетил Ирак на протяжении девяти месяцев после окончания основных боев. Для Вулфовица Баасистская партия была аналогом фашистов в Италии и нацистов в Германии. Но и его охватили сомнения.

Правящая элита Америки, оглушенная одиннадцатым сентября, не сразу стала возвращать себе здравый смысл, в общем и целом присущий американскому народу. Стоявший во главе Группы обзора Ирака Дэвид Кэй, сказал Комитету по вооруженным силам американского сената 28 января 2004 г.: «Мы практически все допустили ошибку, в том числе и я». Он сказал, что проделано 85 процентов работы и не видно никакой

надежды на нахождение оружия массового поражения в Ираке. «Следует особо расследовать ошибки разведки, допущенные в поисках ОМП... Важно было бы признать эту ошибку, чтобы исправить веру сената и народа и президента разведывательным органам».

Люди типа Пауэлла самым внимательным образом читали показания Дэвида Кэя. Тенет даже не уволил его из ЦРУ. И это был человек, который признал, что допустил «ужасную ошибку». На слушаниях один из членов комиссии спросил Пауэлла: «Если бы Тенет накануне войны сказал вам то, что сегодня сказал Кэй, продолжали бы вы рекомендовать вторжение?». Пауэлл: «Я не знаю... Отсутствие запасов меняет всю систему рассуждений. Меняет характер ответа». Чиновники Белого дома затаили дыхание. Президент Буш продолжал настаивать, что решение начать войну против Ирака было правильным.

Присмотримся к поведению директора ЦРУ Тенета. 5 марта 2004 г. — ровно через год после речи Пауэлла об ОМП в ООН, Тенет выступил в Джорджтаунском университете. О поисках оружия массового поражения он сказал, что «мы проделали уже 85 процентов работы, но все умозаключения сейчас поневоле все еще являются преждевременными. Почему? Потому что мы нуждаемся еще во времени и в новых данных». ЦРУ вцепилось в идею, что любое предупреждение лучше бессмысленной пассивности. Но чем больше Тенет полагался на самоуверенность, тем слабее были его позиции. Но Буш сразу же после выступления Тенета в Джорджтауне позвонил Тенету: «Вы проделали прекрасную работу»

Кондолиза Райс уже давно была известна вопросом сотруднику ЦРУ: «Это факт или точка зрения?» — ответ: «Это точка зрения». Самым категорическим образом точку зрения выдал за факт вице-президент Чейни 26 августа 2002 г.: *«Нет сомнения в том, что Ирак имеет ОМП».*

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

Не ОМП, а демократия

Администрация Буша, не найдя на складах Саддама Хусейна средств массового поражения, решила сделать главной причиной военного умиротворения послесаддамовского Ирака установление в нем «зрелой демократии» — как бы одномерное решение проблемы вместо многомерного. Как пишет Грегори Гос, «администрация Буша и все ее сторонники полагают, что распространение арабской демократии не только будет способствовать распространению американских ценностей, но и укрепит безопасность Америки. Особую ненависть к демократии выказывают лидеры «Аль-Каиды»; они именуют ее еретическим учением и известны своими убийствами невинных афганцев только за то, что обнаруживали у них регистрационные талоны избирательных участков.

Вторая половина месопотамской кампании прошла под знаком демократизации: « По мере того как демократия будет укреплять свои позиции в арабском мире, регион перестанет генерировать антиамериканский терроризм»²⁰⁴. Это мнение Грегори Госса — главы ЦРУ. Были мобилизованы силы обеих партий. Так, в защиту «арабской демократии» выступила группа авторов во главе с Мадлен Олбрайт — Соединенные Штаты должны поддержать эволюционное развитие демократии во всем регионе Ближнего Востока²⁰⁵.

В арабском мире демократия заняла некоторые позиции в Афганистане, Ираке, Ливане. Эти страны перестали спонсировать террористические организации — в отличие от Ирана и Сирии, поддерживающих «Хезбаллу». Но растет оппозиция представлению о том, что

«элемент демократии является просто одним из политических элементов. Президент Буш и различные высокопоставленные деятели его администрации многократно настаивали на центральном характере продвижения демократии в контртеррористической стратегии Америки. Все больше ставится под вопрос то обстоятельство, что Буш и его администрация после фиаско поисков оружия массового поражения обратились к притягательности демократии.

Ключевой момент растущего ныне американского самосознания: «Демократия вовсе не обязательно выступает сдерживающим терроризм фактором»²⁰⁶. Эти американцы указывают, в частности, что такие авторитарные страны, как Китай, кажутся способными пресечь деятельность террористических организаций. Демократия лучше решает внутренние проблемы — но и здесь демократизация в неподготовленной стране ведет к иллиберальным режимам, а это немедленно увеличивает возможности для проявления насилия и войны. Яростные сторонники демократизации арабского мира фактически слепы в отношении неминуемых угроз безбрежного насилия и войны. Эти сторонники *сознательно* игнорируют высокий уровень антиамериканизма в мусульманском мире. И если некто (в данном случае сами американцы) посредством демократических выборов заставят население четко высказать свои взгляды, то на национальных выборах арабская улица выразит весь свой антиамериканизм.

Американские демократические преобразователи стремятся попросту закрыть глаза на то, что в результате массовых выборов они получают во всем большом арабском мире *исламистские правительства*, которые вовсе не будут либеральными. Если либерализм необходим для демократии для погашения терроризма и распространения международного сотрудничества, то демократизация, производящая иллиберальные режимы, вовсе не идет по этому пути.

К примеру: если американская администрация оказывает сильнейший нажим на сирийское правительство, то оно вольно и невольно увеличивает риск того, что Дамаск может пережить смену режима и к власти придут рьяные приверженцы демократии. Возможно, возникнет новая либеральная демократия и позиции Америки на Ближнем Востоке укрепятся. Но никоим образом не исключено то, что к власти в результате выборов придет исламистский режим, симпатизирующий иракским инсургентам, отторгнет сосуществование с Израилем и постарается распространить свое влияние на Ливан и Иорданию. Вот тогда это не послужит никаким американским интересам.

Если в результате консолидированная баасистская система распадется на разделенные и ненавидящие друг друга группы, то антизападные террористы «оценят» столь благоприятную среду.

Трудно привести схожую аналогию в международных отношениях, когда одна страна столь зависела бы от судьбы далекого и столь отличного региона, как это имеет место с Соединенными Штатами и Ближним Востоком после 2001 года. Началась эра войн: Афганистан, Ирак, Иран, палестино-израильский конфликт. Практически нет сомнений в том, что успех или неудача второго срока президентства Джорджа Буша-младшего будет зависеть от итогов его действий на этом географическом направлении.

Ключевой можно считать фразу, произнесенную президентом в ходе предвыборной кампании 2004 года — во время выступления в армейском военном колледже в мае: «Мы полагаем, что когда все ближневосточные народы начнут жить и думать и работать и молиться как свободные мужчины и женщины, они восстановят величие своего прошлого. И когда этот день придет, горечь и ненависть, которые питают терроризм, увянут и отомрут. Америка и весь мир будут более безопасными, когда надежда вернется на Ближний Восток»²⁰⁷.

После года жестоких боев администрация Буша объявила, что война в Ираке идет не по поводу оружия массового поражения, а за установление в Ираке *демократии*. Должен же быть резон в грандиозных жертвах?

Еще в январе 2003 года американский Национальный совет по разведке предупредил об угрозе восстания в Ираке против Запада. Он предсказал, что *задача демократизации Ирака может оказаться непосильной*. Когда этот документ проник в прессу, президент Буш сказал, что «это просто догадки». Он обещал создание собственной иракской армии в 150 тысяч человек к выборам 2005 года (но к этим выборам указанная армия была создана лишь на 60 процентов). А Пентагон уверенно утверждал тогда, что американские войска после скорой победы выйдут из побежденного Ирака. Прошло три года, а Пентагон держит в регионе 150 тысяч своих военнослужащих (плюс 24 тысячи союзных войск). Жертвы одного 2004 года достигли в американской армии 11 тысяч человек (1300 убитых). Теперь Пентагон волнует то обстоятельство, что в случае конфликта в любом другом месте Америка *не имеет* людских средств участвовать своими войсками. Сообщения из Ирака стали полниться цифрами. Новая конституция, словесно гарантировавшая гражданские свободы, была принята большинством 4:1. Только все суннитские провинции отказались от голосования. К выборам в Ираке были зарегистрированы 250 партий. А американцы пересекли скорбный рубеж — более 2000 американцев в униформе полегли в Ираке. 15 декабря 2005 года жители Ирака избрали свой парламент. Правда, рядом и с помощью американской армии. К чему это привело? Американский посол в Ираке Джон Негропonte не согласился отложить выборы вопреки противостоянию прежде всего суннитов. Как и было ясно с самого начала, выиграла прежде всего шиитская религиозная партия «Аль-Дава» («Призыв»),

творение аятоллы Мохамеда Бакира Аль-Садра. Все секулярные планы Америки рухнули в одночасье. Теперь иранец — президент Ахамадинежад не менее влиятельная в иракском правительстве фигура, чем возглавляющий Всемирный банк американец Пол Вулфовиц.

Глава 14

ИСЛАМ ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ

Конституция

Статья 14 новой иракской конституции одобренная национальным референдумом, проведенным 15 октября 2005 года, декларирует, что все взрослые жители Ирака равны перед законом «без дискриминации по мотивам пола». В то же время эта конституция утверждает, что ни один закон не будет проведен, если он противоречит «установленным правилам ислама». Это дает основание говорить, что новая конституция представляет собой цивилизационный регресс по меньшей мере, с точки зрения отношения к женщинам. По мнению иракского ученого Ишама аль-Кафай, этот документ «легко может лишить женщин их прав. Организация «Свобода женщинам Ирака» утверждает, что «исламская оговорка» легко «обратит Ирак в Афганистан при Талибанах, где дискриминация женщин была освящена законом».

Америка встретила в Ираке непредвиденные трудности. Главная трудность — отсутствие перспективного видения, что стало очевидным в свете изменения стратегических намерений и объяснения причины войны. Непредвиденными стали американские потери — более двух с половиной тысяч американских солдат в начале 2006 года. (А в мае 2003 г. президент Буш назвал цифру потерь к тому времени: 298 солдат и офицеров).

Образовались особенно сложные для американцев регионы (суннитский регион и Центральный Ирак особенно). Влиятельный английский журнал пишет: «Многие сомневаются в возможности утверждения в Ираке демократии»²⁰⁸.

Более того. Оккупация Ирака стала для США первостепенным бременем. Продолжение нынешней ситуации все менее гарантированной безопасности угрожает положению Америки в арабском мире. Никто из американских планировщиков даже в страшном сне не мог предположить, что спустя три года страна еще не станет покорным доменом. Это означает непредсказуемое будущее для США, Ирака и арабского мира. Нынешняя ситуация не может быть разрешена нынешней американской политикой и стратегией. Встают весьма непривлекательные для США перспективы:

1. Продолжение американского присутствия в Ираке, не имеющее решающих результатов, предполагает долговременное американское военное присутствие в регионе. Неизбежно возникает параллель с 7-й американской армией в Германии и с базой на Окинаве.

2. Нетрудно предсказать рост антиамериканских сил. Практическим результатом этого будет яростное вмешательство США в фактическую гражданскую войну, охватившую Ирак. Соседние арабские государства могут не ограничиться покорным нейтралитетом.

3. Растущая численность американских жертв в Ираке свидетельствует о том, как далека эта страна от стабильности. Это показатель того, что Пентагон не может защитить в Ираке даже собственные войска — что подстегнет возмущение внутри Соединенных Штатов; общественная поддержка нынешней войне на Ближнем Востоке американцев может ослабнуть.

4. Ухудшение положения в Ираке подстегнет силы сопротивления в Ираке; арабское общественное мнение станет еще более антиамериканским, что может ослабить позиции Вашингтона в критически важном регионе.

Предвидится растущее давление внутри США и внутри арабского мира. Вашингтон неизбежно задумается над своей позицией в центре мировой нефтедобычи, о целесообразности подвергать политическому давлению дружественные арабские государства. Непрерывающаяся битва в Ираке отвращает государства, склонные оказать помощь в восстановлении Ирака после войны.

И именно в этот момент ситуацию в преимущественно шиитском Ираке осложнило возвышение исламской республики Иран.

Об этом американцев предупреждали. Речь шла о потере проамериканской Саудовской Аравией лидерских позиций на Ближнем Востоке. Саймон Гендерсон писал еще в 2003 году: «В месяцы, следовавшие за Сентябрем, стало все более ясно, что Саудовская Аравия больше не может исполнять роли американского фильтра в регионе, роли поддерживаемого США лидера в Персидском заливе... США просто обязаны укрепить отношения с *другими* консервативными государствами региона»²⁰⁹.

Как уйти?

Встал вопрос об уходе. Противники предпочли говорить о «преждевременном» уходе. Но все более важным стало мнение *противоположной стороны*. Обнародованное письмо правой руки бен Ладена — Аймана аль-Завахири, направленное Абу Мусафу аль-Заркаи — ведущему террористу Ирака: Соединенные Штаты не выдержат, они покинут Ирак и «Аль-Каида» перенесет боевые действия на американскую территорию. Завахири изложил четырехступенчатый план, включающий в себя создание в Ираке халифата и расширение «волны джихада» на секулярные государства, окружающие Ирак; возобновление конфронтации с Израилем. Исполнение плана возможно только при реализа-

ции главной предпосылки — изгнания американцев из Ирака. Завахири заметил, что повторится коллапс американской мощи во Вьетнаме, «и они побегут, оставляя коллаборационистов»²¹⁰.

Окончание правления президента Буша уже обозначилось на горизонте, а угроза терроризма не ослабла. Возникла глубокая необходимость в пересмотре характера войны в Месопотамии. И обострились вопросы: в каком смысле, например, атаки войск сопротивления начавшиеся 11 сентября 2004 г., представляют собой «войну»? Кто, собственно, стал врагом Соединенных Штатов? Возникла ли угроза собственно континентальным Соединенным Штатам и какова может быть американская реакция? Само американское правительство не склонно к самобичеванию и критicismу в отношении себя. Бремя здоровой критики падает преимущественно на американскую журналистику и на американских мыслителей, на экспертов и военных стратегов.

Выигранная война и потерянный мир

Быстро шло время, и обозначились новые процессы: американцы начали критиковать иракцев за отсутствие благодарности, за нехватку инициативы, за неспособность принять вызов в собственном государстве. Американские солдаты все громче говорили о ненадежности иракцев, об иррациональности людей, на помощь которым они якобы пришли. Консерваторы в США заявили, что американские войска будут стоять в Багдаде до тех пор, пока не будет создана дружественная им армия, способная отстоять свой союз с Западом. Сенатор Маккейн отпечатал максимум: «Невозможно уйти из Ирака и при этом надеяться на мир». А военный аналитик Фредерик Каган написал, что убедить суннитов оставить оружие практически невозможно. Они будут сражаться с шиитами, курдами, турками,

христианами и другими иракцами до тех пор, пока не возвратят себе лидирующих позиций. Требуется более эффективная противоповстанческая стратегия.

Мрачные итоги

Отсутствие позитивных перемен после национальных выборов в январе 2005 г. подорвало веру многих. Немалое число умных обозревателей объясняет происшедшее различиями взглядов «либеральных орлов» леводемократического фланга и либералов бушевского склада.

Все большее число американцев говорят, что именно американское присутствие в Ираке делает мир на Ближнем Востоке хрупким. Обратимся к этим дебатам.

И только когда «стоимость войны» в Ираке дошла в 2005 году до 250 млрд. дол., иракской армии как таковой создано еще не было, а безработица в Ираке металась между 30 и 40 процентами — заколебались неколебимые. «Даже самые упорные среди адвокатов войны в Ираке на Западе теперь считают, что амбиции, с которыми Соединенные Штаты прыгнули в Ирак, оказались ошибочными. Мост оказался слишком длинным».

Главное: *цивилизация мусульман объединилась*. «Самой драматической трансформацией, осуществленной исламизацией, явилось уничтожение национальных различий — иорданцы и бедуины из восточной пустыни, алжирские иммигранты из парижского пригорода, индонезийцы из Сулавеси — все они во все большей степени чувствуют себя единым сообществом с общими интересами. Остальное — вторично»²¹¹. Бенд-жамен и Саймон оценивают опросы 2005 года: «Образ Америки в мусульманском мире не был никогда более негативным, чем ныне, — неважно, сколь благородно мы видим местные жертвы Америки».

В американской прессе сразу же начали появляться статьи, которые чуть позже составят книги под весь-

ма говорящим заглавием «Была ли война в Ираке обреченной с самого начала» Джорджа Пакера и «Какое количество жертв американцы могут вынести?» В первой книге прямо говорится, что, была ли война 2003 года благоприятной для Ирака или она была для нее несчастьем — говорить рано, «но краткосрочные последствия уже были мрачными в плане того, стоило ли начинать войну и предвидимы ли были результаты послевоенной потрясающей некомпетентности»²¹². Те, кто полагал, что проект был обречен с самого начала, стали открыто утверждать, что только политически наивные и исторически неграмотные люди могли думать о создании жизнеспособной демократии на развалинах тирании Саддама Хусейна. Люди, стоявшие вокруг Джорджа Буша, не удосужились даже ознакомиться с опытом Великобритании по умиротворению Ирака в начале 1920-х годов. Ни один регион в мире не является более сложным для экспериментов в строительстве демократии, чем Ближний Восток — и невежество людей на Потомаке просто поразительно. А Ирак, прошедший через огонь угнетения, войн и санкций, разделенный по религиозным и этническим признакам — наименее приемлемая страна для демократических опытов.

Советники и наблюдатели, которые в самом начале предупреждали об опасностях оккупации, были полностью проигнорированы. Вместо того, чтобы на ранней стадии мобилизовать все американское правительство на то, чтобы задать и дать ответ на сложные вопросы трансформации иракского общества, администрация Буша полностью проигнорировала соответствующую экспертизу, включая серьезные наработки государственного департамента. Иракские иммигранты, которые утверждали, что освобожденный народ Ирака с радостью примет за сотрудничество с американцами, были восприняты *излишне серьезно*.

Уверенность Буша, что иракскую проблему можно решить без особых, «сверхъестественных» усилий по-

бедила и завела Америку в дипломатические и военные джунгли. Наплевательское отношение к последствиям породило зверя, с которым американский Левиафан не может (а может, *не сможет*) справиться. Многие ошибки хорошо видны сейчас: нежелание Пентагона подготовить больше войск для послевоенного управления страной, неадекватная тренировка на этот счет, беспечность в отношении хаоса и грабежа в разбитом саддамовском государстве, решение распустить покоренную армию Ирака «по домам», отсутствие четкой позиции в отношении бывших членов партии Баас, болото этнического непонимания, обращение в американских тюрьмах с заключенными именно в духе саддамовской пенитенциарной системы — все это превратило веселую прогулку в Месопотамии во второй Вьетнам.

Только после окончания войны, когда стало ясно, что режим Саддама не представляет опасности Соединенным Штатам, администрация Буша начала выдвигать проблемы гражданских прав и демократии как объяснение американского вторжения в Ирак. Для убедительности это слишком поздно. Мир уже убедился в некомпетентности американского правительства.

Потери

Но наибольшее влияние на американское общество оказали — как прежде в Корее, и Вьетнаме — потери американских войск. В ноябре 1999 года газета «Вашингтон пост» опубликовала статью социологов Кристофера Гелпи и Питера Фивера, в которой говорилось, что американский народ готов «заплатить 29 853 жизнями своих солдат ради «предотвращения захвата Ираком средств массового поражения». Сейчас такая цифра никак не смотрится реалистичной.

Стало действовать простое правило: «по мере роста потерь национальная поддержка ослабляется». Иссле-

дователь Джон Мюллер отмечает, что внутриамериканская поддержка войне в Ираке сократилась столь быстро, что можно говорить о уже обозначившем себя «иракском синдроме» — произведенном американскими потерями отвращении к будущему использованию войск США в странах, подобных Ираку²¹³.

Падение популярности в американской войне против Ирака особенно очевидно в «период инсургентов», между июнем 2003 и июнем 2004 года. Мы видим как падает популярность президента Буша как реакция на гибель американских солдат в теряющей свой смысл войне. Затем следует некоторый перерыв после июня 2004 г., когда администрация Буша постаралась восстановить суверенитет Ирака и начала подготовку к выборам, безудержно подчеркивая свои мнимые успехи в иракской трагедии. Этот благоприятный для президента Буша период завершился и примерно между июнем и ноябрем 2004 г. (предвыборный период в США) безудержная пропаганда как бы остановила процесс изменения отношения к войне на некой мертвой точке. Так между июлем и ноябрем 2004 г. американцы потеряли 300 человек, но рейтинг президента Буша оставался практически на одной точке. В 2005 году связка между потерями и отношением к войне оставалась едва ли на прежнем уровне вплоть до марта. И только затем глубокое недовольство (Фаллуджа и другие битвы плюс январские выборы в Ираке) начало свое новое движение, уничтожая прежнюю массовую поддержку президента Буша.

Сами американцы отмечают, что то, для чего понадобились *тысячи* жертв американских солдат во Вьетнаме, потребовало в Ираке *сотни* погибших. Значит ли это, что Вьетнам в Америке ценили больше, чем Ирак? (Политолог Джон Мюллер считает, что *в десять раз*). Со времени Вьетнама технический прогресс американских вооруженных сил был столь значителен, что стоимость потерь возросла, американская публика с меньшей доверчивостью переживает боевые потери.

Примем во внимание то обстоятельство, что отвращение к войне ввиду людских потерь происходит быстрее в первый период войны, когда изменяется решимость колеблющихся. Но общая тенденция неизменна: «Значительное и продолжительное изменение в эрозии поддержки войны в Ираке уже невозможно. Те, кто уже считает стоимость войны излишне высокой, не изменят своего мнения даже в том случае, если сообщения с фронтов станут более благоприятными»²¹⁴. Те, кто отказался от поддержки войны на ранней стадии, едва ли уже изменят свою позицию.

Встает радикальный вопрос: не следует ли американцам «подняться выше всяких фобий и признать поражение?»

Жертвы

Заметной жертвой среди военных стал генерал Фрэнкс. Он покинул СЕНТКОМ в июле 2003 г., получив миллион долларов за речи и несколько миллионов за контракт на мемуары. Государственный секретарь Колин Пауэлл все дальнейшие месяцы находился в своего рода осаде. Тем, кто желал видеть в нем противника войны, он отвечал, что сделал все возможное. Он был за сотрудничество с Организацией Объединенных Наций — особенно заметно это было в августе — сентябре 2002 г. «Но в дальнейшем президент принял свое решение и моей обязанностью стала защита его решений».

Рамсфелд, технократ-менеджер, дал президенту план атаки, но он утверждает, что не хотел войны. (Президент на эту тему сказал, что он *не спрашивал* Рамсфелда.) Подлинными «выкручивателями рук президента на пути к военному решению» была тройца Чейни, Вулфовиц и Фейт. Но президент задавал Рамсфелду ключевые вопросы: «Можно ли доверять генералу Фрэнксу? Верю ли я в составленный военный план?»

Рамсфелд сравнивал Буша с Рональдом Рейганом — ориентация на горизонт. Рамсфелд сознательно занимал свою роль в подготовке иракской войны.

Разведка переживала сложные времена. 24 марта, через пять дней после начала войны сотрудник ЦРУ Тим спустился к «Ферме Доры». Были видны следы атаки — кратеры и прочее. Но не было признаков бункера. Наконец он нашел очевидцев. Двое агентов американцев рассказали, что их жены были схвачены и их зверски пытали. Дом другого снесли бульдозером.

2 октября 2003 г. человек Тенета Дэвид Кей дал отчет о первых трех месяцах поисков ОМП. «Пока мы ничего не нашли». По поводу ОМП был ли президент неверно информирован? «Нет». А правдой ли было то, о чем Тенет говорил с такой убежденностью, используя баскетбольные аналогии? «Ведь вы не нашли средств массового поражения». — *«Мы нашли проекты реализации таких программ. Реальное оружие могло бы быть создано быстро».*

8 февраля 2004 г. президент Буш во время передачи NBC *Встреча с прессой* сказал: «Я ожидал найти запасы оружия... Мы думали, что у Саддама есть оружие». «Думал ли президент, что это была ошибка в калькуляции?» — спрашивает журналист Боб Вудвард²¹⁵.

Черная метка

Узкий круг американского руководства, сложившийся вокруг президента Дж. Буша-мл., держался до июня 2004 г. Первому черная метка президента пала на главу Центрального разведывательного агентства Джорджа Тенета. Он уходит в день своего семилетия пребывания на этом посту. Уходит самым молодым руководителем американской разведки (44 года). На прощальной церемонии в Лэнгли Тенет указал на сидящего в первом ряду сына, который семь лет назад едва

доставал ему до пояса, а теперь нагнал отца и «нуждается в моем внимании».

Присутствующие почтительно слушали своего руководителя, необычного для ЦРУ греко-албанского происхождения, и дружно кивали, дружно одобряя цветистое средиземноморское чадолюбие. Ни у кого из присутствующих не возникло желания коснуться двух подлинных причин ухода Тенета за *пять месяцев* до президентских выборов: 1) Именно Тенет становится «козлом отпущения» на той политической дистанции, когда президентская гонка поставит перед Дж. Бушем вопрос о причине вторжения в Ирак; 2) Кто посадил Ахмеда Челаби в президентскую ложу американского конгресса в апреле 2004 г. в качестве почетного гостя официального Вашингтона, в качестве потенциального нового лидера Ирака? В последовавшие дни судьба подвела авантюриста — Челаби подвел своего шефа-разведчика, он *предупредил иранскую* разведку о том, что американцы читают их тайный шифр (иранский агент не поверил Челаби и послал очередное донесение в Тегеран прежним шифром, в результате чего офис упомянутого в донесении Челаби был немедленно обыскан американцами, а сам он испытал на себе, насколько превратна судьба профессионального предателя).

В кругу бушевского Камелота пала первая жертва. По большому счету, провал с Челаби можно ожидать. Каким образом американская разведка могла не обратить внимания на то обстоятельство, что Челлаби *уже трижды* отбывал заключение (ожидается четвертое). Некачественного претендента нашли американцы на пост собственного главы Ирака. Но гораздо более интересно наблюдать, как высшее американское руководство на виду у всего мира стало отстаивать и выдавать абсурд как безусловную объективную реальность. Мы имеем в виду неколебимое упорство администрации Буша в отстаивании тезиса стратегической вооруженности Саддама Хуссейна.

Теперь американцы признают, что их разведка «тесно вписалась» в ряды международных инспекторов, работавших в Ираке. Более того, американские разведчики неустанно интервьюировали этот международный контингент и, по их же словам, «направляли» его деятельность. Тенет и его окружение указали на якобы «неучтенные» 3200 тонн химического оружия и на 6000 якобы неучтенных снарядов.

Выйдя в отставку, Джордж Тенет будет иметь время поразмыслить над безапелляционностью своих оценок, введших в недоразумение одних и попросту обманувших других. 1 октября 2002 г. Тенет возглавил объединенный совет всех американских разведок — Национальный совет по внешней разведке, который родил высокосекретный 92-страничный документ, осевая идея которого заключается в коротком предложении: «Багдад имеет химическое и биологическое оружие... Багдад возобновил производство горчичного газа, зарина, циклозарина...Создание вируса оспы является частью наступательной программы Ирака».

Апогеем следует считать, видимо, беседу президента Дж. Буша-мл. с Джорджем Тенетом и его заместителем Джоном Маклафлином ранним утром в субботу, 21 декабря 2002 г., происходившую в Овальном кабинете Белого дома. На разведчиков кроме президента смотрели вице-президент Ричард Чейни, советник по национальной безопасности Кондолиза Райс и ее заместитель Энди Кард. Автоматический проектор показывал «занимательные» картинки. Всеобщее внимание привлекли снимки из космоса, на которых была изображена стартовая площадка ракет с необычно большими боеголовками. Их радиус, объясняли разведчики, явно превышает допустимые (барьер, оговоренный ООН) 150 километров. Другой снимок глава американской разведки интерпретировал как завод по производству химического оружия. Руководители американской разведки утверждали, что ракета такого класса может поразить цель в 500 км — что достаточно

для нанесения удара по соседнему государству. Тенет и его заместитель уверенно указывали на наличие системы автоматического наведения ракет. Маклафлин цитировал показания перебежчиков, якобы видевших мобильные трейлерные площадки запуска. Руководители американского государства как замороженные слушали запись разговора двух иракских республиканских гвардейцев. «Передвинуть нервно-паралитические вещества». Если у Ирака нет нервно-паралитических газов, то что обсуждают эти офицеры?

Что касается ядерного оружия, то в Ираке работает группа специалистов атомщиков, которых американцы нарекли «ядерной мафией». Американцы прислушивались к их переговорам, те обсуждали, что *нечто* следует спрятать на «заводах Аль-Кинди».

Если бы Соединенными Штатами внезапно овладела бы идея помощи «Аль-Каиде», то они не смогли бы сделать ничего более эффективного, чем вторжение в Ирак, то есть удар по светскому элементу в модернизации исламских государств и создание подлинно массовой школы подготовки исламских террористов в масштабах 25-миллионного государства.

Не дано нам знать, откуда нанесет удар судьба. Неспровоцированное нарушение суверенных прав Ирака, казалось бы, могло вызвать более твердую реакцию мирового сообщества: завтра мишенью станешь ты. Но мощь несдержанного лидера, помощь 34 пособников, отсутствие жизнетворной солидарности фактически погасили вестфальскую систему взаимопомощи суверенных держав. Наказание последовало изнутри американского и британского обществ. Граждане этих обществ настоятельно пожелали знать, кто убедил правительства в Вашингтоне и Лондоне, что Ирак владеет оружием массового поражения и способен применить его после всего лишь 45-минутной подготовки.

Тихо и вначале незаметно возник вопрос, за что посланы на смерть кормильцы семей? Налогоплательщики

задались вопросом, на что пошли миллиарды долларов и фунтов стерлингов? Оправданы ли затраты на «вялотекущую» войну, которую, как выясняется, нельзя выиграть? Но *главный* вопрос: можно ли доверять жизни и кошельки правительствам, которые склонны искажать факты и обманывать своих граждан?

Глава 15

ВОЙНА ПРОТИВ СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Я не считаю, что Америка и американцы являются причиной всех несчастий и несправедливостей мира. Я утверждаю, что они более всех на них нажимаются.

Иммануэль Уоллерстайн, 2003

Крах понятия суверенитет

Иракская война — это неспровоцированная война против государства, «которое не представляло собой непосредственную угрозы Америке. Не следовало идти на применение военной силы. В мире это называют *милитаризмом*». Усама бен Ладен назвал вторжение в Ирак «возвращением прямого колониального правления»²¹⁶. США невольно стали наиболее ценным союзником бен Ладена, радикализируя исламский мир. Сказались наивная уверенность во всемирной приложимости западных ценностей и вера в способность военными методами решить цивилизационные проблемы. Следует ли игнорировать слова Аймана аль-Завахири, сказанные в конце 2003 г.: «Американцы в Афганистане и Ираке попали в деликатную ситуацию. Если они уйдут, то потеряют все, а если они останутся, то истекут кровью до смерти». Данные из захваченных компьютеров «Аль-Каиды» говорят о ее желании опе-

реться на иракских курдов, которые накануне американского вторжения получили от бен Ладена 350 тыс. долларов, оружие и джипы. И завод по производству химического оружия. И готовую философию: «История пишется только кровью. Славу можно обрести только на основании из черепов»²¹⁷. В результате, пока американцы наносили удары по исламскому терроризму в коридоре Исламабад — Амман, «Аль-Каида» сместилась в Северный Ирак и в Ливан, где «Хезбалла» остается мощной исламской организацией.

После вхождения американских войск «Аль-Каида» занялась привычной работой — приемом, размещением и обучением добровольцев со всего исламского мира, пожелавших сразиться с западной цивилизацией в долине Тигра и Евфрата. Новое: исключительное внимание к Интернету. Боевые мусульманские организации используют электронные средства связи (компактные компьютеры, сотовые телефоны и пр. для пропаганды, обучения и объединения). Ислам нашел свою информационную территорию, о чем убедительно говорит число откликающихся на сайты «Аль-Каиды». Резко увеличилось военное обучение по Интернету. Так называемая «Энциклопедия джихада» дает «братьям по интернету» всю необходимую информацию для создания ударных вооруженных групп. Основная информация излагается на арабском и английском языках. Теперь террористам не нужны специальные лагеря — они могут завершать подготовку и дома, черпая всю необходимую информацию из всемирной сети. Особенно активна в этом отношении суннитская секта Салафи. Типичный пример перехвата: «Сообщите нам сведения относительно важных экономических и военных целей американских крестоносцев»²¹⁸. Речь в Интернете идет о нефтепроводах, расположении оккупационных офисов, воздушных коридорах. Задаются вопросы об именах старших офицеров американской армии и т.п.

Повсеместны ли шансы демократии?

Окунувшись в средства массовой информации Запада, нетрудно прийти к выводу, что победоносный Запад идет от триумфа к триумфу. «Победа в Афганистане. Бен Ладен и аль-Завахири прячутся в афганских пещерах. Остатки «Аль-Каиды» скоро капи- тулируют. Прозападный демократический режим пра- вит в Кабуле. Энтузиазм в отношении ислама и джиха- да спадает, превращаясь, если пользоваться словами директора ЦРУ, в «лунатический бред». Израильский премьер-министр Шарон стал «человеком мира». Война против «Аль-Каиды» — это не война против ис- лама. Антитеррористическое наступление якобы не имеет с этой религией ничего общего. Бен Ладен нена- видит Соединенные Штаты за их свободу, а не за их по- литику. Пакистан и Саудовская Аравия поддерживают борьбу Америки с «аль-Каидой». Запад перекрывает субсидии бен Ладену. Израилю — «дорожная карта», Палестина уже жизнедействует. В Ираке полная побе- да, исламисты не готовы к борьбе. Ирак нуждается с собственном правительстве, в демократии, в суверени- тете». В реальности картина несколько сложнее.

Даже западные исследователи ныне делятся на тех, кто верит в возможность вытянуть сельский мусуль- манский мир из двенадцатого века в двадцать первый, и на тех, кого практика убедила, что это абсолютно не- возможно. *Первые* — это столь влиятельные при Дж. Буше-мл. «неоконсерваторы». Их политические про- тивники не разделяют их веры во всемирную прило- жимость правления демоса, скептически относятся к безудержным оптимистам типа министра обороны США Рамсфелда, которые считают любую проблему сводимой к простому набору действий. Они отказыва- ются считать, что все решают «большие батальоны» и время. Более того, они предсказывает впереди даже не

пат, а поражение Америки, неспособной пока понять стратегию и тактику своего противника. Противники неоконсерватизма дают убедительные исследования битвы самой могучей державы современности с самой отсталой мировой сельскохозяйственной провинцией, на стороне которой лишь убедительно требующая жертвенности религия и волны обиженного историей населения.

На основе серьезного анализа, критики курса Буша выступили с тревожным предупреждением. Они не видят впереди «свет в конце туннеля», они не обещают быстрой победы и настроены достаточно пессимистично. Опыт Афганистана и Ирака говорит о том, что вооруженные силы США «не коснулись сердцевины мощи противника... Мы все еще смотрим на войну глазами генерала Маклелланда (сторонника стратегии решающей битвы в гражданской войне 1861—1865 гг. — А.У.), а не Линкольна (сторонника более осторожной и *основательной* стратегии), мы не признаем ни размеров, ни природы угрозы, представляемой бен Ладеном, ни того что мы еще даже не приступили к ведению того типа войны, который необходим для разгрома наших врагов... «Аль-Каида» не побеждена... Постоянный рост антиамериканского влияния Усамы бен Ладена в широком суннитском экстремистском движении, и широкое распространение деструктивных навыков «Аль-Каиды» свидетельствует о серьезной угрозе для нас в обозримом будущем»²¹⁹. Поддержка Америкой Израиля, России, Китая, Индии, Алжира, Узбекистана и других стран, воюющих с радикальным исламизмом, поддержка Америкой тираний в мусульманских странах, попытки контролировать арабскую нефть, боевые действия в Афганистане, Ираке, на Аравийском полуострове способны создать стратегическую уязвимость Запада.

Сотрудник ЦРУ «Аноним» полагает, что «способ, каким мы видим и интерпретируем людей и события за пределами Северной Америки, густо окрашен на-

шим высокомерием и самососредоточенностью, доходящими до некоего имперского наваждения». Если Запад не будет учитывать различие в цивилизационном восприятии, противостояние мусульманского и западного миров может длиться неограниченное время. «Аноним» предлагает «признать факт, что нас ненавидят, никаких иллюзий на этот счет»²²⁰. Америка находится в состоянии войны с исламом — и это серьезная война, а не результат невротики нескольких фанатиков. И теперь, когда американцы противостоят воинствующему исламу, «они должны понять, что решение этого противоречия не может быть безболезненным; и не следует ожидать быстрой трансформации мусульманского мира в демократическую систему западного типа».

Как выстоять?

Казавшийся анемичным ближневосточный мир в начале XXI в. начал жесткое сопротивление главенствующей цивилизации. Только более софистичное понимание агонизирующего огромного мира ислама, раскинувшегося от Атлантического океана до Тихого, дает надежду межцивилизационному сближению, подлинную альтернативу террору с обеих сторон.

Реальной альтернативой является только полный выход американцев из Ирака. Вьетнамский вариант. Нет сомнения, что он болезненный и встретит тысячу «но». Однако все остальные сценарии так или иначе сводятся к усилению на берегах Персидского залива шиитов, к росту воинственности мусульманского мира, к сближению между собой нефтедобывающих стран. К потере союзнической дружественности важных партнеров. К сплочению обиженных развивающихся стран. К союзу России с Китаем и Индией.

Президент Линдон Джонсон вначале тоже и думать не смел об альтернативе американского триумфа, но к февралю 1968 года убедился в порочности всех насиль-

ственных вариантов. Президент Буш тоже начинает испытывать отвращение к бесконечным похоронам.

А союзники? Кроме верных бриттов, стоических японцев и угождающих поляков здесь уже нет союзнического половодья. А внутри страны? 11 сентября не имело продолжения, почему же Соединенные Штаты должны развернуться по всем азимутам? Почему они должны смотреть на карты Ирана, Сирии, Саудовской Аравии? Особенно важна своей нефтью последняя, но именно она *более неспособна* исполнять роль непотопляемого авианосца Америки на Ближнем Востоке. Напуганный Усамой бен Ладеном и общим антиамериканизмом, Эр-Рияд перестает оказывать Америке безоговорочную помощь. Сначала саудовский королевский дом отделился от Афганистана, а затем — от Ирака. «Давайте продолжать изображать превосходные отношения с Саудовской Аравией, а под прикрытием этого искать нового главного фаворита» — пишет Гендерсон²²¹. Все консервативные арабские режимы пока «складывают все яйца» в американскую корзину. Но они боятся, что речи о демократизации американцы вдруг начнут воспринимать серьезно. Никто не согласен своей рукой совершить самоубийство.

Большинство арабских правительств словесно — за победу американцев в Ираке. Но в глубине души они ждут американского поражения здесь. Да и сами американцы дрогнули. Чего стоят лишь тайные визиты в Ирак американского президента. А возможный претендент в президенты от демократической партии — генерал Уэсли Кларк: «Мы создаем больше врагов, чем союзников»²²². Ирак в конечном счете желает мира и самостоятельности.

Неустойчивость однополярности

Огромный мир, так или иначе, обязан обсуждать, что означает для него феноменальная американская мощь в XXI веке. Но эта мощь — не константа. В самих

Соединенных Штатах не прекращается весьма ожесточенная полемика по поводу определения оптимальной линии поведения в мире — максимального могущества и минимального напряжения на внутренние экономические и силовые основы страны.

Америка после войны в Ираке стала «сверхдержавой минус». Глобальная симпатия уступила после войны в Ираке место широко распространенному подозрению в отношении подлинных мотивов реализации американской мощи.. Максимы типа «кто не с нами, тот против нас» могут породить лишь смятение в среде друзей и ненависть в стане потенциальных противников. «Возникает риск того, что за границей Америку будут воспринимать как поглощенную в свои проблемы; антиамериканская идеология будет набирать международный престиж по мере того как США будут вести себя как самоназначенный шериф»²²³.

Тактику президента Буша-младшего Збигнев Бжезинский называет «теологическим подходом». Его проблема в том, что практически никто в мире не разделяет его одностороннего подхода. «Определение терроризма как врага ведет к игнорированию того факта, что терроризм является летальной техникой устрашения, используемой отдельными индивидуумами, группами, государствами. Но невозможно вести войну против техники или тактики. Скажем, во Второй мировой войне никто не воевал с блицкригом»²²⁴. Никто не может игнорировать ту историческую реальность, что главной причиной направленного против США терроризма является американская вовлеченность в ближневосточную ситуацию. И терроризм, и распространение средств массового поражения «являются симптомами болезненного состояния мировых проблем. Излечение требует последовательной стратегии, которой пока нет». Мир как бы осознал несправедливость условий человеческого существования в различных районах Земли.

Беспрецедентный рост политического сознания «среди масс, сделал эти массы крайне восприимчивыми в отношении эмоциональной привлекательности национализма, социального радикализма и религиозного фундаментализма. Этим порывам способствуют осознание неравенства, понятное чувство зависти, раздражения, враждебности, интенсифицированным самовозвышающим культурным и религиозным презрением в отношении гедонизма привилегированных». В этой ситуации мобилизация масс не потребует особых усилий. Как признает Бжезинский, «в отличие от слабых, сильные не могут позволить себе роскошь свехупрощения». Первые, часто находя несовместимость ислама и других религий с модернизацией, бьются с «великим Сатаной», вторые обязаны проанализировать ситуацию. Но и первые имеют шанс. «Ислам теологически не более враждебен демократии, чем христианство, иудаизм или буддизм»²²⁵.

И все же, как полагает Бжезинский, на протяжении нескольких грядущих десятилетий самым опасным регионом Земли, «мировыми Балканами», источником потрясений будут страны ислама. Основные битвы Америки произойдут именно здесь. Задачей целого поколения американцев будет умиротворение этого региона, где сконцентрирован наибольший объем политической несправедливости, социального бедствия, демографического роста, высокоинтенсивного насилия. Именно здесь сосредоточены 68 процентов мировых запасов нефти, 41 процент газа. Запад будет потреблять 60 процентов этих энергетических богатств (16 процентов — Западная Европа, 25 процентов — США, 19 процентов — Дальний Восток). Взрывным элементом региона является разделенный Курдистан и обиженная Палестина.

Бжезинский не верит в прочные американо-индийские узы — во-первых, причиной тому этническая и религиозная мозаика, угрожающие единству индий-

ского государства; во-вторых, враждебность Пакистана и Китая. Что касается России, то Бжезинский ставит под вопрос возможность ее превращения в главного стратегического партнера Америки. Он предполагает, что занятость Америки в Ираке подвигнет Москву на новое давление в отношении Азербайджана и Грузии. Он явно занижает значимость России как «нелюбимой» прежними зависимыми территориями. «Нынешняя российская неспособность служить социальным примером ослабляет ее значимость для США как международного партнера... В конечном счете Америка имеет лишь одного настоящего партнера в решении проблемы «глобальных Балкан», и этот партнер — Европа, организованная в Европейский союз и интегрированная в военном отношении с Соединенными Штатами».

Ключевой вопрос будущего, согласно Бжезинскому, это «проснутся ли Соединенные Штаты окруженными ненавидящими их антиамериканскими демагогами, или Америка построит привлекательное мировое сообщество, имеющее общие интересы»²²⁶. Последнее не предполагает мировое правительство, которое Бжезинский называет непрактичной идеей — единственным мировым правительством может быть лишь американская глобальная диктатура (нестабильное, саморазрушающее предприятие).

Это осевая идея. Только союз с Европой кажется Бжезинскому залогом долгого американского глобального доминирования. «Будучи вместе, Соединенные Штаты и Европейский союз являют собой основу глобальной политической стабильности и экономического богатства». (Желательной была бы и поддержка этого союза Японией). На основе союза США и ЕС можно создать мощное международное сообщество, привлекательное для многих. Итак, лидерство, а не доминирование; привлечение европейских союзников, а не их высокомерное игнорирование, «интеллектуально ответственные усилия того, кого американский народ из-

брал своим президентом и который обязан приложить силы для просвещения собственного народа... И лишь два берега Атлантики, работая вместе, могут проложить подлинно глобальный курс, который улучшит состояние международных отношений». Трансатлантический альянс США-ЕС, вот на чем следует строить Союзным Штатам мировую политику. Так советует традиционный «атлантический» истеблишмент нуворишам и новичкам неоконсервативной волны.

Исходя из этого базового элемента, Вашингтон должен формализовать систему отношений в треугольнике Америка — Япония — Китай. В противном случае Азия второго десятилетия XXI века будет напоминать Европу второго десятилетия XX века. Если же Япония и Китай сомкнут руки на основе односторонней ремилитаризации Японии (способной быстро стать ядерной державой), то в американском мире произойдет нечто сродни военно-политическому цунами. Тогда Америке придется быть «одиноким крепостью на холме, отбрасывающей угрожающую тень на все низлежащее. Тогда на Америку будет сфокусирована ненависть всего мира»²²⁷.

США должны достичь максимально возможной в условиях технологической революции безопасности — но не за счет собственного ухода в свою североамериканскую скорлупу, ибо тогда «мир немедленно погрузится в политически хаотический кризис. Европа, будучи в состоянии брожения, устремится к особому соглашению с Россией. На Дальнем Востоке, на Корейском полуострове разразится война, которая ускорит ядерное вооружение Японии. В Персидском заливе Иран станет доминирующей державой, угрожая соседям-арабам». Американцам придется немедленно вступить в локальные войны, чтобы сократить их масштабы.

«Политически мощная Европа, способная конкурировать экономически и не зависящая более от Со-

единенных Штатов, практически неизбежно будет противостоять Америке в двух регионах, стратегически важных для Америки: на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Соперничество будет особенно ощутимо на Ближнем Востоке, находящемся рядом с Европой и откуда Европа получает столь необходимую ей нефть»²²⁸. И все же именно здесь, по мнению Бжезинского, пролегает главная линия, способная помочь доминированию Америки в мире на несколько ближайших десятилетий.

Так проатлантический истеблишмент, господствовавший в США пятьдесят лет, между 1941 — 2001 годами, старается противостоять неоконсервативной Америке, пришедшей к власти с президентом Бушем-младшим.

Глава 16

ВАШИНГТОН, БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ЕВРОПА

Многие из нас, офицеров, знают, что, сколько бы мы ни выигрывали тактических сражений, мы потерпим стратегическое поражение

*Генерал Одом, январь 2006 г.*²²⁹

Еще на раннем этапе межатлантического кризиса по поводу Ирака Генри Киссинджер предсказал «катастрофические последствия для Атлантического альянса». Так и случилось. Взаимоотчуждение приняло невиданные прежде пропорции. Существуют два подхода к объяснению кризиса в межатлантических отношениях. *Первый* исходит из некоторых имманентных особенностей двух регионов; *второй* — из естественно-го закона, диктующего развал любой из имеющихся в мировой истории коалиций после того как цели, связывавшие данную коалицию либо были достигнуты, либо исчезли.

Первый подход: ренессанс Америки и декаданс Европы

Первый подход, возможно, ярче других подает идеологический лидер американских неоконсерваторов Роберт Кэген: «Американцы прибыли с Марса, а западноевропейцы — с Венеры». Американцы воинственны потому что сильны, а европейцы миролюбивы, потому что слабы. Кэген подает Америку страной из жестокого мира постоянного конфликта Гоббса, где побеждает сильнейший, где правит сила, где в борьбе за выживание в мире Марса приходится постоянно думать о вооруженной готовности. Эта воинственность развивалась в Соединенных Штатах долгое время, готовность к территориальной экспансии характеризует все четыре века американской истории.

В Европе же царствует компромисс, государства отошли от силовых решений своих противоречий, где господствует пацифизм — господствует Венера. Благодушествующие европейцы начинают развивать в себе чувство морального превосходства над бездумно воинственными американцами. Величие европейских достижений сделало Старый Свет опасно слабым в силовом смысле. Но европейцы не задумываются над тем, что именно «молодой» энтузиазм Америки позволяет «старой» Европе предаваться расслабленному образу жизни — американский Марс защищает ее от мировых бед. Куда девалась могучая традиция воинственных европейских государств? Кэген полагает, что две мировые войны, характерные невероятной жестокостью, создали у европейцев новый менталитет. Сегодняшняя «кантианская» («Вечный мир») Европа пытается дистанцироваться от воинственной Америки, боясь, что вирус насилия ослабит их нынешнюю predisposition к мирному решению международных проблем.

Европейский «бунт» вызывает эмоциональный тайфун в американской прессе. Роберт Кэген: «С окончанием переговоров и инспекций и началом боевых действий все встало на свои места; американское глобальное превосходство возвратило Америке ее статус глобальной сверхдержавы, а Францию так и оставило Францией и не более». Джордж Уилл: «ООН едва ли можно воспринимать серьезно, если она помогает сохранять фикцию восприятия Франции как значительной державы... Франция иллюстрирует собой безнадежное желание Европы обрести геополитический вес, не платя при этом цену, особенно в военной области. Даже если Европа соберет свою волю в кулак, ее увядающая экономическая энергия не позволит ей достичь своих целей». Чарльз Краутхаммер: «Французы провели последние десять лет в роли адвокатов Саддама Хусейна». Фарид Закария: «Франция и Россия владеют статусом постоянных членов Совета Безопасности ООН только потому, что они были среди победителей в войне, закончившейся 50 лет назад. (И даже в этом случае слово «победитель» едва ли приложимо к Франции».) «Харперс мэгэзин» пишет, что «в Европе все более множатся забитые и неуверенные в себе люди, не знающие своего места на планете». Никлас Фрейзер: «Страх перед неизвестным пронизывает европейскую цивилизацию — и это, в частности, означает страх перед Америкой и всем тем, что она защищает».

Этот подход уделяет значительное внимание личностям — президент Ширак «играет в де Голля», канцлер Шредер зависит от антиамериканизма левых. Но европейцам, полагают главенствующие в Вашингтоне неоконсерваторы, так или иначе придется привыкнуть к ситуации, когда ее военная сила попросту не принимается во внимание. Именно в условиях европейского бессилия у американцев не осталось альтернативы односторонним действиям. А Европа должна признать оборонительную функцию Америки. Американская гегемония — это «приемлемая плата за европейский парадиз».

Второй подход: борясь с терроризмом, США потеряли ЕС

Второй подход исходит из того, что в межатлантической ссоре «виноват» не Саддам Хусейн, а окончание холодной войны, исчезновение восточной угрозы и соответствующее недовольство лидером, взявшим на себя одностороннее руководство миром. Это более глубокий подход.

Смещение командой Буша-мл. фокуса с «Аль-Каиды» к Ираку в Европе не могут оправдать. Это чрезвычайно повлияло на популярность Америки. Престиж ее уменьшился более чем на 15 процентов в таких странах, как Германия, Франция, Россия. В натовских странах, таких как Британия, Германия, Франция и Италия, российский президент В. Путин стал более популярным политическим деятелем, чем президент Соединенных Штатов. Как пишет бывший госсекретарь США М. Олбрайт, «я никогда не думала, что придет день, когда Соединенных Штатов будут бояться те, в отношении которых США не имеют ни намерения, ни желания нанести ущерб».

Президент Буш-мл. сделал это возможным, когда вместо борьбы с «Аль-Каидой» призвал к борьбе против одной из арабских стран и в поддержку доктрины «предваряющего удара» — все в одном пакете. «Многие из тех, кто противостоял «Аль-Каиде», — пишет Олбрайт, — решили, что они не хотят быть с Соединенными Штатами... Европейцы чувствуют неловкость в отношении американских претензий — вкупе с американскими сомнениями в европейской решимости это создает потенциал для долговременного и опасного разъединения». Это была война «по выбору, а не по необходимости», и большинство европейцев вовсе не разделили восприятия и чувств и логики

американцев. Связав Ирак с Усамой — что было явно несправедливо, администрация Буша стала подавать таких союзников, как французов и немцев, не просто как «несогласных», но как предателей. Это не могло не вызвать межсоюзнического кризиса. Европейцы же просто не желали очевидного слома многолетних прежних правил и замены их одиозными новыми — американскими.

С нажимом на союзников участвовать в крестовом походе против Ирака пришло то, что еще скрывала инерция после 1991 года: Атлантический блок потерял свою релевантность. Во всей очевидности начало проявляться то, что американский исследователь Раджан Менон называет «дискомфортом относительно однополярного мира». Именно этот «дискомфорт» сделал невозможное прежде: недовольство *Rach Americana*, проявлявшееся прежде лишь Россией и Китаем, откровенно распространилось на весь континент, включая европейский полуостров. Прежний противник Западной Европы стал ее ближайшим потенциальным союзником — поразительная трансформация, но естественная для исторического процесса: окружение лидера неизбежно стремится создать ему противовес.

Прежние апологеты НАТО бросаются в идейную схватку. Они демонстрируют буквально виртуозность, пытаясь придать официально именуемому *оборонительным* Североатлантическому союзу новые, неведомые ему функции за пределами прежней сферы блока, стремятся расширить его состав, живописуют его потенциальные глобальные функции. В ход идут поиски общих угроз: терроризм, распространение оружия массового поражения, миссии по поддержанию мира в отдаленных регионах. Напрасно. Все это не может быть объединяющим началом для *военного* союза. «Расширение на Восток, — пишет американский исследователь Шон Кей, — как организационное нововведение, выдвигаемое в ответ на неясность общей цели, обещает превратить НАТО в еще менее сплоченную ор-

ганизацию, не добавляя ей при этом ни мощи, ни релевантности».

Указанные аморфные цели не способны ни создать общее эмоциональное поле, ни стремление к общим жертвам. И уж никак не страсть достичь консенсуса всеми возможными средствами. НАТО начинает терять преимущество перед двусторонними межгосударственными связями. Становится все более непонятным, почему решения проблем в далеких регионах требует призыва к военно-политическому союзу Северной Атлантики *целиком*? Это уж слишком похоже на попытку контроля Запада надо всем миром.

Более того. Расхождение геополитических интересов разводит два региона, которые прежде объединяла единая внешнеполитическая цель. А действия за пределами прежней «ответственности» Североатлантического союза способны лишь вызвать обоюдные трения. Все это накладывается на приход в власти политических лидеров, для которых аргументы эпохи холодной войны значимы все меньше. Добавление к военному союзу весьма разнородных по политико-экономико-социальным характеристикам новых членов способно лишь еще более усложнить процесс принятия решений в Североатлантическом союзе — и без того непростой и чреватый разногласиями в свете обязательности *консенсуса*. Трудно даже представить себе расширенное, гораздо более «пестрое» НАТО, принимающее единогласное решение по поводу военных операций далеко за своими пределами.

Замирение в Европе, консолидация демократии (того или иного сорта), приведут к тому, что, как пишет Раджан Менон, «участие Соединенных Штатов перестанет быть условием *sine qua non* мирного развития Европы». Становится все более очевидным, что западноевропейский регион привязывает к себе более 100 тысяч американских военнослужащих в тот самый момент, когда они — во исполнение «доктрины Буша» —

гораздо более нужны в совсем иных частях планеты. Поставленные этой доктриной задачи требуют упора на авианосцы, авиацию дальнего радиуса действия, на легкие — десантные силы, а не на прикованные к полям и дорогам Европы танковые колонны и пикирующую авиацию.

Никто не согласен быть вторым

Трения не заставили себя ждать, как только американцы стали испытывать раздражение по поводу морализаторства «неблагодарных» европейцев, а европейцы возмутились буквально нарочитой американской односторонностью в международных действиях. Рефлекс Соединенных Штатов *наказать* критиков и ослушников более чем способен развалить и дисциплину и структуру блока, созданного в ушедшую эпоху. Западную Европу не удовлетворяет делегируемая ей Вашингтоном роль «выигрывать мир» после того, как американцы выиграют в очередной стране войну. Западноевропейцы не согласны с афоризмом американца Тимоти Эша «Америка готовит, а Европа моет посуду».

У европейцев есть все материальные предпосылки хранить себя и свои интересы, недостающим элементом является политическая воля. Кризис НАТО и порождает эту волю. Вот как об этом говорит Раджан Менон: «Растущее чувство ненужности НАТО способно породить жизненно важный ингредиент — волю, что будет стимулировать собственно европейские решения и покончит со стратегическим инфантилизмом, порожденным полувековой опорой на Соединенные Штаты».

Численность членов ЕС достигла цифры 25 членов (и это не предел). Важнее сопутствующее обстоятельство — неукротимое стремление Европейского Союза создать *сепаратную* военную организацию. В настоящее время ее непосредственными создателями явля-

ются Франция, Германия, Бельгия и Люксембург. Это долгий процесс, и не следует преуменьшать силу атлантизма в Европе. Будущее едва ли таит немедленное взаимоотноуждение двух главных регионов Запада, где само понятие «Запад» потеряет смысл. Два самых могущественных региона, возможно, найдут *модус операнди*. Но не на основе Североатлантического союза. Америка вернется к стратегической линии, которой она следовала большую часть своей истории — без «обязывающих союзов».

Прежде Америка в своих отношениях с Западной Европой всегда имела *три козыря*. *Первый* — лидерство в холодной войне. *Второй* — сильный доллар («я вас защищаю, и я даю вам всеобщий эквивалент»). *Третий*: как давнее наследие рейганомики Америка живет с огромным внутренним дефицитом. Американцы расходуют значительно больше, чем зарабатывают. Дефицит платежного баланса составил в 2002 г. 500 млрд. дол., что составляет 4,8 процента американского ВВП. Разницу покрывают иностранные инвесторы, главные среди них — западноевропейцы. Они делали это охотно. В период клинтоновского бума вложения в американскую экономику были сугубо прибыльными.

Но мир не стоит на месте. Частично исчезли, частично ослабили столь мощные еще в 1990-х годах объединительные звенья. С окончанием холодной войны исчезла потребность в США как в военном союзнике. С выходом на экономическую арену *евро* и этот фактор потерял свою значимость. Что касается инвестиций, то пришли иные времена. Начиная с 2001 г. американская экономика остановила свой бег. Перенасыщенность американской экономики инвестиционным капиталом резко ослабила доллар. Инвестирование европейцами своих капиталов в американские компании потеряло свою привлекательность. Поток инвестиций в американскую экономику уменьшился с 300 млрд. дол. в 2000 г. до 23 млрд. дол. в 2002 г.

Чтобы продолжать привлекать европейский капитал, американцам придется повысить ставку учетного процента. Но это же ограничит свободу маневра американского правительства — придется выбирать между расходами на военную сферу и внутренними расходами. В настоящий момент похоже, что администрация Дж. Буша-младшего встала на путь рейганомики, на путь значительного расширения военных расходов и понижения налогов на богатых, на путь игнорирования огромных дефицитов федерального бюджета. Дефицит платежного баланса составит 500 млрд. дол. в 2003 г. Проекция дефицита на 2004 г. (согласно МВФ) — те же 500 млрд. дол. (4 процента от ВВП). Предсказания других аналитических организаций еще менее благоприятны для США. Дефицит бюджета в 2004 финансовом году составит 246 млрд. дол. (и это еще не учитывая затраты на войну в Ираке, где расходам пока не видно конца (пока речь идет о дополнительных 87 млрд. дол.)).

Способы сдерживания Европы

Во-первых, Соединенные Штаты категорически и без оговорок выступают против любой формы создания самостоятельной европейской военной системы. Вашингтон официально выступает против формирования западноевропейских сил быстрого реагирования, находящихся вне сферы компетенции НАТО (то есть, Вашингтона). Аргументы однообразны: зачем дублировать натовские структуры; к чему делать то, что уже сделано или легко может быть сделано через посредство Североатлантического союза. Западной Европе следует помогать Америке, а не бросать ей вызов.

Во-вторых, Соединенные Штаты активно используют тактику «разделяй и властвуй». Вашингтон активно протезирует вступление в Европейский Союз Турции, полагая, что тем самым введет в состав потен-

циального конкурента элемент почти инородного политико-цивилизационного значения, ослабит скорость формирования европейского «нуклеуса». «Соединенные Штаты, — полагает Кристофер Лейн, — так же поддерживают расширение НАТО, питая надежду, что «Новая Европа» (Польша, Венгрия, Чешская Республика и Румыния), которая вошла в ЕС в 2004 г., будет на стороне Вашингтона против Франции и Германии по большинству важных вопросов. Для Соединенных Штатов Европа, которая будет говорить разными голосами, является *оптимальной*; именно поэтому Соединенные Штаты способствуют силам, стремящимся довести до краха процесс «надгосударственного строительства» в ЕС».

В-третьих, американцы продолжают убеждать самых различных европейцев, что американское присутствие в Европе необходимо для контроля над потенциальным стремлением к региональному доминированию Германии. О германской угрозе в несколько завуалированных фразах говорил президент Дж. Буш-младший во время саммита НАТО в Праге в ноябре 2002 г. «Тысячи наших солдат в униформе стоят от Балкан до Баварии, готовые принести любую жертву ради будущего континента». Кристофер Лейн приходит к выводу: «Американская политика направлена на поощрение внутриевропейского противовеса устремлениям Франции и Германии создать единый европейский противовес американской гегемонии».

И это в значительной мере удастся Вашингтону. В январе 2003 г. руководители Британии, Италии, Испании, Португалии, Дании, Польши, Венгрии и Чешской Республики *поддержали* политику США в отношении Ирака. Возникло своеобразное разделение на «Старую Европу» и проамериканскую «Новую Европу». В то же время создалась ситуация, когда «старая Европа» в составе прежде всего Германии, Франции и России стала противостоять стремлению США к мировой гегемонии.

Невозможно просто отменить старый закон «политической гравитации», согласно которому независимые государства беспокоятся, прежде всего о своей безопасности, из которого следует, что стремление одной страны к абсолютной гегемонии неизбежно вызывает желание остальных, не полностью потерявших свою независимость игроков на международной сцене, к группированию против гегемона.

Пока еще в Вашингтоне не ощущается тревоги. Здесь еще полагают, что феноменальная мощь Америки неодолима ни при каких дипломатических комбинациях. Попросту при современном раскладе сил формирование контрбаланса Америке не имеет реальной перспективы. Некоторые полагают, что сил у Америки хватит при любом раскладе сил.

Но зрелыми стали и сомнения. «Кумулятивный эффект американской экспансии — войны и последующие оккупации на Балканах, в Персидском заливе, Афганистане — в ходе войны с терроризмом; а также возможные будущие войны против Северной Кореи, Ирана, Сирии или с Китаем из-за Тайваня — будут иметь, — полагает Кристофер Лейн, — *нервирующий эффект* на мощь Соединенных Штатов».

Вполне возможно, что Франция и Германия станут непосредственной целью американского давления, усугубляя расхождение двух материков. Тогда эти две страны (с ближайшими союзниками) неизбежно будут искать союзных связей с оттесненными историей Россией и Китаем. До сих пор Париж и Берлин демонстрировали весьма удивительную стойкость, не соглашаясь с Вашингтоном. И не случайно министр иностранных дел Франции Доминик де Вильпен сразу же после падения Багдада вылетел в *Тегеран*. У Европейского Союза большое будущее. Создатель «евро» Роберт Мунделл полагает, что в Европейский Союз вступят еще не менее *пятидесяти* государств — и все они в конечном счете перейдут на евро. Среди этих стран — все государства

Центральной и Восточной Европы, Центральной Азии и даже некоторые государства Северной Африки. Евро станет подлинным соперником доллара. Европейская экономика будет расти быстрее американской. Европа загасит процесс уменьшения своего населения.

Перспективы

Европа, может быть, и напоминает кому-то Венеру (неспособную противостоять американскому Марсу), но в ходе подготовки войны в Ираке американцам никак не удалось уговорить «слабых европейцев» согласиться с ними в восприятии Ирака как угрозы и в необходимости блокировать эту угрозу силовыми методами. Европейцы с охотой цитируют все оценки, говорящие о преходящем характере американской гегемонии.

Таких, как, скажем, оценка, данная американским исследователем Чарльзом Купчаном: «Две необратимые тенденции свидетельствуют о том, что период однополярности не может длиться долгие десятилетия. Ни одна доминирующая держава не способна поддерживать свою мощь бесконечно. Со временем встанут к мировому могуществу другие державы. Диффузия экономического могущества происходит ныне быстрее, чем когда-либо в истории. Ближайшим конкурентом Америки будет не некая отдельно взятая страна, а Европейский Союз, который консолидирует ресурсы своих государств-членов». Европа уже превосходит Соединенные Штаты в торговле и финансах. В военной сфере Европа бесконечно отстает, но стремится несколько исправить положение созданием единых вооруженных сил. К 2025 г. Европа нагонит Америку (а позже оба региона ощутят растущую мощь Азии. Меняется сам характер американского интернационализма. «Однополярность покоится, — размышляет Купчан, — на существовании политического класса, который не только пользуется плодами доминирова-

ния, но готов предоставить свои ресурсы для поддержания всех «в строю» и расходовать на поддержание этого доминирования». Но с окончанием холодной войны американское население — взятое в целом — не ощущает абсолютной необходимости нести расходы по полицейским функциям в масштабах всего мира. Нужно ли напрягать американское общество платить кровью и деньгами за поддержание глобального порядка? 11 сентября 2001 г. подняло патриотическую волну, но насколько продолжительна американская решимость? В период Тонкинской резолюции конгресса (август 1964 г.) американский народ готов был нести жертвы во Вьетнаме, но к концу 1960-х годов эта решимость иссякла. В отсутствие прямой и непосредственной угрозы Соединенным Штатам мобилизация общества на военные и паравоенные кампании будет все более сложным делом. Роль мирового полицейского сопряжена с очевидными жертвами. И в сегодняшней Америке интернационализм, по мере поступления сведений о новых жертвах в Ираке, теряет стойких сторонников. Вот уже сенатор-демократ Эдвард Кеннеди говорит об Ираке как о «не том месте», где следует прилагать американскую мощь.

Что мы видим в результате? Совместите подъем Европы и Азии с упадком энергичного интернационализма в Соединенных Штатах, и вам станет ясно, что доминирование Соединенных Штатов в мире не может продержаться бесконечно долго.

Удар по Ирану?

Многие американские специалисты всерьез сомневались в том, что администрация Буша может нанести удар по Ирану. Но в конце марта 2006 года эти сомнения начали ослабевать.

Вице-президент Ричард Чейни произнес важную речь, в которой содержалась угроза, направленная про-

тив Ирана. Государственный секретарь США Кондолиза Райс заявила перед Конгрессом США, что Иран является самым серьезным вызовом Америке. Президент США Буш обвинил Иран в пособничестве нападению на американских солдат. «Неоконсерваторы бьют в барабаны, в то время как кабельные средства массовой информации обрамляют свои сообщения баннерами с такими словами, как «обратный отсчет» и «решительное выяснение отношений». Месяцами я говорил тем, кто брал у меня интервью, что никакой высокопоставленный политик или военный не рассматривает всерьез военное нападение на Иран. В последние несколько недель я изменил свое мнение»²³⁰. Джозеф Циринционе: «Я им доказывал, что военный удар стал бы губительным для Соединенных Штатов. Он привел бы к тому, что иранская общественность сплотится вокруг в остальном непопулярного режима; он разжег бы гнев против американцев во всем мусульманском мире; он поставил бы под угрозу и без того уже хрупкие позиции США в Ираке».

Часть IV

КАК УМИРОТВОРИТЬ НОВЫЙ ИРАК

Глава 17

СТУПОР В МЕСОПОТАМИИ

Вместо того чтобы видеть свет в конце тоннеля, некоторые опытные обозреватели пришли к выводу, что Соединенные Штаты очутились в темной аллее, из которой нужно срочно бежать²³¹.

А. Нортон и Ф. Каземи, 2005

Условия генералов

Перед ноябрьским наступлением на Фаллуджу генерал Джон Абизайд, командующий американскими войсками в Ираке и в Афганистане, пришел к заключению: «Когда мы выиграем эту битву — а мы ее выиграем — в Ираке не останется места прятаться от нас». Фаллуджу американцы взяли, и генерал Джон Саттлер, командующий военно-морской пехотой в Ираке, сказал, что на этот раз повстанцам перебит спинной хребет». Но шли месяцы, а ожесточенность иракского сопротивления *не* ослабевала. Несмотря на это, через семь месяцев вице-президент Ричард Чейни заявил, что повстанческая активность в Ираке находится «при последнем издыхании». С ним согласился генерал-лейтенант Джон Вайнс — командующий союзными войсками в Ираке: «Инсургенты уже не усиливают своих операций»²³². Но весь этот показной оптимизм рух-

нул в 2005—2006 годах, по мере того как иракские силы доказали, что их не сломить.

Трехлетний опыт говорит о том, что постоянные заявления военной верхушки администрации Бушамладшего о грядущей победе характерны лишь своей пустотой. Американцы еще не приняли решения о выходе из Ирака, но они уже практически все согласны в том, что курс действий в Ираке надо менять, прежний успеха не обещает. Поразительно, но американские генералы сейчас во всеуслышание рассказывают, что попытки создать единую «стратегию коалиции» предпринято *никогда* не было.

Теперь американцы пытаются в массовом порядке тренировать «свою» иракскую армию и поставить ее впереди себя на боевых позициях. Стратегия не новая, особенно если вспомнить Южный Вьетнам, но и не многообещающая.

Как победить

Не имея продуманной и связной стратегии, американские вооруженные силы в Ираке так и не сумели победить повстанцев. На победу Вашингтон может рассчитывать только тогда, когда американцы в униформе будут прежде всего обеспечивать безопасность иракцев, а не отдавать все силы засадам, погоням, поискам повстанцев. Пока же, несмотря на постоянные утверждения администрации Буша об успешном решении иракской проблемы трехлетние результаты битвы в Месопотамии не дают Вашингтону оснований для рассуждений об успехе. Численность погибших американцев приближается к двум с половиной тысячам. В американском народе растет протест, американские вооруженные силы начинают испытывать опасное перенапряжение. Все большее число американцев приходит к выводу, что старые методы бесперспективны, что без нового подхода поворот в войне практически невозможен.

Несколько раз высшие американские чины считали возможным делать победные заявления. Так, в мае 2004 г., вскоре после взятия повстанцами Фалуджи начальник Объединенного комитета начальников штабов генерал Ричард Майерс сказал: «Я думаю, что мы находимся на грани успеха». Шестью месяцами позднее он признал, что победа находится дальше, чем в победном мае.

Теперь американцам пришлось задавать немыслимые прежде вопросы. «Почему сумма в 100 млрд. дол., предназначенная на безопасность и реконструкцию, оказалась недостаточной для подъема Ирака? В конце-концов, это второразрядная страна с вторыми по величине запасами нефти в мире. До войны валовой национальный продукт на душу населения в Ираке составлял примерно половину американского, но войны и изоляция довели иракский ВВП на душу населения в начале 2000 годов до менее чем 1 процента американского: 243 ам. дол. в Ираке и 32 260 в США»²³³.

Окрепла точка зрения, что Вашингтон пошел войной ради огромных нефтяных богатств Ирака²³⁴.

Как замирить?

Но как замирить пылающий Ирак? Ответ на это был продолжением спора министра обороны Дональда Рамсфелда и начальника штаба армии генерала Эрика Шинсеки. Рамсфелд стоял за небольшую мобильную армию, а Шинсеки требовал войска, значительно превышающие 200 тысяч солдат. В послевоенных дебатах выяснилось, что генерал Шинсеки вообще стоял против войны в Ираке, так как знал, что за боевыми действиями (возможно, победными) последует нерешаемая задача создать целую страну с определенным политическим строем и множеством этноконфессиональных особенностей. А если воевать, считал начальник штаба армии, то нужно было иметь вдвое большую армию,

чтобы плотно контролировать Ирак. Даже официальный историк американской армии утверждает, что «никто не удосужился создать документа, определяющего стратегию консолидации страны после окончания военных операций»²³⁵. И специалистов по наведению послевоенного порядка должно было быть вдвое больше. Шинсеки с его требованием послать в Ирак 250 тысяч солдат стал обретать популярность.

Американские генералы начали выдвигать проекты призыва 30—40 тысяч солдат из таких крупных стран, как лидеры НАТО, России, Индии, Китая, а не теревить десятки мелких стран. Запросы пришли слишком поздно. Буш попросил Путина о 40 тысячах солдат, попросил Индию о 17 тыс. военнослужащих, Китай о 50 тысячах — все это было отвергнуто на фоне народной войны, развернувшейся в Ираке. Китайский ответ: «В совершенном мире такие соглашения, возможно, были бы нормальными. Но мы живем не в совершенном мире. И американское правительство никак не движется к более совершенному миру»²³⁶.

Вот как видят будущее сторонники большой международной армии в послевоенном Ираке: никакого хаоса, грабежа, уходящей в пустыни иракской армии вместе со своим оружием, никакого восстания Муктада аль-Садра, никакой народной милиции. Все это можно было избежать. И силы, в которых отчетливо видны были бы славяне и азиаты, смягчили бы антиамериканизм иракского населения. Поскольку этого не произошло, Белый дом изобрел подходящее выражение: «Катастрофический успех». Некоторые западные авторы заговорили о «пирровой победе».

Весной 2004 г. один из деятелей Пентагона Томас Барнет издал книгу «Новая карта Пентагона», которая получила необычайный отклик особенно из среды американских военных. Речь шла о том, как «выиграть мир», как возобладать в послевоенном Ираке. Собственно, Барнет призывал создать две армии — одну

(Левиафан) для демонстрации боевых способностей, а вторую — для умиротворения, перестройки и возрождения завоеванной страны (автор называет ее Администрацией Системы — System Administration, SysAdmin). Начиная с 2004 г. дискуссии среди американских стратегов свелись к созданию «армии четвертого поколения», способной не только разбить противника, но восстановить поколебленное государство. Чем лучше Левиафан, тем *больше* должна быть SysAdmin. К последней, по мысли американских стратегов, должны принадлежать столпы современного мира — Европа, Россия, Индия, Китай, Бразилия. Американцы готовы дать Сисадмину часть своей пехоты и военно-морской пехоты.

Сисадмин проникнет в завоевываемую страну вместе с штурмовыми ударными группами, но всю свою энергию проявит во второй части военно-политического действия как часть Международного фонда реконструкции.

Мировой порядок согласно американским стратегам должен поддерживаться «группой восьми» — главы наиболее мощных держав, а на более низком уровне «группой двадцати — функционирующей основой глобализации (Аргентина, Австралия, Бразилия, Канада, Китай, Европейский Союз, Франция, Германия, Индия, Италия, Япония, Мексика, Россия, Южная Африка, Южная Корея, Британия, Соединенные Штаты плюс Индонезия и Турция, а также главный источник энергии — Саудовская Аравия. На эти двадцать стран приходятся две трети мирового населения и 90 процентов глобального валового внутреннего продукта.

Г-8 постепенно будет расширяться, постепенно включая в себя страны из Группы-20. Китай видится первым претендентом на вхождение в группу Г-8. Хотя первоначально Г-8 была настроена на экономические проблемы, переворот произошел после 9/11. Г-8 будет

только увеличивать свою роль, самые богатые страны мира создадут Международный фонд реконструкции. Итак, задача американского военного истеблишмента: сплотиться с остальными ключевыми странами мира, создавая непревзойденную силу Сисадмина.

Что сдерживает мирового лидера

Ирак был первым испытанием «доктрины Буша», ее сердцевины — обоснования необходимости «упреждающего удара». Один из высших представителей администрации указал прямо и непосредственно: «Ирак — пример того, что случается, когда Соединенные Штаты что-либо ставят в свою повестку дня, а затем привлекают весь остальной мир к решению поставленной задачи».

Ирак и пример «доктрины Буша» в действии, и первое испытание этой доктрины.

Критики указывают, что вторая война против Ирака являет собой яркий пример нарушения того правила, которое ввел в американскую дипломатию первый империалист американской истории — президент Теодор Рузвельт: «Говори тихо и неси с собой большую дубину». Растиражированная агрессивность, громкая несдержанность на всех форумах, начиная с трибуны ООН, — вот что мы видели на подходах и в ходе трехнедельной войны двух никак не равных сил. Сторонник реалистического подхода к решению проблемы не может не смутиться от провинциальной несдержанности команды, которую не сдерживают даже вопросы жизни и смерти. Фанфары по поводу «предвосхищающего удара» никому не нравятся, это некая некорректная несдержанность представителей страны, где общественная жизнь регулируется политической корректностью.

Война — всегда тяжелая трагедия. Неизбежна ли была иракская трагедия весны 2003 года? Даже

представляющий ближайшего союзника Америки в этой войне посол Великобритании в Организации Объединенных Наций сэр Джереми Гринсток полагает, что, прояви Белый дом еще чуть-чуть изобретательности и выдержки, и американская сторона могла добиться принятия «второй» резолюции Совета Безопасности ООН. Тогда проблема была бы всемирной, а ныне Франция и Россия сделали ее американской проблемой.

Проблемы для Соединенных Штатов начались не с так и не сбывшимся столкновением с саддамовской армейской элитой (испарившиеся четыре ударные дивизии), а с ломкой представления о том, что население Ирака страстно желало избавления от диктатуры и приступит немедленно к созданию демократического государства тотчас же после изгнания из Багдада Саддама Хусейна.

Назовем (мельком) более серьезные проблемы, чем разгром иракской армии, которая, как оказалось, никогда не имела ядерного оружия и средств его доставки. 1) Как управлять 60 процентами иракских мусульман, которые являются *шиитами* и смотрят как на священный на иранский город Кум? 2) Можно ли разоружить вчерашнего союзника — почти пятимиллионный (в Ираке) народ курдов? 3) Как сохранить лояльность ключевого в регионе союзника — Турции, более всего на свете боящегося восстания воодушевленной курдской *трети* 67-миллионного турецкого населения? 4) Как уберечь американскую армию от партизанской войны, столь памятной по Вьетнаму? 5) Где среди местного населения найти носителей демократических ценностей, если они здесь никогда не имели распространения? 6) Как сплотить, на чем основываться в поддержании единства Ирака, если прежняя элита (баасистские сунниты) стали меньшинством, а шиитское большинство дружелюбно антиамериканскому Ирану?

Следуя «доктрине Буша», Соединенные Штаты нанесли упреждающий удар по Ираку, но в результате трехнедельной победоносной кампании не только не решили своих проблем, но обрели, как мы видим это сейчас, *гораздо более масштабные* проблемы. Отчего потеряла влияние Британская империя? Оттого, что принимала активное и непосредственное участие в двух мировых войнах, доведших ее до измождения. Между тем, если бы Британия содержала большую армию в мирное время — убедительное для Германии сдерживание, то она не изошла бы жизненными силами в мировых катаклизмах. В пик имперского влияния (между 1870 и 1914 годами) Британия расходовала на военные нужды 3,1 процента валового внутреннего продукта в год²³⁷ — не столь уж напряженное бремя. Не более напряжено оно пока и у Соединенных Штатов, но несколько обстоятельств «работают» против продолжительного имперского всемогущества.

1. У власти в США республиканцы, доминирующий элемент их внутриполитической философии — снижение уровня налогов в стране. А ведь империя требует жертв, в том числе и финансовых. Даже на военные нужды Соединенные Штаты в годы холодной войны расходовали значительно больше, чем сегодня. Республиканцы президента Дж. Буша-мл. уже произвели несколько подобных налоговых сокращений. Не собираются ли они доминировать в мире «бесплатно», пользуясь просто ослаблением (последовательно) мусульманского мира после 1700 года, Китая после 1850 года, Западной Европы после 1914—1945 годов, России после 1991 года? Ведь все поименованные силы прилагают старания восстановить свою мощь — военную в том числе — и настроены на координацию своих усилий.

2. Встает вопрос, как могут Соединенные Штаты контролировать огромный внешний мир, если расходы двух главных механизмов-доноров, Государственного

департамента и Американского агентства международного развития совокупно составляют всего один (!) процент федерального бюджета? Американское правительство тратит 16 процентов на военные нужды, но ведь империя не может жить одним лишь покорением непокорных.

3. Изменить функции военных? На этот счет внутри республиканской администрации идет борьба, и похоже, что побеждают те, кто, словами Джозефа Ная, предназначает военному ведомству ограниченную функцию: «Вломиться в дверь, избить диктатора и возвратиться домой, а не приступать к тяжелой работе создания демократического общества»²³⁸.

4. Главное. Даже если Соединенные Штаты произведут более серьезную, чем просто создание Министерства внутренней безопасности, внутреннюю мобилизацию, и идеологическую и материальную, все равно жестким фактом реальности будет то, что *все более растущий объем процессов в мире остается за пределами контроля даже самого могущественного государства*. У Соединенных Штатов нет инструментов, воли и психологического настроя на постоянной основе вмешиваться во внутренние дела бесчисленного множества государств, заниматься постоянным мониторингом происходящих в этих государствах внутренних процессов, силовым вмешательством на постоянной основе.

5. Трудности в Ираке начались не с выдвижением американских армейских частей против элитных иракских формирований, а после того, как эти формирования исчезли неведомо куда. Американский народ в общем и целом воспринял как «приемлемые» потери полтора человека в ходе боевых действий между Тигром и Евфратом (примерно такими же были потери в афганской кампании). *Но американское общество начало испытывать конвульсии после 1 мая 2003 г., когда президент Буш объявил об одержанной победе,*

а еженощные потери американских военнослужащих начали приближаться к цифре собственно боевых потерь. Мир оказался для американской армии и общества едва ли не более болезненным, чем объяснимый военный период.

Особое внимание следует обратить на демографические процессы, быстро меняющие мир и влекущие за собой последствия стратегического характера.

Угроза гражданской войны

Выход из Ирака немедленно администрация Буша отвергает на том основании, что это грозит немедленным столкновением трех сил — шиитов, суннитов и курдов. Причем соседние страны — Иран и Сирия примут в такой войне непосредственное участие. Радикальные исламисты возликуют, увидев в этом поражение Америки. А результирующий хаос взметнет вверх цену на нефть.

Итак: или расписание выхода, или новая стратегия. Такой оказалась дилемма американцев после трех лет отчаянных усилий. А пока американские вооруженные силы просто уничтожают своих вооруженных противников в изнурительной партизанской войне. Задача состоит в том, чтобы убивать быстрее, чем повстанцы рекрутируют новые партизанские силы. На настоящем этапе (весна 2006) эта стратегия шансов американцам и их союзникам не дает. Инсургенты несут кровавые потери, но они не сломлены и за ними двадцать с лишним миллионов человек.

Более гуманные американцы говорят, что выходом является коренное изменение: американские вооруженные силы начинают защищать иракский народ, а не расстреливать его.

А пока пора разобраться в причинах страшного ожесточения всех задействованных сторон. Первая — необъяснимое отсутствие в Вашингтоне планирования

в отношении строительства послевоенного Ирака. Этот вакуум обнаружился сразу же после крушения режима Саддама, а не был по-настоящему заменен. Едва ползущая реконструкция снабдила инсургентов тысячами безработных и ожесточенных людей. *Вторая* причина — вольное и невольное действие давней традиции: Ираком всегда правили те, кто пробился к трону в жестокой борьбе. Впечатление, что американцы скоро уйдут, лишь придало жестокости этой битве на политическое выживание — вот почему шииты и курды (которые якобы поддерживают американцев) категорически отказались распустить свои военные отряды. *Третий* источник — джихадисты всего исламского мира сделали Ирак главным полем битвы, тем более, что именно здесь находятся 140 тысяч живых мишеней.

В среде инсургентов господствуют два течения, две группы бойцов с американцами. 1) Суннитские арабские баасисты. Это сторонники режима, господствовавшего при Саддаме Хусейне, — часть прежней правящей элиты, цель которых восстановить *status quo ante*. Первая группа меньше численно. 2) Прибывшие извне сторонники джихада — вторая группа больше, ее численность доводят до 20 тысяч, и их цель — установить в Ираке радикальное исламское государство.

Обе эти группы весьма отчетливо знают, что победить в открытом бою американскую армию они не могут. Остается ждать собственного ухода американских дивизий, а затем осуществить путч — тогда хорошо организованные партизаны имеют шанс захватить верховную власть, вырвать ее у проамериканского коррумпированного режима. Поэтому инсургенты ведут едва ли не «вялую» борьбу, ожидая решения американцев, теряющих своих людей. Пусть сохранится постоянный беспорядок. Атаки на лидеров проамериканского режима дают всем понятный сигнал: если это правительство не способно защитить даже самого себя, чего оно стоит? Главное здесь электричество и нефть, это уязви-

мые фрагменты хозяйственной структуры иракского общества. А новые убитые американские солдаты действуют на общество там, за океаном.

Поневоле возникает желание сравнить это движение с вьетнамской войной. По сравнению с вьетнамскими партизанами, иракских инсургентов примерно в сто раз меньше. Иракцы редко сражаются группами более 100 человек (во Вьетнаме партизан были многие тысячи). СССР и Китай помогали сражающимся вьетнамцам, нынешняя помощь из Ирана и Сирии несравнимо меньше.

Не следует забывать, что иракские инсургенты в значительной степени отделены от собственно иракского народа. Суннитские арабские мусульмане составляют основу боевых частей, но представляют собой лишь 20 процентов населения Ирака. А участники джихада вообще иностранцы. У суннитов мало шансов рассчитывать на шиитов и на курдов. Массового восстания нет и не видно в перспективе. Нечего удивляться — восставшие не предлагают позитивной привлекательной программы общенациональных действий. Негативную сторону правления баасистов иракцы уже знают. Джихадисты исполняют свою программу: царство ужаса до ухода неверных. Тогда в Багдад ринутся и сунниты и джихадисты; предсказать гражданскую войну в этом случае несложно.

Гражданская война идет

Она идет с 2004 года, идет несколько вяло, вдали от объективов западных журналистов. На севере курды вытеснили множество «не-курдов», а арабы провели этническую чистку в отношении курдов. На юге шииты захватили несколько суннитских мечетей. В Багдаде шииты и сунниты атакуют мулл и мечети друг друга. В суннитских районах они вытеснили шиитов убийствами и угрозами. Некоторые называли это «следовани-

ем боснийскому примеру». Милиции отдельных фракций становятся все сильнее и лучше вооружены. При этом все сунниты являются баасистами, сторонниками Саддама Хусейна и ваххабитами.

Строго говоря, исламские экстремисты завладели страной не 9 апреля 2003 года. Американские войска присутствовали при этом, но они владели лишь верхушечным контролем. Как только американцы разбили войска безопасности Саддама Хусейна, в вакуум ринулись клерикалы всех мастей. И из этого состояния Ирак так и не вышел. Никто кроме мулл не контролировал иракские пригороды. И именно видя это, американцы не пошли на выборы весной 2003 года. С тех пор американские войска владеют своими базами, а исламские муллы — всей страной.

Пока еще не выделился общепризнанный лидер, но если говорить об отдельно взятом вожде, то таким является Муктада аль-Садр. Верховный Совет воспринимается иракцами как «рука Ирана». Но Муктада — араб, с самого начала он молился с радикальными суннитами, он помогал им в борьбе против американцев. А сунниты помогали шииту аль-Садру бороться против коалиции на юге Ирака. Это единственный общепризнанный лидер. Его стойкий антиамериканизм, особенно ярко проявившийся весной и летом 2004 года, привлекает всех иракцев, объединяя суннитов и шиитов.

В перспективе реальным видится победа Мусульманского братства в Египте, радикализация сил в Саудовской Аравии, в Сирии и в Ливане. «Хамас» победил в Палестине. Во всем арабском мире носят рубашки с названием «Фаллуджа». Много лет будет длиться гражданская война. А получившие военную квалификацию арабы пойдут в города Запада.

Если Америка выступит против Ирана, тот просто начнет помогать иракским шиитам. Нападение на Золотую мечеть в Самарре уже вызвало консолидацию

шиитов. Причем даже центральная милиция является более дестабилизирующим элементом, чем инсургенты. Ее численность увеличилась за прошлый год с 6 до 10 тысяч человек.

Постоянно осуществляется помощь из-за рубежа. Иран помогает Верховному Совету Исламской революции. Саудовская Аравия, Иордания и отдельные лица из Сирии помогают суннитам, оказавшимся в новом Ираке в сложном положении. Если суннитское племя оказывается атакованным в Ираке, имея родственников в соседних странах, это племя немедленно обращается за помощью и получает ее.

Ричард Хаас, недавно бывший главой отдела планирования госдепартамента, говорит, что гражданская война «явственно будет иметь антиамериканский характер»²³⁹.

Президент Буш сказал в конце марта 2006 года, что «Саддам Хусейн, а не американское правительство виноваты в гражданском раздоре в Ираке»²⁴⁰.

За что идет битва

Она идет не за некий географический пункт, а за трудноопределяемые понятия — симпатии американского народа, поддержку иракского народа, за психику американского солдата. Это весьма отчетливо понимают и американцы; они тоже бьются за «сердца и умы» иракского народа. Только когда большинство иракцев придет к выводу, что центральное правительство реально обещает большее, чем обожженные огнем партизаны, оно лишит инсурентов главного — народной поддержки и симпатии.

Американский народ должен видеть в происходящем благородное дело; в противном случае очередные выборы выбьют из-под Буша абсолютно необходимую массовую поддержку. Солдаты имеют свои критерии, и если они станут думать, что страна забыла о них, вербо-

вочные центры в США опустеют. Пока этого нет, но цифра жертв только недавно перевалила за три тысячи.

Парадокс: для победы инсургенту достаточно победить на одном участке; американцы для победы обязаны победить на всех трех. Американские войска имеют безусловное превосходство в вооружении, мобильности и выучке. Но инсургенты преобладают в разведке. Если американцы точно знают, где скрываются партизаны, они могут достаточно быстро их уничтожить. Но иракская герилья пользуется симпатией своего народа, и ей легче ускользнуть. Американцы полагаются на коллаборационистов.

Во Вьетнаме «уничтожение врага» за счет «завоевания сердец вьетнамского народа» оказалось ошибочной стратегией. Если они пойдут по старой дорожке, то рискуют поражением. В 14 из 18 провинций Ирака американцы, опираясь на шиитов и курдскую «Пеш Мергу», заняли довольно прочные позиции. Это американская «зеленая» зона. Но в провинциях Анбар, Багдад, Ниневия, Салах-ад-Дин — «красный» пояс — инсургенты чувствуют свою силу.

Специалисты предлагают сначала укрепить позиции в «зеленой» зоне, включить американских солдат в сотрудничающие с ними правительственные части — даже если это грозит большими американскими потерями. Подготовив войска, начать наступление на «красный» пояс. Американскому командованию следует ускорить ротацию солдат. Генералов, показавших способности в Афганистане и Ираке в сотрудничестве с местным правительством, следует вызвать из запаса.

Наступление должна начинать правительственная иракская армия. Обязателен контроль над Багдадом и Мосулом. Заниматься постоянным поиском племен, склонных к взаимодействию. Следует быстрее отдавать контроль над «замиренной местностью» местным политическим лидерам. Но обязателен и постоянный контроль, вылазки в «красный» пояс с тем, чтобы из-

бежать консолидации сил инсургентов. Вначале небольшие патрульные группы американской армии; затем части новой иракской армии.

Что предлагается конкретно

Ныне предлагается сократить 140-тысячную армию США в Ираке на 20 тысяч — как начало процесса²⁴¹. Оставлять в действующих войсках умелых генералов, способных найти общий язык с населением.

Но главное, что предлагают лучшие американские специалисты, — найти почву для грандиозного компромисса, который смог бы связать воедино все религиозные и этнические группы Ирака. Для этого нужно досконально разобраться во всех тонкостях иракской внутренней политики; США *должны* помочь Багдаду создать систему национальной информации. Чтобы *сами* иракцы интерпретировали происходящее вокруг. Именно в этом Вашингтон обязан оказать Багдаду самую большую помощь. Только это способно разбить систему трайбализма в разоренной стране; без этого гражданская война практически неизбежна. До сих пор президент Буш «ошибочно решал свою иракскую задачу»²⁴².

Его курс отличался культурным невежеством, непониманием характера конфликта и «удобным»: «делай все как прежде».

Изменить стратегию будет тяжело по четырем соображениям.

Во-первых, создание коалиции за «общенациональную сделку» будет очень сложным делом — слишком долго сражались друг с другом сегменты иракского общества, слишком непонятны им Соединенные Штаты.

Во-вторых, военное руководство США должно преодолеть страх перед ростом потерь в войсках, ослабление тяги к рекрутированию в США, долго держать мощные силы на линии огня.

В-третьих, не терять веру в формируемую иракскую армию.

В-четвертых, в Вашингтоне должен быть создан центр всей разведки в Ираке, анализ должен быть постоянным.

Несмотря на периодические бодрые заявления Пентагона, в Америке растет чувство, что Ирак — проигранное дело. В январе 2006 года в Вашингтоне собрались более 600 специалистов (индустрия, войска, академические ученые) по вполне конкретной проблеме: как нейтрализовать смертельно опасные «импровизированные взрывные устройства» (ИВУ), ставшие едва не главным средством поражения от рук иракских инсургентов? Заместитель министра обороны Гордон Инглэнд заявил присутствующим, что у них моральный долг перед армией, страдающей от импровизированных изобретений иракского сопротивления. Собранные были лучшие умы. Задача: что противопоставить ИВУ? Именно они убивают основную массу погибших американских солдат.

Пентагон указал, что только двадцатый американец гибнет от пули в Ираке. В основном же от ИВУ. В 2004 году в Ираке при дорогах было найдено 5607 «грязных бомб», а в 2005 году — вдвое больше — 10 953.

В те же дни оплачиваемый Пентагоном частный доклад Эндрю Крепиневича призвал к изменению тактики в Ираке. Рекрутирование в 2005 году впервые стало ниже критических показателей, что было названо эрозией армии. Генерал Джордж Кейзи сказал, что силы армии в Ираке распылены. А босс Пентагона Доналд Рамсфелд в присущей ему жесткой манере отверг критику Крепиневича, военного аналитика. Но на дороге критики немедленно встали демократы во главе с бывшим главой Пентагона Уильямом Перри. Они были солидарны с критиками поведения американской армии в Ираке.

МЕСОПОТАМСКАЯ АВАНТЮРА: ЗА И ПРОТИВ

Я поддерживал решение сокрушить режим Саддама Хусейна в Ираке. Я знал о потрясающей боевой силе наших вооруженных сил, не имеющих себе равных на планете, которые смели иракские дивизии довольно легко. Я знал также, что эта война будет просто первой половиной иракской трансформации из авторитарного кошмара в плюралистическое, взаимосвязанное общество. И ведение этой второй войны — за мир — будет чрезвычайно тяжелым. Эта вторая часть должна была осуществляться специалистами по мирному строительству, которых у нас просто нет. Наши военные не были готовы к решению этой задачи.

Томас Барнет, 2005²⁴³

«Неоконы» не сдаются

Администрация Буша считает доблестью пренебрежение мнением специалистов, игнорирование истории; она полагала, что Ирак будет трансформирован без чрезвычайных американских усилий. Мнение людей, чье суждение учитывалось, отражало видение мира очень узкой группы политологов — и эти политологи часто были просто невежественными в отношении ближневосточного региона. Без малейшей критичности на веру было взято мнение группы политических противников Саддама Хусейна, тех эмигрантов, которые утверждали не моргнув глазом, что освобожденный народ Ирака с великой радостью встретит освободителей от Саддама и будет воодушевленно сотрудничать с оккупационными американскими военными властями. «Неоконы» и демократические империалисты имели немало идеологов. Вначале их было

немало. Так Джордж Пакер писал в своего рода эйфории: «Я хочу, чтобы иракцы вышли из тюрьмы; я хочу, чтобы диктатор-убийца лишился своей власти до того, как он сможет убивать снова; я хотел увидеть создание открытого общества, закрепляющего свои корни в арабском мире»²⁴⁴. Либеральный сторонник войны лишь постепенно превращается в хроникера американских разочарований.

Но как долго может держаться несравненная империя? Как избежать такой судьбы?

Немец Иоффе пишет, что «мировая история учит, что Мистер Биг сам навлекает на себя собственный крах. № 2, 3 и 4 сомкнут свои силы в противостоящем альянсе, обеспечивая крах лидера. Так случилось с Наполеоном, Людовиком Четырнадцатым, могущественными Габсбургами, Гитлером и Сталиным. Мощь порождает превосходящую мощь — это древнейшее правило мировой политики»²⁴⁵.

Гаррисон считает, что единственным способом является переход от уровня американского таун-холла (сердцевина американской демократии) к всеобъемлющему *мировому* правительству. Шаги в этом направлении уже сделаны — это Международная Организация Труда, включающая в себя всех троих участников производственного процесса: национальные правительства, корпорации и профессиональные союзы. Уже примерно столетие эта структура позволяет решать проблемы рабочих масс на компромиссной основе. Чтобы править миром, Соединенные Штаты нуждаются в механизме примирения с рабочим классом самых разных стран, подобно тому как Рууд Люберс — верховный комиссар ООН по вопросам беженцев, решает задачи, сажая за один стол жертв глобализации и ее управителей.

Гаррисон предлагает Соединенным Штатам подобным же образом создать Международный Фонд Реконструкции, который объединит деятельность правительств, корпораций и гражданского общества, за-

интересованных в гражданском строительстве и выживании нации. «Эта группа могла бы начать процесс отбора лучших представителей из каждого сектора, начать процесс сбора информации, выдвинуть необходимые рекомендации и начать процесс их реализации. Соединенные Штаты возглавили бы процесс межсекторального обмена и формирование нового мирового права. «Это критический по важности процесс для создания межсекторальных связей мирового правления... Он имел бы фундаментальное значение подобно процессам, начатым восемьдесят лет назад президентом Вильсоном и шестьдесят лет назад — президентами Рузвельтом и Трумэном. Как и тогда, ничто меньшее, чем пересмотр *всей* глобальной системы, не способно создать глобальную систему»²⁴⁶. А ведь тогда, как и сейчас, создание ООН, Бреттон-вудских институтов и «плана Маршалла» *не казалось* необходимым для самой могучей державы планеты, более того, казалось, связывали мощь США. И только вся вторая часть XX века указала на верность курса на создание международных организаций.

По мнению Гаррисона, если Соединенным Штатам не удастся организовать продуктивный диалог богатых и бедных (опираясь на авангард развитого Запада, на многосторонние международные институты, корпорации, НГО) для сбора 50 млрд. дол. в год на протяжении двадцати ближайших лет, которые Мировой банк и МВФ считают необходимыми для ликвидации мировой нищеты, обеспечения питьевой водой, медицинским обслуживанием и достойной работой, то Американская империя попадет в полосу жесткого противодействия.

Для того чтобы американский контроль над трансформированной планетой был подлинно убедительным и жестким, следует (убеждает Гаррисон) трансформировать систему суверенных наций-государств, страдающих, по его мнению, от неэффективности сис-

темы управления. Если США сумеют найти дорогу к совместным действиям, тогда Вашингтон ждет успех как в случае с Вильсоном и Рузвельтом. «Лига Наций была создана на пепле Первой мировой войны, Объединенные Нации — на пепле Второй мировой. Теперь перед США стоит вызов — построить мировую систему на основе американского лидерства. Может ли нынешнее лидерство США быть столь убедительным и вдохновляющим, что сумеет помочь избежать всего подобного двум предшествующим катастрофам? Ведь следующая катастрофа тоже будет глобальной»²⁴⁷. А на кону судьба первой планетарной цивилизации.

Америка: сомнения

В Америке достаточно трезвых людей, склонных к критическому восприятию истории.

Продолжать или не продолжать войну — впервые дебаты серьезного характера вспыхнули в США после открытого призыва конгрессмена Джона Мурта полностью вывести американские войска из Ирака. Этот толчок дал разворот дебатам. Администрация Буша ответила демократу из Пенсильвании довольно быстро. В конце ноября 2005 года президент Буш выступил в военно-морской академии практически одновременно с публикацией «Национальная стратегия победы в Ираке». Смысл: Америка будет рваться еще отчаяннее.

Но проницательный читатель видел среди строчек — администрация начинает приводить в действие стратегию замаскированного отхода. Внимательное чтение ответа администрации показывает, как убывает твердость в воинах 2003 года., камуфляж провалившейся стратегии, казуистическое новое определение провалившейся стратегии.

Теперь сторонники продолжения войны говорят о тех ужасах, которые может принести с собой внезапный уход американцев из Ирака, — гражданская вой-

на, полная потеря доверия к США, удар по демократии, утеря безопасности в регионе с результирующей нестабильностью. Уход спровоцирует движение инсургентов, минимизирует шансы демократического развития. Но в национальных дебатах уже звучат контраргументы: чем раньше американцы уйдут из Ирака, тем лучше будет для них. Гражданская война? Но она уже давно идет и иракцы убили значительно больше своих соотечественников, чем американцы. Американцы породили гражданскую войну своим вторжением, и они не могут ее прекратить своим бесконечным пребыванием. Чем дольше стоят американцы в Ираке, тем вероятнее их национальное поражение. Практически нет сомнения в том, что любое, способное удержать власть правительство будет антиамериканским.

Сколько бы ни стояли американские войска в Месопотамии, они все равно не оставят за собой стабильную демократию. Провести очередные выборы нетрудно. Но невозможно удержать конституционную демократию в стране, полной ненависти к оккупантам, расколотой в гражданской войне, не имеющей демократических традиций.

Буш все больше напоминает Линдона Джонсона, пытавшегося убедить Америку в победе во Вьетнаме. Какие есть основания верить в то, что Джордж Буш преуспеет там, где сорвался Джонсон? Оставить после себя либеральный режим просто невозможно и всякие аналогии с Германией и Японией бессмысленны. Из всех мировых культур арабская наиболее активно противостоит тому, что американцы называют «идеалами демократии». Тот, кто указывает на Турцию, должен знать, что турецкая культура буквально противоположна арабской.

Противники ухода говорят, что Ирак может превратиться в гнездо мирового терроризма. Но Ирак уже стал полем учебы террористических сил — во многом при помощи боевой учебы — сражения с американца-

ми, стал мировым университетом терроризма. ЦРУ уже доложило конгрессу и администрации, что Ирак стал мировым сборным центром террористов. «Чем скорее новый диктатор захватит политическую власть в Ираке, тем быстрее прекратится массовое производство террористов»²⁴⁸.

Противники ухода выдвигают еще один аргумент: без американцев Багдад не создал бы своей армии. Но инсургенты сражаются эффективно и организованно даже без помощи американцев и европейцев. Вполне можно предположить подобное самообучение полиции. Сейчас же полицейские просто опасаются полностью «отдаться» неясной власти, держащейся при помощи иностранных штыков. Целью в Ираке является политическая — а не военно-техническая консолидация, не военная, а гражданская лояльность. Во Вьетнаме американцы выучили немало неплохих генералов, слабым местом которых был их политический статус. Войну там потеряла не армия, а южновьетнамские политики.

Если даже Вашингтон сумеет создать просто превосходную армию, все равно конечным результатом в Ираке будет диктатура, поскольку военная тренировка явно идет быстрее политической консолидации.

Но еще опаснее дестабилизация Ирака для всего региона, главного депозитария нефти на Земле. Те, кто выступает за незамедлительный уход из Ирака, при этом поддерживают широкую политику восстановления Вашингтоном тесных дружественных связей с европейскими союзниками, со странами СБ ООН, с Японией, Китаем и Индией — только так можно усмирить колоссальный исламский регион от Восточного Средиземноморья до Пакистана. Здесь противники агрессии занимают весьма жесткую позицию: Вашингтон должен признать свою стратегическую ошибку. В противном случае ему создать широкую коалицию не удастся.

Иранские лидеры столь довольны американскими ошибками, что собственно советуют иракским шиитам

следовать за американцами. В декабре 2005 г. шииты захватили власть в Ираке легально, на выборах. Шииты в обеих странах не преминули начать сводить счеты с суннитами и баасистами. И если США встанут на путь ослабления Ирана (не говоря уже о войне и т.п.), то Тегеран непременно использует доминирующие в Ираке позиции шиитов.

А в целом американское вторжение в огромной мере увеличило влияние Ирана в Ираке, и будущее для них весьма многообещающее. Не лучше ли американцам выйти немедленно, чем продолжать нынешний курс ослабления суннитов и баасистов, открывая дорогу шиитской диктатуре?

Неверная стратегия

Фактически гражданская война идет в Ираке уже с 2004 года, в основном по ночам. Америке еще предстоит осознать огромность своей ошибки в Ираке, без этого вывод американских войск из страны невозможен. Американцы в конечном счете поймут, что вторжение в Ирак помогло трем силам: «Аль-Каиде», для которой Ирак стал родным домом; Ирану с его шиитским правительством; экстремистам в Палестине и Израиле.

Даже самым горячим головам стало ясно, что во вторжении в Ирак не было смысла и чем дольше война продолжается, тем грандиознее ущерб Америки. Строго говоря, война продолжается в интересах «Аль-Каиды» и Ирана — тех сил, которые долгие годы были противниками Саддама Хусейна. Соединенные Штаты вынуждены были прекратить интенсивное преследование «Аль-Каиды», они на себе ощутили, как война в далеких песках стремительно ослабляет Североатлантический союз. Нет уже тех 144 государств, которые стояли на стороне Америки в конце 2001 года.

Конфликт, разожженный американцами в Ираке, может иметь большие последствия в Сирии, Турции,

Иране. Сегодня же все три страны помогают оппозиции силам, на которые пытаются опереться американцы. И американцам следует думать о будущем, когда они были бы влиятельными в регионе, опираясь на дружественность Китая, России и Индии.

Пока же Збигнев Бжезинский не зря называет Ближний Восток «глобальными Балканами», теми Балканами, которые привели к Первой мировой войне. Сами по себе балканские страны не были столь уж велики и влиятельны. Но влияние на Балканах давало многое. У Ближнего Востока возможна такая же судьба катализации крупнейших мировых сил. Проблема Америки: как вовлечь на свою сторону важнейшие мировые силы. Почему эти страны должны посылать своих молодых людей под пули неведомых им сил?

Два фактора выходят вперед. *Во-первых*, как США могут «завлечь» потенциальных союзников? Можно ли на это рассчитывать всерьез? Трезво говоря, это нереально. Европейские страны никогда не убедят свою общественность послать войска в охваченный пламенем Ирак.

Во-вторых, является ли пребывание в Ираке наилучшим способом поведения? Ирак — наихудшее место для того, чтобы вести битву за региональную стабильность. Чьим интересам служит вторжение в Ирак? Выигрыш Ирана и «Аль-Каиды» очевиден, и эта ситуация продолжается каждый день боев. Необходим пересмотр американской стратегии

Уход Америки из Ирака является предпосылкой восстановления дружественных отношений США с главными европейскими союзниками. Разговоры о мучительной ошибочности подобных шагов — результат неверного расчета и ошибочных оценок.

Но самые ошибочные оценки — это утверждения типа того, что «если мы выйдем из Ирака, мы оставим его раздробленным — поэтому мы обязаны стоять в нем». Генерал Одом возмущается подобными аргумен-

тами: «Конечно же, Америка разбила Ирак... Своими действиями Америка гальванизировала антиамериканские силы, практически сформировала антиамериканский союз. Прицепиться к позиции, которую нельзя удержать, — верх безответственности»²⁴⁹.

Молодые офицеры, командиры рот и батальонов видели, что американская армия побеждает в отдельных сражениях и терпит стратегические поражения. И они начинают жаловаться на американцев дома — те не рискуют, жестокие в своей критике. Отметим и то, что американские генералы в Ираке не бравировали так, как это имело место во Вьетнаме. Их серьезные замечания явственно отражали их сомнения, которые прежде они не выражали публично. И всем было видно репрессивное отношение министра обороны и его первого заместителя к лучшим из генералов, сомневавшихся в стратегической мудрости войны. Министр Рамсфелд никогда не был фаворитом американских военных.

И когда конгрессмен Мурта вызвал гнев Белого дома и даже своей партии, он катализировал политические дебаты, время которых настало уже давно. В кампании 2004 года один лишь прежний губернатор Нью-Хемпшира Говард Дин выступил с ясной критикой политики администрации в Ираке. Лидеры же демократической партии бояться до смерти обвинений в недостаточном патриотизме.

Журналист Нир Розен пришел к выводу, что вывод американских войск из Ирака был бы лучшей политикой для Америки. Он считает, что шиит Муктада аль-Садр — единственный человек, способный сплотить Ирак. И что Иран и США — естественные союзники. Розен считает, что все происходящее в пределах «зеленой зоны» в реальности не имеет отношения к тому, что произойдет на улицах Ирака. Избранный в благополучной «зеленой зоне» премьер будет «немедленно убит, как только выйдет за ее пределы»²⁵⁰. Милиция ос-

новых иракских фракций сражается отчаянно друг с другом. Надежду на примирение питают лишь неправимые оптимисты.

Выступившие против

Одним из первых был флоридский демократ — сенатор Роберт Грэм, предпринявший в 2003 г. попытку выдвинуться в президенты. Он едва ли не первым в элите стал утверждать, что война в Ираке была одной из самых крупных ошибок во всей внешней политике США. Словно Вашингтон пошел в 1941 г. войной против Италии Муссолини, а не Германии Гитлера. Грэм сравнивал Гитлера с Усамой бен Ладеном, с «Хезбаллой» и «Аль-Каидой». Обе эти организации представляли для США гораздо более очевидную угрозу, чем баасистский Ирак. Обе эти организации *могли* нанести удар по США, а Багдад *не мог*. Война с Ираком отвела фокус внимания с «Аль-Каиды», в результате чего Америка оказалась в еще более опасном положении, чем до войны с Ираком.

Указывая на ОМП, Грэм утверждал, что ЦРУ использовало сомнительную информацию, которую отягощали личные качества Тенета. Президент Буш обязан остановиться и вооружиться рациональной политикой. Грэм надеялся на выборах 2004 г. нанести Бушу серьезное поражение.

Собственно люди президента начали прозревать значительно позже. Ведущий советник Буша Карл Роув стал усматривать переход позитивного в негативное в Ираке в начале февраля 2004 г. Насилие в разоренной стране усиливалось несмотря на более чем 100 тысяч американских оккупационных войск. Численность убитых американцев увеличивалась с каждой неделей и превзошла цифру две тысячи. Признание Буша и Тенета, что в отношении ОМП американская разведка *возможно* ошиблась, создало предпосылки видения ошиб-

ки во всем предприятии. Роув одним из первых определил опасность в губернаторе Вермонта Говарде Дине. Дин на пути к 2004 г. выступил с безусловным отрицанием необходимости для Америки ввергаться в войну с Ираком. «Одной из сильных сторон Дина было то, что он мог сказать: я не из этой вашингтонской толпы».

Рядом с Дином возник сенатор Джон Керри, но позиции последнего были ослаблены голосованием за иракскую войну. В 1990 г. и в январе 1991 г. Керри, согласно «Конгешнл рекорд», утверждал, что «Ирак создал химическое оружие». В решающее время — в октябре 2002 г. Керри требовал от Саддама «уничтожить свое оружие массового уничтожения». В день начала войны Керри сказал по Национальному общественному радио: «Я считаю оружие массового поражения, имеющееся у Саддама Хусейна, угрозой, которую нужно разоружить»²⁵¹. И только значительно позже Керри стал обвинять Буша в отсутствии сотрудничества с ООН и другими международными организациями.

Государственный секретарь Колин Пауэлл и его правая рука Армитидж обращали первостепенное внимание на одного из самых влиятельных деятелей иракской эмиграции Ахмеда Челаби, который, как виделось, имел всю поддержку администрации Буша. Он сидел рядом с Лаурой Буш во время президентского послания 20 января 2004 г. Именно Челаби, считало руководство госдепартамента, привил Белому дому идею о наличии у Саддама оружия массового поражения. Госдепартамент продолжал противостояние с министерством обороны. Армитидж: «Это дерьмо не склеить».

Критическое крыло

В авангарде критики иракской политики президента Буша выступили Ричард Кларк, Джеймс Бэмфорд, Ларри Дайэмонд, Джеймс Фоллоуз, Сеймур Херш, Джордж Пакет, Боб Вудвард, Лоуренс Фридмен,

Иммануил Воллерстайн, Нир Розен. Такие представители американской элиты, как социолог Иммануэль Уоллерстайн, заняли позицию, противоположную господствующему триумфализму. Их сила — в самостоятельном видении исторического процесса, в наличии собственного мировидения, в удивительной ясности, с которой он излагает свои аргументы.

Некоторые из них имели немалый иракский опыт. Так, Джордж Паркер, прежде чем написать книгу «Ворота убийц», в качестве корреспондента журнала «Нью-Йоркер» *семь раз* за период 2003—2005 гг. посещал сражающийся Ирак. Вначале он (как и многие) находился под влиянием интеллектуального лидера эмигрантов — жесткого врага Саддама — Канана Макийя, призывавшего всех освободить Багдад от Саддама Хусейна.

Эти авторы как минимум говорят, что, если и рано выносить окончательный вердикт, то на опыте 2003—2006 годов уже можно основательно отстаивать тезис о поразительной американской неудаче на *данном* этапе, на послевлеченном этапе. Через год после американского триумфа произошло резкое ужесточение американо-иракских отношений. В городе Эль-Фалуджа — на запад от Багдада группа иракцев, действуя уже в традиционной манере, убила четырех американских и гражданских лиц и надругалась над их телами. Синхронно в Багдаде и других городах Ирака начались столкновения войск американской коалиции со сторонниками тридцатидесятилетнего шиитского лидера Муктады аль-Садра. Вооруженные силы последнего, назвавшие себя «армией Махди», уже повернули свои стволы против оккупационных войск проамериканской коалиции.

Но более организованно (чем эль-Садр и его «армия Махди») начали сражение с американцами прежний офицерский корпус Саддама Хусейна в Эль-Фалудже. В борющихся с американцами частях были прежние «принципиальные противники» — прежняя

республиканская гвардия, жители суннитских городов и племен, функционеры прежней правящей партии БААС. Американцы позволили втянуть себя в городские кварталы, где их организованность и даже их техника теряли свою силу.

Две тысячи американских морских пехотинцев при поддержке танков и вертолетов вонзились в Фалуджу, где их уже ждали многотысячные силы партизан, вооруженных стрелковым оружием, минометами и большим числом гранатометов РПГ-7, очень эффективных в городских кварталах. Партизаны умело отрезали фланги наступающих американцев, избегая лобового столкновения. Американский Левиафан выдвинулся во всю мощь. Используя спутники, пилотируемые и беспилотные разведывательные летательные аппараты, компьютеризированную полевую сеть управления, американцы лучше иракцев знали, где находится противник, они лучше ориентировались в руинах города. Война во многом приобрела характер бойни.

Все более складывается мнение об изначальной порочности замысла вторгаться в Месопотамию. Этот замысел был *политически наивен и исторически безграмотен*. Только безудержный оптимист мог обратиться к строительству зрелой демократии в вязких политических топях между Тигром и Евфратом — на руинах совсем иной страны, многие десятилетия строившей арабский социализм БААС. Журналисты свидетельствуют, что американское военное командование не вело дискуссий, оно не имело джефферсоновского опыта. Один из солдат делил свое время между написанием иракской конституции и подготовкой школы к новому учебному году. И то и другое было вновь и явно непрофессионально.

Наступил период постоянной фрустрации — на недели, месяцы, годы. Вот как пишут даже лояльные Бушу ориенталисты (в данном случае Ричард Фалькенрат): «Американские мужчины и женщины гибнут в Ираке

почти каждый день; расходуются феноменальные суммы американских денег; террористы и инсургенты нападают все ожесточеннее; их фронт захватывает международные горизонты; жители Ирака не испытывают благодарности к американцам; внутриамериканская поддержка войне слабнет»²⁵².

Лоуренс Фридмен указывает, что «советники и наблюдатели, которые еще на раннем этапе предупреждали об опасности оккупации, которые предупреждали, что столь смелое предприятие требует исключительных усилий, были полностью проигнорированы. Вместо того чтобы обратиться ко всему политологическому сообществу, американское правительство проигнорировало мнения экспертов, включая сюда даже подготовительную работу государственного департамента»²⁵³.

Джордж Пакер отрицает взгляды типа того, что иракская авантюра была обречена на провал в основном по вине самих неуклюжих иракцев. Но он признает, что все, кто симпатизировал американцам *внезапно* ощутили тягу к переезду в Америку. А если нет — то их симпатии к инсургентам росли с устрашающей скоростью. Мораль: «Беспечность американских стратегов иракской войны столь велика, что их трудно простить»²⁵⁴.

Два представителя Совета национальной безопасности клинтоновского периода Дэниэл Бенджамин и Стивен Саймон постарались особо критично осмыслить годы, когда «победа» стала горше поражения. В книге «Следующее наступление: Неудача в войне с террором и стратегия, как исправить положение»²⁵⁵. Главная мысль авторов: односторонность, провокационная риторика, агрессивная тактика команды Буша привели к ошибке — вторжению в Ирак и его оккупации, укрепивших исламский фанатизм, превративших «Аль-Каиду» из географически ограниченного движения в мировой поток, вдохновляющий террористов всех мастей.

Бенджамин и Саймон убеждены, что вторжение и оккупация Ирака увеличила террористическую угрозу Америке и всему западному миру. Ирак стал надежной базой для террористов, здесь они получают бесценный оперативный опыт и дают материал для пропагандистской машины исламистов.

Глава 19

ИМПЕРСКАЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Старая Европа будет вынуждена опереться на наши плечи, перейти на нашу сторону... Каким колосом мы будем!

Томас Джефферсон, 1816

Найолл Фергюсон приобрел в Соединенных Штатах необычайный авторитет своей монументальной книгой о Британской империи. Оксфордского профессора сразу же пригласили за океан, и теперь Фергюсон читает лекции в Нью-йоркском университете. Знакомство с наследником Лондона по имперской гегемонии привело к созданию труда, оценивающего мирового гегемона XXI века — Соединенные Штаты.

Характерен тон британского историографического авторитета. В отличие от немалого числа появившихся в последние годы критических книг об американской империи, Нейолл Фергюсон пишет о могуществе колосса нашего времени с «легким одобрением», едва ли не покровительственно.

Атака «аль-Каиды», полагает Фергюсон, не была выражением «гнева мусульманского мира», это был результат внутримусульманской борьбы, столкновения внутри исламской цивилизации. «Аль-Каиду» легче анализировать как «экстремистское крыло специфически арабской политической религии». Империя не

должна глобализировать значимость этого экстремистского, особенного даже для арабского мира движения, где ваххабизм «прячется в песках Аравии». Терроризм существует давно, во многом он неизбежен, но империя возобладает в любом случае.

А между тем конкуренты не дремлют: растет азиатский конкурент — уже в 2018 г. Китай обойдет США по объему валового национального продукта; «война в Ираке увеличила вероятность новой роли для Европы — потенциального имперского соперника Соединенных Штатов. Европейские политические лидеры предпочли бы играть именно эту роль». Европейский Союз в полтора раза больше по населению, чем США, а его экономика составляет 82 процента американской.

Да, сегодня американские солдаты патрулируют Косово, Кабул и Киркук. И каждое американское вторжение вело к смене политического режима, военной оккупации и попытке институциональной трансформации, эвфемистски определяемой как «строительство нации». «Но откуда взять деньги для успеха всех этих предприятий? Как много американцев готовы стеречь дальние пределы? И как долго американское общество готово поддерживать политику, которая стоит немалых денег и жизней?»²⁵⁶

Вечна ли республика?

Поражение царя Митридата в 84 г. до н. э. никак не укрепило демократию в Риме. Пройдя под традиционной триумфальной аркой, победоносный Сулла прервал свою задумчивость такими словами: «Теперь, когда во всей вселенной у нас нет врагов, какой же будет судьба нашей республики?» Сомнения Суллы в отношении судьбы республики оправдались. Незамедлительно возникли «внутренние враги» (террористы античности), появились проскрипции, армия вошла в столицу, и республика покатилась к империи.

Триста лет Америка провозглашала свою особенность, представляя миру как исключительное государство. Теперь она сумела распространить демократию в качестве общепризнанного идеала. И потеряла идентичность исключительности. Четырехзвездный проконсул Томми Фрэнкс (даже внешне похожий на Суллу) добил последнего «официального» врага современно-го Рима — Митридата-Хусейна.

Но отсутствие явственного врага уже ощущается. Социологическая теория и исторический опыт указывают, что отсутствие ясно очерченного внешнего врага порождает в метрополии внутренний разлад. Неудивительно, что окончание холодной войны вызвало тягу местных внутриамериканских общин к самоидентификации. Отсутствие врага ослабляет необходимость в сильном центральном правительстве, в некогда безусловном единстве.

Профессор Поль Петерсен уже в 1996 г. писал, что окончание холодной войны сделало расплывчатыми очертания национальных интересов США, уменьшило надобность в национальных жертвах. Эгоистический интерес стал брать верх над национальной приобщенностью. Инаугурационные слова Джона Кеннеди — «Спрашивай не о том, что страна может сделать для тебя, а то, что ты можешь сделать для своей страны» стали голосом другой, героической эпохи, ныне скрывающейся за историческим поворотом. Вслед за германским экспансионизмом, японским милитаризмом и русским коммунизмом ушло в прошлое представление о противнике как о силе, противостоящей американскому индивидуализму и свободе. И американская демократия, американское общество (со всеми его ценностями свободного гражданина и свободного рынка) оказалась в своеобразном вакууме.

Даже вышедшие к первым ролям неоконсерваторы не растерялись при триумфе. Вот что пишет один из их главных идеологов Чарльз Краутхаммер: «Нации нуж-

даются во врагах». Новая элита не отвернулась от испытанного компаса — идеальным противником для Америки был бы идеологически противоположно настроенный, расово и культурно совершенно иной, достаточно сильный в военном смысле противник. Сразу же после окончания холодной войны в Америке начались дебаты, кто мог бы стать таким противником.

Проще простого было демонизировать совсем недавних союзников — Милошевича и Саддама Хусейна (геноцид, немыслимая жестокость). Но и здесь ранжир явно не тот, особенно на фоне Гитлера, Сталина, Мао Цзэдуна (и даже менее впечатляющих Хрущева и Брежнева). Нужно было обладать исключительно богатой фантазией, чтобы в изолированном, контролируемом с воздуха и инспекторами на земле Ираке увидеть полномасштабную угрозу Соединенным Штатам, их континентальных размеров территории, их всемирно признанным идеологическим основам. Манихейские искатели дисциплинирующей угрозы обращались к разным разностям: «государства-изгои», кибертерроризм, асимметричное ведение войны, всемирная наркомафия, ваххабизм, ядерное распространение и многое другое. Одних только террористических организаций официальные американские органы насчитали в 2003 г. *тридцать шесть* (среди них ведущие — «Аль-Каида», Исламский джихад, «Хезбалла», «Хамас»). Государств, «спонсирующих терроризм», в том же году определили семь. В «ось зла» ввели в 2002 г. Ирак, Иран и Северную Корею, к которым государственный департамент добавил Кубу, Ливию и Сирию. Полномасштабными претендентами на угрозу Соединенным Штатам стали быстрорастущий Китай и турбулентный мусульманский мир (Ирак, Иран, Судан, Ливия, Афганистан при Талибанах).

Все эти поиски в значительной мере приостановило 11 сентября 2001 г. Усама бен Ладен как бы остановил американские метания атакой на Нью-Йорк и

Вашингтон. Теперь главным врагом на первую половину XXI в. был избран *воинствующий ислам*. Римляне тоже сражались с восточной религией.

А сама Америка, как некогда Рим, погрязла в раздорах. Даже система подсчета голосов оказалась сомнительной, как и, скажем, доходы компании «Энрон». Положиться на солидарность? Лояльность все меньше ценится в современном мире — на внешней арене на глазах у всех распадается триумvirат США — ЕС — Япония. Автократия? Местный Цезарь не блещет талантами. Ну а народ — и патриции и плебеи бьются за «хлеб и зрелища» (то бишь за «медикэйд» и «медикэйр» на фоне НХЛ, НБА и ста каналов кабельного телевидения). Сенат жестко критикует преторианцев (разведку). А в это время южную границу активно пересекают испаноязычные варвары (втрое более низкий образовательный ценз).

Но главное: в Америке (признают такие идеологи как С. Хантингтон) в геометрической прогрессии растет тот сектор населения, в котором, люди, приехавшие в Америку, не желают стать американцами и живут в США как на своей исторической родине. Гарвардский геополитик Хантингтон пишет о растущих миллионах тех, кто, «прибыв в Америку из чужих земель, не чувствуют приобщенности к новой «родной земле». Их поведение в отношении своей новой страны контрастирует с основной массой американской публики»

Но растет еще одно ослабляющее республику явление. Футурологи указывают на воздействие экономической глобализации — *денационализация* элиты будет продолжаться... Ее приверженность национальным интересам — в условиях глобальной диверсификации интересов американских компаний — будет ослабляться». И приходиться в противоречие с американскими интересами. Вот теперь то, что хорошо для «Дженерал моторс», вовсе не обязательно хорошо для Соединенных Штатов. Потому что автомобили эта

первая в мире автомобильная компания собирает где угодно — от мексиканской Тихуаны до российского Петербурга, а вовсе не в родном Дирборне, где за час сборочной работы американскому рабочему нужно платить в *десять* раз больше, чем его мексиканскому или российскому коллеге.

В свое время еще Адам Смит сказал, что «владелец земли по необходимости является гражданином той страны, где расположено его имение... Владелец акций является гражданином мира и вовсе не обязательно привязан к одной из стран». Сказано более двухсот лет назад, актуально в высшей степени относительно транснационального капитала. Если американская экономика застряла, то нужно вкладывать в китайскую. Дж. Хантер и Дж. Йетс оценивают ситуацию так: «Эта космополитическая элита думает о себе как о гражданах мира, имеющих американские паспорта, а не об американских гражданах, которым приходится работать в организациях глобального охвата». Ныне президентами таких традиционных американских компаний как «Алька», «Бестон», «Дикинсон», «Кока-Кола», «Форд», «Филип Моррис», «Проктер энд Гэмбл» являются не американцы. Все более слышны жалобы ЦРУ, что американская разведка не может положиться на сотрудничество с американскими компаниями, не видящими смысла помогать американскому правительству.

В Риме дело завершилось наследственной империей. В Вашингтоне наследственность ощутима, но цезаризм не нашел убедительного воплощения, а два трибуна, два Джона хулят президента за необоснованный поход в долину Евфрата, за скупость в отношении хлеба и зрелищ, за освобождение от налогов богачей и, разумеется, за падение нравов.

Осенняя политическая кампания обещает быть самой острой и интересной со времен Ф. Рузвельта. Что важнее: величие нового Рима или его внутреннее бла-

госостояние? Нужны ли Вашингтону союзники, какие, где и для чего? Сохраняет ли свою значимость Организация Объединенных Наций, или она просто сдерживает гегемона? Способны ли варвары обратиться в демократическую веру, минуя вековые цивилизационные предварительные процессы? Следует ли закупать дешевый хлеб в провинциях, или нужно беречь свободных «новых римлян» в хлеботоржном Канзасе? Вводить ли войска в Судан или посоветоваться с Клеопатрой (то бишь Мубараком)? Не демократическая и республиканская, а партия «мультикультурализма» против партии «плавильного тигля» столкнулись между собой в отчаянной схватке.

Рим стоял на доблести свободного гражданина и на стратегии осмотрительного сената. А погубили его Содом и Гоморра во внутренних пределах и неконтролируемый поток пришельцев со всего света. В эти дни одна половина Америки обсуждает необходимость поправки к конституции о легальности однополых браков, а вторая — неудержимый натиск испаноязычных иммигрантов, ночь за ночью переплывающих Рио-Гранде в северном направлении, чтобы присоединиться к 38 млн. уже осевших соратников.

В притоке иммигрантов и в космополитизации собственной элиты прячется вопрос к новому Риму: что будет с республикой?

Как долго имперский полет

Хотя мысли о будущем неотъемлемы от международных исследований, собственно футурология — редкая птица на горизонте гуманитарных исследований. И только в Соединенных Штатах размышления о том, как продлить свою мировую гегемонию, стало буквально национальным спортом. Одним из наиболее видных футурологических центров является в США Гудзоновский институт, основанный несколько деся-

тилетий тому назад одним из основателей футурологической профессии Германом Каном. Именно из этого футурологического центра вышли рассматриваемые в данном конкретном случае Уильям Одом и Роберт Дюжаррич с исследованием будущего Американской империи.

1. Американцев беспокоит то обстоятельство, что в целом «Соединенные Штаты колеблются между притязанием международного лидерства и поведением просто одного из суверенных государств»²⁵⁷. Характерно их мнение, разделяемое многими в США, что мировое могущество «невольнo» опустилось на плечи Соединенных Штатов. Америка, мол, не ставила перед собой задачи достижения гегемонии. Целью было просто реконструкция Западной Европы и Японии. Империя же пришла как побочный результат.

Нужно было приложить феноменальные усилия по военному производству, долгие годы воевать от Кореи до Месопотамии, путем долгой и упорной борьбы завладеть контролем над океанами и континентами, чтобы в конце яростно утверждать, будто империя сама, неожиданно, как зрелое яблоко, упала на плечи Америки. Можно только улыбнуться. Ведь никто в мировой истории не прилагал более целенаправленных усилий ради мирового доминирования — от «доктрины Монро» до «доктрины Буша», чем стоящий на Потомаке Вашингтон. Стоит только прочесть строки мечтаний отцов-основателей, направлявших бесчисленные фургоны пионеров на Запад, чтобы увидеть целенаправленность покупателей Луизианы, отчаянную самоуверенность основателей Техаса, беспардонную жажду завоеваний у тех, кто захватил половину Мексики, купил Аляску, высадился на Гавайях, присоединил к себе огромный мир — от Пуэрто-Рико до Гавайских и Марианских островов.

И потом, если груз обрушился так негаданно и случайно, то зачем прилагать столь немыслимые усилия,

чтобы его сохранить? Если руководство миром — столь тяжелая задача, то нужно ли за нее держаться от Северного до Южного полюса, расходуя огромные средства и постоянно проливая кровь американцев?

2. «Чтобы быть эффективными, США должны действовать в окружении коалиций... Одностороннее использование американской мощи ставит имперский порядок в состояние чрезвычайного риска»²⁵⁸. Но тут же американцы показывают опасность поддаться коллективному безумию, потерять свободу собственных действий. Стоило ли достигать мирового могущества, чтобы делиться им с другими?

3. Источники американской мощи — не естественные ресурсы, не большое население, не благоприятный климат, а государственные институты — обычаи, правила, обыденная практика, равно как идеология, религия, мораль — вот в чем могущество метрополии²⁵⁹. Транзит к государству с демократическими институтами чрезвычайно сложен, вот почему США и западный мир уникальны и приблизиться к их стандартам смогут немногие. На протяжении нескольких грядущих десятилетий конкурентам не стоит и мечтать о достижении превосходства над Штатами.

4. Кто выступает конкурентом? ЕС? «Но до сего дня мир не знал успешной интеграции двух дюжин национальностей. Но, даже если Европейский Союз преуспеет в своем объединении, это будет (как доказывает глава вторая книги), *не угрозой Америке, а ее системой поддержки*. Разве не объединяющим фактором является владение американцами ценностей на 7 трлн. за пределами США и ценностями в 9 трлн. дол., которыми владеют иностранцы внутри Америки? А что касается военной мощи, то с крахом СССР в мире исчез единственный реальный военный конкурент.

6. Американское военное сообщество считает необходимым замкнуть под своим контролем ключевые регионы Земли. К примеру, руководствуясь «выдвиже-

нием передовых систем обороны», американцы жестко настаивают на своем присутствии в Саудовской Аравии, Кувейте, Катаре, Бахрейне, Объединенных Арабских Эмиратах, Омане, Саудовской Аравии, а сегодня и Ираке — с тем чтобы так или иначе нейтрализовать Иран.

Более всего американских футурологов интересует проблема *альтернативы* американскому могуществу. Они рассматривают все основные варианты и, понятное дело, отвергают любую замену Американской империи.

Глобализация — это аморфное понятие, прошедшее пик популярности в 1990-е годы, оставив, как хвост кометы, огромную литературу. Одом и Дюжаррич отказываются верить в организующую силу глобализации хотя бы потому, что «отсутствует механизм глобального наведения порядка, а тот, что есть, никак не может сравниться с организующей силой Американской империи»²⁶⁰.

Демократический мир. Но если даже «атлантические демократии» Турция и Греция готовы воевать за микроскопические острова в Эгейском море, то что можно сказать о бушующем в страстях остальном мире? Кант с его вечным миром смотрится анахронистом в мире бен Ладена.

Не все регионы одинаковы по важности для США. Селективный выбор союзников фокусирует американские ресурсы — и особенно военные ресурсы.

Оторопь

Это явление вызывает оторопь даже среди самых близких союзников Америки в Западной Европе, где французы гордятся своей культурой, англичане считают себя «прирожденными лидерами», а немцы не верят, что их можно превзойти. В Европе критическое отношение к христианскому самоутверждению Америки возникло в XIX веке. Выход Америки на мировую арену в XX веке умножил удивление и скепсис.

Британский экономист Джон Мейнард Кейнс, говоря о своем опыте наблюдения за президентом Вильсоном, пришел к выводу, что «теологический пресвитерианский темперамент стал опасным аппаратом самообмана. Многие поколения предков президента убедили себя, что каждый их шаг поощрен свыше». Находившийся рядом британский дипломат Гарольд Никольсон увидел в американском президенте «духовно высокомерного наследника пресвитерианской традиции». Не без оснований президента Рейгана называли «восхитительной пародией на проповедника морального возрождения». Журналист Кольмен Маккарти написал, что Рейган «дошел до уровня аятоллы Хомейни».

В XXI веке в Западной Европе периодически оценивают Америку как «гигантскую фундаменталистскую христианскую страну, населенную людьми, повсюду читающими библию», как страну «религиозного экстремизма, угрожающую миру больше, чем бен Ладен». Бывший вице-президент Альберт Гор в сентябре 2004 г. увидел в вере президента Буша «американский вариант фундаменталистского импульса, который мы видим в Саудовской Аравии, в Кашмире и во многих религиозных центрах мира».

США всегда рассматривается как коммерческая республика, защищенная политической системой. Джефферсоновский принцип отделения церкви от государства в демократическом обществе также указывает на эти, казалось бы, светские основы американского самоосмысления. Однако при этом забывают, что истоки американской исходной религиозности и миссионерства институционализированы в политические учреждения и установления, в коллективные представления, которые и есть главная softpower США для самих себя — источник их высокомерия и западного фундаментализма, которого нигде кроме мы не найдем на Западе. Именно фундаментализм, неприятие чужих

культур, мультикультурализма и мультиконфессионализма в глобальном масштабе создает идейный фундамент доктрины Буша, у которой много приверженцев не столько на политическом Олимпе, сколько в миссионерском сознании глубинной Америки, не знающей и не желающей знать о других.

Некоторые западные политологи считают, что бен Ладен был подарком судьбы для президента Буша-младшего. Но правильнее, видимо, было бы считать, что атака «Аль-Каиды» 11 сентября была невероятным «подарком» американской глобальной стратегии. Итог вспыхнувшей после Сентября войны примерно ясен: «Аль-Каида» будет стремиться отъединить ближневосточный регион как можно скорее, а Соединенные Штаты приложить все усилия, чтобы сделать Ближний Восток интегрированной частью общемировой картины. «Обе стороны будут сражаться за один и тот же контингент молодых людей — одна сторона в надежде овладеть их амбициями, а другая — завладеть их ненавистью.

Антиамериканизм

В центре Нью-Мехико стоит памятник кадетам, бросившимся в самоубийственном порыве с обрыва, чтобы не видеть американской победы над собой. Американцам, возможно, трудно представить их боль. Но утверждать, что упали они сами, без внешнего принуждения — это уже слишком. Империи строятся жесточайшими усилиями, а вовсе не по закону сэра Исаака Ньютона, такова горькая правда истории. Утверждать противоположное — отрицать критическое чутье большинства человечества, которым правят сегодня с берегов Потомака. И нынешний главный предмет размышлений американских футурологов известен: как продлить американскую имперскую гегемонию на максимально продолжительный период.

Немалое число американцев верят в продолжительность американского имперского главенства.

Авторы столь смелы в своих оценках, что предвещают «несколько столетий»²⁶¹ американского всемогущества, поскольку на горизонте не видно никого, кто приблизился бы к качеству американских университетов, стабильности политической системы США, их демографическому росту. Последние полвека, говорят они, доказали глобальное превосходство Америки. Судьба в лице демографии благоприятствует продолжительности американского превосходства. Пусть население бурно растет без образования в Африке, Индии и Китае; Америке это не грозит.

Единственное, что способно поставить страну на грань поражения, — безумная политика ее лидеров. Речь идет о способности многих новых иммигрантов поставить личные и этнические интересы выше общенациональных. «Сегодня многие наблюдатели предупреждают, что новые иммигранты склонны противостоять традиционной американской идеологии, обращаясь к «политической корректности и гимнам «культурному многообразию. Это может быть охарактеризовано как *внутреннее* столкновение цивилизаций... ведущее к тирании»²⁶². Американские президенты — как и избиратели — открыто стремятся поставить всемирные либеральные интересы выше узких национальных интересов США. «В этом заключается самая серьезная опасность Американской империи. Власть лидеров ограничена только их идеологией, то есть либеральными нормами. Нет других преград, чтобы сдержать власть вождей, не поможет и выработка новых правил. Лучшие из намерений могут оказаться плохим маяком в тумане такой политики»²⁶³. Другие разрушительные волны менее опасны и реалистичны: экологические катастрофы, массированные ядерные атаки, гигантские метеоры. Но эрозию американской мощи может вызвать необдуманная атакующая внешняя политика, типа вторжения в 2003 г. в Ирак, сделавшего противостояние США с исламским миром не-

избежным. Триумфализм и самолюбование способны довести самую мощную державу к той черте, за которой начинается *имперское напряжение*.

Геокультурные траектории

За два последних десятилетия XX в. ослабили и исчезли две великие исторические траектории, определявшие жизнь двух последних веков — великой французской и русской революций. Это убило «левых» — веру в прогресс, в рациональность в мировую эволюцию как в линейный процесс постоянного прогресса, обещающего привилегии для всех. Произошел геокультурный поворот колоссальных пропорций. Практически потерянными для осмысления происходящего оказались 1990-е годы, когда философские и социальные искания свелись к констатации факта глобализации как триумфа рыночных правил, ниспровергающего все барьеры, включая культурные. Мировую аудиторию убедили, что глобализация меняет все и вся; но подобный дискурс оказался в конечном счете «гигантской ошибкой при осмыслении реальности — обман, спровоцированный на нас мощными своекорыстными группами — и, что еще хуже, этот дискурс оказался самообманом, поскольку он игнорирует *реальность* и ложно трактует исторический кризис, в центре которого мы оказались»²⁶⁴. А затем последовало крушение Берлинской стены в 1989 г. и террористические атаки в сентябре 2001 г. Потеря легитимности сразу же сказалась во вторжении Ирака в Кувейт. В 1990 г. стало ясно, что следовать Ялтинской системе уже невозможно. И против двухсотлетней культуры триумфализма Запада в последние десятилетия возникает очень своеобразная культура протеста.

Вот кратчайшая оценка Буша: «Полный вперед» — это девиз нынешней администрации, поскольку, если они ослабят темп, то будут выглядеть очень глупо, а по-

ражение *позже* кажется менее болезненным, чем *крах сегодня*»²⁶⁵. Благоприятная возможность может уже не повториться. «Мир оказался охваченным миражом неолиберализма, акме которого уже пройдено — это мираж, равно как и сознательный обман, заслуживающий меньше дискуссий, чем это казалось вначале»²⁶⁶. Неизбежно и объективно увеличивающаяся стоимость производимой продукции, необратимый процесс повышения заработной платы, требования увеличения расходов на образование и бесплатную медицину неизбежно гасят иллюзию благотворности глобализировавшихся рынков. «Ястребиная интерпретация, исходящая из того, что шансы США на всемирный контроль велики, является ложной и следование ей только ускорит американский упадок, превращая постепенное нисхождение в быстрый и турбулентный упадок»²⁶⁷. Более того, слабеют и союзники.

Очень существенный вывод: «Запад вошел в полосу массивного кризиса — не только экономического, но в фундаментальном смысле политического и социального. Мировая капиталистическая система находится в кризисе как социальная система». Босния и Руанда заполонили горизонт. «Мы живем, — говорит И. Уоллестайн, — в сумасшедшей и умирающей системе, где расистские привилегии пронизали всю мировую систему и охватили все ее институты»²⁶⁸. В чем причина? Мировая система вступает в коллапс из-за того, что структурные способности ее адаптации к реальному миру фактически исчерпали себя. В результате США стали тем, чем они являются сегодня: «Одинокая сверхдержава, в которой отсутствует подлинная сила; мировой лидер, за которым никто не следует и которого никто не уважает; нация, опасно дрейфующая среди мирового хаоса, который она не может контролировать»²⁶⁹. Да, сохранится колоссальная американская военная мощь как единственная козырная карта американского могущества, но ее не будет достаточно для глобального контроля.

Слабеют идейные позиции. На протяжении двухсот лет Соединенные Штаты приобретали значительный идеологический кредит. Но в сегодняшние дни США избавляются от этого кредита даже быстрее, чем они освобождались от золотого запаса в 1960-е годы. При этом «святая троица» либеральной идеологии — политика, экономика и культура являются инструментами защиты эгоистических позиций. Терроризм, олицетворяемый Сентябрем, привел к тому, что «испытывающие фрустрацию даже при самых консервативных американских правительствах, «ястребы наконец-то встали у руля американской внешней политики... Но ястребиное прочтение происходящего может лишь ускорить процесс упадка Соединенных Штатов»²⁷⁰.

В дальнейшем предстоит обострение *трех* проблем. 1) Перемещение отдельных секторов производства в новые зоны мировой экономики — речь идет о последствиях сельскохозяйственной революции, которая в ближайшие 25 лет будет иметь колоссальные последствия: повысится стоимость сельскохозяйственных продуктов, а в социальной сфере сотни миллионов выброшенных в города крестьян постараются выразить свой гнев. 2) Экологическое истощение планеты усилит спор за сырьевые ресурсы и укрепит позиции их владельцев, одновременно ожесточая менее наделенных. 3) население развитых стран будет все больше требовать увеличения общественных расходов на образование и здравоохранение — налоги станут повсеместной проблемой.

Сутью грядущего конфликта будет столкновение христианства, ислама и буддизма. Многие ценности в этих религиях совпадают, и предопределенности столкновения нет.

Какой будет преобладающая система мира через несколько десятилетий? Итог, *во-первых*, ее вид и сущность будут зависеть от способности «имеющих» и «неимеющих» партий мобилизовать своих сторон-

ников — и меньше будет зависеть от риторики; инициативу возьмут в свои руки те, кто предложит *реальные* альтернативы. *Во-вторых*, от того, как справится Запад с процессом своей абсолютной депопуляции, старением населения, сокращением рабочей силы при одновременном нестигаемом желании сохранить высокий жизненный уровень. Возьмем в качестве примера небольшую, но богатую Австрию. Непременным условием сохранения ее современных жизненных стандартов в ближайшие полвека явится увеличение в ч е т ы р е раза тех ненавидимых западными правыми иммигрантов, которые прибывают преимущественно с Балканского полуострова. Согласится ли Австрия, Европейский Союз, Соединенные Штаты на мирное сосуществование весьма различных культур? До сих пор белые западные христиане лишь *мирились* с наличием инокультурных анклавов; а речь встанет о подлинном равенстве в мультикультурном целом.

Заключение

АМЕРИКА ЗА НЕФТЬ И ПРОТИВ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Через 10—20 лет военное доминирование США сохранится, если только у вероятного противника не появится мощная противоспутниковая система или не будет секретно проведена установка сети надежно защищенных, большей частью находящихся под землей мощных лазеров, способных уничтожать американские самолеты и ракеты. Эти угрозы позволят потенциальному противнику бросить прямой вызов военному реформированию США и вернуть ведение войны к реалиям XX века — большей численности вооруженных сил и большим потерям. Есть только два государства, способных на это²⁷¹.

Генерал Уэсли Кларк, 2004

Президент Буш обещает американскому народу «определенность и уверенность» относительно своего будущего. Это единственное, чего ему не достичь ни при каких обстоятельствах. Будущее Соединенных Штатов абсолютно непредсказуемо.

И. Уоллерстайн, 2003

В чем нуждается Америка

Вторжение в Ирак было результатом возобладавшего в Америке апокалиптического видения, надежды на изменения в той части мира, которую в Вашингтоне посчитали важнейшей для себя. Крайний характер намеченного проекта отражает глобальную самоуверенность американцев после 1991 года.

Очевидно морально-политическое противоречие: США доверяют себе, но никому более. США желают инспектировать Северную Корею, но предельно возмущены предложением ООН инспектировать американские установки. Вашингтон полагает, что он будет использовать свое оружие «мудро» и в защиту свободы (что идентично с защитой национальных американских интересов). Из этого следует, что другие действующие лица не способны ответственно пользоваться этим оружием. Может ли это нравиться внешнему миру?

Конструктивное *общее* будущее уступило место проекциям гораздо менее гармоничным, гораздо более хаотичным, целям более эгоистичным. Наступает время чрезвычайно быстрых перемен, именно они прежде всего будут характерны для близлежащих десятилетий.. Мы отчаянно нуждаемся в *создании* значительно более рациональной общественной системы. Примерно половина столетия понадобится для того, чтобы структурный кризис современной международной системы изменил ее полностью. Характер будущей системы нам неведом, но мы должны приложить все силы, чтобы солидарность и справедливость заняли более видное место в международных отношениях..

Спускающаяся с холма всемогущества, Америка должна слушать и союзников и противников, у которых тоже есть идеалы, мечты и интересы. В противном случае ее окружение будет все менее благосклонным.

По мере прохождения XXI в. Америка будет во все более возрастающей степени окружена конфликтами, страхом, смятением, отчаянными попытками «остановить время». А как иначе, если Соединенным Штатам «не удалось выполнить свое обещание создать мировую либеральную утопию, посредством поражения внесистемных движений создать *новое общество*, «где все поют». Многое будет зависеть от способности американцев хладнокровно анализировать происходящее. Если американцы не сумеют продемонстрировать спо-

способности к действенному и хладнокровному анализу окружающего мира, не сумеют соединить эффективность с гуманизмом, их будущее может стать блеклым.

Внешний мир постарается так сманеврировать, чтобы свести непосредственный ущерб себе до минимума. Можно, конечно, утешаться словами Ильи Пригожина, что «неопределенность есть главная особенность вселенной», но философская истина плохо стыкуется с весьма жестокой жизненной реальностью.

Будущее таит неизбежное ожесточение на поле геополитики. Ведущий социолог Уоллерстайн предсказывает следующие черты ожесточения:

- в ходе следующей войны (подобной войне в Ираке) в ходе боевых действий будет применено ядерное оружие и его применение будет «банализировано»;

- доллар перестанет быть единственной реальной резервной валютой мира;

- ЕС не сумеет найти способ сближения с Россией, что ослабит Западную Европу визави США;

- Россия и Китай стоят перед похожими проблемами сохранения внутреннего единства, расширения производственной базы и укрепления вооруженных сил; если они преуспеют в этом, то геополитическая картина мира изменится;

- воссоединение Кореи практически неизбежно и оно сместит баланс сил в Восточной Азии, особенно если объединенная Корея найдет возможности одновременного сближения с Китаем и Японией. Такой треугольник меняет картину мира;

- возможный крах прозападных режимов в Саудовской Аравии и в Пакистане вызовет волну исламского сближения от Марокко до Индонезии, от Узбекистана до Судана;

- Соединенным Штатам будет трудно ввести в свою орбиту такие латиноамериканские страны, как Бразилия, Аргентина, Эквадор, которые постараются сделать шаги в направлении ЕС и Японии.

История — это не поезд, который раскрывает двери на каждой станции. Текущий век все более характерен борьбой за место в несущемся в будущее поезде. И единственный способ открыть в него дверь — наша рациональность, трудолюбие и талант.

Крах мирового порядка

В XX веке не было хозяина Белого дома, который так или иначе не выразил бы ту мысль, что США — величайшая страна в мире, страна свободы, Билля о правах, шансов самореализации. Предлагаем поразмыслить, как такое утверждение воспринимается не-американцами — канадцами, скажем, англичанами и, конечно же, французами слова о том, что американцы более цивилизованы, чем остальной мир. Все это глубоко присуще психике американцев. Поэтому американцы и были так шокированы событиями 11 сентября 2001 г. За что их так не любят? Америку и раньше оскорбляли, но «теперь дураки стали преступниками»²⁷². Наступает фаза силовых взаимоотношений «золотого миллиарда» и остальных пяти. То, что мир не будет прежним после 11 сентября 2001 г. — отнюдь не гипербола. Но справедливо утверждение, что *психика* американцев уже никогда не будет прежней. Америка обязана научиться жить в мире более равных.

Ныне даже американский мейнстрим — либеральные вожди прежней Америки — видят в однополярном мире опасность хаотизации растущего (количественно) мира в условиях истощения природных богатств планеты. Почему же с окончанием холодной войны, упадком колониализма и апартеида мир не стал более умеренным, в мире не вызрела надежда на понимание наиболее важных тенденций, определяющих политическую жизнь планеты?²⁷³

Объяснение чаще всего заключается в том, что «ускорившееся в 1990-е годы стремление к наднациональ-

ной справедливости оказалось в начале двадцать первого века оттесненным на обочину общественной жизни в результате всеобщего обращения к проблеме глобального терроризма». Была упущена совокупность возможных инициатив, особенно важны среди которых всеобщая демилитаризация, создание миротворческих возможностей у ООН, предоставление нового «плана Маршалла» для таких регионов, как Африка и Карибский бассейн. В отличие от финала двух мировых войн, окончание холодной войны не породило массовой волны, направленной на обновление мира. И этим воспользовались американские неоконсерваторы. Рухнувший мир Вестфальской системы, где суверенитет отдельной страны был некой гарантией общего мира, вывел мир к четырем тупикам:

1. *Мировой рынок*. Представление сторонников глобализации, что рынок важнее традиций, локальных лояльностей, цивилизационных особенностей оказалось наивным конструктом, искаженным видением меняющегося мира, который наряду с нарастающим материальным могуществом *укрепляет* цивилизационные, религиозные и этнические особенности.

2. *Мировое правительство* оказалось неприемлемым самой мощной силой планеты — Соединенным Штатам; курс на мировой международный центр оказался наивным в свете веры Вашингтона в свое всемогущество, не менее чем с презрением смотрящего на администрацию ООН и других международных организаций.

3. *Мировая деревня* споткнулась на эффекте глобальных медиа именно в свете *поляризующего*, а не сближающего характера телевидения, Интернета, CNN и пр. Замены гражданства *нетизацией* не произошло, и мнимая деревня не стала сообществом все более близких друг другу индивидов.

4. *Сентябрьский ужас* придал новое значение проблеме безопасности, и мир разменял легкость ка-

налогов общения на строгость отгородившихся потенциальных жертв. Американское военное доминирование, основанное на милитаризации космоса, стало национальным американским ответом (за неимением более убедительных ответов) — или таких, за которые стояли бы миллионы.

Все эти четыре ответа можно считать тупиковыми, как сверхреакцию на «черный сентябрь», неспособные восстановить вековую стабильность. Дорога, избранная «демократическими империалистами» президента Буша-мл. и его неоконсервативным окружением, несет с собой опасность всемирного ожесточения.

При внимательном отношении еще до окончания холодной войны существовали ясные указатели того, что «западная» модель будущего отдельных государств и мирового сообщества в целом являлась неприемлемой для многих стран, особенно стран Юга. Общее восстание «южан» предвосхищала иранская революция 1978—1979 гг. А общим «теоретическим» восстанием явилась концепция «столкновения цивилизаций» Хантингтона, отвергнувшая успокоительные идеи мирового сближения, глобализации. Противопоставление культуры экономике создало благоприятные условия для религиозного возрождения. И именно тогда, когда крушение Берлинской стены давало Западу шанс создания более устойчивого мира, западный мир стал игнорировать первостепенные проблемы: распространение оружия массового поражения, придание миротворческих функций Организации Объединенных Наций — что единственно могло остановить кровавое буйство этноцентризма.

То обстоятельство, что мировому Северу не удалось сократить разрыв с бедным Югом, что более половины человечества живут менее чем на 2 доллара в день, не имея при этом ни адекватной питьевой воды, ни самой примитивной медицины — так или иначе отзовется на мировых судьбах. Что касается мировой организации,

то пока не видно альтернативы ООН. Этому противостоит то обстоятельство, что американцы стремились манипулировать Организацией Объединенных Наций еще до вторжения в Ирак, а затем предпочли игнорировать эту организацию полностью.

Мировым откликом на стремление США осуществить глобальное доминирование станет возрождение основных планетарных религий — они выступили против «монопольного американского контроля над милитаризацией космоса и океанов»²⁷⁴.

Что же несет иракский опыт? История так или иначе *питает* своей мудростью. «Существует вероятность того, что бремя оккупации Ирака, дискредитация причин, побудивших США начать войну, произведет политический переворот в Соединенных Штатах в сторону уважения базовых прав и принципов международного права, в сторону увеличения уважения ООН и мирового общественного мнения». Мы слышим голос либеральной Америки, чье сознание не помутилось от имперского всевластия.

Напомним, что в 1998 г. конгресс США принял «Закон об освобождении Ирака» — Вашингтон оказал поддержку эмигрантскому альянсу во главе с Ахмадом Чалаби. А во время всеобщих выборов в Ираке в 2005 г. эта группировка не смогла заручиться на выборах ни одним голосом, что говорит о непонимании американцами той страны, которую они решили осчастливить.

В Ираке администрация Буша меняла *raison d'être* от *разоружения к изменению режима и, в конце концов, к демократизации*. Военная фаза войны (вполне объяснимо) оказалась более осуществимой, чем умиротворение несчастных иракцев и возвращение цивилизации в их жизнь.

Возобладание в Ираке настроило администрацию Буша на жесткое давление на соседние неудобные режимы — в Сирии, Ливане, Иране ради осуществления очевидного желания смены режимов в этих странах.

Вторая задача, которую поставил перед собой Вашингтон, — лишить Организации Объединенных Наций глобальных регулятивных функций. Самым высокопарным образом говорит об этом провозглашенная в сентябре 2002 года Национальная Стратегия Безопасности, в тексте которой говорится о «распространении благ свободы по всему миру» и о том, чтобы «сделать мир не просто безопаснее, но лучше». Вот коронный абзац этого документа: «Соединенные Штаты должны и будут поддерживать способность нанести поражение любой попытке любого противника — будь то государство или негосударственная действующая сила — навязать свою волю Соединенным Штатам, нашим союзникам и нашим друзьям. Мы будем поддерживать уровень вооруженных сил, достаточный для выполнения наших обязательств и для защиты свободы. Наши силы должны быть достаточны, чтобы разубедить потенциального противника начать военное строительство в надежде превзойти или встать на равных с мощью Соединенных Штатов»²⁷⁵.

Новый Ирак окажется между «старым гегемоном» — Северной Атлантикой — и «новым» центром мира — Китай, Индия, Восточная Азия. США будут стремиться воздействовать на Багдад не только прямо, но и косвенно — через традиционных союзников — Египет, Израиль, Иорданию, Саудовскую Аравию. Европа будет выражать свой обновленный интерес к Багдаду через посредничество Турции, Сирии, Ливана, Палестины. Россия поддержит связи с Ираком ради стабильности на Кавказе и в Средней Азии. Китай и Индия постараются найти дорогу в Междуречье через Иран и Пакистан. Надежды «уменьшившегося» Ирака будут зиждиться на надежде умиротворения между Ираном и Вашингтоном.

Американцы будут стремиться сокрушить международный терроризм посредством укрепления связей Ближнего Востока с глобализирующимся миром быс-

трее, чем террористы смогут оторвать этот регион от столбовой дороги мирового развития и похитить его у истории.

Плата за крах Вестфальской системы

Главное, что происходит: Соединенные Штаты ставят свои международные запросы *выше* требований международной законности и процедур ООН по самым важным вопросам международного бытия, готовые при этом ступить в *необоронительную* войну. Все это ведет к растущему хаосу в международных отношениях, где гаснет важность суверенитета, где сила опять возобладала над международно признанным законом.

Слабые стороны исполина

Феноменальная мощь Соединенных Штатов как единственной сверхдержавы — военной, экономической, информационной — не нуждается в детальном аргументировании. Два обстоятельства — крах Советского Союза и невиданный экономический рост 1990-х годов вознесли Америку на недостигаемую высоту могущества. Но даже имперский блеск не способен скрыть или закамouflировать те слабые стороны огромного американского военного и экономического организма, которые дают отнюдь не лестную картину страны, претендующей на мировую гегемонию.

Во-первых, в 2001 г. прекратился этап бурного экономического подъема. Достигнув цифры 14 трлн. дол. валового национального продукта, экономика США прекратила свой бег, вступив в фазу депрессии. Индекс Насдак — индекс развития высоких технологий — ослаб, развивая мифы о якобы преодоленном экономическом цикле на основе информационной технологии. В ту, клинтоновскую Америку из внешнего мира шли 200 — 300 млрд. дол. долларов в год, а в 2000-е годы только 20 — 30 млрд. дол.

Во-вторых, по мнению растущего числа экономистов, «упадок и падение американской империи произойдет не из-за стоящих у ворот террористов и не в свете помощи террористам государств-изгоев, но из-за *фискального кризиса современного американского государства*»²⁷⁶. В ближайшие пять лет 77 млн. американцев, родившихся в эпоху демографического бума, начнут получать пособия по социальному обеспечению. Через восемь лет они станут пользоваться системой «Медикеэр». К тому времени как все они выйдут на пенсию в 2030 г., пожилое население США увеличится вдвое, а число обеспечивающих их благосостояние — только на 18 процентов. Рождающиеся сегодня американцы должны будут платить налогов вдвое больше, чем их отцы. Военные и прочие федеральные расходы после сентября 2001 г. заставили Бюджетную службу конгресса предсказать рост бюджетного дефицита в ближайшие десять лет до 2,3 трлн. дол. Долг американского государства за это время увеличится на 9,1 трлн. дол.²⁷⁷. За последние 5 лет 44 процента международных долговых обязательств оплачиваются в евро, а 48 — в долларах. Ослабление финансовой системы страны не может не влиять сдерживающим образом на ее внешнюю политику.

В-третьих, программа международной финансовой глобализации не удалась. Япония застыла с 1990 года, а в 1998 г. обнажилась уязвимость тихоокеанских «тигров», Мексики, Аргентины, Индонезии и, конечно, России. Выдвигаемый в качестве схемы мировой финансовой либерализации т.н. «вашингтонский консенсус» оказался губительным для возникающих и растущих экономик Азии и Латинской Америки. Ведущие страны начали очередной виток протекционизма. Одна только «стальная» война вызвала резкое отчуждение Соединенных Штатов и Европейского Союза, России, Японии, Южной Кореи, Бразилии. Китай стал чрезвычайно притягательным направлени-

ем японских капиталов и товаров и здесь на наших глазах возникает восточноазиатское экономическое сообщество, которое в будущем способно бросить новый вызов Америке. В результате есть немало оснований утверждать, что США сегодня пользуются меньшим влиянием, чем десятилетие назад — и этот баланс продолжает меняться не в пользу Америки — в основном из-за того, что американский рынок ослабляет свою значимость для местных стран и в свете растущей зависимости Америки от иностранного капитала.

В-четвертых, ныне более 50 процентов готовых товаров и продуктов, потребляемых Соединенными Штатами, *импортируются* (рост с 31 процента в 1887 г.). США ныне нуждаются в 600 млрд. дол. ежегодно, чтобы оплатить этот импорт и покрыть дефицит внешней торговли. Америка как бы повторяет судьбу имперской Британии, которая в 1913 г. экспортировала огромные объемы капитала — 9 процентов своего валового продукта, финансируя Соединенные Штаты, Канаду, Австралию, Аргентину, а после первой мировой войны превратилась в их должника. Подобным же образом, США после Второй мировой войны инвестировали во весь мир. А ныне Америка *импортирует* 6 процентов своего валового внутреннего продукта, черпая капитал не только из богатых Западной Европы и Японии, но даже из относительно бедных экономик. В текущее время Центральный банк Китая стал крупнейшим покупателем ценных бумаг министерства финансов США и совместно с Японским центральным банком обеспечивает почти 45 процентов текущего дефицита расчетов США. Международный долг США дошел до 30 процентов внутреннего валового продукта. Такой уровень внешнего долга обычно характерен для слаборазвитых стран — он делает страну-должника зависимой от экономических решений, принимаемых другими. (А Западная Европа увеличивает экспорт капитала, обретающая все большее влияние на такие страны, как Россия, Бразилия, Турция.)

В-пятых, геополитики в Вашингтоне преувеличивают значение военной силы. Развитые страны мира не видят сегодня на горизонте военной угрозы. Электронно-космическая мощь США заставляет вспомнить поговорку: не стреляй из пушки по москитам. При этом, инвестируя в свою военную мощь, Соединенные Штаты объективно подрывают другие элементы своего могущества. Вооруженные силы могут сражаться, но им не под силу полицейские функции или меры по *полномасштабному* поддержанию мира. При этом огромный развивающийся мир *никак* не ощущает блага американского доминирования или желания выразить благодарность. Напомним, что США находятся на последнем месте среди стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития по доле средств, выделяемых на экономическую помощь другим странам. По этой статье расходуется лишь одна семнадцатая доля военного бюджета США. И американская помощь четко концентрируется всего на нескольких странах: Израиль, Египет, Колумбия и Иордания. Богатейшая страна мира, США сегодня не могут предложить ничего подлинно существенного многим стратегически важным странам. Результат: Вашингтон в начале 2003 г. не смог «уговорить» голосовать в СБ ООН за свой проект по Ираку даже такие относительно близкие себе страны, как Мексика и Чили, не говоря уже о Гвинее и Камеруне.

В-шестых, центром приложения американской силы вопреки американским национальным интересам стала не Западная Европа и не Восточная Азия (прежний и будущий силовые центры мира), а прежде маргинальный Средний и Ближний Восток — от Бишкека до Йемена, от Каира до Исламабада. По существу, это означает, что Америка взваливает на себя цивилизационно непомерные ноши, которые никому не по плечу (демократизация арабского мира, индустриализация кочевых народов, построение наций на

месте племенных союзов и т. п.). При этом американцы, узко глядя на свои цели, помогают регионально важным Египту и Иордании с непосредственной целью предотвратить их помощь палестинцам, сокрушить демократическое движение в этих странах, обеспечить их связи с дружественными к американцам феодалами Персидского залива. Может быть, в этих усилиях и можно увидеть позитивную цель, но едва ли реалистически значимую. Ведь большая стратегия — это всегда создание шкалы приоритетов; а такая шкала, на которой исламский Восток в первом десятилетии XXI века значит для Америки *больше* Европы, едва ли делает честь глобальным стратегам.

Мудрое ли это приложение американской мощи? Не важнее ли Ближнего Востока достижение дружественности с Россией, Китаем, Индией (не говоря уже о Европейском Союзе)? Попытку укрепить глобальное лидерство посредством активизации на Ближнем Востоке можно оценить как иллюзию или неверный расчет. Имперские увертюры в арабском мире способны лишь ослабить США в ключевой, критически важной, евро-восточноазиатской зоне.

Отметим, что переориентация Америки происходит в то время, когда Западная Европа — после окончания холодной войны — все *меньше* нуждается в американской военной защите даже на Балканах — в Боснии, Косове, Македонии. Объединенная Европа создает вооруженные силы ЕС *вопреки очевидному сопротивлению Америки*.

В-седьмых. Ярость 11 сентября 2001 г. исключила резонный, обстоятельный и уравновешенный анализ терроризма как явления прошлого и будущего. Неоконсерваторы неистово, республиканцы энергично, демократы вольно-невольно *обязаны* в сложившейся морально-психологической обстановке стремиться к почти спонтанным силовым решениям, придавая Саддаму Хусейну некие дьявольские черты. Одно

дело быть настороже, трезво-обеспокоенным, а другое — сводить стратегию к тяжбе с практически невидимым врагом. Именно в этом и заключается сила терроризма — в подталкивании государственной машины к иррациональным решениям, к эмоциональному всплеску вместо хладнокровного анализа.

В результате, чем дольше и больше сражаются американские вооруженные силы на таких театрах боевых действий, как безжизненные плато Афганистана, враждебный «суннитский» треугольник в центральном Ираке, близ мечетей шиитов, боевая мощь Пентагона (оптимизированное ядерное оружие, система ПРО, «пятое поколение авиации» и т.п.) может очень многим в нашем мире показаться неэффективной, *дурной* силой. События в Ираке играют ключевую роль в оценке американского вооруженного Голиафа, оказавшегося неспособным покорить арабского Давида.

При этом американцы, судя о других, с легкостью относят чеченский терроризм к сепаратизму, а своих противников — к неисправимым террористам. Если это так, то нечто другое, чем терроризм, можно без особого труда увидеть в колумбийской гражданской войне, в палестинской интифаде, в столкновении племен Афганистана, в иракском котле противоречий. И «перенос войны на территорию противника» (слова президента Буша-мл.) в Центральной Азии легко поддается критике: военное присутствие вооруженных сил здесь (как и в Ливане, Саудовской Аравии, Ираке и др. местах) *увеличивает степень угрозы и американским интересам, и американскому военному персоналу*. Заметим, что многим американцам неясно, как «расширение системы американских военных баз может предотвратить террористические атаки на США»²⁷⁸. Американцу Уильяму Пфаффу, в частности, непонятно, «уязвимы ли базы «Аль-Каиды» с баз в Центральной Азии?»²⁷⁹

По мере ожесточения непрекращающегося кровопролития в Ираке, в американском обществе растет значимость вопроса, могут ли США позволить себе боевые действия не против Ирака (23 млн. жителей), а против Ирана (70 млн. жителей)? (Не говоря уже об одновременных действиях). Все более становится ясным, что изоляция Ирана в текущей ситуации может лишь стимулировать усилия Тегерана по обретению собственного ядерного оружия. Американцы «простили» мусульманский Пакистан за ядерное вооружение. Почему же предполагать американский удар по иранским исследовательским центрам, когда на это без одобрения смотрят Россия и Китай?

* * *

Если стратегия «сдерживания» более полувека назад, «дисциплинируя» две трети мира, помогла Америке стать «осью» мирового развития, то неоконсервативная стратегия (которую уязвленные среди американцев нередко называют «мускулистой политикой») грозит расколом Запада, вступлением Вашингтона в безвыигрышную гражданскую войну мусульман, отчуждением России и Китая, что не может, в конечном счете, не грозить истощением ресурсов гиганта Запада, как минимум по двум причинам: американский рынок становится *все менее значимым*; растет зависимость США от внешнего капитала.

Россия нужна Америке при любой степени критического восприятия степени ожесточенности Соединенных Штатов. Волею своей географии Россия «нависает» над Китаем, Средней Азией, Каспийским бассейном, Балканским полуостровом. Да и чтобы решить проблему Ирана, Америке не обойтись без помощи России; как и в решении проблемы КНДР Соединенным Штатам не обойтись без поддержки Москвы. В этой си-

туации Россия использует сильную сторону своей геополитической и геоэкономической политики — задействование прежде всего своих энергетических ресурсов, в значительной мере выступающие альтернативой энергетической мощи Персидского залива, Ближнего Востока.

По мере того, как администрация Буша все больше увязает в иракской «трясине», делая победу 2003 года «пирровой победой», сомнения все больше охватывают Белый дом. Намечается глубокий раскол между двумя фракциями — доминирующей фракцией сторонников односторонних американских действий (1) и сторонниками благотворных, единых для всех правил с противоположной точки зрения — опереться на потенциальных союзников — Запад и, возможно, Россию (2). Пока альтернативная точка зрения в Вашингтоне отбрасывается, она подается как воплощение наивности, идеологической зашоренности и неверия в американскую мощь.

Первая точка зрения исходит из того, что миропорядок, основанный на либерализации торговли, губителен. Он разрушает имперскую мощь США; мирное и либеральное экономическое устройство порождает внутривнутриполитические конфликты, неизбежное международное соперничество, ведущее к войне. *Вторая точка зрения* буквально боготворит глобализацию: мирная торговля рассматривается как инструмент построения стабильного, процветающего и взаимосвязанного международного сообщества.

Современный американский неоконсерватизм — мощная и сплоченная сила, искусная в идеологическом споре и в трактовании оптимального американского курса в огромном внешнем мире.

Если корень угрозы — в недовольстве последствиями модернизации, то питательной средой для терроризма является нищета и обездоленность. Если же, напротив, все дело в глубочайших культурно-цивилизаци-

ционных различиях, то единственной адекватной реакцией становится имперская завоевательная политика. «Вопрос ставится так: что делать промышленно развитым странам с «варварами», вставшими у ворот: откупиться от них или? Оба эти варианта представляют собой разные элементы старого и неэффективного «древнеримского» рецепта: покорить «варваров» или соблазнить их минимальным процветанием. Первый элемент символизирует «воинственное высокомерие», второй — корыстное покровительство. И в том и в другом случае средство достижения цели — усилить модернизацию «золотого миллиарда». Во втором случае — создать благожелательную гегемонию.

Это два типа западного ответа на вызов времени. Отвечая на этот вызов, политики промышленно развитого мира уже начинают отказываться от убежденности в том, что будто технический прогресс автоматически несет с собой процветание, а значит, как по волшебству, и решение проблемы ценностных разногласий. Им необходимо обдумать вопрос о ценностях и традициях, и четко высказаться по этому поводу.

Но не все уже зависит — как это было пять столетий — от воли Запада. Подъем Китая и Индии сместил акценты, породил вероятие столкновения цивилизаций. Авантюра на месопотамской равнине — один из последних эпизодов американского всевластия.

Она началась лихо и с полной убежденностью в способность Америки творить мир по своему желанию. Прибывшему в Пентагон генералу Уэсли Кларку знакомый генерал сказал: «Война против Ирака рассматривалась как часть кампании, рассчитанной на пять лет. За Ираком последуют Сирия, Ливан, Иран, Сомали и Судан»²⁸⁰. Но уже через три года столь лихой подход обнаружил свою цену и Вашингтон перестал озвучивать подобные планы.

Сектантское насилие, разгоревшееся между шиитами и суннитами, грозит тем, что Ирак вместо достой-

ной внимания и повторения демократии превратится в государство, охваченное тотальной гражданской войной и хаосом. Генерал Кейси сказал корреспонденту СНН, что конфликт будет долгим. «У повстанцев нет проблем с вербовкой новых рекрутов, в их распоряжении постоянно есть множество оружия и амуниции, которые ранее находились на бывших армейских складах, расположенных на территории всего Ирака».

Война в Ираке обходится американскому народу в 5,6 млрд. дол. в месяц, здесь уже погибли более 3 тысяч американцев, а конца кровопролитию не видно. США завязли в песках Месопотамии тогда, когда их мощь должна показать себя визави Китая и Европейского Союза.

Аналогия с Вьетнамом напрашивается все больше. Бывший военный министр Мелвин Лэйрд пишет в «Форин афферс», что «во Вьетнаме и Ираке наши противники действуют сходным образом. Они хотят ослабить нашу волю продолжать борьбу и внушить как можно большему числу американцев мысль, что продолжение войны не стоит потерянных жизней американцев и затраченных на нее денег». Но не все согласны.

Много цивилизаций видели берега Тигра и Евфрата, их подъем и падение. Впервые здесь видят попытку принести новую цивилизацию на броне танков. Слоны, верблюды, танки. Но цивилизационный код — это нечто крепче брони и поддается пересмотру только при помощи времени и благоприятных перспектив. Имперский наскок грозит обернуться провалом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Marr Ph. Democracy in the Rough («Current history», p. 26).
- ² Garrison J. America as Empire. Global Leader or Rogue Power? San Francisco: Berrett-Koehler, Inc. 2004., p.15
- ³ Mandelbaum M. Inadequacy of American Power («Foreign Affairs», September/October 2002, p.61).
- ⁴ Mandelbaum M. Inadequacy of American Power («Foreign Affairs», September/October 2002, p.61).
- ⁵ Donnelly Th. The Past as Prologue: An Imperial Manual («Foreign Affairs», July/August 2002, p.87)
- ⁶ Glennon M. What's Law Got to Do with It («Wilson Quarterly», Summer 2002, p. 59).
- ⁷ Ikenberry J. America's Liberal Hegemony («Current history», January 1999, p. 26).
- ⁸ Brooks S. and Wohlworth W. American Primacy in Perspective («Foreign Affairs», July/August 2002, p.24).
- ⁹ Ikenberry J. Getting hegemony right («National Interest», Spring 2001).
- ¹⁰ Mearsheimer J. The Tragedy of Great power politics. New York; Norton, 2002.
- ¹¹ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 16.
- ¹² Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 38.
- ¹³ Barnett Th. Blueprint for Action. A Future Worth Creating. New York: G.P. Putnam's Son's. 2005, p. 96-97.
- ¹⁴ Feldstein M. Achieving Oil Security («National Interest», Spring 2002).
- ¹⁵ Telhami S. Understanding the American Oil Strategy («Brookings Review», Spring 2002, p.33-34).
- ¹⁶ Кларк У. Как победить в современной войне. Ирак, терроризм и Американская империя. М., 2004, с. 137.
- ¹⁷ Project for a New American Century. January 26, 1998.
- ¹⁸ Кларк У. Как победить в современной войне. Ирак, терроризм и Американская империя. М., 2004, с. 141.
- ¹⁹ Telhami S. Understanding the American Oil Strategy («Brookings Review», Spring 2002, p.35).
- ²⁰ Telhami S. Understanding the American Oil Strategy («Brookings Review», Spring 2002, p.33).

- ²¹ «Washington Post», January 17, 2001.
- ²² Кларк У. Как победить в современной войне. Ирак, терроризм и Американская империя. М., 2004, с. 146.
- ²³ Barnett Th. Blueprint for Action, A Future Worth Creating. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 90.
- ²⁴ Barnett Th. Blueprint for Action, A Future Worth Creating. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 83.
- ²⁵ Sageman M. Understanding Terror Networks. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004, p. 2
- ²⁶ Kaplan R. Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos. New York: Random House, 2001, p. 31
- ²⁷ Creveld, Martin van. The Transformation of War: The Most Radical Reinterpretation of Armed Conflict Since Clausewitz. New York: Free Press, 1991; Kaplan R. The Coming Anarchy: Shattering the Dream of the Post — Cold War. New York: Random House, 2000.
- ²⁸ Barnett Th. Blueprint for Action, A Future Worth Creating. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 96.
- ²⁹ «New York Times», July 10, 1994, p.20.
- ³⁰ Hirsh M. Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 40).
- ³¹ «El Pais», 31, 03, 2002.
- ³² Bearden M. Afganistan, Graveyard of Empires («Foreign Affairs», November-December 2001, p.20).
- ³³ Indyk M. Back to the Bazaar («Foreign Affairs», January-February 2002, p.75).
- ³⁴ Cohen E. A Strange War («The National interest», Spring 2002, p.32).
- ³⁵ Woods K. , Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs», May/June 2006, p. 15.
- ³⁶ «Le Figaro», avril 8, 2002.
- ³⁷ Simes D. What War Means («The National interest», Spring 2002, p.48).
- ³⁸ *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 3.
- ³⁹ *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. XVI.
- ⁴⁰ *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. XI.
- ⁴¹ *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 47-58.
- ⁴² Barnett Th. Blueprint for Action. A Future Worth Creating. 2005, New York: G.P. Putnam's Son's, p. 95.
- ⁴³ Cohen E. A Strange War («The National Interest», Spring 2002, p.47).

⁴⁴ Fishbein R. Echoes from the Barbary Coast («National Interest», Winter 2001/02, p.50).

⁴⁵ Цит. по: «Foreign Affairs», January-February 2002, p.31.

⁴⁶ Doran M.S. Somebody Else's Civil War («Foreign Affairs», January-February 2002, p.23).

⁴⁷ Цит. по: «Foreign Affairs», January-February 2002, p.33.

⁴⁸ Fouad Ajami. The Sentry's Solitude («Foreign Affairs», November/December 2001, p.4).

⁴⁹ Цит. по: «Foreign Affairs», January-February 2002, p.30.

⁵⁰ Doran M.S. Somebody Else's Civil War («Foreign Affairs», January-February 2002, p.30).

⁵¹ Schroeder P. The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p.26).

⁵² Lieven A. The Secret Policemen's Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September («International Affairs», v. 78, №2, 2002, p.258).

⁵³ *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 69.

⁵⁴ *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 140.

⁵⁵ *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 64.

⁵⁶ *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 154.

⁵⁷ *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p.110.

⁵⁸ *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 114.

⁵⁹ *Anonymous*. Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 129.

⁶⁰ Howard M. What's in a Name? How to Fight Terrorism («Foreign Affairs», January-February 2002, p.8).

⁶¹ Hirsh M. Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 23).

⁶² Howard M. What's in a Name? How to Fight Terrorism («Foreign Affairs», January-February 2002, p.11).

⁶³ Schroeder P. The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p.28).

⁶⁴ Schroeder P. The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p.29).

⁶⁵ Fouad Ajami. The Sentry's Solitude («Foreign Affairs», November/December 2001, p.15).

⁶⁶ Ferguson N. The Price of American Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 16.

- ⁶⁷ Ferguson N. *The Price of American Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p.2.
- ⁶⁸ Ferguson N. *The Price of American Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p. 3.
- ⁶⁹ Ferguson N. *The Price of American Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p. 26.
- ⁷⁰ Ferguson N. *The Price of American Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p. 106.
- ⁷¹ Ferguson N. *The Price of American Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p. 24.
- ⁷² Ferguson N. *The Price of American Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p. 181.
- ⁷³ Ferguson N. *The Price of American Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p. 198.
- ⁷⁴ Ferguson N. *The Price of American Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p. 202.
- ⁷⁵ Ferguson N. *The Price of American Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p. 280.
- ⁷⁶ Mallaby S. *The Reluctant Imperialist. Terrorism, failed States, and the Case for American Empire* («Foreign Affairs», March/April 2002, p.2-7).
- ⁷⁷ Kaplan R. *Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos*. New York, 2002, p.46
- ⁷⁸ «Atlantic Monthly Magazine», March 2002, p.46
- ⁷⁹ Renwick N. *America's Word Identity. The Politics of Exclusion*. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 64.
- ⁸⁰ Wallerstein I. *The Eagle Has Crash Landed* («Foreign Policy», July-August 2002, p.27).
- ⁸¹ Cutter B., Spero J., Tyson L. *A Democratic Approach to Globalization* («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 80).
- ⁸² Rielly J. (ed.) *American Public Opinion and U.S. Foreign Policy*, 1995, Chicago: Council on Foreign Relations, 1995, p. 24-25.
- ⁸³ Garten J. *The Big Ten: The Big Emerging Markets and How They Will Change Our Lives*. New York, 1997, p. 90-136.
- ⁸⁴ «National Review», November 2001.
- ⁸⁵ Simes D. *What War Means* («The National interest», Spring 2002, p.47).
- ⁸⁶ Kramer M. *Ivory on Sand: The Failure of Middle Eastern Studies in America*. Washington: Washington Institute for Near East Policy. 2001, p.12
- ⁸⁷ Flynn S. *America the Vulnerable* («Foreign Affairs», January-February 2002, p.62).
- ⁸⁸ Simes D. *What War Means* («The National interest», Spring 2002, p.48).

⁸⁹ См. западную оценку этих уступок: Storey I., Thayrer C. Scramble for Cam Ranh Bay as Russia prepares to withdraw («Jane's Intelligence Review», 13: 12, Dec. 2001.

⁹⁰ Lieber K. and Press D. The Rise of U.S. Nuclear Primacy («Foreign Affairs», March/April 2006, p. 46).

⁹¹ Lieber K. and Press D. The Rise of U.S. Nuclear Primacy («Foreign Affairs», March/April 2006, p. 45).

⁹² Smith D., Corbin M., Hellman Ch. Reforging the Sword. Forces for a 21st Century Security Strategy. Washington, 2001, p.27.

⁹³ Barnett Th. Blueprint for Action. A Future Worth Creating. New York: G. P. Putnam's Sons, 2005, p. XVII.

⁹⁴ «World Policy Journal», Fall 1996, p.114-115.

⁹⁵ Office of Management and Budget; International Institute for Strategic Studies. W., 2002.

⁹⁶ Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 54).

⁹⁷ Smith D., Corbin M., Hellman Ch. Reforging the Sword. Forces for a 21st Century Security Strategy. Washington, 2001, p.17-19.

⁹⁸ Hirsh M. Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 39).

⁹⁹ «The Economist», June 29, 2002, (A Survey of America's World Role, p.8).

¹⁰⁰ Renwick N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 96.

¹⁰¹ Active Duty Military Personnel Strength by Regional Area and by Country. Wasington, Department of Defense. December 31, 2000.

¹⁰² «Survival», Winter 1998-99, p.185.

¹⁰³ Kupchan Ch. After Pax Americana. Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity («International Security», Fall 1998, p.77).

¹⁰⁴ Steel R. A New Realism. («World Policy Journal», Summer 1997, p. 8).

¹⁰⁵ Maynes Ch. W. «Principled» Hegemony. («World Policy Journal», p. 31).

¹⁰⁶ «Frankfurter Rundschau», 16 juli 2002.

¹⁰⁷ Smith D., Corbin M., Hellman Ch. Reforging the Sward. Forces for a 21st Securit Strategy. W., 2001, p.26.

¹⁰⁸ OECD, Science, Technology, and Industry: Scoreboard of Indicators 1997. Paris, OECD, 1997; «New York Times», May 11, 1999, p.C1.

¹⁰⁹ «International Security», Summer 1999, p. 17 (note).

¹¹⁰ Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 13).

¹¹¹ Rourke J. Taking Sides. Clashing Views on Controversial Issues in World Politics. Clifford:McGraw-Hill, 2000, p. 100.

¹¹² Friedman Th. *Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree*. N.Y.: Anchor Books, 2000, p. 204.

¹¹³ Bacevich A. *Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization* («National Interest», Summer 1999, p. 5).

¹¹⁴ «The National Interest», Spring 2000, p. 53.

¹¹⁵ «The National Interest», Spring 1999, p. 5.

¹¹⁶ «New York Times», October 12, 2000.

¹¹⁷ Wohlforth W. *The Stability of a Unipolar World* («International Security», Summer 1999, p. 18).

¹¹⁸ «New York Times», March 8, 1992, p. A14.

¹¹⁹ «The Economist», June 29-July 5, 2002 (Present at the Creation, p. 4).

¹²⁰ Barnett Th. *Blueprint for Action. A Future Worth Creating*. New York: G.P. Putnam's Sons. 2005, p. 95.

¹²¹ Wolfowitz P. *Nomination to Be Deputy Secretary of Defense*. February 27, 2001.

¹²² Bush G. W. *A Distinctly American Internationalism*. November 19, 1999, Simi Valley, California.

¹²³ Bacevich A. *American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy*. Cambridge: Harvard University Press, 2002, p. 203.

¹²⁴ Thompson M. and Duffy M. *Is the Army Stretched Too Thin?* («Time», September 1, 2003, p. 36).

¹²⁵ *Anonymous*. *Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror*. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 45.

¹²⁶ *Anonymous*. *Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror*. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 41.

¹²⁷ Woodward B. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004., p. 4.

¹²⁸ «New York Times», April 28, 2002.

¹²⁹ «New York Times», June 2, 2002.

¹³⁰ Ferguson N. *The Price of American Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p. 152.

¹³¹ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 184.

¹³² Анализ последнего документа см. в детальном разборе его Филипом Желиковым в журнале «Нэшнл интерес» за весну 2003 года (Zelikov Ph. *The Transformation of National Security. Five Redefinitions* [«National Interest», Spring 2003]).

¹³³ Office of the President. *National Security Strategy of the United States*. September 2002, p. 3.

¹³⁴ Office of the President. *National Security Strategy of the United States*. September 2002, p. 4

¹³⁵ Office of the President. *National Security Strategy of the United States*. September 2002, p. 5

- ¹³⁶ «The National Interest», Spring 2003, p. 40.
- ¹³⁷ General Wesley K. Clark. *Winning Modern Wars. Iraq, Terrorism, and the American Empire*. New York: PublicAffairr, 2003, p. 176.
- ¹³⁸ «New York Times», September 26, 2002.
- ¹³⁹ Snyder J. *Imperial Temptations* («The National Interest», Spring 2003, p. 37).
- ¹⁴⁰ D. Ramsfeld Testimony before the House Armed Services Committee, September 18-19, 2002.
- ¹⁴¹ Craig G. *Germany: 1866 — 1945*. N. Y.: Oxford University Press, 1978, p. 24 — 25.
- ¹⁴² Galston W. *Perils of Preemptive War* («American Prospect», September 23, 2003, p. 22-25).
- ¹⁴³ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 94.
- ¹⁴⁴ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 110.
- ¹⁴⁵ Lopez G. and Cortright D. *Containing Iraq: Sanctions Worked* («Foreign Affairs» July/August 2004.p. 87).
- ¹⁴⁶ Lopez G. and Cortright D. *Containing Iraq: Sanctions Worked* («Foreign Affairs» July/August 2004.p. 97 — 98).
- ¹⁴⁷ Lopez G. and Cortright D. *Containing Iraq: Sanctions Worked* («Foreign Affairs» July/August 2004.p. 98).
- ¹⁴⁸ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 81.
- ¹⁴⁹ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 82.
- ¹⁵⁰ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 112.
- ¹⁵¹ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 113.
- ¹⁵² Ferguson N. *Colossus. The Price of America's Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p. 155.
- ¹⁵³ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 186.
- ¹⁵⁴ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 188.
- ¹⁵⁵ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 190.
- ¹⁵⁶ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 197.
- ¹⁵⁷ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 203.
- ¹⁵⁸ Woodward R. *Plan of Attack*. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 222.

- ¹⁵⁹ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 228.
- ¹⁶⁰ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 236.
- ¹⁶¹ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 243.
- ¹⁶² Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 249.
- ¹⁶³ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 261.
- ¹⁶⁴ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 272.
- ¹⁶⁵ «The Divided West (Financial Times supplement, June 2003, p. 5.).
- ¹⁶⁶ Woodward R. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 293.
- ¹⁶⁷ «Financial Times», June 4, 2003.
- ¹⁶⁸ Ferguson N. Colossus. The Price of America's Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 159.
- ¹⁶⁹ Hansard. March 18, 2003:<http://www.parliament.the-stationery>.
- ¹⁷⁰ General Wesley K. Clark. Winning Modern Wars. Iraq, Terrorism, and the American Empire. New York: PublicAffairs, 2003, p. 20.
- ¹⁷¹ Ferguson N. The Price of American Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 163.
- ¹⁷² Woodward, Bob. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 366.
- ¹⁷³ Woodward, Bob. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 372.
- ¹⁷⁴ Woods K., Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs» May/June 2006, p. 20).
- ¹⁷⁵ Woods K., Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs» May/June 2006, p. 19).
- ¹⁷⁶ Кларк У. Как победить в современной войне. Москва, 2004, с. 164.
- ¹⁷⁷ Packer G. The Assassins' Gate: America in Iraq. New York: Straus and Giroux, 2005, p. 11.
- ¹⁷⁸ Woods K., Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs» May/June 2006, p. 17).
- ¹⁷⁹ Lifton R. Superpower Syndrome. America's Apocalyptic Confrontation with the World. New York: Thunder's Mouth Press/ Nation Books. 2003, p. 167.
- ¹⁸⁰ Толстобров А.В. Информационная война США и Великобритании в ходе военной операции против Ирака, с. 4.
- ¹⁸¹ Woods K., Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs» May/June 2006, p. 18).

- ¹⁸² Кларк У. Как победить в современной войне. Москва, 2004, с. 89.
- ¹⁸³ Woods K., Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs» May/June 2006, p. 22).
- ¹⁸⁴ Woods K., Lacey J. and Murrey W. Saddam's Delusions: The View from the Inside («Foreign Affairs» May/June 2006, p. 23).
- ¹⁸⁵ Кларк, В. Как победить в современной войне. Москва, 2004, с. 109.
- ¹⁸⁶ Кларк, В. Как победить в современной войне. Москва, 2004, с. 110.
- ¹⁸⁷ General Wesley K. Clark. Winning Modern Wars. Iraq, Terrorism, and the American Empire. New York: PublicAffairs, 2003, p. 206.
- ¹⁸⁸ Lifton R. Superpower Syndrome. America's Apocalyptic Confrontation With the Wjrl'd. New York: Thunder's Mouth Press/ Nation Books, 2003, p. 171-172.
- ¹⁸⁹ Barnett Th. Blueprint for Action. A FutureWorth Creating. New York: G.P.Putnam's Sons, 2005, p. 14.
- ¹⁹⁰ Кларк, В. Как победить в современной войне. Москва, 2004, с. 114.
- ¹⁹¹ Parker G. The Assasins' Gate: America in Iraq. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005, p. 203.
- ¹⁹² Friedman L. Writing of Wrongs; in: «Foreign Affairs», Jan./Feb. 2006, p. 147.
- ¹⁹³ «Current history», January 2005, p. 9.
- ¹⁹⁴ «Current history», January 2005, p. 9.
- ¹⁹⁵ «Current history», January 2005, p. 7.
- ¹⁹⁶ Coleman I. Women, Islam and the New Iraq («Foreign Affairs» January/February 2006, p.29).
- ¹⁹⁷ Coleman I. Women, Islam and the New Iraq («Foreign Affairs» January/February 2006, p. 35).
- ¹⁹⁸ Coleman I. Women, Islam, and the New Iraq («Foreign Affairs», January/February 2006, p. 31.).
- ¹⁹⁹ Barnett Th. Blueprint for Action, A Future Worth Creating. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 99.
- ²⁰⁰ Barnett Th. Blueprint for Action, A Future Worth Creating. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 100.
- ²⁰¹ Barnett Th. Blueprint for Action, A Future Worth Creating. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 101.
- ²⁰² Barnett Th. Blueprint for Action, A Future Worth Creating. New York: G.P. Putnam's Sons, 2005, p. 102.
- ²⁰³ Zarakhovitch Y. What Putin Hopes to Fain from Iran («Time», February 14, 2006).
- ²⁰⁴ Gause G. Can Democracy Stop Terrorism? («Foreign Affairs», September/October 2005.

- ²⁰⁵ Albright M., Weber V., Cook S. In Support of Arab Democracy: Why and How. New York: Council on Foreign Relations, 2005.
- ²⁰⁶ «Foreign Affairs» January/February 2006, p. 117.
- ²⁰⁷ Norton A. and Kazemi F. The Limits of Shock and Awe: America in the Middle East («Current history», January 2005, p. 3).
- ²⁰⁸ «Economist» January 11, 2004, p.31
- ²⁰⁹ Henderson S. The New Pillar: Conservative Arab Gulf States and US Strategy. Washington: Institute for Near East Policy, 2003, p. 34.
- ²¹⁰ McCain J. Stay to Win. («Current history») January 2006, p. 9.
- ²¹¹ Benjamin D. and Simon S. The Next Attack: The Failure of the War on Terror and a Strategy for Getting It Right. New York: Henry Holt. 2005 p. 117.
- ²¹² Parker G. The Assassins' Gate: America in Iraq. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005, p. 12
- ²¹³ Mueller J. The Iraq Syndrome («Foreign Affairs», November/December 2005).
- ²¹⁴ «Foreign Affairs» January/February 2006, p. 143.
- ²¹⁵ Woodward ,Bob. Plan of Attack. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 424.
- ²¹⁶ Anonymous Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington: Brassey's, Inc. 2004, p. 111
- ²¹⁷ Anonymous Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington: Brassey's, Inc. 2004, p. 76.
- ²¹⁸ Anonymous Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington: Brassey's, Inc. 2004, p. 83.
- ²¹⁹ Anonymous Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington: Brassey's, Inc. 2004, p. 261-262.
- ²²⁰ Anonymous Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington: Brassey's, Inc. 2004, p. 261-240.
- ²²¹ Henderson S. The New Pillar: Conservative Arab Gulf States and US Strategy. Washington: Institute for Near East Policy, 2003, p. 17
- ²²² Alternatives: Turkish Journal of International Relations. Spring/Summer 2005, p. 73.
- ²²³ Brzezinski Zb. The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, p. 215.
- ²²⁴ Brzezinski Zb. The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, p. 28.
- ²²⁵ Brzezinski Zb. The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, p. 58.
- ²²⁶ Brzezinski Zb. The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, p.217.
- ²²⁷ Brzezinski Zb. The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, p. 229.

- ²²⁸ Brzezinski Zb. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. New York: Basic Books, p. 91.
- ²²⁹ Odom W. *Withdraw Now* («Current history», January 2006, p.4).
- ²³⁰ «Foreign Policy», March 30, 2006, p. 45.
- ²³¹ Norton A. and Kazemi F. *The Limits of Shock and Awe: America in the Middle East* («Current history», January 2005, p. 4).
- ²³² Krepinevich A. *How to Win in Iraq* («Foreign Affairs», September/October 2005, p. 67).
- ²³³ Ferguson N. *The Price of American Empire*. New York: The Penguin Press, 2004, p. 337.
- ²³⁴ Slevin P and Loeb V. *Bremer: Iraq Effort to Cost Tens of Billions for Iraq* («Washington Post» August 27, 2003).
- ²³⁵ Barnett Th. *Blueprint for Action. A FutureWorth Creating*. New York: G.P.Putnam's Sons, 2005, p. 15.
- ²³⁶ Barnett Th. *Blueprint for Action. A FutureWorth Creating*. New York: G.P.Putnam's Sons, 2005, p. 17.
- ²³⁷ Boot M. *The Savage Wars of Peace. Small Wars and the Rise of American Power*. New York: Basic Books, 2002, p. 351.
- ²³⁸ Nye J. *U.S. Power and Strategy After Iraq* («Foreign Affairs», July-August 2003, p. 67).
- ²³⁹ http://www.cfr.org/publications/10194/civil_war_becomes_the_question.html
- ²⁴⁰ <http://www.cbsnews.com/stories/2006/03/29/politics/printable1453138.shtml>
- ²⁴¹ Krepinevich A. *How to Win in Iraq* («Foreign Affairs», September/October 2005, p. 69).
- ²⁴² Krepinevich A. *How to Win in Iraq* («Foreign Affairs», September/October 2005, p. 71).
- ²⁴³ Barnett Th. *Blueprint for Action. A FutureWorth Creating*. New York: G.P.Putnam's Sons, 2005, p. 1.
- ²⁴⁴ Packer G. *The Assassins' Gate: America in Iraq*. New York: Straus and Giroux, 2005, p.7.
- ²⁴⁵ Joffe P. «Financial Times», Feb.2, 2002.
- ²⁴⁶ Garrison J. *America as Empire. Global Leader or Rogue Power?* San Francisco: Berrett-Koehler, Inc. 2004, p. 198.
- ²⁴⁷ Garrison J. *America as Empire. Global Leader or Rogue Power?* San Francisco: Berrett-Koehler, Inc. 2004, p. 201.
- ²⁴⁸ Odom W. *Withdraw Now* («Current history», January 2006, p.4).
- ²⁴⁹ Odom W. *Withdraw Now* («Current history», January 2006, p. 6).
- ²⁵⁰ *Seven Questions: What Next for Iraq?* («Foreign Policy», March 2006, p. 38.).
- ²⁵¹ ???????
- ²⁵² Falkenrath R. *Grading the War on Terror* («Foreign Affairs», January/February 2006, p. 128).

- ²⁵³ Freedman L. Writing of Wrongs. Was the War in Iraq Doomed From the Start? («Foreign Affairs», January/February 2006, p. 130.
- ²⁵⁴ Packer G. The Assassins' Gate: America in Iraq. New York: Straus and Giroux, 2005, p 145.
- ²⁵⁵ Benjamin D. and Simon S. The Next Attack: The Failure of the War on Terror and a Strategy for Getting It Right. New York: Henry Holt. 2005.
- ²⁵⁶ Ferguson N. The Price of American Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 290.
- ²⁵⁷ Odom W. and Dujarric R. America's Inadvertent Empire. New Haven: Yale University Press, 2004, p. 1.
- ²⁵⁸ Odom W. and Dujarric R. America's Inadvertent Empire. New Haven: Yale University Press, 2004, p. 5.
- ²⁵⁹ Odom W. and Dujarric R. America's Inadvertent Empire. New Haven: Yale University Press, 2004, p. 11.
- ²⁶⁰ Odom W. and Dujarric R. America's Inadvertent Empire. New Haven: Yale University Press, 2004, p. 52.
- ²⁶¹ Odom W. and Dujarric R. America's Inadvertent Empire. New Haven: Yale University Press, 2004, p. 205.
- ²⁶² Odom W. and Dujarric R. America's Inadvertent Empire. New Haven: Yale University Press, 2004, p.206-207.
- ²⁶³ Odom W. and Dujarric R. America's Inadvertent Empire. New Haven: Yale University Press, 2004, p.207.
- ²⁶⁴ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 45.
- ²⁶⁵ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 7.
- ²⁶⁶ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 222.
- ²⁶⁷ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 24.
- ²⁶⁸ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 95.
- ²⁶⁹ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 17.
- ²⁷⁰ Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. 23-24.
- ²⁷¹ Кларк У. Как победить в современной войне. Ирак, терроризм и Американская империя. Москва, 2004, с. 123.
- ²⁷² Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003, p. p. 199.
- ²⁷³ Falk R. The Declining World Order. America's Imperial Order. America's Imperial Geopolitics. New York; Routledge, 2004, p. VII

²⁷⁴ Falk R. *The Declining World Order. America's Imperial Order. America's Imperial Geopolitics*. New York: Routledge, 2004, p. 166.

²⁷⁵ Lifton R. *Superpower Syndrome. America's Apocalyptic Confrontation With the Wjrlld*. New York: Thunder's Mouth Press/ Nation Books, 2003, p. 175.

²⁷⁶ Ferguson N. and Kotlikoff L. *Going Critical* («The National Interest», Fall 2003, p. 31.).

²⁷⁷ «The National Interest», Fall 2003, p. 24.

²⁷⁸ Schwenninger S. *Revamping American Grand Strategy* («World Policy Journal», Fall 2003, p. 6).

²⁷⁹ Pfaff W. *More Bases Won't Curb Terrorism* («International Herald Tribune», August 2 2003).

²⁸⁰ General Wesley K. Clark. *Winning Modern Wars. Iraq, Terrorism, and the American Empire*. New York: PublicAffairr, 2003, p. 210.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Америка меняет свое лицо	5
Часть I. Нарушился мировой баланс	
Глава 1. За что мусульмане не любят Америку	21
Глава 2. Левиафан	89
Глава 3. Высший круг руководства	108
Глава 4. «Доктрина Буша»	138
Часть II. Канун	
Глава 5. От Кабула к Багдаду	155
Глава 6. Подготовка	173
Глава 7. Ориентация на Багдад	188
Глава 8. Коалиция	202
Глава 9. Обратный отсчет	223
Часть III. «Шок и ужас в Месопотамии»	
Глава 10. Война	236
Глава 11. Триумф: результаты	263
Глава 12. Шииты возобладали на Ближнем Востоке ..	278
Глава 13. Демократизация	295
Глава 14. Ислам против американской армии	299
Глава 15. Война против суверенного государства	312
Глава 16. Вашингтон, Ближний Восток и Европа	322
Часть IV. Как умиротворить новый Ирак?	
Глава 17. Ступор в Месопотамии	336
Глава 18. Месопотамская авантюра: за и против	353
Глава 19. Имперская наследственность	367
Заключение. Америка за нефть и против мирового порядка	384
Примечания	402

Уткин Анатолий Иванович
УДАР АМЕРИКАНСКИХ БОГОВ

Редактор *Г. Потапов*

ООО «Алгоритм-Книга»

Тел.: 929-93-02, 733-97-89

Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-97-89

«Столица-Сервис» — 375-32-11, 375-24-33, 375-36-73

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место № 30, 1-й эт. Тел.: 8-903-519-85-41

Подписано в печать 10.07.2006.

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 3801.

Отпечатано с готовых монтажей в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109 .

**ТАЙНЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКИ**

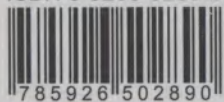
АНАТОЛИЙ УТКИН

УДАР АМЕРИКАНСКИХ БОГОВ

В книге известного политолога и американиста А.И. Уткина рассказывается о тайных геополитических, экономических, дипломатических и мистико-религиозных пружинах войны США против Ирака, Афганистана и о положении на Ближнем Востоке, сложившемся после этой войны. Автор анализирует причины заметно возросшей американской агрессивности в ближневосточном регионе и обозначает основные аспекты имперской экспансионистской политики Соединенных Штатов. Определенные закономерности американских устремлений позволяют автору сделать прогноз на будущее и ответить на вопрос, кто и когда станет следующей жертвой ненасытных янки.

Книга написана на основе огромного количества уникальных документальных материалов.

ISBN 5-9265-0289-6

9 785926 502890

А. УТКИН

УДАР
АМЕРИКАНСКИХ БОГОВ

**ТАЙНЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКИ**